СЕРГЕЙ СМИРНОВ
АЛЕКСЕЙ БУЯКОВ

ОТРЯД АСАНО

РУССКИЕ ЭМИГРАНТЫ В ВООРУЖЕННЫХ ФОРМИРОВАНИЯХ МАНЬЧЖОУ-ГО (1938-1945)

Annotation

Монография посвящена одной из малоизученных страниц в истории российской эмиграции в Китае – деятельности русских воинских формирований в «независимом» государстве Маньчжоу-го. Опираясь на новые документальные материалы, авторы детально описывают историю существования русских воинских отрядов на протяжении 1938–1945 годов.

Книга рассчитана на специалистов и всех тех, кто интересуется историей российской эмиграции и вместе с тем историей Китая первой половины XX века.

- Сергей Смирнов, Алексей Буяков
  -
  - Предисловие
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Заключение
  - Приложение
    - Командный состав русских воинских отрядов
    - Эмигрантские и японские военные и политические деятели в Маньчжурии (1930–1945 гг.)
  - Список источников и литературы
    - Источники
    - Исследования
  - Фотографии
- notes

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36

- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72

- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104
- 105
- 106
- 107
- 108

- 109
- 110
- 111
- 112
- 113
- 114
- 115
- 116
- 117
- 118
- 119
- 120
- 121
- 122
- 123
- 124
- 125
- 126
- 127
- 128
- 129
- 130
- 131
- 132
- 133
- 134
- 135
- 136
- 137
- 138
- 139
- 140
- 141
- 142
- 143
- 144

- 145
- 146
- 147
- 148
- 149
- 150
- 151
- 152
- 153
- 154
- 155
- 156
- 157
- 158
- 159
- 160
- 161
- 162
- 163
- 164
- 165
- 166
- 167
- 168
- 169
- 170
- 171
- 172
- 173
- 174
- 175
- 176
- 177
- 178
- 179
- 180

- 181
- 182
- 183
- 184
- 185
- 186
- 187
- 188
- 189
- 190
- 191
- 192
- 193
- 194
- 195
- 196
- 197
- 198
- 199
- 200
- 201
- 202
- 203
- 204
- 205
- 206
- 207
- 208
- 209
- 210
- 211
- 212
- 213
- 214
- 215
- 216

- 217
- 218
- 219
- 220
- 221
- 222
- 223
- 224
- 225
- 226
- 227
- 228
- 229
- 230
- 231
- 232
- 233
- 234
- 235
- 236
- 237
- 238
- 239
- 240
- 241
- 242
- 243
- 244
- 245
- 246
- 247
- 248
- 249
- 250
- 251
- 252

- 253
- 254
- 255
- 256
- 257
- 258
- 259
- 260
- 261
- 262
- 263
- 264
- 265
- 266
- 267
- 268
- 269
- 270
- 271
- 272
- 273
- 274
- 275
- 276
- 277
- 278
- 279
- 280
- 281
- 282
- 283
- 284
- 285
- 286
- 287
- 288

- 289
- 290
- 291
- 292
- 293
- 294
- 295
- 296
- 297
- 298
- 299
- 300
- 301
- 302
- 303
- 304
- 305
- 306
- 307
- 308
- 309
- 310
- 311
- 312
- 313
- 314
- 315
- 316
- 317
- 318
- 319
- 320
- 321
- 322
- 323
- 324

- 325
- 326
- 327
- 328
- 329
- 330
- 331
- 332
- 333
- 334
- 335
- 336
- 337
- 338
- 339
- 340
- 341
- 342
- 343
- 344
- 345
- 346
- 347
- 348
- 349
- 350
- 351
- 352
- 353
- 354
- 355
- 356
- 357
- 358
- 359
- 360

- 361
- 362
- 363
- 364
- 365
- 366
- 367
- 368
- 369
- 370
- 371
- 372
- 373
- 374
- 375
- 376
- 377
- 378
- 379
- 380
- 381
- 382
- 383
- 384
- 385
- 386
- 387
- 388
- 389
- 390
- 391
- 392
- 393
- 394
- 395
- 396

- 397
- 398
- 399
- 400
- 401
- 402
- 403
- 404
- 405
- 406
- 407
- 408
- 409
- 410
- 411
- 412
- 413
- 414
- 415
- 416
- 417
- 418
- 419
- 420
- 421
- 422
- 423
- 424
- 425
- 426
- 427
- 428
- 429
- 430
- 431
- 432

- 433
- 434
- 435
- 436
- 437
- 438
- 439
- 440
- 441
- 442
- 443
- 444
- 445
- 446
- 447
- 448

Сергей Смирнов, Алексей Буяков
Отряд Асано. Русские эмигранты в вооруженных формированиях Маньчжоу-го (1938–1945)

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)»

© Смирнов С. В., Буяков А. М., 2015
© Фонд «Историческая память», 2015
© ООО «ТД Алгоритм», 2015

Предисловие

История русских воинских отрядов в государстве Маньчжоу-го (северо-восточный Китай, Маньчжурия), насчитывающая не более десяти лет (середина 1930-х – середина 1940-х годов), с самого своего начала была окутана покровом таинственности. Причины этого вполне понятны: прежде всего, отсутствие или малая доступность для исследователя надежных источников.

Первое упоминание о русских воинских отрядах (в частности, отряде Асано) появилось в обширном исследовании одного из крупнейших русских эмигрантских историков Петра Балакшина «Финал в Китае». Эта книга была издана в Сан-Франциско в 1958 году. Приводимые Балакшиным сведения уместились в двух абзацах его двухтомного сочинения и были основаны на информации эмигрантской периодики, начавшей освещать деятельность русских воинских отрядов в последний период их существования (1944–1945).

Более тщательно историей отряда Асано интересовался американский историк Джон Стефан, известный отечественному читателю, прежде всего, как автор первого крупного труда, посвященного русскому фашизму, «Русские фашисты: Трагедия и фарс в эмиграции. 1925–1945». Будучи изданным в Соединенных Штатах в 1978 году, он стал доступен для российской аудитории только после выхода в свет усеченного в своей справочно-информационной части русского перевода в 1992 году. Стефан, располагая лишь отдельными японскими материалами, публикациями и воспоминаниями русских эмигрантов, перебравшихся после окончания Второй мировой войны из Китая в Америку, «лихо» закрутил сюжет вокруг

«бригады Асано», дав жизнь нескольким существующим и по сей день мифам. Это относится к связям отряда Асано с фашистской партией, численности подразделения, его командованию и участию в советско-японских конфликтах конца 1930-х годов, особенно в боях на Халхин-Голе.

В Советском Союзе, где проживало несколько сотен бывших асановцев, до начала 1990-х годов в исторической литературе почти не было упоминаний о русских воинских отрядах в Маньчжоу-го. Только снятие грифа «секретно» с эмигрантской тематики позволило исследователям обратиться к ранее не изучавшимся проблемам, а пионерами здесь выступили бывшие эмигранты, вернувшиеся на родину после Второй мировой войны.

Одним из первооткрывателей «русской Маньчжурии» для отечественной аудитории стал Анатолий Кайгородов, писатель и краевед, знаток казачьего Трехречья. Будучи в чем-то созвучным со Стефаном, Кайгородов заметно героизировал деятельность эмигрантского политического актива, добавил красочных деталей, новых фактов, к сожалению, не имеющих документального подтверждения. Его асановцы в сражениях на Халхин-Голе составляют грозную силу, которую и японцы боятся активно использовать. Они на полном скаку вырубают целые подразделения монгольской кавалерии, а позже, в 1945 году, гибнут или от рук коварных союзников-японцев, или в неравном противостоянии с частями вторгнувшейся в Маньчжурию Красной армии. Косвенно все это, казалось бы, подтверждалось появившимися в 1990-е годы из архивных недр ФСБ документами, освещавшими активную антисоветскую деятельность русской эмиграции в Маньчжурии. Едва ли не единственный сборник подобного рода документов

вышел под редакцией Елены Чернолуцкой в 1994 году в Южно-Сахалинске.

«Литературное обаяние» Стефана и Кайгородова оказалось настолько велико, что почти все исследователи, в той или иной степени обращавшиеся к истории русских воинских отрядов, оказывались в плену их трактовок и оценок, несмотря на использование в отдельных случаях вполне надежных документальных свидетельств из бывших спецхранов советской госбезопасности. Здесь мы можем отметить работы Александра Окорокова, Виктора Усова, Сергея Балмасова, Евгения Яковкина, а также бесчисленное множество статей и заметок на бескрайних просторах Интернета.

Авторы предлагаемого сочинения не тщат себя надеждой стать выразителями единственно возможной «объективной реальности» изучаемого предмета. Но в рамках предпринятого исследования мы старались уйти от однозначных оценок и «расхожих штампов», строго опираясь на документальную основу и критически осмысливая всю полученную из источников информацию. Мы не делаем попыток ни обвинить, ни оправдать, ни героизировать, ни морально осудить. Как отмечал крупный британский историк А. Тейлор, «историкам часто не нравится то, что произошло, и хочется, чтобы это произошло по-другому. Но делать нечего. Они должны излагать правду, как они ее видят, и не беспокоиться, разрушает ли это существующие предрассудки или укрепляет их». Мы всемерно старались следовать рекомендациям Тейлора.

В деле снятия «покрова таинственности» над историей русских воинских отрядов очень важным стало обращение авторов не только и не столько к центральным архивам, сколько к региональным хранилищам исторической информации, а также к документам, хранящимся в Соединенных Штатах (в

частности, в архиве Музея русской культуры в Сан-Франциско), куда после окончания Второй мировой войны выехало несколько тысяч русских эмигрантов из Китая. Авторы приносят искреннюю благодарность сотрудникам всех обозначенных в примечании к монографии архивов за помощь в работе с документальными коллекциями, а также бывшим асановцам, чьи воспоминания мы использовали, их родственникам (К. Г. Асриянцу) и горячим энтузиастам-поисковикам, непрофессиональным историкам (В. В. Перминову и П. В. Шахматову).

Последнее: в связи с часто встречающимися разночтениями в китайских и японских названиях, а также именах, мы используем традиционно принятый в Китае и Японии порядок написания имен собственных: сначала фамилия, затем имя. Также мы придерживаемся принятых в отечественном китаеведении и японоведении правил транскрипции китайских и японских слов на кириллице.

Пролог
Русские эмигранты в Маньчжурии. Борьба эмигрантских политических сил за сохранение военного потенциала эмиграции

В ходе революции 1917 года и Гражданской войны в России северо-восток Китая, Маньчжурия, стал одним из крупнейших центров расселения российских эмигрантов. В начале 1930-х годов на этой территории проживало более ста тысяч эмигрантов и примерно столько же советских граждан.

Маньчжурия, имевшая протяженную границу с Россией, притягивала к себе пристальное внимание большевиков и их противников. В годы Гражданской войны Маньчжурия служила базой для антибольшевистских сил. Здесь формировались белые отряды (наиболее известен Особый Маньчжурский отряд атамана Г. М. Семенова), администрация Китайской Восточной железной дороги (КВЖД) во главе с генерал-лейтенантом Д. Л. Хорватом имела тесные связи с антибольшевистскими правительствами Сибири и Дальнего Востока и представителями держав-интервентов. В свою очередь, большевики в Маньчжурии вели тайную войну против белых, направляя сюда своих агентов и поддерживая просоветскую оппозицию. С разгромом последнего оплота белых сил в Приморье в 1922 году влияние большевиков на сопредельной китайской территории только усилилось.

В 1924 году, прибегнув к нажиму на официальный Пекин, Советский Союз добился установления дипломатических отношений с Китайской Республикой, а КВЖД, построенная Россией в начале века в ходе осуществления наступательной политики на Дальнем Востоке, перешла под двойственное советско-китайское управление. После этого в Маньчжурию хлынул поток сотрудников советских спецслужб, одной из главных задач для которых являлась борьба против антисоветской эмиграции. В то же время для антибольшевистского актива эмиграции Маньчжурия выступала своего рода плацдармом для проникновения на территорию СССР и продолжения борьбы против советской власти. Таким образом, на протяжении 20-х – начала 30-х годов в Маньчжурии продолжалось противостояние между Советами и антисоветской эмиграцией. В этой борьбе важным вопросом для политических кругов эмиграции являлся вопрос о наличии собственных вооруженных сил, которые при условии подъема массового антибольшевистского движения в Советском Союзе могли бы сыграть решающую роль в свержении советского режима.

Однако ни на Западе, ни на Востоке в это время фактически не было сил, готовых активно поддержать потерпевший поражение в Гражданской войне в России белый лагерь. Китай, в котором в начале 20-х годов оказалось до 500 тысяч бывших российских граждан, лишь формально оставался единым государством. После Синьхайской революции, уничтожившей монархию, ведущей политической силой в стране стали милитаристские клики, контролировавшие определенные части Китая. Господствовавший в Маньчжурии маршал-хунхуз Чжан Цзолинь,[1] лидер фэньтяньской группировки, не желая лишнего обострения отношений с Советским Союзом, весьма прохладно относился к антибольшевистскому

сопротивлению, базировавшемуся в пределах его территории. Белые партизанские отряды действовали в приграничной зоне на свой страх и риск быть осужденными на тюремное заключение за бандитизм. Случаев арестов белопартизан было немало. Так, один из лидеров белопартизанского движения в Забайкалье, генерал-майор И. Ф. Шильников,[2] после разгрома его штаба советским специальным подразделением был арестован китайскими властями в 1923 году и провел в тюрьме около двух лет.

В середине 1920-х годов, благодаря активным действиям советских спецслужб по ликвидации баз белого партизанского движения на территории Маньчжурии,[3] гибели партизанских лидеров и отходу от дел основной массы повстанцев, белопартизанское движение в пограничных с Советским Союзом районах почти исчезло. Предпринявший в 1924–1925 годах поездку на Дальний Восток представитель Русского Обще-Воинского Союза (РОВС) генерал-лейтенант А. С. Лукомский, зондируя почву на возможность организации антибольшевистского восстания в Восточной Сибири, отмечал, что ни внутренних, ни внешних условий для этого практически нет. Указывался недостаток на Дальнем Востоке кадровых офицеров и вообще достаточно подготовленных офицеров среднего и высшего состава, отсутствие настоящих лидеров, за которыми бы пошла основная масса эмигрантов, разложение дисциплины и нежелание многих военных продолжать антисоветскую работу.[4]

В последующие годы такие эмигрантские организации, как Русский Обще-Воинский Союз (РОВС), Братство русской правды (БРП), легитимисты, продолжали попытки создания агентурной сети на советской территории, пропагандистской и диверсионной деятельности, впрочем, не очень удачно. Советская разведка, обладая широкой агентурой, в том

числе в среде партизан и в рядах антисоветских организаций, эффективно противостояла этим попыткам и сама вела успешную деятельность по разложению и нейтрализации антибольшевистских сил.

Некоронованный король Маньчжурии Чжан Цзолинь, не позволяя белым открыто работать в Маньчжурии против большевиков, в то же время охотно приглашал к себе на службу русских военных. После неудачной для него первой войны против главы чжилийской военной группировки генерала У Пэйфу за влияние на Пекин Чжан Цзолинь создал в своих войсках русское подразделение, которое весной 1924 года возглавил генерал-лейтенант К. П. Нечаев.[5]

Русская авангардная группа, первоначально всего в несколько сот человек, входившая в войска соратника Чжан Цзолиня генерала Чжан Цзунчана, в дальнейшем выросла в войсковую группировку, включавшую в себя до четырех тысяч человек и имевшую в своем составе пехоту, кавалерию, бронепоезда, технические подразделения, авиаотряд. Часть офицеров Русской группы были склонны рассматривать ее как костяк будущей освободительной антибольшевистской армии. Были установлены отношения с европейским белоэмигрантским центром, а Великий Князь Николай Николаевич признан в качестве вождя. Правда, единого мнения в отношении службы русских в китайской армии в Европе не было – большинство руководителей РОВС высказывались против этого. Так же как и многие старшие офицеры-эмигранты в Китае.

Стоит отметить, что подавляющая часть эмигрантов шла в китайскую армию совсем не ради идеологических целей, а чтобы хоть как-то обеспечить себя и свою семью в условиях значительной безработицы и отсутствия у многих из этих людей гражданских профессий. Они были просто наемниками, ландскнехтами, как любил называть себя и своих

подчиненных генерал Нечаев. Антисоветский, романтический в своей основе порыв был характерен скорее для поступавшей в китайскую армию части эмигрантской молодежи, не успевшей принять участия в боях Гражданской войны и желавшей быть похожими на героев Белой армии. Руководство Русской группы войск дало возможность русской молодежи, поступавшей на службу в китайскую армию, получить военное образование. Были созданы сначала особая Юнкерская рота, а чуть позднее Шаньдунское военно-инструкторское училище (Шаньдунский офицерский инструкторский отряд), действовавшее до конца существования Русской группы и осуществившее в крайне сложных условиях два выпуска молодых офицеров, чье производство в чин было признано РОВС. [6]

Тем не менее судьба Русской группы Шаньдунской армии была печальна. Потеряв за период своего существования более двух тысяч человек, Русская группа была окончательно ликвидирована в конце 1928 года, так и не оправдав возлагавшихся на нее некоторыми эмигрантскими политиками надежд.[7]

В конце 1920-х годов произошло обострение советско-китайских отношений. Новый политический лидер Китая, Чан Кайши, стремясь заручиться поддержкой западных держав и окончательно разгромить подпитываемое северным соседом коммунистическое движение в стране, пошел на дипломатический разрыв с Советским Союзом и вооруженный конфликт, разгоревшийся летом – осенью 1929 года в Северной Маньчжурии.

В условиях обострения отношений между Китаем и СССР и в целом усиления международной напряженности в Маньчжурии активизировалась деятельность антисоветских эмигрантских организаций. В 1928 году был создан с центром в Дайрене

Дальневосточный отдел РОВС (в дальнейшем центр переместился в Шанхай), в 1930-м – Харбинское отделение Дальневосточного отдела Обще-Воинского Союза. В 1929 году на базе организации легитимистов, сторонников принявшего императорский титул в изгнании Великого князя Кирилла Владимировича, сформировался Маньчжурский отдел Корпуса Императорской Армии и Флота (КИАФ), имевший центр в Харбине. Эти организации начали консолидацию крайне разрозненной военной эмиграции, активно вовлекая в свою деятельность и эмигрантскую молодежь.

В советско-китайском вооруженном конфликте 1929 года радикальная эмиграция приняла непосредственное участие. Согласно китайским источникам, на аргуньском участке советско-китайской границы при участии командования 3-го полка китайского армии были организованы три эмигрантские боевые группы под руководством И. А. Пешкова, И. И. Зыкова и И. Аксенова, общей численностью в 123 бойца.[8] Кроме этих отрядов действовали еще несколько небольших групп, которыми командовали Пашков, Сучков, Аллаверды, Портнягин и Солдатов.[9] Действия белых отрядов стали одной из причин карательных вылазок советских спецподразделений на территорию Трехречья,[10] в ходе которых были сожжены несколько поселков и пострадало до тысячи человек.[11] В Харбине формированием вооруженного отряда, так и не принявшего участия в боях, занимался генерал В. А. Кислицин,[12] ставший вскоре Представителем Его Императорского Высочества Великого Князя Кирилла Владимировича в Маньчжурии и главой Маньчжурского отдела КИАФ.[13] Несколько партизанских отрядов действовали в районе станции Пограничная.

После целого ряда поражений китайских войск в боях с советскими частями ОКДВА китайские власти

пошли на урегулирование отношений и восстановление прежнего положения на КВЖД. Белые партизанские отряды были распущены, часть их участников арестована или выдворена за пределы Маньчжурии. Отряды, продолжившие вылазки на территорию СССР, были вскоре ликвидированы при помощи разветвленной советской агентуры. Так, один из наиболее крупных партизанских отрядов, действовавших на границе с советским Приморьем, отряд полковника Назарова в июне 1930 года при возвращении из очередного рейда попал в окружение и был почти полностью уничтожен советскими пограничниками в бою недалеко от станции Пограничная.[14]

Конфликт 1929 года не оправдал надежд эмигрантского политического актива на сплочение эмиграции в условиях нового подъема антибольшевистской борьбы за освобождение Родины и лишний раз показал ненадежность китайцев как союзников в этой борьбе. Новые надежды на политическую консолидацию эмиграции и формирование эмигрантских военизированных структур, как необходимых условий для продолжения борьбы за ликвидацию большевистского режима в России, появились у политических кругов эмиграции после прихода в Маньчжурию японцев.

Богатая природными ресурсами, имеющая стратегически выгодное положение Маньчжурия в геополитических планах Японии всегда занимала очень важное место. Победа в русско-японской войне 1904–1905 годов позволила японцам закрепиться в Южной Маньчжурии, получив в распоряжение почти всю южную ветку КВЖД – в дальнейшем Южно-Маньчжурскую железную дорогу (япон. Мантэцу). Революция и хаос Гражданской войны в России подтолкнули Японию к реализации экспансионистских планов в Северной Маньчжурии (бывшей российской сфере влияния) и на

российском Дальнем Востоке, закончившихся провалом в 1922 году. Но если российские территории Японии пришлось покинуть, то ее присутствие на северо-востоке Китая, благодаря тесному сотрудничеству со «старым маршалом» Чжан Цзолинем, продолжало сохраняться и даже расти. Помимо экономической деятельности японцы вели интенсивную разведывательную работу в Маньчжурии. Одним из крупных центров японской разведки являлся Харбин, в котором с 1919 года действовала Японская военная миссия (ЯВМ – Токуму кикан), ряд учебно-культурных учреждений (например, Русско-Японский институт), а также коммерческих фирм, служивших в том числе и прикрытием для разведывательной работы. Уже в это время некоторые русские эмигранты тесно сотрудничали с японской разведкой.

Приход к власти в Маньчжурии патриотически настроенного «молодого маршала» Чжан Сюэляна после ликвидации японской разведкой его отца в 1928 году, рост влияния советской стороны в результате победы в конфликте 1929 года, обострившиеся в ходе мирового экономического кризиса экономические проблемы Японии подтолкнули наиболее радикальные силы Страны Восходящего Солнца к решительным действиям в Северо-Восточном Китае.

В сентябре 1931 года японская Квантунская армия, использовав в качестве повода для вторжения подготовленный японскими спецслужбами инцидент у города Мукден, начала боевые действия против китайских войск и в течение нескольких месяцев подчинила себе практически всю территорию Северо-Восточного Китая. В марте 1932 года под контролем японской стороны в Маньчжурии было провозглашено «независимое маньчжуро-монгольское государство Маньчжоу-го» во главе с последним императором династии Цин – Пу И.

Приход японцев в Маньчжурию значительной частью русской эмиграции был воспринят с большим подъемом. В эмигрантских кругах обсуждались вопросы об улучшении правового положения и организации представительства эмигрантской колонии перед новыми властями. Была разрешена легальная деятельность эмигрантских политических организаций антисоветского толка и снова стала актуальной идея создания русских вооруженных формирований, чему благоприятствовали сами условия, сложившиеся в Маньчжурии в конце 1931–1932 годах.

Японская интервенция, несмотря на решение Нанкина не вступать в вооруженное противостояние с более сильным противником, вызвала упорное сопротивление китайских войск и населения Маньчжурии. Во многих районах появились партизанские отряды, заметно активизировались банды хунхузов, чьи ряды пополнялись солдатами из разгромленных японцами китайских подразделений. Китайское сопротивление получало поддержку советской стороны, опасавшейся выхода японцев к своим границам. Для закордонной работы Полпредство ОГПУ ДВК имело в 1932 году 19 партизанских отрядов и 21 оперативно-ударную группу, сформированные на штатной основе.[15]

Волна погромов, грабежей, убийств охватила бывшую полосу отчуждения КВЖД, где проживала основная масса русских. Русские газеты того периода показывали ужасающие масштабы бедствий, особенно на восточной линии железной дороги. Воспользовавшись сложившейся ситуацией, советские спецслужбы ликвидировали один из крупных центров БРП в районе станции Пограничная.[16] В ряде случаев советские агенты принимали непосредственное участие в акциях китайских партизан.

Для защиты своей жизни и имущества эмигранты в некоторых поселках на восточной линии КВЖД сформировали отряды самоохраны, которые либо самостоятельно, либо совместно с японскими подразделениями участвовали в вооруженных столкновениях с хунхузами. Так, жаркие боевые действия между русской самоохраной, насчитывавшей до 400 человек, и хунхузами разгорелись летом 1932 года на станции Ханьдаохэцзы. Для защиты поселков обыватели станции устроили некое подобие бронепоезда – паровоз и два американских вагона, наполненных мешками с песком с бойницами для винтовок. Этот броневик все время курсировал в районе станции, сдерживая хунхузов от нападения и подбадривая местных жителей.[17] В «освобождении» станции Пограничная не последнюю роль сыграл отряд штабс-капитана Б. Н. Шепунова,[18] имевшего контакты с японскими спецслужбами и в дальнейшем возглавившего русское погранично-полицейское подразделение, действовавшее на станции и в ее районе.

Сложившиеся в Маньчжурии обстоятельства делали эмигрантов союзниками японцев в борьбе с китайским сопротивлением и заметно усиливали антибольшевистский эмигрантский актив. Идя навстречу пожеланиям русских, японские власти разрешили эмигрантам создать вооруженную самоохрану, а также стали привлекать их к охране государственных и частных объектов и к защите границы на западной и восточной окраинах Северной Маньчжурии.

Общее руководство по формированию вооруженных отрядов из эмигрантов сосредоточилось в руках генерал-майора В. Д. Косьмина,[19] одного из руководителей Братства русской правды в Маньчжурии и председателя созданной в 1931 году Русской фашистской партии (РФП).[20] Работавшие с Косьминым

офицеры – полковник Гербов, подполковник Н. Н. Ильин, капитан Лутовинов, поручик Осипов – укомплектовали несколько отрядов, которые в дальнейшем были задействованы на охране действующих и строящихся железных и шоссейных дорог: Мукден – Шаньхайгуань, Гирин – Лафачан, Лафачан – Харбин и др.[21] В отряды особенно охотно принимали бывших военных.

Один из таких отрядов под руководством подполковника Ильина, бывшего начальника учебной команды Военно-монархического союза, был направлен в район города Фуюань, недалеко от границы с СССР. Отряд состоял из 40 человек и должен был обеспечивать себя золотодобычей. Однако найти золотую россыпь члены отряда не смогли, положение становилось критическим. Японцы, находившиеся при отряде, объявили его 1-м авангардным отрядом армии освобождения России и заявили о необходимости перехода на советскую территорию для организации повстанческого движения. Узнав об этом, голодавшие бойцы отряда стали разбегаться, и вскоре отряд прекратил свое существование.[22]

Владельцы частных концессий на восточной линии также стали создавать охранные структуры из русских эмигрантов. Первый такой отряд появился на станции Яблоня летом 1932 года для охраны японской лесной фирмы Кондо. Укрепленные посты отряда размещались в тайге вдоль железнодорожной ветки концессии. Первоначальная численность охранников была сравнительно небольшой – 50 человек. Первым командиром отряда являлся штабс-капитан Я. М. Омельченко. В 1933 году были сформированы охранные отряды лесной концессии Миясито (станция Вэйшахэ) и Мулинских угольных копей, которые возглавили Г. Н. Патраков и Завьялов. В 1934 году начали действовать отряды на станциях Хайлин, Шаньши, Ханьдаохэцзы, в 1935-м – на станции Шитоухэцзы. Во главе этих отрядов

находились почти исключительно русские офицеры, участники Первой мировой и Гражданской войн. Хайлинский отряд организовал и возглавил полковник С. Н. Цилов, отряд Шаньши – полковник А. И. Барщевский, Ханьдаохэцзы – прапорщик Б. Д. Быстров. В середине 1930-х годов на восточной ветке КВЖД действовало более десяти русских охранных отрядов.[23] Почти все служащие охранных отрядов являлись членами эмигрантских организаций – РОВС, КИАФ, РФП, Союза мушкетеров.[24]

Охранные отряды находились в постоянной боевой готовности, путем разведки обнаруживая и громя базы хунхузов и обороняя охраняемые объекты от крупных отрядов противника. Что касается специальной строевой, стрелковой и др. подготовки служащих отрядов, в первые годы их существования ее практически не было.

В 1932–1933 годах русские вошли в состав пограничных отрядов, расположенных в районе станций Пограничная и Маньчжурия, и в Трехречье. В районе Трехречья русские пограничные отряды курировал соратник атамана Семенова по ОМО, сотрудник ЯВМ, генерал-майор Т. П. Москалев.[25] Один из пограничных отрядов возглавлял бывший белопартизанский командир, есаул И. А. Пешков. В середине 1934 года японцы отстранили русских от несения охранной службы на западной границе Северной Маньчжурии, после чего часть пограничников были включены в поселковую полицию Трехречья и другие охранные структуры.[26]

Задачу объединения и мобилизации военной эмиграции в Маньчжурии, повышения квалификации бывших офицеров и подготовки младшего комсостава из эмигрантской молодежи взяли на себя русские военные организации – РОВС и КИАФ.

Еще в 1930 году руководство Дальневосточного отдела РОВС приняло решение о формировании Урало-

Приамурской военной группы, учету в которой подлежали бы все бывшие военнослужащие, проживавшие на территории Маньчжурии. После прихода в Маньчжурию новой власти отделы РОВС и КИАФ стали расширять свои территориальные структуры – районы и отделения – в тех местах, где размещалось большое количество эмигрантов. Первоначальное соперничество между отделами этих организаций в рубеже 1933–1934 годов уступило место сближению и некоторому сотрудничеству.

Значительная часть казачьего населения, объединенного в станицы по войсковой принадлежности, входила в состав Восточного Казачьего союза, выступавшего своего рода казачьим отделом Харбинского отделения РОВС (руководитель – генерал-лейтенант Е. Г. Сычев[27]), и «семеновского» Союза казаков на Дальнем Востоке (руководитель – генерал-лейтенант А. П. Бакшеев[28]).

Весной 1932 года начали действовать учебные подразделения РОВС и КИАФ. Учебное подразделение РОВС, следуя указаниям из европейского центра, сразу же открыло в Харбине повышающие курсы для офицеров, а также военно-училищные и унтер-офицерские курсы для эмигрантской молодежи.

Повышающие курсы позволяли бывшим офицерам получить новые знания в различных областях военного дела. Также существовала возможность заочно окончить Зарубежные высшие военно-научные курсы, организованные и работавшие под руководством профессора Академии Генштаба, генерал-лейтенанта Н. Н. Головина в Париже.

Военно-училищные курсы РОВС имели двухгодичный срок обучения. В программу обучения были включены такие предметы, как тактика различных родов войск, русская военная история, строевая и стрелковая подготовка, топография, инженерное дело и т. д. В

качестве учебников использовались учебные материалы, издаваемые в Европе. Занятия проводились по вечерам, обычно два-три раза в неделю. На занятиях курсанты должны были присутствовать в форменной одежде: черные брюки навыпуск, коричневая гимнастерка с черными погонами, обшитыми серебряным галуном, пилотка. Количество обучающихся было невелико – 30–35 человек на курсе (взвод).[29] Летом для курсантов организовывался учебный лагерь на специально отведенной территории, огороженной колючей проволокой, в харбинском пригороде Чинхэ. Здесь курсанты отрабатывали навыки строевой и тактической подготовки, караульной службы, осуществляли учебные стрельбы.[30] По окончании курсов курсантам, хорошо выдержавшим выпускные испытания, присваивалось звание подпоручиков Русской армии с последующим зачислением их в списки личного состава подразделений РОВС.

Унтер-офицерские курсы РОВС были годичными и строились по образцу учебных команд Русской Императорской армии. После их окончания выпускники могли продолжить свое обучение на военно-училищных курсах.

Первым начальником учебного отряда Харбинского отделения РОВС, в который входили все военно-учебные единицы Отдела, стал полковник Генерального Штаба Яков Яковлевич Смирнов, в будущем последний командир отряда Асано. Смирнов являлся кадровым офицером, выпускником Елизаветградского кавалерийского училища. В годы Первой мировой войны служил ротмистром в 17-м гусарском Черниговском полку, имел пять боевых наград, включая орден св. Владимира IV степени с мечами и бантом. Окончил в 1916 году Военную школу летчиков-наблюдателей, а в 1917-м – ускоренный курс Николаевской академии Генштаба. Служил в кавалерийском корпусе генерала

Крымова. Будучи назначенным начальником штаба Уссурийской казачьей дивизии, выбыл в ее составе на Дальний Восток. Всю Гражданскую войну Смирнов провел на Дальнем Востоке. Являлся начальником штаба 9-й Сибирской стрелковой дивизии, Владивостокской крепости и Уссурийской стрелковой бригады. Позднее в чине подполковника служил генерал-квартирмейстером штаба Приамурского военного округа и генералом для поручений 2-го стрелкового корпуса в Приморье. В декабре 1921 года уже в звании полковника возглавил один из кавалерийских полков Временного Приамурского правительства, с которым и отступил на территорию Маньчжурии в октябре 1922 года. После эмиграции жил с семьей на станции Куаньчэнцзы и в Харбине. Работал преподавателем Японо-Русского института и торговым агентом в акционерном обществе «Сунгарийские мельницы». В 1925–1926 годах служил инструктором в Русской группе войск Шаньдунской армии генерала Чжан Цзунчана. Принимал участие в работе Харбинского Общества ревнителей военных знаний и Харбинского отдела РОВС.[31]

Смирнов Я. Я. ГАХК

Как показывают имеющиеся материалы, отношение к Смирнову в среде русской военной эмиграции было неоднозначным. Некоторые вменяли ему в вину службу «розовому» правительству Медведева во Владивостоке, при котором было уничтожено немало активных белогвардейцев, включая полковника В. Враштиля и его людей на реке Хор, а также связи с японцами. В разгоревшемся во второй половине 1920-х годов в среде бывших офицеров Генерального штаба скандале, связанном с генералом А. И. Андогским,[32] Смирнов вместе с большинством офицеров, окончивших ускоренные курсы Академии Генштаба, поддержал Андогского. Последний обвинялся в сотрудничестве с большевиками в начале Гражданской войны (участвовал

в Брестских переговорах) и связях с советской разведкой, что подтверждается современными исследованиями.[33] Скандал привел к расколу офицеров Генштаба и образованию двух обществ, одно из которых, Общество ревнителей военных знаний, и возглавил Андогский. Смирнов входил в состав этого общества. В дальнейшем решением Центрального правления Общества Русских офицеров Генерального штаба в Белграде Андогский был исключен из состава Общества. Недовольство старших офицеров-генштабистов вызывало и то, что Андогский читал лекции по истории Первой мировой войны японским слушателям Военной Академии в Чаньчуне, что якобы освещало «недостатки нашей Родины».[34]

Как можно судить по косвенным данным, полковник Смирнов принадлежал к тому слою русского офицерства в Маньчжурии, который считал, что освобождение России (или части ее) возможно только при сотрудничестве с японцами, поэтому и выступал за всемерное расширение контактов с ними. Такая позиция в 1933 году привела полковника к исключению решением Суда чести из состава Обще-Воинского Союза. После этого он некоторое время входил в Военно-монархический союз генерала Косьмина.[35]

Первый выпуск юнкеров военно-училищных курсов состоялся в июне 1934 года. Это событие было торжественно обставлено с большим стечением харбинской общественности, среди которой главное место занимали бывшие крупные воинские чины. Юнкера во главе с командиром роты полковником Генштаба В. А. Поповым были выстроены в зале помещения Союза (располагалось на Новоторговой улице в центре Харбина), где им был зачитан приказ начальника Отдела[36] генерал-лейтенанта Г. А. Вержбицкого[37] за номером 43 о производстве их в

офицеры. Среди выпускников первого набора военно-училищных курсов находился и майор маньчжурской службы Н. Б. Коссов.[38]

В сентябре 1934 года, в праздник Воздвижения Креста Господня, состоялся дополнительный выпуск юнкеров, которым по уважительным причинам разрешено было перенести выпускные экзамены, а в 1935-м – последний, третий выпуск. Общая численность выпускников составила 40–50 человек.

Учебная деятельность КИАФ была еще более скромной. Первоначально под руководством учебного отдела Корпуса действовали повышающие курсы для офицеров и унтер-офицерские курсы (учебная команда) для молодежи. Военно-инструкторская (юнкерская) школа КИАФ в Харбине открылась только в мае 1934 года. Школа работала в вечернее время в помещении бывшей мельницы Тетюкова в Модягоу и была, как и военно-училищные курсы РОВС, немногочисленна.[39] Школа просуществовала около полутора лет и сделала, вероятно, только один выпуск молодых офицеров.

В 1933–1934 годах в некоторых крупных поселках на западной линии КВЖД со значительным казачьим населением были организованы казачьи учебные команды. В этих командах во время летних сборов казачья молодежь изучала конный и пеший строй, действия с оружием, гимнастику.

Ведущие молодежные политические организации, такие как Союз мушкетеров и Русская фашистская партия, также обзавелись военно-учебными подразделениями.

«Мушкетеры», объявив себя «резервом Русской армии», еще в 1931 году при поддержке Общества офицеров Генерального Штаба организовали военно-инструкторский учебный отряд, дававший унтер-офицерскую подготовку. Летом для курсантов действовал на окраине Харбина летний тренировочный

лагерь. По договоренности с РОВС «мушкетеры», окончившие учебный отряд, могли продолжить обучение на военно-училищных курсах, однако возникшие в 1933 году трения между Союзом мушкетеров и РОВС закрыли такую возможность. Всего в 1932–1933 годах учебный отряд мушкетеров дал два выпуска. В 1931 году при Союзе мушкетеров действовал Морской отряд, сделавший не более одного выпуска. Позднее, в середине 30-х годов, военная подготовка была введена для всех членов Союза. Занятия по военной подготовке проходили на базе трех групп, на которые были разбиты все «мушкетеры», – офицерской, унтер-офицерской и подготовительной (кадетской).[40]

Учебный отряд фашистской партии был сформирован в 1934 году. Военную подготовку в объеме унтер-офицерского курса возглавляли подпоручик А. Н. Попов, позднее капитан И. И. Якуш и подпоручик К. П. Агеев.[41] Ежегодно фашисты организовывали летний военный лагерь на Крестовом острове в Харбине. Форменная одежда членов Учебного отряда состояла из гимнастерки и брюк защитного желтоватого цвета, дополняемых сапогами и фуражкой со свастикой. На правом рукаве гимнастерки члены отряда носили повязку со свастикой.[42] Парадная же форма, так же как и у «мушкетеров», имела черный цвет. Но в отличие от «мушкетеров», которые носили рубашку-апаш с треугольной нашивкой на левом рукаве, расклешенные брюки, широкий пояс и пилотку, фашисты надевали гимнастерки, галифе, заправленные в сапоги, и фуражки. На смотрах и эмигрантских парадах и те, и другие выглядели очень эффектно, постоянно соперничая между собой.

Политизация и «военизация» эмигрантского сообщества в Маньчжурии в первой половине 1930-х годов проходила во взаимных склоках, противостоянии и

борьбе между отдельными лидерами эмиграции и эмигрантскими организациями. «Семеновцы» боролись с «каппелевцами», «николаевцы» – с «кирилловцами», «мушкетеры» стремились «утереть нос» казакам, а казаки терпеть не могли фашистов и выясняли отношения между собой и т. д. Мощные противоречия между эмигрантскими лидерами и организациями, отсутствие единой идеологической основы, собственная финансовая слабость и незначительная поддержка извне, – все это делало перспективы политического объединения эмиграции и восстановления ее боевого потенциала крайне призрачными.

Постоянная политическая «грызня» эмиграции была на руку японцам, имевшим свои виды на русское население Маньчжурии в планах дальнейшей экспансии на материке. Японцам был нужен не столько политический союзник в лице эмиграции, сколько управляемое и послушное сообщество, принявшее идею «императорского пути» (ван дао) – направляющей, созидательной силы Японии в развитии Восточной Азии, и готовое к ее реализации под руководством Японии.

Японские власти были заинтересованы в консолидации русской эмиграции в Маньчжурии, поэтому, когда процесс объединения эмиграции из-за многочисленных внутренних противоречий зашел в тупик, японцы его возглавили и завершили. Согласно секретным сводкам Иностранного отдела ОГПУ, в конце 1934 года состоялось инициированное японцами совещание представителей основных политических сил русской общины Маньчжоу-го, в результате чего было принято решение о создании русского отдела «Дайнихон сейгидан» («Великого японского союза справедливости»), общественной организации, основанной на принципах «классового мира» и паназиатизма. Русский отдел «Дайнихон сейгидан» получил название «Русское национальное объединение

борьбы за правду».[43] Создание этого объединения стало решающим шагом к организации в декабре того же года Бюро по делам русских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ), эмигрантской администрации, ведавшей всеми сферами жизни русской общины Маньчжоу-го. В качестве «вождя» русской дальневосточной эмиграции японцами был выдвинут тесно с ними связанный атаман Г. М. Семенов, фигура которого была весьма непопулярна в широких кругах эмиграции.

Политические силы, принявшие непосредственное участие в оформлении Русского национального объединения борьбы за правду, были представлены легитимистами во главе с генералом Кислициным, казаками, признавшими верховенство атамана Семенова (Союз казаков на Дальнем Востоке), и фашистами (ВФП).[44] Представители этих же организаций заняли господствующее положение в руководстве БРЭМ: Родзаевский возглавил 2-й отдел, Бакшеев – 1-й, Гордеев и Грассе, члены Казачьего союза, – 3-й и 4-й, Кислицин после создания 7-го отдела стал его главой. Нужно отметить, что уже не безызвестный нам полковник Я. Я. Смирнов принял активное участие в организации БРЭМ и занял должность начальника канцелярии Бюро.

Эмигрантские организации, не желавшие играть по предложенным японцами правилам, оказались под пристальным вниманием японских спецслужб. В начале 1935 года ряд крупных политических фигур эмиграции были высланы из Маньчжоу-го. Прекратили свою деятельность Харбинский отдел РОВС, несмотря на все умение генерала Вержбицкого, по словам Дитерихса, лавировать,[45] Восточный Казачий союз, Партия младороссов. После «предательства» генерала Кислицина произошел раскол в легитимистском движении, и оно крайне ослабло. Дальнейшая

политическая консолидация эмиграции привела к сохранению в 1938 году только двух идейно-политических образований – Российского фашистского союза и Монархического объединения, включившего в себя остатки организаций монархического толка. Монархическое объединение возглавил тесно связанный с Военной миссией идейный противник фашистов Б. Н. Шепунов.

После организации БРЭМ контроль над военной эмиграцией осуществляли созданный летом 1935 года в качестве 7-го отдела Бюро Дальневосточный союз военных в Маньчжурской империи (ДВСВ), возглавляемый генералом Кислициным, и Союз казаков на Дальнем Востоке (ДВСК), объединивший в своих рядах все казачье население Маньчжоу-го. Учету в этих организациях подлежали все бывшие военнослужащие, сотрудники охранных отрядов, молодежь, получившая военная образование.

Дальневосточный союз военных стал своеобразным наследником РОВС и КИАФ в организации русского военного образования за рубежом. Военно-учебный отдел Харбинского округа ДВСВ имел в своем составе военное (юнкерское) училище, учебную команду и повышающие курсы для старшего комсостава.

Военное училище ДВСВ, начавшее работу в 1936 году, было вечерним, со сроком обучения в два года. Первый начальник училища капитан Н. К. Бунякин и сменивший его в дальнейшем полковник Генштаба К. М. Александров являлись бывшими преподавателями военно-училищных курсов РОВС.[46] Изначально в составе училища предполагалось учредить стрелково-пулеметную и инженерную роты, эскадрон, сотню и батарею,[47] но из-за малой численности курсантов (15–20 человек на курсе) реализовать это до конца не удалось. Училище даже не имело собственного помещения, для проведения занятий приходилось

арендовать класс в здании Северо-Маньчжурского университета. Выпускники училища после соответствующих экзаменов получали звание подпоручика и зачислялись в специальную роту при ДВСВ. Военное училище действовало вплоть до начала 1945 года и выпустило из своих стен около 70 молодых подпоручиков.[48]

В 1938 году Казачий союз организовал в Харбине повторительные курсы для офицеров и вечерние военно-учебные курсы для молодых казаков со сроком обучения в два года. В летнее время предполагалась организация лагерных сборов, где курсанты на практике могли бы отработать полученные теоретические знания. Руководителем военно-учебных курсов был назначен полковник С. Ф. Стариков, в прошлом член КИАФ. Первый набор на курсы в том же году составил 92 человека.[49] Насколько долго просуществовали курсы ДВСК, неизвестно.

Помимо этого продолжали действовать казачьи учебные команды на западной линии Северо-Маньчжурской железной дороги (СМЖД), как стала именоваться с 1935 года КВЖД. Известно, например, что в казачьем празднике в Хайларе, главном казачьем центре Маньчжоу-го, в марте 1937 года приняли участие Учебная команда Хулунбуирского казачьего округа, полусотня Учебной команды Хайларской Мусульманской общины, Учебная сотня местной гимназии и Сводная сотня джигитов. На празднике присутствовали генерал Бакшеев, в то время начальник Главного БРЭМ, и секретарь Бюро, полковник В. Л. Сергеев. Командовал парадом войсковой старшина А. У. Акулов, начальник Хайларского отделения Союза казаков.[50]

Попытки расширить свою военно-учебную деятельность предпринимала и фашистская партия, объявившая в 1935 году так называемую «фашистскую трехлетку», итогом которой должно было стать

всеобщее антибольшевистское восстание в России. В 1937 году наряду с учебным отрядом фашистское руководство организовало специальные курсы военной подготовки в составе начальной группы и группы подготовки командиров. В качестве руководителей этих курсов были приглашены русские офицеры Генерального штаба – полковники Я. Я. Смирнов, Н. П. Топорков и А. А. Тихообразов.[51]

Еще одним русским военно-учебным заведением в Маньчжурии являлось созданное в мае 1936 года на станции Ханьдаохэцзы Военно-полицейское (юнкерское) училище (ВПУ) со сроком обучения в шесть месяцев. Появление этого училища было вызвано, прежде всего, потребностями подготовки кадров для отрядов горно-лесной полиции Маньчжоу-го, которые несли охрану имущества и персонала лесных и угольных концессий на восточной ветке СМЖД.

В 1935 году властями Маньчжоу-го было принято решение об объединении всех русских и китайских охранных отрядов на востоке Маньчжурии в единую структуру – лесную (горно-лесную) полицию. В связи с чем предполагалось создание новых отрядов, увеличение их личного состава, обеспечение более высокой боеготовности полицейских подразделений.

Летом 1935 года начало работу Управление охранных отрядов, под чьим руководством шла реорганизация русских охранных структур. Возглавил Управление бывший начальник Яблоньского русского охранного отряда, осетин, ротмистр Александр Николаевич Гукаев (он же был первым начальником ВПУ).

Гукаев А. Н. ГАХК

Как и многие командиры русских отрядов, Гукаев являлся офицером военного времени. Будучи мобилизован по досрочному призыву в 1915 году, Александр был зачислен вольноопределяющимся в Осетинский конный полк Кавказской кавалерийской дивизии (имел полный курс гимназии), закончил полковую учебную команду. В июне 1916 года его с фронта направили для учебы в Екатеринодарское казачье военное училище, но за неимением вакансии позднее определили в 1-ю Тифлисскую школу прапорщиков, которую он и окончил в мае 1917 года. Оказавшись в начале 1918 года в Сарапуле, Гукаев принял участие в восстании, которое было организовано подпольной офицерской организацией. Позднее скрывался, примкнул к Ижевско-Воткинским повстанцам. Формировал и возглавлял конные части

Воткинской армии, командовал эскадроном в рядах Ижевско-Воткинской дивизии, участвовал в Сибирском Ледяном походе. Был удостоен чина ротмистра, награжден орденами св. Анны IV степени и св. Владимира IV степени. Летом 1920 года был тяжело ранен, находился на излечении в Нерчинске и Харбине. После выздоровления работал кассиром в Восточном товариществе в Харбине. Желая возвратиться в родную воинскую часть, выехал в августе 1922 года во Владивосток, но в часть не попал и, не сумев эвакуироваться, добрался пешком до бухты Датта. Здесь Гукаев давал частные уроки, работал на заготовке рыбы и рубке леса. Находился под надзором ОГПУ и, опасаясь разоблачения (скрывал, что он бывший офицер), в конце 1925 года бежал в Маньчжурию через Благовещенск. Первые годы после побега жил в Харбине, сменил несколько мест работы, три года учился на Юридическом факультете, но так его и не окончил. В 1933 году Гукаев выехал на восточную линию КВЖД, где служил доверенным британского лесопромышленного товарищества на станции Вэйшахэ и руководил местной ячейкой ВФП. В начале 1935 года он по просьбе начальства концессии Кондо возглавил Яблоньский охранный отряд.[52]

В процессе реорганизации в марте 1936 года русские охранные отряды были переименованы в отряды горно-лесной полиции Маньчжоу-го и получили порядковые номера. Яблоньский отряд стал именоваться 1-м русским отрядом горно-лесной полиции, Вэйшахэйский – 2-м отрядом, Шитоухэцзийский – пятым, Эрдаохэцзийский – восьмым, Мулинский – девятым. Появились отряды на копях Кейсэй (Лишучжэнь), в поселке Саньдаохэцзы и др. На вооружение отрядов помимо винтовок и гранат поступили пулеметы (в том числе тяжелые), гранатометы и автоматы. В три-четыре раза увеличилась численность личного состава. Согласно сводке штаба 3-й

японской дивизии, размещавшейся на востоке Маньчжурии, в 1936 году общая численность служащих отрядов горно-лесной полиции, располагавшихся в семи уездах на востоке Маньчжурии, превышала полторы тысячи человек.[53] Большинство отрядов для патрулирования охраняемых территорий имели лошадей.

Для личного состава лесных полицейских отрядов была введена новая форма, идентичная форме других полицейских подразделений Маньчжоу-го, и номенклатура званий, имевших соответствия армейским чинам. Командир отряда обычно имел звание надзирателя 1-го разряда (или старшего надзирателя), что соответствовало званию старшего лейтенанта в армии Маньчжоу-го или капитана в японской армии. В ходе реорганизации русское руководство отрядов сохранилось, но настоящими хозяевами положения стали японские советники, назначавшиеся в каждый отряд.

Как и раньше, основной задачей горно-лесной полиции являлась борьба с китайскими хунхузами и партизанами. Последние, как показывают советские документы, особенно после начала японо-китайской войны, активно поддерживались советской стороной, предоставлявшей партизанам укрытие на своей территории и обеспечивавшей их боеприпасами и продовольствием. Кроме того, для китайских партизан было организовано обучение политграмоте.[54]

Обычно русские полицейские, получив сведения о появлении китайских вооруженных отрядов от местных жителей или путем предварительной разведки, скрытно выдвигались к предполагаемому месторасположению хунхузского лагеря с целью окружения и ликвидации противника. Используя внезапность, имея хорошо подготовленных бойцов и более хорошее вооружение, нежели у бандитов, полицейские часто выходили из этих

схваток победителями, несмотря на то, что численный перевес был нередко на стороне хунхузов. Одним из наиболее «результативных» и отчаянно смелых русских командиров являлся командир взвода Вэйшахэйского отряда (позднее начальник Шитоухэцзийского отряда) В. И. Майоров.

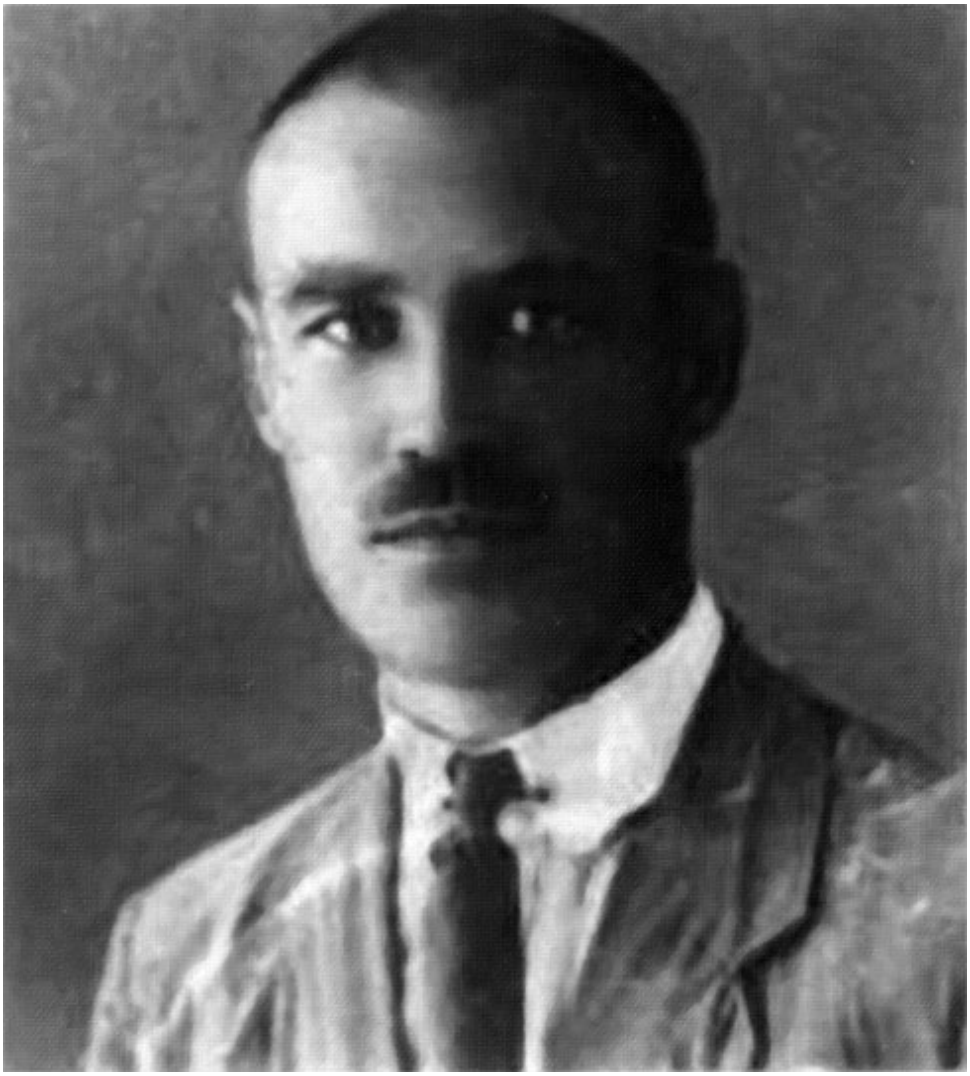
Описания боевых столкновений полицейских с хунхузами неоднократно размещались на страницах издававшегося с 1939 года Союзом полиции Маньчжу-ди-го журнала «Друг полиции». В этом же журнале приводились интересные подробности о жизни хунхузов, об организации и охране их баз и т. п.

Статистика количества боев, проведенных русскими полицейскими против хунхузов и партизан, отсутствует, но известно, например, что бойцы только одного Эрдаохэцзийского отряда в 1937 году приняли участие в 37 боях с хунхузами, в 1938 году – в 19.[55] Среди крупных боев между русскими полицейскими и хунхузами (или партизанами) стоит отметить бой в зоне ответственности Вэйшахэйского отряда, произошедший в марте 1937 года. Тогда около 50 русских полицейских из состава Вэйшахэйского и Яблоньского отрядов под командованием полковника Федорова напали на китайский отряд, насчитывавший до 600 человек. Партизаны были разбиты благодаря внезапности нападения и слаженным действиям полицейских.[56] Летом 1938 года Вэйшахэйский и Яблоньский отряды вели бой с партизанской группировкой, насчитывавшей до двух тысяч человек.[57]

Итак, русское Военно-полицейское училище разместилось на станции Ханьдаохэцзы. Это была одна из двух деповских станций на восточной линии СМЖД в 270 км от Харбина. Станционные постройки раскинулись между покрытыми живописной глухой тайгой невысокими сопками. До 1917 года здесь располагалась первоначально бригада, а позднее Штаб и войска 3-го

отряда Заамурской пограничной стражи.[58] В 20-е годы на станции, включавшей в свой состав четыре поселка с численностью населения свыше четырех тысяч человек, действовали две электростанции, размещались охранные войска, полиция, суд и тюрьма. ВПУ занимало несколько зданий, когда-то принадлежавших Русской охранной страже, – в частности, здание Офицерского собрания, упоминающееся в произведениях известного разведчика, естествоиспытателя, писателя Дальнего Востока Н. А. Байкова.

Работу училища обеспечивали в основном русские кадры, хотя с 1937 года его начальником был японец. Русским заместителем начальника ВПУ практически на всем протяжении его существования являлся полковник В. Н. Федоров, бывший начальник Вэйшахэйского полицейского отряда. Курсовыми офицерами в разное время служили полковник Федоров, полковник Генштаба В. А. Попов, в прошлом командир роты военно-училищных курсов РОВС, подполковник Н. Н. Ильин, поручик Н. А. Ядыкин, подпоручик К. П. Агеев. Двое последних для нас особенно интересны, поскольку в дальнейшем они будут служить в отряде Асано.

Ядыкин Н. А. ГАХК

Николай Александрович Ядыкин родился в 1900 году в Тургайской области. В марте 1919 года после окончания Боровской лесной школы (станица Щучья Акмолинской области) он добровольцем вступил в армию Колчака, в 4-й Тюменский кадровый полк, окончил полковую учебную команду и был направлен для обучения в Челябинскую учебно-инструкторскую школу. В период обучения принимал участие в боях на Уральском фронте и за храбрость был награжден Георгиевским крестом IV степени. В сентябре получил производство в чин подпоручика и назначение

командиром взвода в Отдельный Уральский егерский батальон 12-й Уральской дивизии. В боях на реке Тобол был ранен и эвакуирован в санитарном эшелоне на остров Русский. После окончательного излечения в конце 1920 года Ядыкин был включен в Отдельный Уссурийский имени атамана Калмыкова дивизион Гродековской группы войск, в 1921 году произведен в поручики. Участвовал в Хабаровском походе. Будучи раненным в бою под селом Монастырище в октябре 1922 года, попал во Владивосток, откуда с эскадрой адмирала Г. К. Старка был эвакуирован в Гензан. В дальнейшем лечился и жил в Чанчуне. Весной 1925 года Ядыкин поступил рядовым бойцом на службу в Русскую группу войск Шаньдунской армии. Позднее командовал ротой, являлся помощником командира полка по строевой части, начальником Отдельной офицерской роты и старшим инструктором 165-й бригады. Закончил службу весной 1927 года в звании майора. Возвратившись в Харбин, некоторое время работал на КВЖД, позднее десятником строительного товарищества на лесной концессии на реке Чол и полицейским-регулировщиком движения Новогороднего полицейского участка Харбина (1932–1935). Состоял членом КИАФ и ДВСВ. В мае 1936 года Ядыкин, в то время обер-офицер для поручений при Отделе генерал-квартирмейстера штаба ДВСВ, был направлен в качестве инструктора в Военно-полицейское училище на станции Ханьдаохэцзы.[59]

Агеев К. П. ГАХК

Константин Петрович Агеев родился в 1910 году в Бугуруслане, в 1919 году был вывезен родителями в Маньчжурию, где семья жила сначала на станции Вэйшахэ, позднее – на станции Ханьдаохэцзы. Окончив высшее начальное училище в 1926 году, Константин стал работать учеником лесопромышленного предприятия Кудрявцева, а в дальнейшем, освоив

профессию телеграфиста, – телеграфным служащим на станциях Вэйшахэ и Санчахэ. В 1930 году Агеев уехал в Шанхай, где, как и многие другие молодые люди из Харбина, не имея достаточного знания английского языка, служил в Русском полку Шанхайского волонтерского корпуса.[60] Не прижившись в Шанхае с его тяжелым климатом и совершенно иным ритмом жизни, он в 1934 году возвратился в Маньчжурию, работал старшим кондуктором, начальником телефонного поста, полицейским железнодорожной полиции на восточной линии. Окончил военно-инструкторскую школу при КИАФ по классу артиллерии (1935). В 1936 году Агеев вступил в ряды фашистской партии и вскоре занял должность помощника начальника Учебного отдела ВФП, в 1937 году являлся начальником роты, командиром штурмового взвода Учебного отряда партии. В следующем году Константин, вероятно, по направлению руководства фашистской партии, выехал на станцию Ханьдаохэцзы, где поступил в местный полицейский отряд на должность надзирателя. Через некоторое время был направлен в ВПУ, после окончания которого по предложению руководства остался в училище на должности младшего курсового офицера.[61]

В программу обучения курсантов Военно-полицейского училища входили уставы внутренней, гарнизонной и дисциплинарной службы, строевая подготовка, тактика пехоты (наступление на открытой и горно-лесной местности, захват огневой точки и др.), связь, войсковая разведка, фортификация (отрывка окопов, пулеметных ячеек, строительство укрепленных точек), топография, подрывное дело, полицейская служба. Кроме того, давались уроки по Закону Божьему и японскому языку.

Помимо непосредственно цели обучения – подготовки квалифицированных кадров для русских

отрядов горно-лесной полиции – руководство ВПУ подчеркивало, что в будущей вооруженной борьбе против большевистского режима выпускники училища сыграют важную роль, пополнив ряды младшего комсостава армии освобождения Родины.

Число обучавшихся в училище юнкеров доходило до 50 человек на курсе. Все курсанты были разбиты на три разряда: по первому разряду проходили подготовку командиры взводов, по второму – командиры отделений, по третьему – рядовые полицейские. Парадная форма курсантов ВПУ соответствовала форме юнкеров дореволюционной России и форме курсантов военно-училищных курсов РОВС. Выпускники училища (портупей-юнкера) получали диплом с указанием разряда и среднего балла успеваемости и значок с изображением российского двуглавого орла с перекрещенными винтовками и буквами «ВПУ», расположенными под орлом. За весь период существования (до марта 1941 года) Военно-полицейское училище сделало девять выпусков юнкеров.[62]

Таким образом, можно отметить, что установление с середины 30-х годов полного контроля японцев над русской эмиграцией в Маньчжоу-го привело под их контроль и все военизированные и военно-учебные структуры эмиграции.

Важным направлением в деятельности японцев в Маньчжурии в 1930-е годы, где эмигрантам отводилась особая роль, стала разведывательная и контрразведывательная работа в отношении Советского Союза, одного из главных противников Японии (в том числе и идеологического) на Дальнем Востоке. Так называемый «русский сектор» существовал в структуре японского Генерального штаба и штабов Квантунской и Корейской армий. В начале 30-х годов было сформировано «русское» отделение в разведуправлении

японского Генштаба, а в преддверие широкомасштабной войны против Китая – 5-й (русский) отдел 2-го (разведывательного) управления Генштаба. Что лишний раз показывало рост значимости в японских планах советского направления.

Основную роль в сборе сведений о военном и экономическом потенциале СССР, структуре, размещении и вооружении РККА, подготовке кадров разведчиков и диверсантов и их заброске за границу играла на территории Маньчжурии Японская военная миссия. Миссия была непосредственно подчинена 2-му отделу управления Генштаба и вела свою оперативную работу в тесном контакте со 2-м отделом штаба Квантунской армии. Главная Военная миссии находилась в Харбине, подчиненные ей миссии располагались вдоль границы с Советским Союзом от станции Маньчжурия до станции Пограничная. После реорганизации ЯВМ в 1940 году она перешла под руководство Информационно-разведывательного управления штаба Квантунской армии, а численность миссий в Маньчжоу-го выросла до тридцати.[63]

Харбинская Военная миссия имела шесть отделов. Особо массово русские сотрудники (70–80 человек) были представлены во 2-м (разведывательном) отделе. Отдел делился на военную и гражданскую части, которые занимались изучением организации, размещения, вооружения и др. вопросами деятельности РККА, а также экономического, военно-промышленного потенциала, транспорта, политико-административного устройства Советского Союза. Источниками для сбора данных служила советская пресса (включая армейские малотиражки), специальная литература, издаваемая в СССР, записи советских радиопередач и свидетельства перебежчиков. Первые русские сотрудники, прежде всего кадровые офицеры, были привлечены к работе во 2-м отделе Харбинской ЯВМ, вероятно, в 1936 году.

Возглавил группу русских сотрудников переведенный в Военную миссию из Бюро эмигрантов полковник Смирнов.[64]

Эмигрантские организации, осуществлявшие разведывательно-диверсионную деятельность на советской территории, постепенно были поставлены под контроль ЯВМ. С середины 30-х годов подобного рода работа проводилась только с ведома Военной миссии.[65]

Глава Харбинской Военной миссии в начале 1930-х годов полковник Комацубара Мититаро[66] был весьма лестного мнения о белоэмигрантах, сообщая в одном из своих докладов, что «они готовы на любые материальные жертвы и принимаются с радостью за любые опасные предприятия для того, чтобы уничтожить коммунизм. С риском для собственной жизни и не жалея энергии, они с большим рвением берутся за шпионскую работу против СССР».[67] При непосредственном участии сотрудников ЯВМ члены БРП, Военно-монархического союза, ВФП забрасывались с разведывательно-диверсионными заданиями на советскую территорию. Никакой специальной долгосрочной подготовки эти люди не проходили. Для одноразовых разведывательных заданий использовались жители приграничных поселков, сотрудники горно-лесной полиции.

Результативность работы сотрудничавших с японской разведкой эмигрантских антибольшевистских организаций была невысока. Советская разведка, создав еще в 20-е годы широкую агентурную сеть в Маньчжурии, имела подробную информацию о деятельности эмигрантских радикальных организаций, а их закордонная работа нередко направлялась самими чекистами. Самой известной операцией ОГПУ-НКВД против эмигрантских активистов стала длившаяся более десяти лет операция «Маки – Мираж», в ходе которой были ликвидированы около тысячи разного рода

японских агентов, белоэмигрантских активистов и нарушителей границы. Другими удачными операциями советских спецслужб явились разработки «Таежные братья», «Амурцы», «Организаторы», «Молодые», «Весна» и др.[68]

Контрразведывательные мероприятия японцев и связанных с ними эмигрантских активистов были несколько более результативными. В то же время не отличавшиеся особой тонкостью методы контрразведки, особенно в приграничных районах железнодорожной зоны, где, стоит заметить, находилось большое количество советских агентов, вызывали, с одной стороны, страх у русского населения, с другой – недовольство. Например, часто используемым методом контрразведки являлись аресты больших групп людей, якобы подозревавшихся в связях с советской стороной, и применение к ним пыток в ходе дознания. Так, в 1934–1935 годах японской жандармерией и русским погранично-полицейским отрядом под руководством Шепунова в ходе расследования убийства японского агента ЯВМ на станции Пограничная было арестовано более ста человек. Среди этих в основном невинных людей оказалось 17 настоящих советских агентов. После этого советская сторона, опасаясь дальнейших арестов, была вынуждена отозвать из этого района Маньчжурии еще 21 агента, что в целом ослабило здесь позиции советских спецслужб.[69]

Тем не менее сложившееся в разведывательной работе положение дел не удовлетворяло японцев. В связи с чем весной 1937 года была предпринята первая попытка организации специальных школ для подготовки агентов для закордонной работы. Одна школа создавалась из членов фашистской партии Родзаевского, другая из монархистов, руководимых Шепуновым. Конкуренция между Родзаевским и Шепуновым оставалась по-прежнему острой, и работать

вместе они не хотели. В состав преподавателей разведшкол входили не только русские, но и японцы, сотрудники ЯВМ.

Разведшкола при ВФП носила наименование курсов по изучению СССР (известна также как курсы организаторов или национал-революционеров), срок обучения составлял шесть-семь месяцев. Школа располагалась в здании на углу Большого проспекта и Правленской улицы. Занятия проводились в первой половине дня. В программу обучения входили такие предметы, как политико-административная, военная, экономическая структура СССР; основы пропагандистско-агитационной, конспиративной и разведывательной деятельности; военное дело. Курсанты, в частности, знакомились со способами перехода границы (пешим и конным порядком), маскировки, связи. Изучали оружие – винтовку, револьвер, маузер. В течение двух месяцев (август-сентябрь) они совместно с Учебным отрядом ВФП осуществляли практические занятия на Крестовом острове, получив очередные «воинские» звания ефрейторов и унтер-офицеров.[70]

Число курсантов фашистской школы организаторов было невелико – всего одиннадцать человек. Причем один из них через два месяца после начала учебы был исключен из школы за связь с советскоподданным. Несмотря на то, что все они друг друга хорошо знали, в период обучения вместо настоящих фамилий курсанты использовали только псевдонимы.

После окончания курса обучения для выпускников был организован банкет, на котором присутствовали все преподаватели школы – Константин Родзаевский, Лев Охотин, Иван Якуш, Кавакаси, майор Судзуки, он же заместитель начальника Харбинской ЯВМ.[71]

Курсы по изучению СССР, созданные под руководством Шепунова, имели аналогичную

организацию и программу обучения, только состав курсантов был еще малочисленнее – всего пять человек.[72] Это лишний раз показывало, насколько слабыми организационными ресурсами располагают радикальные силы эмиграции.

В декабре 1937 года японские власти приняли решение полностью поставить под свой контроль работу по подготовке из числа русских эмигрантов разведчиков и пропагандистов. Не последнюю роль в этом сыграла начавшаяся летом 1937 года широкомасштабная война Японии против Китая, в которой Советский Союз выступил стороной, оказывавшей большую военно-материальную помощь Китаю. Что, в свою очередь, вело к росту напряженности между СССР и Японией.

Весной 1938 года при 4-м (агитационно-пропагандистском) отделе Харбинской ЯВМ начала работать школа агитаторов-пропагандистов. Срок обучения в школе составил шесть месяцев, а количество курсантов, первоначально не превышавшее двух десятков, в середине 1941 года достигло 80 человек на дневном (казарменном) и вечернем отделениях. Всего за период существования школы (до 1944 года) состоялось одиннадцать выпусков курсантов.[73]

В это же время японцы приступили к формированию регулярного воинского подразделения из молодых русских эмигрантов, формально входившего в состав армии Маньчжоу-го.

Глава 1
Формирование отряда Асано

По плану японского военного руководства будущее русское воинское подразделение должно было играть роль вспомогательного общевойскового с возможностью использовать его в случае необходимости и как разведывательно-диверсионное. Это было особенно важно в случае начала войны с Советским Союзом, возможность которой в ближайшем будущем допускалась японским командованием. Контроль над формированием и деятельностью русского воинского подразделения возлагался на 3-й отдел Харбинской Военной миссии. Месторасположением будущего подразделения стала станция Сунгари-2 на южной ветке СМЖД, находившаяся в 130 км от Харбина.

Станция располагалась на левом высоком берегу Сунгари и являлась важным перевалочным пунктом для хлебных грузов – здесь пересекались железнодорожная и судоходная речная трассы. Рядом со станцией находился пресекающий Сунгари большой железнодорожный мост, второй по значимости после харбинского, охрану которого несла японская воинская часть. Расположенная недалеко от Сунгари-2 станция Лаошаогоу считалась летним курортом железной дороги, еще в 1920-е годы здесь было построено несколько хорошо оборудованных дачных сооружений, имелся курзал, пляж. Однако постоянно проживавшего на Лаошаогоу и Сунгари-2 русского населения было немного.

В дореволюционный период вблизи станции Сунгари-2 (около 500 метров к северо-западу) размещался 3-й линейный отряд Заамурского пограничного округа (1901–1910), а с 1910 года – 4-я

Заамурская пограничная конно-горная батарея. Добротные краснокирпичные казармы и другие постройки Русской охранной стражи КВЖД стали основой для военного городка эмигрантского воинского отряда.

Командиром формирующегося подразделения был назначен японец – майор резерва Асано Макото.[74] Асано родился в 1899 году в префектуре Хиросима. Окончил военное училище в 1921 году и служил в одном из японских кавалерийских полков, позднее был переведен в армию Маньчжоу-го. Очень высокий (рост примерно 1,8 м), худощавый, он носил усы стрелками и имел несколько вставных зубов. Вероятно, майор был в свое время контужен, и, как результат этого, по воспоминаниям очевидцев, его руки слегка подрагивали, а глаза часто моргали.[75]

Вместе с майором Асано на Сунгари-2 прибыла большая группа служивших в армии Маньчжоу-го японских офицеров.[76] Они должны были возглавить подразделения формирующегося отряда. Это были майор Минами, капитаны Адати Хэйтаро, Асакура Тосихару, Васио, Кодама, Кумада, Мацура, Ооно, Оомура, Сайто Санатоси, Томинага, Уэда, поручики Айда, Икэда, Исино, Исобэ, Катахира, Китамура Риити, Мурата, Симасэ, Томидзава, Хиромацу, военный чиновник Фудзикава, и др.

Куратором от Квантунской армии в отряде являлся офицер Ямаока Мититакэ.[77]

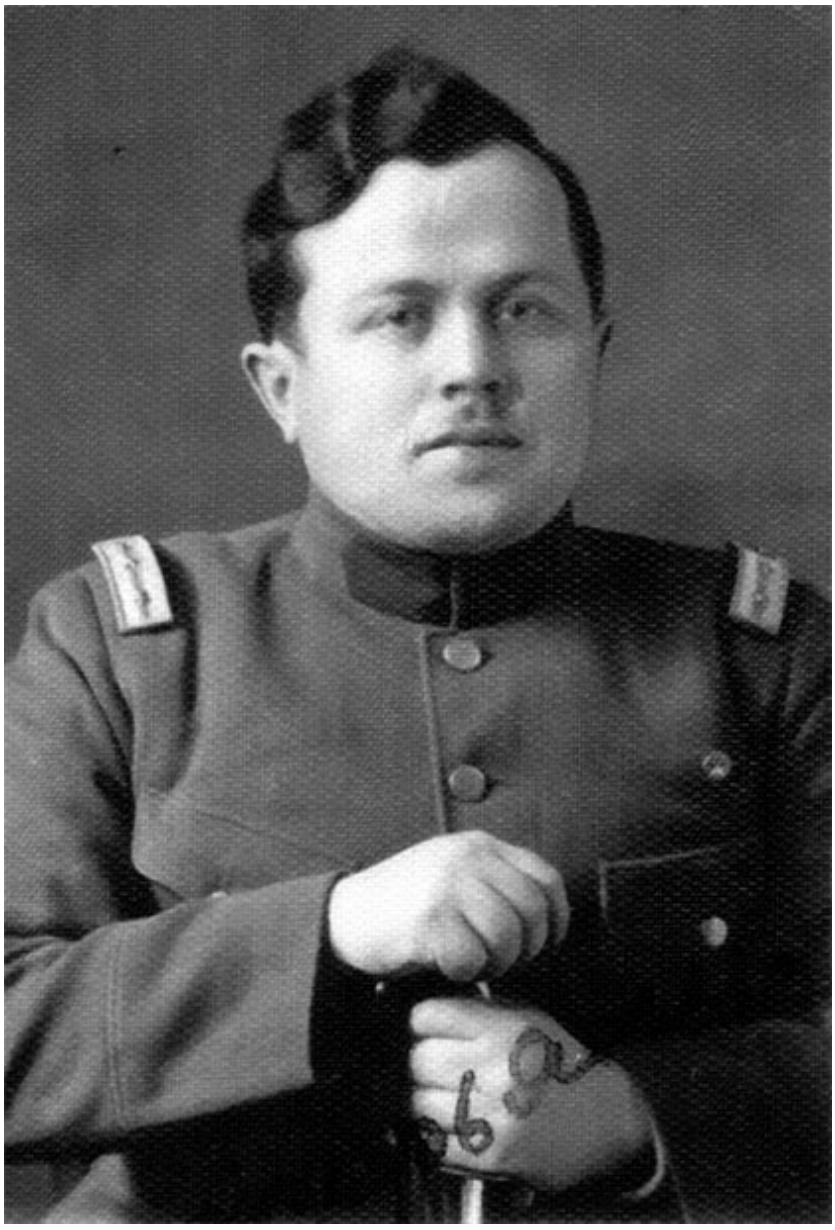
Кроме этих чинов в командование формирующегося отряда были включены два русских офицера из состава штаба 4-го военного округа Маньчжоу-го:[78] майор Н. Б. Коссов (Косов) и капитан Г. Х. Асерьянц.

Коссов Н. Б.

Николай Борисович Коссов родился в 1908 году в Киеве. Еще до Первой мировой войны семья Коссовых выехала на Дальний Восток, в Благовещенск, откуда в 1918 году перебралась в Маньчжурию. Первоначально Николай учился в Харбинском коммерческом училище и состоял в отряде скаутов при училище, но в дальнейшем перешел в 1-е Харбинское реальное училище, которое и окончил в 1926 году. После окончания реального

училища прослушал курс горных техников при Харбинском политехническом институте. Военную службу Коссов, обладая хорошим знанием китайского языка, начал в Главном штабе охранных войск КВЖД. Являлся адъютантом штаба бригады, помощником коменданта станции Харбин, начальником 3-го отделения оперативного отдела штаба железнодорожной охраны. К 1932 году Коссов имел звание капитана китайской службы, а после образования Маньчжоу-го был переведен на службу в новую армию. В 1935 году он в чине майора являлся заведующим воинскими перевозками штаба 4-го военного округа. Военное образование майор получил, прослушав программу военно-училищных курсов РОВС (1934) и окончив Мукденскую офицерскую пехотную школу (1937). В то время, когда он был направлен на Сунгари-2, Коссов продолжал обучение в Мукденской высшей военной пехотной школе, по окончанию которой в 1939 году будет причислен к офицерам Генерального штаба. [79]

Ассерьянц (Наголен) Г. Х. ГАХК

Гурген Христофорович Асерьянц, армянин по национальности, родился в 1907 году в селении Сусалык в районе Нагорного Карабаха (Елизаветпольская губерния). Через некоторое время его семья выехала в Уфу, где отец Гургена открыл продовольственную лавку на одной из железнодорожных станций. Торговые дела шли неплохо, семья богатела, но начавшаяся в России Гражданская война заставила все бросить и пробираться

на Дальний Восток. В конце концов Асерьянцы осели на станции Маньчжурия Китайской Восточной железной дороги. Здесь старший Асерьянц вновь открыл лавку, но прежнего размаха уже не было. Гурген, окончив в 1926 году на станции Маньчжурия гимназию, уехал в Харбин учиться на Юридическом факультете. Обучаясь на Юридическом факультете, он входил в Русское студенческое общество и Русскую фашистскую организацию. Из-за нехватки средств Асерьянц вынужден был уйти с третьего курса факультета и начать работать учителем русского языка в Фуцзине. К этому времени он уже довольно бегло говорил по-китайски. В 1931 году Гурген работал преподавателем русского языка в Гиринском университете, а уже в августе 1932 года стал сотрудником дипломатического отдела Штаба охранных войск КВЖД в Харбине в чине капитана.[80] В 1935 году Асерьянц был переведен в штаб 4-го военного округа Маньчжоу-го. Известно, например, что он работал в качестве переводчика во время визита императора Пу И в Харбин в сентябре 1935 года.[81] В начале 1936 года Асерьянц получил назначение офицером для поручений в штаб 23-й смешанной бригады армии Маньчжоу-го в Фуцзинь, а в июне 1937 году – офицером штаба 7-го военного округа в Цзямусы.[82] Армянская фамилия Асерьянца была очень трудна для китайского произношения, поэтому во время службы в китайской армии он получил фамилию Наголян, которая в дальнейшем практически вытеснила его настоящую фамилию.

Коссов и Асерьянц, помимо всего прочего, выполняли в отряде функции переводчиков, обладая знанием не только китайского, но и японского языков.

Что касается младшего командного состава отряда, его предполагалось подготовить из эмигрантов. Для чего необходимо было подобрать людей, имевших достаточно высокий образовательный уровень,

знакомых с военным делом и, самое главное, политически надежных. Чтобы не обидеть ни одну из политических группировок эмиграции, японцы дали возможность участвовать в отборе кадров будущего младшего комсостава отряда фашистам, монархистам Шепунова, казакам, Дальневосточному союзу военных.

15 марта 1938 года в здании штаба 4-го военного округа в Харбине для отправки на Сунгари-2 было собрано 32 предварительно прошедших медицинский отбор кандидата на должность младшего комсостава в формирующийся воинский отряд.

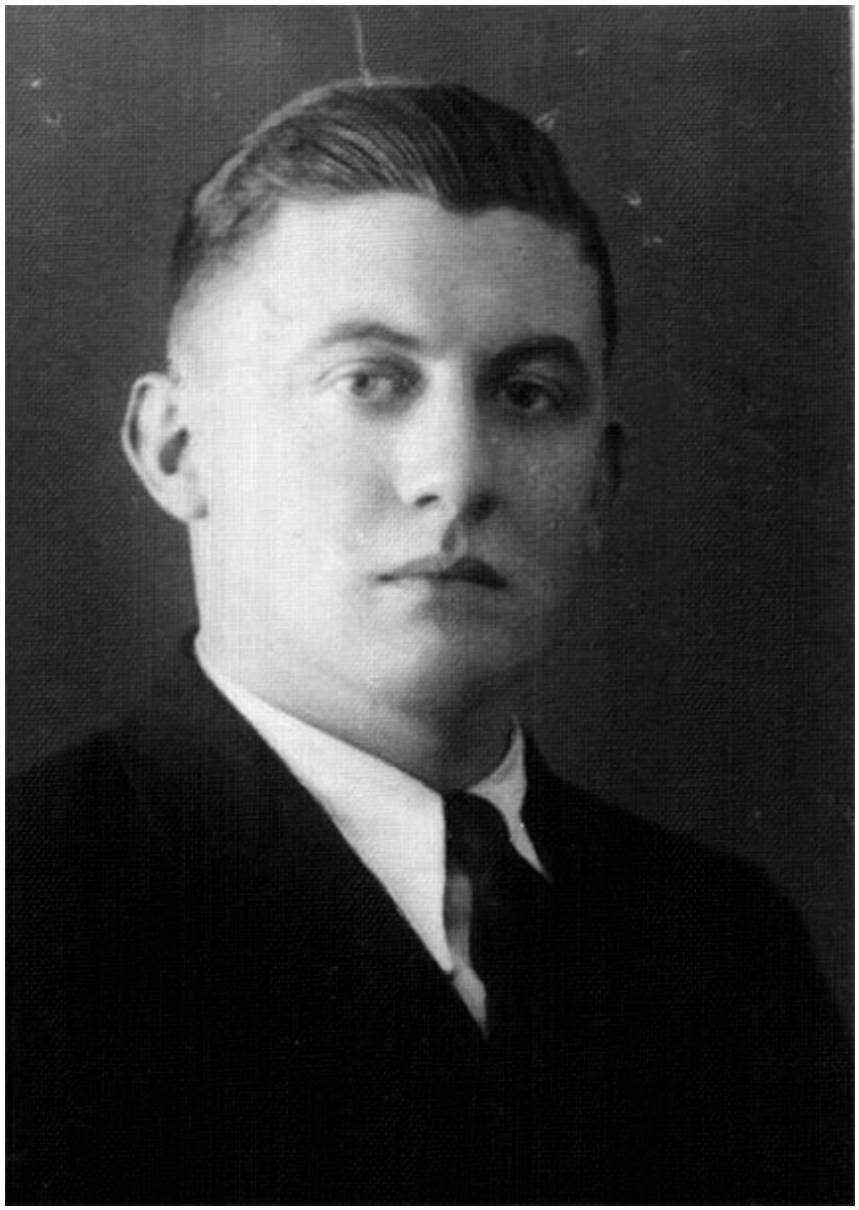
От фашистской партии в отряд была направлена группа в восемь человек. В состав группы входили семь выпускников школы организаторов 1937 года: Александр Бердник, Юрий Витвицкий, Константин Кузнецов, Антон Макаревич, Иоиль Приказчиков, Александр Шабельник, Георгий Шехерев. Молодые, энергичные, исполненные романтикой борьбы за освобождение России – именно о таких писал Арсений Несмелов, крупнейший поэт «русского Харбина», близкий к ВФП: «Воля к победе, воля к жизни. // Четкое сердце, верный глаз. // Только такие нужны Отчизне, // Только таких выкликает час! // Через засеки и волчьи ямы, // Спешенным строем иль на коне, // Прямы, напористы и упрямы – // Только такие нужны стране!..»

Кроме Приказчикова, Витвицкого и Шехерева остальные члены группы были коренными харбинцами, их родители еще до революции перебрались в полосу отчуждения КВЖД. Приказчиков происходил из Благовещенска, возможно, из старообрядческой семьи. Витвицкий родился в Москве, в Харбин его семья прибыла в 1920 году. Купеческая семья Шехеревых из Оренбургской губернии в годы Гражданской войны выехала в Забайкалье, а оттуда в 1925 году переселилась в Харбин.

Витвицкий Ю. Е. Кузнецов К. И. ГААОСО

Витвицкий Ю. Е.

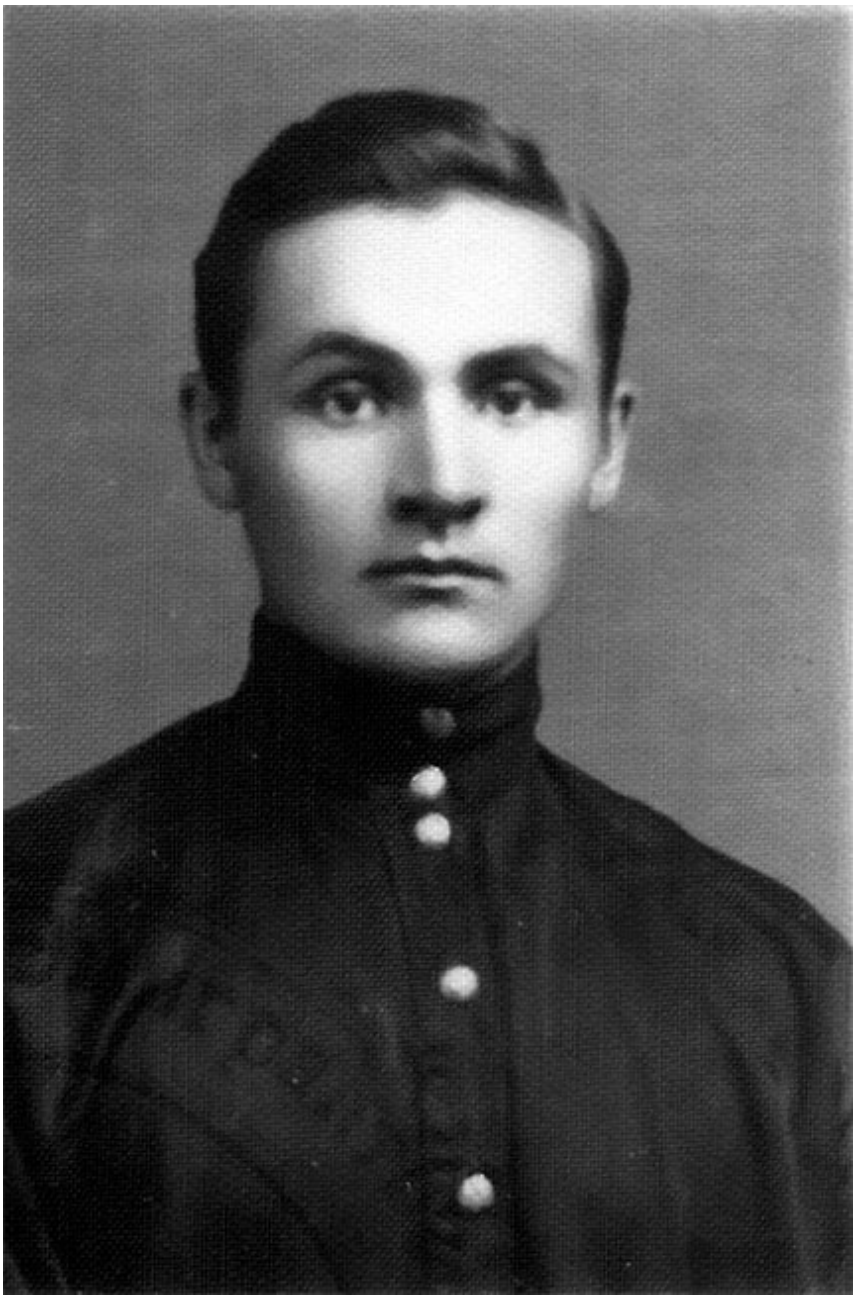

Кузнецов К. И. ГААОСО

Самому старшего из выпускников школы организаторов, Александру Берднику, было около тридцати лет, остальным – от двадцати одного до двадцати шести. Как показывают имеющиеся у нас материалы, благосостояние семей этих молодых людей было невысоким, только Георгий Шехерев после окончания средней школы некоторое время учился в Педагогическом институте. Все они рано начали

зарабатывать себе на жизнь. Приказчиков и Шабельник имели профессию шоферов-автомехаников, Кузнецов работал конторщиком в фирме Чурина до своего увольнения по сокращению штатов в 1936 году. Витвицкий служил в охранном отряде на строившейся Лафа-Харбинской железной дороге, позднее был поденным рабочим на КВЖД. Бердник, начав свою трудовую деятельность в 1925 году, успел поработать приказчиком, маляром, швейцаром, трактористом. Учился в Шаньдунском военно-инструкторском училище (через пять месяцев бросил обучение), полгода служил в Русском полку Шанхайского волонтерского корпуса.[83] Помимо Бердника, до прихода в ВФП некоторую военную подготовку получил еще Витвицкий, обучавшийся в 1931–1932 годах в учебной команде при Военно-монархическом союзе.

Разными путями наши герои в 1935–1936 годах оказались в составе фашистской партии. За исключением Шехерева, который с октября 1936 по апрель 1937 года возглавлял юношескую организацию ВФП «Авангард», все остальные были рядовыми членами партии. Обучались в Учебном отряде ВФП, а в дальнейшем попали в первый (и единственный) состав фашистской школы организаторов.

Шехерев Г. ГАПК

После окончания школы несколько выпускников, включая Витвицкого и Приказчикова, были отправлены для военного обучения на станцию Ханьдаохэцзы в Военно-полицейское училище, остальные оказались временно не востребованы.

В дальнейшем трое выпускников школы организаторов, Белосков, Гольцов и Наумов, были

привлечены к разведывательной работе по линии ЯВМ в приграничных районах и неоднократно засылались на советскую территорию. По воспоминаниям В. Е. Гольцова, он шесть раз в составе группы ходил на советскую территорию из района Трехречья. В задачи разведчиков-диверсантов включались захват пограничного разъезда, похищение секретаря Усть-Уровского райкома (попытка не удалась – секретарь не ночевал дома, поэтому забрали только его личные и райкомовские документы), проведение топографических съемок, переброска антисоветской литературы.[84] Другие семеро выпускников школы организаторов были вызваны 15 марта 1938 года повестками Военной миссии в штаб 4-го военного округа, где они встретились с еще одним соратником по ВФП, отправляющимся на Сунгари-2. Это был руководитель военной подготовки в Учебном отряде партии, один из преподавателей фашистской школы организаторов, капитан Иван Якуш.

Другую группу будущих младших командиров отряда майора Асано составили «люди Бориса Шепунова».

Будучи непримиримым антикоммунистом, Шепунов быстро «пошел в гору» с приходом в Маньчжурию японцев, которому он активно способствовал. В первые годы существования нового государства основным центром его деятельности являлась станция Пограничная, где он командовал русским погранично-полицейским отрядом, а после создания Бюро эмигрантов возглавил Пограничненское отделение БРЭМ. Все сотрудники отделения являлись близкими Шепунову людьми, служили с ним в полиции и так же, как и он, стремились выкорчевать в Маньчжурии «большевистскую заразу». В состав команды Шепунова входили И. А. Вощилло,[85] Н. В. Меликов, Н. В. Рычков, В. Н. Мустафин, П. А. Дегтев.[86] Эти люди были инициаторами громких «разоблачений»

и многочисленных арестов среди эмигрантов на Мулинских угольных копях (Лишучжэнь) и станции Пограничная. Шепунов и его люди активно помогали японским спецслужбам ослабить экономические позиции семьи Скидельских,[87] одной из самых мощных и успешных в деловых кругах русской Маньчжурии. Под давлением японцев Скидельские, будучи обвиненными в связях с советской стороной (впрочем, не совсем беспочвенно), потеряли часть своей собственности в Маньчжурии. Некоторые средства от «экспроприации» Скидельских попали и в руки Шепунова.

Весьма нелицеприятная характеристика окружения Шепунова была дана О. Лешко в его книге «Русские в Маньчжуго», изданной в Шанхае в 1937 году. Проживая на Мулинских копях, автор дважды подвергался аресту за якобы просоветскую деятельность и близко познакомился с «людьми Шепунова» и их методами работы. За недоказанностью обвинений Лешко в конце концов был освобожден и сумел покинуть Маньчжоу-го. Избежав смертельной опасности и понимая, что руки БРЭМ не дотянутся до «свободного» Шанхая, Лешко в своей книге не пожалел темных красок, характеризуя ситуацию в Маньчжурии и деятельность Шепунова и К°.

Рисуя моральный облик Шепунова, бывшая невинная жертва «японских прихвостней» отмечала, что Шепунов «очень ограниченный человек. Старается сохранить вид тоннаго жандармского ротмистра. Бьет редко, но руководит допросами и дает распоряжения избивать, пользуясь со стороны японцев большим доверием – широко этим пользуется. Самовлюблен. Местное население с иронией называет его „губернатором“».[88] О Рычкове и Мустафине автор пишет следующее: «Н. В. Рычков – сын генерала Рычкова; недоучившийся студент. Ограниченный человек, помешанный на борьбе с масонством и коммунизмом. Страшно избивает допрашиваемых. В. Н. Мустафин. 25-летний юноша. Сын

священника... Бывший шофер. Тупой, малограмотный. Все его обязанности сводятся к разноске корреспонденции и избиению допрашиваемых. Располагает значительной силой, избивает жестче всех».[89]

Не стоит обвинять Лешко в том, что он придумал все от начала и до конца. В этих приграничных районах гражданская война не прекращалась ни на миг после 1922 года. Советская агентура, которой была нашпигована Северная Маньчжурия, помимо разведки и морального разложения эмиграции не останавливалась и перед физическим устранением белых активистов. Были случаи насильственного захвата и увода эмигрантов на советскую территорию, где их ждала печальная участь. В этой борьбе, шедшей на уничтожение, никто не видел возможности компромисса. Тем не менее мы погрешим против истины, если сошлемся только на свидетельства Лешко, как человека заинтересованного.

Те же «люди Шепунова», которых Лешко отнес к разряду японских прихвостней и палачей, являлись активными организаторами и руководителями эмигрантского молодежного движения на восточной линии КВЖД. Под их руководством было создано несколько отрядов скаутов, объединившихся в Восточный район Маньчжурского отдела Национальной организации русских разведчиков (НОРР),[90] а также функционировал Восточный отдел Союза мушкетеров.

В 1937 году Шепунов перебрался в Харбин, потянув за собой и часть своих соратников. Пятеро из них в апреле того же года составили контингент обучающихся на курсах изучения СССР. В дальнейшем все пятеро участвовали в отборе претендентов на роль младших командиров в формирующемся воинском эмигрантском отряде. Кроме забракованного медкомиссией бывшего подпоручика Белой армии В. А. Бржезицкого, все

остальные попали в отряд. Это были Николай Рычков, Виссарион и Леонид Мустафины и Георгий Джакелли.

Николай Вениаминович Рычков родился в 1901 году в Александрополе Эриванской губернии, где в это время служил его отец, в будущем Генерального штаба генерал-лейтенант В. В. Рычков.[91] Учился в Ташкентском Наследника Цесаревича кадетском корпусе (1910–1914), позднее – во 2-м Московском Императора Николая I кадетском корпусе (1914–1917). В 1916 году бежал на фронт, но через два месяца, как несовершеннолетний, был возвращен домой. После окончания кадетского корпуса в 1917 году Николай вышел в Алексеевское военное училище. По его словам, участвовал в восстании юнкеров в Москве, был арестован и несколько недель находился в Лефортовской тюрьме. В 1918 году Рычков был направлен в 4-й эпидемический врачебно-питательный подвижный отряд, в котором работал до 1922 года по борьбе с эпидемиями тифа и холеры в Малороссии, Оренбургской губернии и Сибири. В 1922 году, будучи призван в Красную армию, Николай дезертировал и около года жил, скрываясь, по подложным документам в Москве. Весной 1923 года Рычков получил сведения, что его семья находится в Маньчжурии, выехал в Читу и нелегально перешел границу в районе станции Маньчжурия, где его отец в это время служил надзирателем железнодорожной полиции. Перебравшись с семьей в Харбин в 1925 году, Николай окончил электротехнические курсы, два года учился на Юридическом факультете, но так его и не окончил. Содержал небольшую электротехническую мастерскую в Харбине, служил на электростанции Сунгарийских мельниц, в торговом доме «Чурин и К°». Во второй половине 1920-х годов Николай активно участвовал в жизни харбинской дружины Русских Соколов, командовал 1-м станом (ротой). После вторжения в

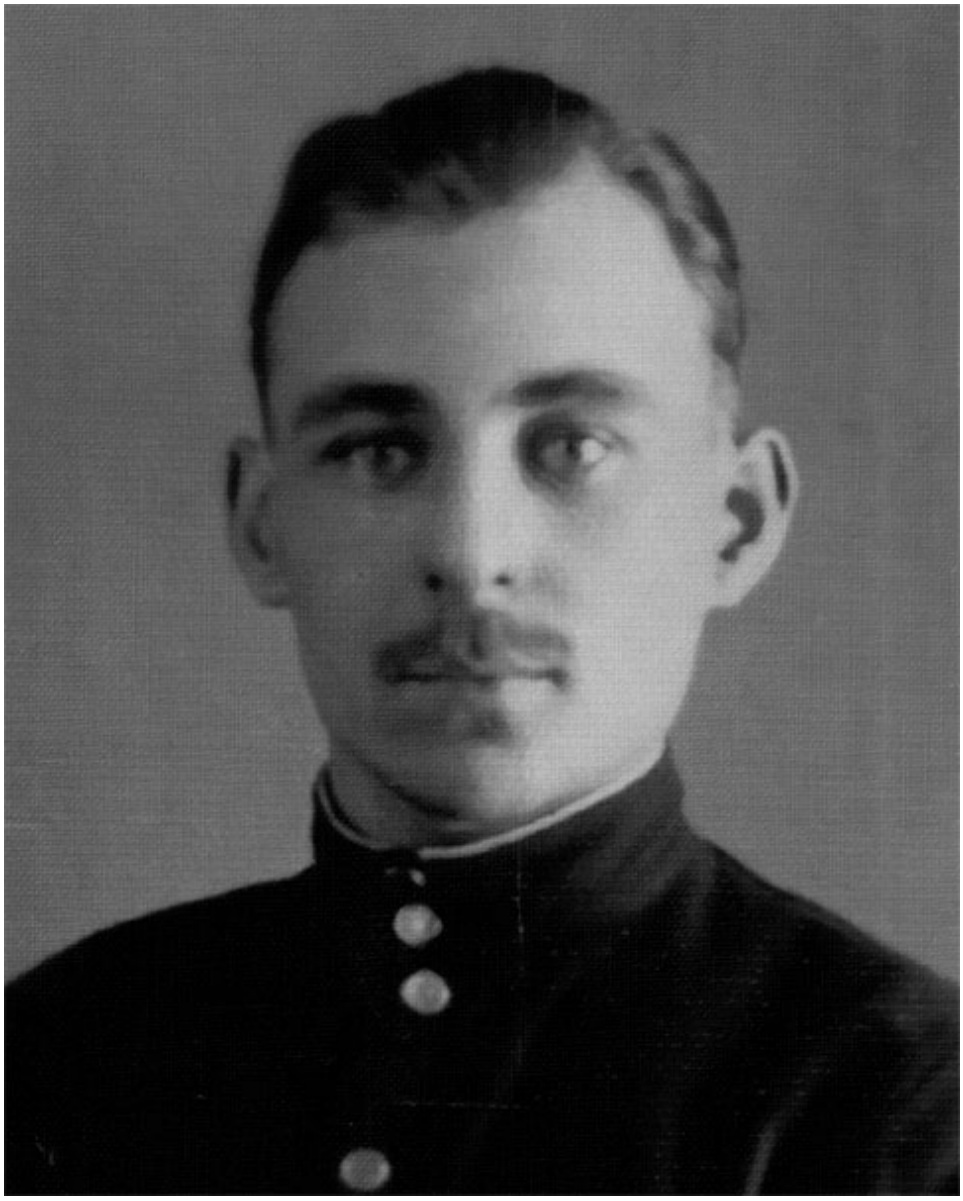
Маньчжурию японцев часть «соколов» их активно поддержали. Они участвовали в разведывательных мероприятиях в расположении китайских войск на западной линии КВЖД, в частности, в отряде И. А. Пешкова. Несколько «соколов» погибли в разведке.[92] Неизвестно, участвовал ли в этих событиях Рычков. Летом 1932 года он, будучи безработным, поступил в русскую самоохрану Славянского городка, зимой следующего года являлся командиром одного из подразделений Модягоуской самоохраны. К слову сказать, главой всех русских вооруженных формирований в Маньчжурии в то время являлся генерал Косьмин, муж старшей сестры Рычкова. В марте 1933 года Николай вместе с бывшим руководителем харбинской дружины Русского Сокола, штабс-капитаном Николаем Венедиктовичем Меликовым, выехал на станцию Пограничная, где поступил на службу в погранично-полицейский отряд, возглавляемый Шепуновым, а с 1935 года одновременно являлся начальником регистрационного отдела Пограничненского отделения БРЭМ. Помимо прочего, в 1936 году он начал работать в Союзе мушкетеров и вскоре возглавил Восточный район Союза.[93]

Большая семья Мустафиных эвакуировалась из Владивостока в октябре 1922 года в Гензан и оттуда позднее прибыла в Маньчжурию, где в это время уже находился глава семьи – Николай Андреевич Мустафин, в прошлом полковой священник Енисейской бригады, с которой он отступил на китайскую территорию в 1920 году. Семья соединилась в 1923 году в Чаньчуне, где и жила до 1926 года. После того, как о. Николай получил должность священника и законоучителя в русском Реальном училище в Мукдене, вся семья перебралась туда. Все дети о. Николая (шесть сыновей и дочь) рано начали работать, не получив регулярного образования. Виссарион (1910 года рождения), окончив за два года

Мукденское реальное училище и сменив ряд мест работы (разносчик в магазине Чурина, автозаправщик в «Техас компании» и др.), в 1933 году выехал на станцию Пограничная, где поступил в полицейский отряд.[94] Вскоре два младших брата Мустафина – Леонид и Аркадий – стали полицейскими в этом же отряде. Леонид, будучи на четыре года младше Виссариона, до того, как отправиться на Пограничную, окончил в Мукдене унтер-офицерские курсы РОВС, некоторое время жил в Харбине, где, вероятно, вступил в члены БРП.[95] Все три брата Мустафиных активно участвовали в скаутском движении на восточной линии КВЖД. Виссарион являлся старшим разведчиков (скаут-мастером) и возглавлял один из отрядов разведчиков, Леонид – инструктором по строевой части Восточного отдела НОРР, Аркадий – сначала адъютантом начальника Восточного отдела И. А. Вощилло, а позднее – начальником бригады скаутов, оставив НОРР только в 1941 году.[96]

Мустафин В. Н. ГАХК

Мустафин Л. Н. ГАХК

Джакелли Г. Г. ГАХК

В начале 1937 года по предложению Шепунова Николай Рычков, Виссарион и Леонид Мустафины вместе с ним уехали в Харбин и стали обучаться на курсах по изучению СССР. После окончания курсов старший Мустафин выехал для дальнейшего обучения в Военно-полицейском училище на станцию Ханьдаохэцзы, а его младший брат и Николай Рычков возвратились на станцию Пограничная, где работали в местном отделении Бюро эмигрантов, пока оба не были вызваны

в Харбин для отправки на Сунгари-2. Вместе с ними на службу в отряд уехал Георгий Джакелли, грузин, бывший вахмистр Белой армии, до этого служивший в Пограничненской полиции.

Пять человек в формирующийся воинский отряд были отправлены из казачьего Трехречья, но медкомиссию прошли только трое – Игнатий Овчинников, Григорий Тоболов и Василий Тырсин.

Наиболее примечательной личностью из «представителей» Трехречья являлся Василий Васильевич Тырсин, чей жизненный путь к его тридцати двум годам имел немало причудливых изгибов.

Василий родился в 1906 году в семье полковника (в дальнейшем – генерал-майора) Оренбургского казачьего войска Василия Дмитриевича Тырсина. К началу Гражданской войны Василий обучался в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе, в составе которого в 1919 году был эвакуирован в Иркутск. Сюда же выехал его отец, позднее, в ноябре 1920 года, скончавшийся от порока сердца. Василий закончил в Иркутске советскую школу и уехал в 1922 году к матери в Семипалатинск. Работал некоторое время на строительстве Белегачского шоссе, затем перебрался в Благовещенск, откуда в ноябре 1923 года ушел за границу, в Маньчжурию. Решив продолжить прерванное образование, Василий выехал в Шанхай, где поступил в Хабаровский кадетский корпус. Последний выпуск Хабаровского кадетского корпуса, в составе которого был и Тырсин, состоялся в сентябре 1924 года, после чего оставшийся кадетский состав Хабаровского и Сибирского корпусов был отправлен в Сербию. Тырсин уехал в Кантон (Гуанчжоу) и поступил на службу в португальскую речную полицию, однако вскоре уволился и нелегально на французском пароходе отправился в Марсель. Во Франции Василию пришлось много и тяжело работать (матросом, сельскохозяйственным рабочим, рабочим-

сборщиком на автомобильном заводе «Рено»), к тому же мучила тоска по родине. Летом 1926 года он обратился в советское консульство с просьбой дать ему возможность вернуться в Россию. Разрешение было получено, и осенью того же года он прибыл к матери в Оренбург.

Тырсин В. В. ГАХК

«Вояж» Тырсина не остался незамеченным ОГПУ. Вероятно, он был завербован в качестве агента для дальнейшей работы в Китае. Иначе чем объяснить его выезд по приказу ОГПУ в Кызылорду, где он некоторое время, не имея соответствующей квалификации, служил архивариусом в Центральном архиве Казахстана, позднее в алма-атинском отделении того же архива. Летом 1927 года он, будучи уволен из архива по сокращению штатов, побывал в Киргизии, затем перебрался в Забайкалье, где перешел границу в районе станции Маньчжурия.[97] Можно предположить, что с советской разведкой он прервал всякие связи, остается вопрос – когда?

В сентябре 1927 года Тырсин поступил на службу в Шаньдунскую армию генерала Чжан Цзунчана, два месяца служил вахмистром на бронепоезде «Шаньдун», потом оставил службу и уехал в Шанхай. Летом 1928 года он по рекомендации шанхайского Казачьего союза устроился в Отдельный русский отряд Шанхайского Волонтерского корпуса в чине капрала. Однако вскоре сбежал, не выполнив условий подписанного им контракта, с намерением выехать в Японию в качестве боксера.[98] После возвращения из Японии Тырсин в компании с неким Ланге открыл в Шанхае частную автомастерскую, которая вскоре прогорела, и Василий был вынужден искать другой заработок. Он уехал в британский Гонконг, где поступил на службу в английскую морскую полицию, находился в охране торговых пароходов на линии Шанхай – Сингапур. Пиратство в те годы было очень распространенным явлением в Китае, немало русских, особенно бывших военных, нашли себе здесь работу. Некоторые погибли в стычках с пиратами. Дополнительным доходом некоторых полицейских являлась контрабанда. В 1932 году Тырсин был изобличен в провозе контрабанды и приговорен английским судом к огромному штрафу в

пять тысяч гонконгских долларов. Не имея средств выплатить штраф, неудачливый контрабандист провел десять месяцев в тюрьме. Выйдя на свободу, Тырсин несколько месяцев жил в Шанхае, работал во французской трамвайной компании, а в августе 1933 года уехал в Маньчжоу-го.

В Маньчжурии он сначала служил в охранном отряде Мукден-Гиринской железной дороги, позднее в поселковой полиции и пограничной охране в Трехречье (был начальником пограничного поста в Келари). После расформирования русского погранотряда осенью 1934 года Тырсин работал переводчиком в японской жандармерии поселка Драгоценка, административного центра Трехречья, и агентом Военной миссии под прикрытием службы в частных японских фирмах.[99] Своим крутым нравом и жестокостью он быстро приобрел дурную славу в трехреченских поселках. По свидетельствам А. М. Кайгородова, выведшего на страницы своих печатных работ немало бытовавших в эмигрантской среде легенд и слухов, Василий, «будучи отменным садистом, что не вязалось с его ангельской внешностью, быстро пошел в гору. На совести Тырсина трое расстрелянных поселян из Трехречья – Ивачев, Патрин, отец Александр. Их обвиняли в сотрудничестве с Советами. Во время допроса Тырсин сорвал с отца Александра крест и его тяжелой цепью бил по глазам арестованных. Его же заслуге приписывают длительные тюремные сроки в страшной цицикарской тюрьме трехреченских казаков Антипьева, Молокова, Коломыльцева и Власова».[100]

Кроме того, Тырсин участвовал по крайней мере в одной диверсионной вылазке на территорию советского Забайкалья. Группа в составе Тырсина, Гордеева и Гольцова (последний являлся членом ВФП и сотрудником трехреченской Военной миссии) ворвалась в здание Коченского сельсовета, захватила

находившиеся там документы и подожгла здание. Когда поднялась тревога, диверсанты, рискуя быть схваченными, перед тем как бежать, пытались сорвать советский флаг.[101]

Остальные кандидаты в младшие командиры формирующегося отряда подбирались Дальневосточным союзом военных. Так, например, в отряд попал Дмитрий Золотаев, участник Гражданской войны, окончивший Читинское военное училище и имевший чин подпоручика русской службы, который в это время был безработным. Но основную часть этой группы составили полицейские из русских отрядов горно-лесной полиции.

Среди полицейских специально отбирались те, кто имел опыт боевых действий, достаточный уровень военной подготовки (большинство закончили Ханьдаохэцзийское Военно-полицейское училище) и хорошо зарекомендовал себя.

Из Мулинского полицейского отряда на Сунгари-2 были откомандированы Гавриил Ефимов, Сергей Козырев, Даниил Ложенков, Владимир Лукеш, Алексей Макаров, Яков Федореев.

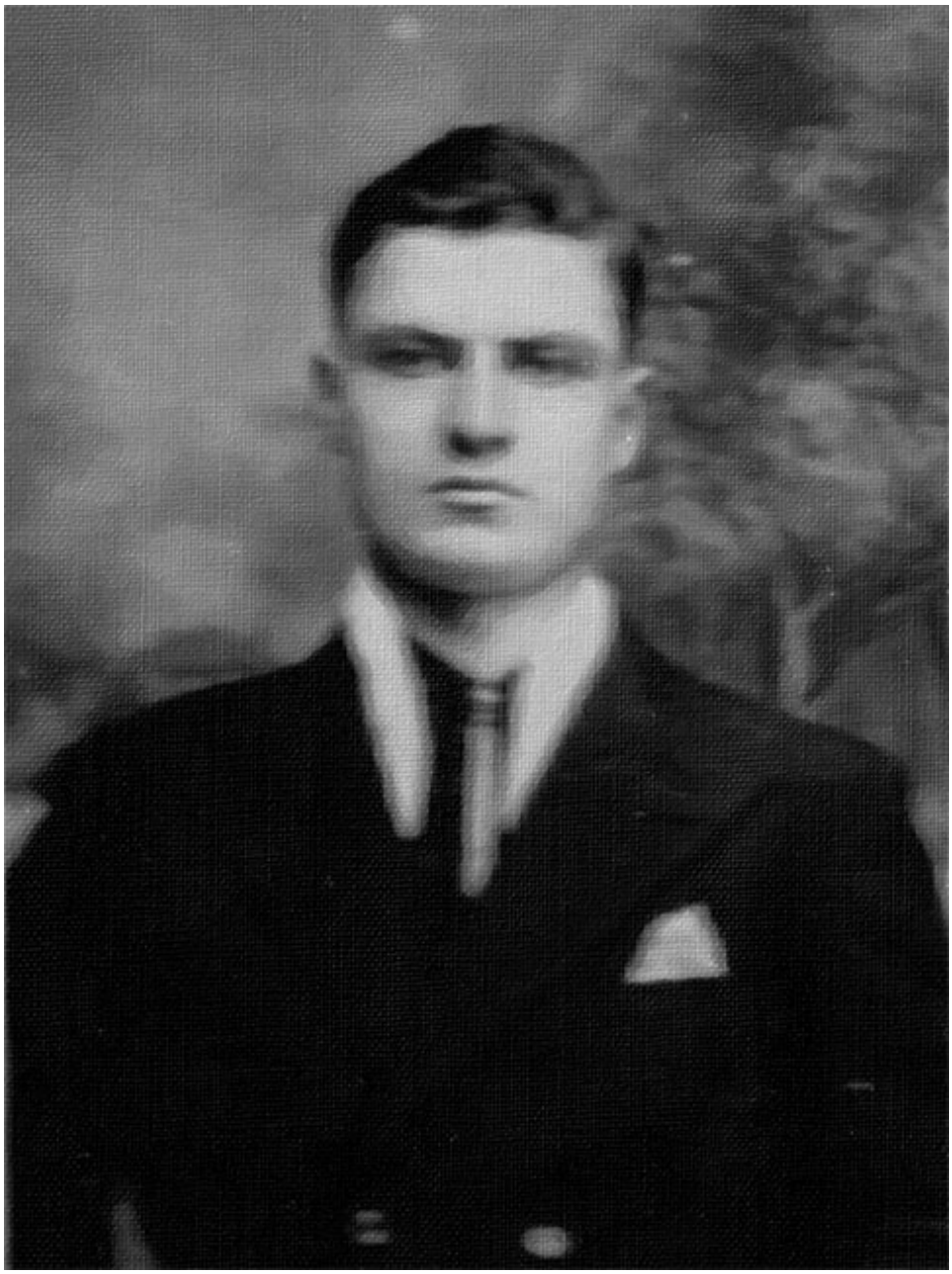

Лукеш В. Э. ГАХК

Лукеш, с 1925 года являясь членом Союза мушкетеров, служил в Русской группе войск Шаньдунской армии в составе Юнкерской роты 65-й дивизии, имел чин фельдфебеля китайской службы. Был ранен в одном из боев. После возвращения из китайской армии он продолжил работу в Союзе мушкетеров. Имея «чин» капитана, возглавлял строевую подготовку «мушкетерской» молодежи. В дальнейшем, будучи уже

на службе в горно-лесной полиции, Лукеш в первом наборе окончил Ханьдаохэцзийское ВПУ.[102]

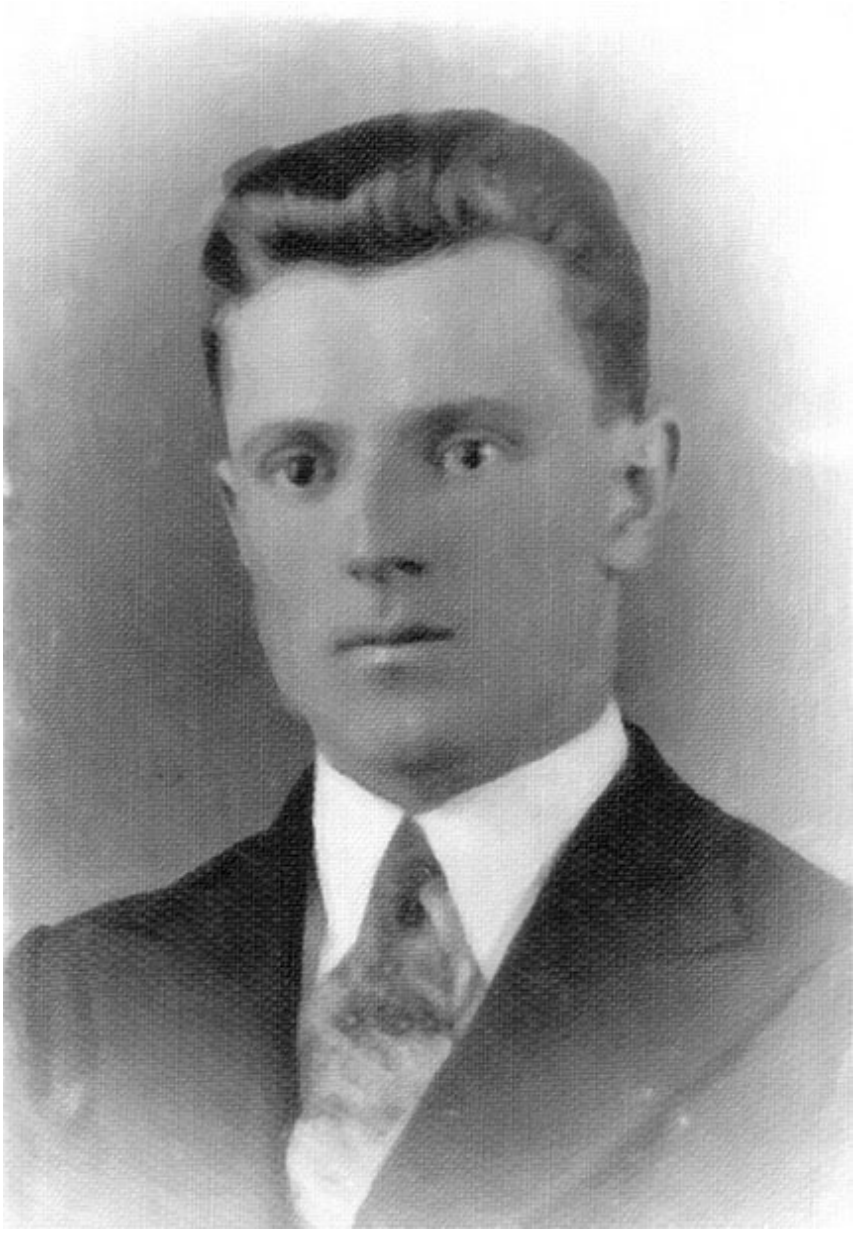
Все остальные «мулинцы» также окончили Военно-полицейское училище. Федореев, будучи отличником подготовки, после окончания училища полгода работал в нем инструктором. Ложенков в 1936 году участвовал в разведывательном переходе советской границы в районе реки Уссури, позднее, после окончания ВПУ, работал на радиоперехвате при Военной миссии в пограничном поселке Хулин.[103]

Ложенков Д. Л. ГАХК

Из Яблоньского полицейского отряда на станцию Сунгари-2 прибыли Константин Лисецкий, Сергей Ивахненко, Андрей Кадочников, Герман. Из Шитоухэцзийского отряда – Николай Ежовский, коренной харбинец, выпускник ВПУ 1937 года, из Ханьдаохэцзийского – младший надзиратель Николай Постовский, служивший в начале 1930-х годов в Русском

отряде Шанхайского волонтерского корпуса, позднее – в охранном отряде на станции Шитоухэцзы, выпускник первого набора ВПУ.[104]

Лисецкий К. И. ГАХК

Несколько человек прибыли в отряд из других полицейских подразделений. Андрей Враштиль до откомандирования в отряд на Сунгари-2 служил в охране шоссейных дорог в районе Андуна и Сунго.

Андрей был младшим сыном героя Гражданской войны, Георгиевского кавалера, полковника Виктора Владимировича Враштиля, замученного со своими бойцами на реке Хор недалеко от Хабаровска в апреле 1920 года. В Харбине Враштиль окончил гимназию Оксаковской. Во время обучения состоял в Союзе мушкетеров. После окончания гимназии в 1932 году он уехал в Гонконг, где обучался в английском колледже, позднее жил в Шанхае. В начале 1937 года два месяца служил в Русском полку Шанхайского волонтерского корпуса, затем оставил Шанхай и вернулся в Харбин, где поступил в охрану шоссейных дорог.[105]

Враштиль А. В. ГАХК

Из железнодорожной полиции западной линии в отряд майора Асано был направлен Николай Бородин, в 1930 году в пятнадцатилетнем возрасте бежавший в Маньчжурию с территории СССР с двумя братьями. С 1937 года он служил в отряде железнодорожной полиции станции Цаган, располагавшейся в нескольких километрах от советской границы.

15 марта 1938 года группа кандидатов на звания младших командиров в сопровождении японского офицера прибыла на станцию Сунгари-2. Многие из прибывших не ожидали, что они окажутся на службе в «японской армии», но уже ничего невозможно было изменить.

На следующий день курсанты были обмундированы в военную форму, но без погон, и сразу же начались изнурительные занятия, сопровождаемые командами на японском языке: «Ацумарэ!» (Становись!), «Кивоикэ!» (Смирно!), «Мигиэ-нарай!» (Направо равняйсь!), «Бангоу!» (Рассчитайсь!), «Какэ-аси сусумэ!» (Бегом марш!) и т. д.

Большая часть курсантов понимали по-японски, но, за исключением Константина Лисецкого, окончившего в Харбине курсы переводчиков разговорного японского языка, не имели достаточных языковых знаний. Поэтому на занятиях в качестве переводчиков присутствовали майор Коссов и капитан Асерьянц. Они же на специальных занятиях преподавали курсантам японский язык.

Курсантам не только пришлось на ходу осваивать японский язык, но и научиться уживаться друг с другом, отодвинув вчерашние «партийные» разногласия. Вчерашние фашисты, мушкетеры, легитимисты теперь маршировали в одном строю под команды японских офицеров.

После месячной подготовки курсанты получили свои первые звания – младших и старших унтер-офицеров с должностными обязанностями командиров отделений.

Система воинских званий в отряде, формально формируемом в составе армии Маньчжоу-го, так же как и в Маньчжурской Императорской армии, полностью соответствовала системе, принятой в японской армии. К рядовому составу относились рядовой 2-го класса (нитто-хэй), рядовой 1-го класса (итто-хэй), старший

рядовой (ефрейтор – джото-хэй). Унтер-офицерский состав включал капрала (старший ефрейтор – го-чо), младшего и старшего унтер-офицеров (гун-со, со-шо). Затем следовали старшина (фельдфебель – юн-и), прапорщик (старшина 1-го класса – юнши-кан) и обер-офицеры (и-кан) – подпоручик (второй лейтенант – шо-и), поручик (первый лейтенант – чу-и), капитан (тай-и). Замыкала офицерские звания категория штаб-офицеров (са-кан): майор (шо-са), подполковник (чу-са) и полковник (тай-са).

Вновь произведенных в младшие командиры эмигрантов распределили по подразделениям. По планам японского командования, отряд должен был состоять из четырех подразделений – стрелкового, саперного, артиллерийского и подразделения связи. По фамилиям командиров подразделений – капитанов Васио (с августа 1938 по апрель 1939 года – капитан Кодама), Асакура, Кумада, Оомура – они именовались часть Васио (Кодама), часть Асакура, часть Кумада, часть Оомура. В случае смены командира изменялось и название части.

Стрелковая часть Васио состояла из трех взводов, имевших по три отделения. Помощниками командира части являлись поручик Китамура и прапорщик И. И. Якуш,[106] взводными командирами – поручики Исино, Икэда и Айда. В качестве командиров отделений в часть Васио были определены Д. Ложенков, А. Макаревич, В. Мустафин, Г. Шехерев и др. В состав саперной части Асакура входили два взвода под командованием поручиков Хиромацу и Катахира. Русскими командирами отделений в части стали – А. Бердник, Н. Ежовский, К. Лисецкий, А. Макаров и др. Артиллерийская часть Кумада и часть связи Оомура являлись взводами. К артиллеристам откомандировали Ю. Витвицкого, В. Тырсина, А. Шабельника и др., к связистам – Г. Ефимова, Л. Мустафина, Н. Рычкова, Г. Тоболова. Кузнецов был

назначен в качестве писаря в штаб отряда, а Джакелли – в хозчасть.

Младший комсостав отряда, сформированный из русских эмигрантов, заложил кадровую основу русских регулярных воинских подразделений в армии Маньчжоу-го.

Штаб отряда майора Асано, помимо русских офицеров – Коссова и Асерьянца, был укомплектован японскими офицерами. Начальником штаба являлся майор Минами (позднее – майор Синода Рокудзо), штабным офицером – капитан Идзима (Эдзима) Такэси, адъютантом отряда – капитан Адати, начальником интендантского отдела – капитан Ооно, отдела вооружения – капитан Хиромацу, ветеринарного отдела – капитан Мацура, санитарного отдела – капитан Икэда. [107]

В середине апреля 1938 года на Сунгари-2 начал прибывать рядовой контингент отряда, составивший 200 человек. Подбор кадров для службы в отряде осуществлялся через структуры эмигрантской администрации, Управление отрядами горно-лесной полиции, ВФП.

В Харбине набором эмигрантов на военную службу занимался 7-й отдел БРЭМ – Дальневосточный союз военных.[108] На местах набор происходил под контролем районных отделений Бюро, на западной ветке КВЖД и в Трехречье с преимущественно казачьим населением – через станичные и поселковые казачьи правления. При этом далеко не всегда будущие военнослужащие знали цель своего назначения. Так, в Онэнорском районе 14 молодых казаков, отобранных станичным правлением для службы в армии, вплоть до прибытия на место назначения полагали, что едут учиться на курсы шоферов.[109]

Литвинцев П. Г. ГААОСО

Одним из отправленных на «курсы шоферов» являлся забайкальский казак Петр Литвинцев, едва достигший в то время 17-летнего возраста. В феврале 1938 года Литвинцев, проживавший с семьей в поселке Култук, был вызван вместе с еще одиннадцатью молодыми казаками в Онэнорское управление станичного атамана, где их определили в команду непосредственных участников традиционного казачьего праздника, проводившегося ежегодно 30 марта. Полтора месяца 80 молодых казаков из различных поселков

обучались строю, ружейным приемам, штыковому бою и снарядной гимнастике. На следующий день после окончания праздника Литвинцев получил приглашение явиться к станичному атаману полковнику Парыгину, где ему было объявлено, что он направляется на курсы шоферов и любые возражения здесь неуместны, а родители будут извещены о его учебе. Через три дня после разговора со станичным атаманом Литвинцев в группе из 25 человек на машине прибыл на станцию Няньцзышань, где была организована медицинская комиссия, отобравшая 14 претендентов на обучение на «курсах шоферов». На следующий день будущие «курсанты» выехали на станцию Сунгари-2, остальные были распущены по домам.[110]

Аналогичным образом ситуация с «призывом» складывалась в Трехречье. Например, проживавший в поселке Верхние Кули Владимир Алтабасов в апреле 1938 года был вызван к станичному атаману генералу Г. Е. Мациевскому в поселок Драгоценка. Мациевский объявил Алтабасову, что тот отправляется на станцию Сунгари-2 учиться, не конкретизировав, чему именно («сказал: поедешь учиться на станцию Сунгари-2, а на кого учиться, он мне не сказал»), и вручил ему пакет, который нужно было по прибытии на место назначения передать начальству.[111]

Тимофей Сорочинский из Харбина, не имея постоянной работы, обратился в ее поисках в БРЭМ, где ему предложили работу в мастерских на станции Сунгари-2.[112] Он согласился и оказался в воинском отряде. И такие случаи были не единичны.

По распоряжению Управления отрядами горно-лесной полиции командиры всех десяти полицейских отрядов также должны были отобрать и направить в формирующееся подразделение майора Асано по нескольку годных для военной службы молодых людей. Известно, например, что полицейский отряд на

Мулинских угольных копях направил в армию десять человек, отряд на Кисийских угольных копях – пятнадцать человек, отряд на станции Эрдаохэцзы – десять человек и т. д. Полицейские подразделения обеспечили половину всего рядового состава «асановцев».

Небольшую часть новобранцев составили добровольцы. Фашистская партия, претендовавшая на особую роль в организации эмигрантских военных формирований, сумела собрать только двенадцать человек, выразивших желание служить в японском отряде. Некоторые из них даже не были членами ВФП.

Одним из добровольцев был Анатолий Богатырь, семья которого бежала на территорию Маньчжурии в 1930 году во время коллективизации. Мальчику в это время было десять лет. Помимо него в семье было еще шестеро детей. Первоначально положение семьи было стабильным – отец работал в крупной русской фирме «Чурин и сыновья». Но после смерти отца в 1934 году семейное благосостояние резко ухудшилось. Анатолий в шестнадцать лет, не окончив полного курса средней школы, вынужден был начать работать – сначала мальчиком, позднее приказчиком в магазине фирмы Чурина. Но ему хотелось чего-то большего, особенно будила воображение военная служба. Поэтому, когда весной тридцать восьмого Богатырь узнал от своих знакомых о том, что фашистская партия набирает добровольцев для службы в армии и им обещают хорошее жалованье, он подал прошение о зачислении на военную службу.[113]

Прибывшие 15 апреля 1938 года на станцию Сунгари-2 новобранцы еще раз прошли медкомиссию, дали подробные биографические данные о себе, получили воинские книжки и обмундирование армии Маньчжоу-го без знаков различия. К концу первой недели обучения новобранцы дали присягу на верность

правительству Маньчжурской империи, обязуясь честно исполнять свой воинский долг, точно и беспрекословно выполнять все приказания командования, сохранять воинскую тайну.[114] К концу апреля формирование отряда было закончено.

29 апреля 1938 года, в день рождения японского императора Хирохито (29 апреля 1901 года), отряд получил государственный акт об его основании – Высочайший Рескрипт – и официально начал свое существование. По фамилии командира отряда майора Асано подразделение стало именоваться «отряд Асано» (Асано бутай), а 29 апреля стало ежегодным отрядным праздником.

Глава 2
Отряд Асано (апрель 1938 – июнь 1941 г.)

Прежде чем рассказывать о жизни отряда Асано, необходимо остановиться на характеристике его как воинского подразделения.

Вооружение и снаряжение асановцев соответствовало назначению подразделений, в которых они проходили службу. Рядовой состав отряда был вооружен японскими пятизарядными магазинными винтовками Арисака тип 38. Штык-нож винтовки носился на поясном ремне слева. Стрелки и саперы также имели на вооружении ручные пулеметы Арисака тип 96 и 50-мм ручные гранатометы тип 89. Ручные гранатометы было бы точнее именовать взводными минометами, имевшими очень простую конструкцию. Такой миномет состоял из трубы, штыря и опорной плиты. Верхняя часть штыря крепилась к казеннику ствола, а нижняя – к прямоугольной опорной плите. При стрельбе солдат наклонял ствол миномета под углом в 45° к горизонту и упирал его плитой в грунт. Вес и габариты 50-мм миномета позволяли носить его на бедре, как самурайский меч.[115]

Унтер-офицерский и офицерский состав был вооружен «маузерами» Намбу тип 14, чины от фельдфебеля и выше имели сабли.[116] Впрочем, офицеры-японцы, особенно происходившие из старых самурайских родов, предпочитали носить вместо сабли самурайский меч, нередко передававшийся в семье из поколения в поколение. Это не соответствовало уставу, но было широко распространено в японской армии. В дальнейшем это проявилось и в среде русских офицеров

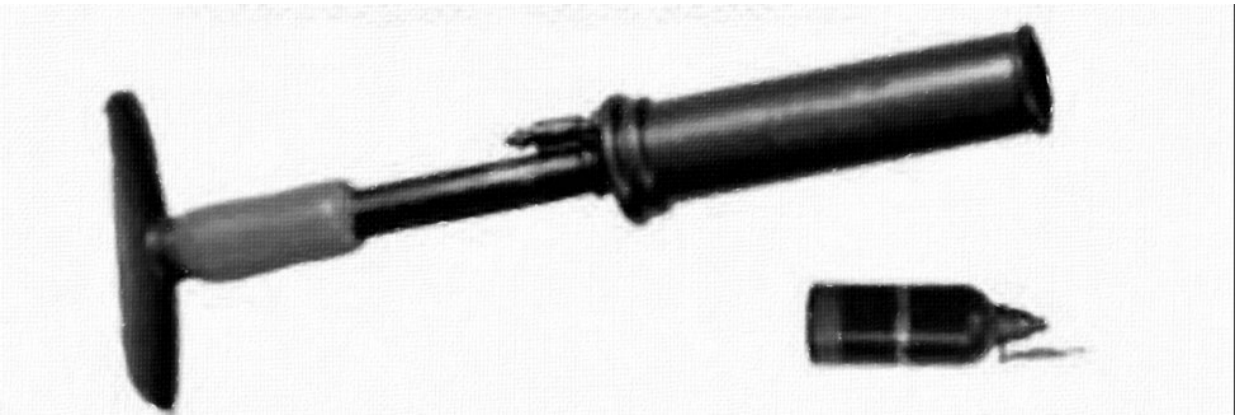
отряда, часть которых носили не саблю, а казачью шашку. Так, на одной из фотографий 1942 года можно увидеть, что Тырсин, оренбургский казак, вооружен не стандартной кавалерийской саблей, а казачьей шашкой.

Винтовка и карабин Арисака тип 38

Ручной пулемет Арисака тип 11 и 96

Ручной гранатомет тип 89

«Маузер» Намбу тип 14

Артиллерийская часть отряда располагала двумя горными 3-дюймовыми (75-мм) пушками тип 41 (образца 1908 года) и 70-мм горной гаубицей образца 1932 года (бомбометом) на конной тяге.[117]

Горная 3-дюймовая (75 мм) пушка тип 41

Подчиненные капитана Оомуры обучались различным способам связи. Часть состояла из трех отделений: радиотелеграфистов (15 человек), почтовых голубей (5 человек) и связных собак (5 человек). Радисты работали в основном с 4-ламповой станцией «Гогоки», радиус действия которой составлял до 200 км.

Была и более мощная станция «Сангоки», принимавшая и передававшая сообщения на 500–700 км, а также малодистанционная «Гогота», обеспечивавшая связь в полевых условиях между подразделениями.[118] При работе на радиостанциях русские связисты использовали японский 3-значный цифровой шифр. Голубеводами и собаководами в подразделении обычно становились те, кто не имел полного среднего образования.[119] В распоряжении голубеводов и собаководов находилось 40 почтовых голубей и

первоначально 6 связных собак породы немецкая овчарка.[120]

Обмундирование бойцов отряда соответствовало образцам, принятым в армии Маньчжоу-го, которые, в свою очередь, копировали форму японских военнослужащих образца 1930 года (тип 90). Форма состояла из мундира, брюк и полотняных (шерстяных) обмоток цвета хаки с горчичным оттенком. Летний вариант обмундирования изготовлялся из легкой хлопчатобумажной ткани, зимний вариант – из плотной шерстяной материи. Мундир имел жесткий стоячий воротник, пять медных или латунных пуговиц спереди, два нагрудных и два боковых прорезных или накладных кармана. Брюки имели вид бриджей длиною чуть ниже колен с застежкой внизу. Брюки заправлялись в обмотки. Дополняли обмундирование полевое суконное или шерстяное кепи (как показывают фотографии, русские военнослужащие также носили фуражки), широкий кожаный поясной ремень и коричневые ботинки из свиной кожи до лодыжек. Носили также матерчатые туфли на резиновой подошве.

В начале 40-х годов в русских подразделениях стало вводиться новое обмундирование по типу японской формы образца 1938 года (тип 98), отличавшееся от типа 90 главным образом моделью воротника, который был стояче-отложным.

Верхняя одежда военнослужащих состояла из шинели и зимнего пальто. Шинель тип 90 шилась из плотной шерстяной ткани, являлась двубортной с двумя вертикальными рядами пуговиц. К воротнику мог пристегиваться большой капюшон. Шинель типа 98 стала однобортной. Также использовались брезентовые дождевики. Зимой выдавались двубортные пальто с подкладкой из овчины или меха и зимние шапки на заячьем меху с поднимающимися наушниками. Зимние полуботинки дополнялись гетрами и крагами на меху.

Зимние перчатки были стеганными, с отдельными большим и указательным пальцами.

Согласно нормам вещевого довольствия, рядовые должны были получать по две пары обычного и теплого белья на год, а также по две пары летнего и зимнего обмундирования. Обувь использовалась до полного износа. Обмундирование офицеров отряда было гораздо лучшего качества, чем у рядового состава, и обычно шилось на заказ из выдаваемого офицерам материала. [121]

Знаки различия личного состава отряда Асано, первоначально такие же, как в армии Маньчжоу-го, уже летом 1938 года были заменены на японские. Матерчатые погоны малинового цвета в виде поперечных нашивок размещались на стыке плеча и верхней части рукава мундира, звание обозначалось просветами и звездочками золотого цвета. Звездочки на погонах солдат и ефрейторов были матерчатыми, у всех остальных категорий военнослужащих – металлическими. Погоны прапорщиков и офицеров обшивались по краю золотым галуном. На воротник кителя пришивались петлицы, цвет которых соответствовал роду войск (пехота – красный, кавалерия – зеленый, артиллерия – желтый, инженерные части – коричневый). На полевом кепи отрядники носили пятилучевую пятицветную (сообразно цветам государственного флага Маньчжоу-го) звезду, принятую в маньчжурской армии.

Срок военной службы для русских эмигрантов был первоначально определен в два года. Все обучение проходило на основании японских уставов и на японском языке, в связи с чем в программу обучения был введен курс начальной языковой подготовки. В первые месяцы службы все асановцы осваивали стандартный армейский курс – строевая подготовка, материальная часть

вооружения и огневая подготовка, штыковой бой, действия бойца в одиночном порядке и в составе подразделения, караульная служба, первая медицинская помощь и т. д. Затем давалась углубленная подготовка по военной специальности, соответствовавшей профилю подразделения. Специальных дисциплин разведывательно-диверсионного характера в учебной программе отряда Асано первоначально не было.

Большое внимание уделялось «моральному воспитанию». В японской армии еще в середине 20-х годов была введена политико-воспитательная работа. Считалось, что моральное совершенствование выше, чем физическая сила. В армейских документах, где была представлена концепция морального воспитания, говорилось: «Дисциплина, воинская доблесть, героизм и, наконец, победа даются только тем, кто одухотворен идеей преданности его императорскому величеству». [122] Японский солдатский устав Сендзинкун, которым руководствовались японские войска вплоть до 1945 года, основывался на «пяти словах» Императорского рескрипта 1873 года:

1. Солдат должен исполнять свой долг перед страной.
2. Солдат должен быть учтив.
3. Солдат должен выказывать отвагу на войне.
4. Солдат должен держать свое слово.
5. Солдат должен вести простую жизнь.

Главным посылом Сендзинкун являлась преданность долгу и императору. Лояльность устав считал «главной обязанностью» солдата: «Запомни, что защита государства и возрастание его мощи зависят от силы армии. Помни, что долг тяжелее горы, а смерть легче пуха…»[123]

Японские офицеры очень серьезно относились к выдержанным в духе Бусидо[124] указаниям Сендзикун и

стремились привить их русским солдатам. На так называемых «духовных лекциях» русским солдатам внедрялись идеи героизма и патриотизма японской Императорской армии, являющейся образцом для подражания, важности борьбы против Коминтерна и создания Великой Восточной Азии. Но когда японский патриотизм зашкаливало на паназиатском лозунге «До Урала!», это начинало раздражать русских, что, впрочем, приходилось тщательно скрывать, поскольку проявлять столь неуважительное отношение к имперской идеологии, осененной величием богоподобного императора Ниппон, было опасно.

Важное участие в «духовном воспитании» бойцов отряда Асано должна была играть отрядная газета «К победе!», выдержанная в русском националистическом духе и приверженности идее создания «единого дома» под «японской крышей» в Маньчжоу-го. Составителем и редактором газеты являлся старший унтер-офицер Витвицкий, переведенный, по-видимому, в 1939 году для идеологической работы в штаб отряда.[125] Витвицкий не был лишен способностей к литературному слову и еще до военной службы пробовал себя в качестве драматурга. Известно, например, что в 1937 году в журнале «Нация» была опубликована его пьеса «Так будет», обыгрывавшая начало всеобщего антибольшевистского восстания в России, подготавливаемого фашистской партией на 1 мая 1938 года.[126]

Другой особенностью и нормой японской армейской системы являлось постоянное применение физического воздействия со стороны командиров к подчиненным и со стороны старослужащих и старших по званию низших чинов к младшим и новобранцам. По воспоминаниям служивших в отряде Асано, вплоть до прихода к руководству в отряде русских офицеров в 1944 году здесь процветало рукоприкладство. Среди русского

младшего комсостава отряда в этом особенно преуспевал фельдфебель артиллерийской части Василий Тырсин, который, по воспоминаниям младших сослуживцев, отличался «зверски-грубым обращением с провинившимися, особенно при производстве дознаний по различным проступкам».[127]

Осенью 1938 года состоялся первый смотр отряда Асано командующим войсками 4-го военного округа и начальником Харбинской ЯВМ генерал-майором Хата Хикосабуро.[128] Проверяющие остались довольны подготовкой бойцов. В связи с чем несколько русских старших унтер-офицеров были произведены в фельдфебели (А. И. Бердник, В. Н. Мустафин, Н. В. Рычков, И. И. Приказчиков, В. В. Тырсин и др.), а в феврале 1939 года майор Асано был повышен в должности до подполковника[129] (по другой версии, это произошло только в 1941 году).

Появились и первые отчисления из отряда. Так, в октябре 1938 года за систематическое пьянство был уволен старший унтер-офицер, каптенармус стрелковой роты Д. М. Золотаев.

В сентябре-октябре 1938 года состоялся первый учебный поход асановцев в долину реки Чол. Японское командование всегда уделяло большое значение в деле военной подготовки личного состава пехотных подразделений (пехота – основа японской Императорской армии) длительным полевым маршам, главной задачей которых являлось воспитание несгибаемости и выносливости. Роты должны были совершать марш в полном составе, и любой солдат (или офицер), покинувший строй, подвергался суровому взысканию.

Участие в учебном походе приняли два взвода из стрелковой части. Командовали походом поручики Китамура и Томидзава. В ходе полевого марша, протяженность которого составила более 600 км,

солдаты преодолели несколько рек и углубились в предгорья Большого Хингана. Чольский район с его сочетанием горных падей и ущелий, поросших вековыми лесами, с многочисленными горными речками и речушками являлся идеальным полигоном для проверки подразделения на прочность. К тому же здесь существовало около десяти русских поселков, начало которым было положено в 20-е годы. Поселки неплохо развивались и росли за счет переселенцев из Харбина и других районов.

Асановцы были тепло встречены чольскими поселенцами, несмотря на удивление, с которым они смотрели на русских солдат в японской форме, четко выполнявших строевые команды на японском языке.

В районе русских поселков было проведено несколько учебных занятий по отработке умений наступательного боя и ориентированию на незнакомой местности. В качестве условных противников асановцев в наступательном бою выступила местная русская молодежь. Помимо всего прочего поход имел и агитационные задачи привлечения эмигрантской молодежи на военную службу, поскольку следующий набор новобранцев в отряд Асано предполагалось осуществить в русских поселениях западной части Северной Маньчжурии.[130]

Второй набор эмигрантской молодежи в отряд Асано состоялся в марте 1939 года. Как и предполагалось ранее, сто новобранцев были призваны в основном из населенных пунктов по западной ветке СМЖД, из районов Чола и Трехречья. Так, трехреченский набор составил 50 человек,[131] набор в Онэнорском районе – 35 человек[132] и т. д. В массе своей это была казачья молодежь, воспитанная в духе старых казачьих традиций с уважительным отношением к старшим и вышестоящим, с детства прекрасно владевшая

навыками конной езды. Многие молодые казаки, регулярно занимаясь охотой, были хорошими стрелками.

Возможно, большое количество казаков среди военнослужащих отряда Асано, а также стремление сделать отряд более мобильным в условиях пересеченной горно-лесной местности большинства районов Северной Маньчжурии, заставили японское руководство начать перевод отряда во второй половине 1939 года на конный строй. Окончательно реорганизация отряда завершилась к февралю следующего 1940 года.

При переводе на конный строй отряд первоначально сохранял старое деление на части, но позднее они были заменены эскадронами. В 1940–1941 годах отряд состоял из двух стрелковых эскадронов трехвзводного состава, где третий взвод являлся пулеметным. Третий эскадрон объединял в себе подразделения тяжелого оружия (орудия и станковые пулеметы) и команду связи. Первый эскадрон возглавлял капитан Томинага, имевший среди отрядников прозвище «Губа». Инструктором верховой езды эскадрона являлся капитан Икэда. Пулеметным взводом 1-го эскадрона командовал поручик Томидзава. Командиром второго эскадрона первоначально оставался капитан Асакура, который в апреле 1942 года был замещен капитаном Катахира. Третьим эскадроном до лета 1942 года командовал капитан Оомура,[133] его заместителем являлся специалист по радиосвязи, военный чиновник, инженер Сасано.[134] В составе отряда с 1939 года действовала учебная команда для подготовки унтер-офицерских кадров, находившаяся под началом капитана Китамура.[135]

Кроме того, из бойцов, имевших соответствующие навыки, была сформирована группа специалистов, в чьи обязанности входило обеспечение нормального функционирования подразделений, – кузнецов, портных,

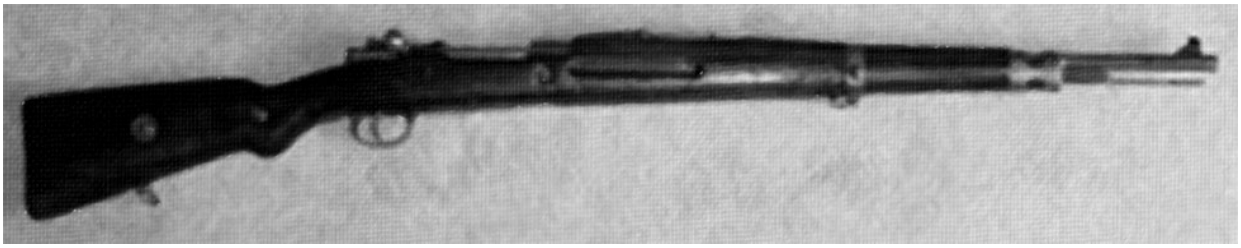
сапожников, ветеринаров. Специалисты имели нашивки из красной материи над левым локтем с соответствующим значком. Существовали курсы для подготовки специалистов.

В составе отряда был организован клуб, в рамках которого работала библиотека и созданные силами военнослужащих драматический и музыкальный кружки. В руководство клуба входили вахмистры Витвицкий и Приказчиков, служившие в идеологическом отделе штаба. У Приказчикова нарастали проблемы со здоровьем, делавшие его малопригодным для строевой службы, – одна из его рук стала сохнуть и плохо сгибалась. В дальнейшем, уже будучи офицером, он будет постоянно носить ее заложенной за борт кителя. Важное место в деятельности клуба занимал Нил Бахвалов, замечательно игравший на гармони и выступавший на сцене в роли комика. Постановки отрядного драмкружка носили в основном «антисоветский характер».[136]

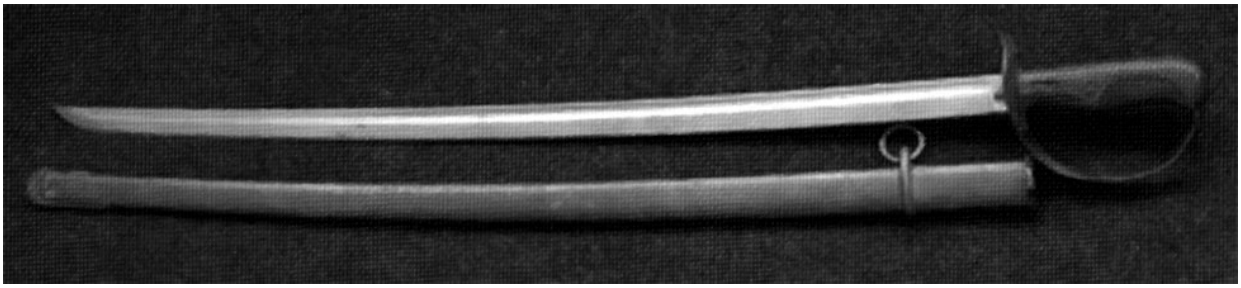
В связи с переходом на конный строй на вооружение отряда поступили активно использовавшиеся в китайской армии чешские карабины (модель Vz24) и японские кавалерийские сабли тип 32 образца 1899 года. На вооружении пулеметных взводов состояли по шесть ручных пулеметов Арисака тип 96, станково-пулеметное подразделение располагало двумя станковыми пулеметами Тайсё тип 14. До 1941 года еще проводились занятия с артиллерийскими орудиями, но затем орудия были поставлены на консервацию, и занятия с ними прекратились.[137]

Станковый пулемет Тайсё тип 14

Чешская винтовка Vz 24

Кавалерийская сабля тип 32

Несколько изменилось обмундирование отрядников. Были введены кавалерийские бриджи, высокие коричневые (красные) сапоги из свиной кожи или ботинки с крагами, снизу удерживаемыми ремешком,

пропущенным под ботинком. К обуви крепились железные шпоры.

Лошади для отряда закупались главным образом в Трехречье. Известно, что к весне 1940 года в распоряжении отряда находилось около 400 лошадей. [138]

Перевод отряда на конный строй привел к созданию на территории военного городка дополнительных сооружений. Вероятно, в 1940 году военный городок на Сунгари-2 приобрел свой окончательный вид. На территории гарнизона располагались четыре казармы, штабное помещение, офицерское собрание, соседствовавшее в одном здании с лекционным залом, две столовые, расположенное у главных ворот караульное помещение с карцером, санитарная и ветеринарная части. Пороховой погреб (оружейный склад и склад боепитания), окруженный валом, фуражный и вещевой склады, радиостанция, конюшни и колодцы (была еще заброшенная водокачка), собачник и голубятня. Кроме того – кухня с пекарней, сапожная мастерская, кузница, баня с прачечной, гараж. К высокому берегу Сунгари примыкали свинарник и гимнастический городок.

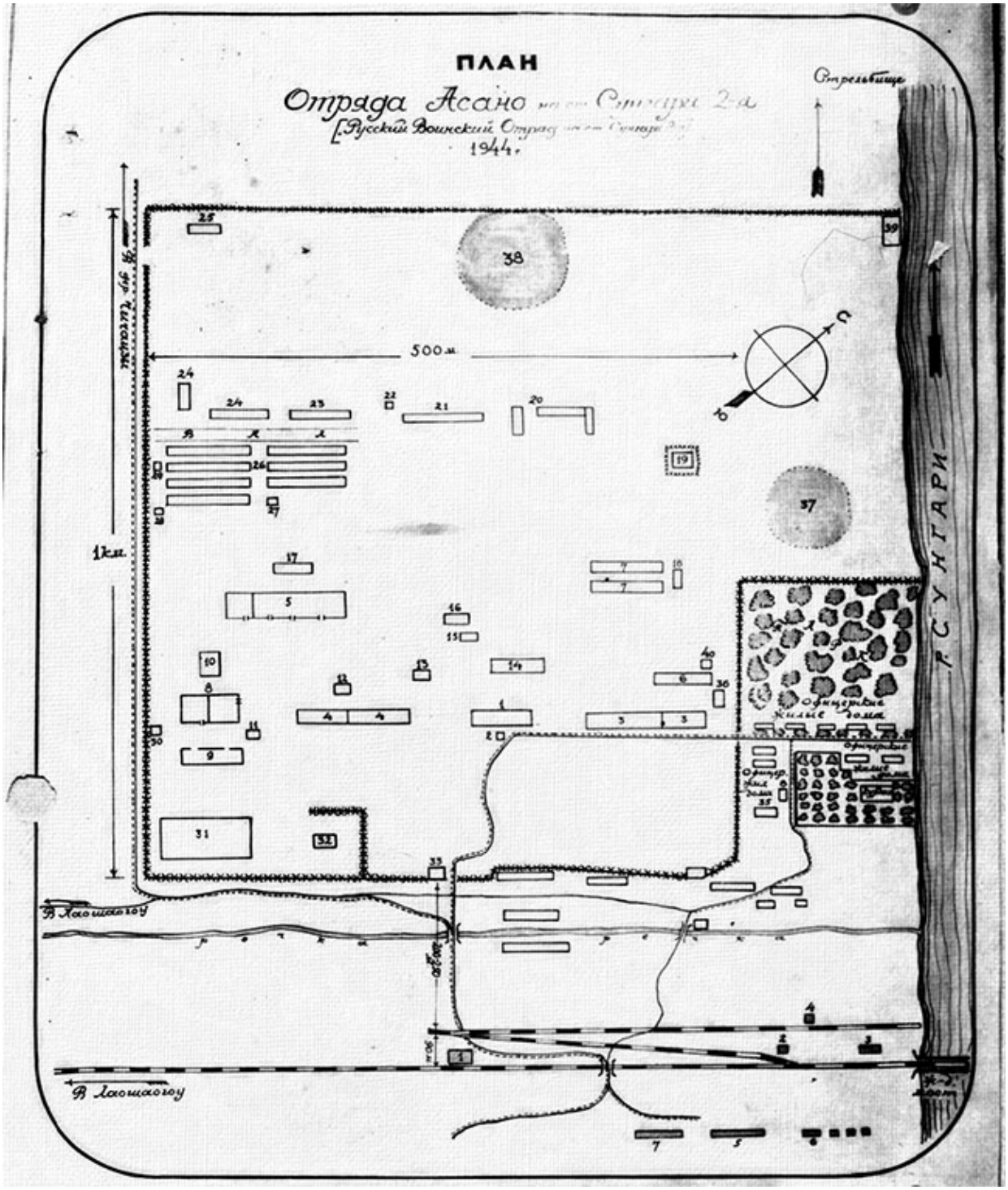

Схема. Гарнизон на Сунгари-2. Архив УФСБ РФ по Хабаровскому краю

Территория военного городка была обнесена валом с проволочным заграждением. Имелось трое охраняемых

ворот – главные, задние (или восточные) и ворота, ведущие к квартирам офицеров отряда Асано, которые имели разрешение жить вне гарнизона. Квартиры офицеров находились на краю выходившего к берегу Сунгари парка, здесь же размещалась небольшая церковь. Известно, что служил в церкви отец братьев Мустафиных – отец Николай, но сведений о том, в какой это было период, нет. В непосредственной близости от военного городка находилось отрядное стрельбище с артиллерийским окопом.

Жизнь отряда Асано строилась в соответствие с жесткими правилами японских уставов. В течение почти всего дня рядовой состав в расположении отряда перемещался только бегом. Подъем производился по звуку трубы в 5 часов (зимой – в 6, еще в полной темноте). После подъема солдаты строем бежали на уборку лошадей, на что отводился один час. Затем возвращались в казарму, в течение 20 минут умывались и убирали казарменное помещение. Вслед за этим отправлялись на чай (завтрак), занимавший не более 20 минут. После чая до 12 часов следовали занятия. Каждое занятие длилось 50 минут с перерывом на 10 минут. По окончании занятий в течение часа нужно было напоить лошадей и пообедать. Во второй половине дня снова проводились занятия до 16 часов, затем шла уборка лошадей, чистка оружия, приведение в надлежащий вид обмундирования и т. д. В 19 часов состав отряда отправлялся на ужин. После ужина были организованы занятия по японскому языку, после чего давалось свободное время. В 21 час проводилась вечерняя поверка, в 22 часа игрался отбой.[139]

Через шестьдесят лет после службы в отряде бывший асановец Виктор Винокуров так вспоминал свой первый день в армии: «Наутро, еще в темноте, труба проиграла подъем, и сержанты начали будить нас и выгонять на улицу становиться в строй „без

последнего“, то есть последний получал плеткой по спине. Построились и бегом в конюшню, где нас расставили у каждого коня, которые стояли задом к проходу, и нужно было пройти к голове и надеть уздечку и вывести на водопой. Почти у всех промелькнула мысль: „А вдруг конь лягнет?“. В том месте протекала река Сунгари… куда надо было вести коней, где дежурные дневальные пробивали проруби. Конь сам знал, сколько ему пить, и мы ждали, когда конь отходил от реки, и только тогда мы могли возвращаться в отряд. В конюшне надо было дать коням корм и почистить щеткой. Конь мне попался недобрый, он всегда старался укусить меня за левое плечо, иногда до крови…

Снова бегом в казарму привести себя в порядок, и бегом на завтрак в громадный зал, и занять место, где должен сидеть твой эскадрон, и встать перед столом, пока дежурный офицер скомандует: „Садись“. Не помню, чтобы мы читали молитву. Я сел и стал разглядывать зал. Пока смотрел во все стороны, раздалась команда: „Встать, расходись по казармам!“. Так я остался без завтрака. Потом мне уже хватало времени позавтракать и поговорить с приятелями.

Снова в казарму, и сразу команда: „Взять чехлы для матрасов и выходить без последнего!“. На сеновале мы наполнили чехлы сеном, и снова бегом в казарму положить матрасы на кровать, и снова строиться и бегом на склад за обмундированием, где каптенармус разбрасывал мундиры на глазок, без примерки. Мы быстро примеряли их и тут же менялись…

В казарме нам показали, как складывать одежду столбиком на полке рядом с кроватью и застилать постель. Это была японская традиция и, если столбик был неровным, то дежурный офицер, обходя казармы, сбрасывал его и будил бойца, если это была ночь, чтобы он исправил этот столбик».[140]

Самыми тяжелыми для новобранцев были первые три месяца военной службы. По воспоминаниям Винокурова, «первые три месяца были строевые занятия и езда верхом на коне, с которого вначале почти все падали. Коней не надо было попусту дергать, так как они прекрасно понимали команды и исполняли их лучше новобранцев. В этот период мы назначались на разные дежурства, начиная от дневальных по казарме, пекарне, больнице, столовой и т. д. Самое трудное дежурство было в карауле. Весь отряд охранялся по всему периметру часовыми, которые стояли в любую погоду и время года по два часа на посту. Командир отделения поднимал в караульном доме отдыхающих и спящих, если это было ночью, и обходил посты, заменяя караул. Ночью при полной темноте не было видно приближающихся людей, поэтому ложились, тогда на фоне неба мы могли видеть силуэты на далеком расстоянии. Зимой стоять два часа в открытом поле на ветру было очень холодно, и я согревался копанием ям походной лопаткой».[141]

Требуя четкого выполнения приказов и распоряжений и добиваясь полного подчинения, младшие командиры и офицеры нередко использовали физическую силу. Сохранилось даже одно свидетельство убийства японским офицером слишком строптивого русского солдата.[142] Обычно нарушители отрядной дисциплины подвергались таким взысканиям, как наряд вне очереди, постановка по стойке «смирно» под ружье на определенное время и, в особых случаях, карцер. Вновь читаем у Виноградова: «Не помню почему, но раз я испытал это „удовольствие“ [два часа под винтовку]. Накладывали четыре кирпича в ранец, который надевался на несчастного бойца, плюс винтовка на плече, и он стоял два часа в конторе вахмистра, который не позволял шевелиться. Когда я выстоял

положенное время, то под сапогами было мокрое место».[143]

Существовала и система поощрений. Отрядникам, неоднократно отличившимся в том или ином виде деятельности, выносились благодарности и вручались специальные значки. Известно, например, что существовали значки «За любовь к лошади» и «Отличник фехтования (на штыках)».[144] Отличники боевой подготовки получали повышенное денежное довольствие.

Денежное довольствие рядового асановца составляло 7–8 гоби (денежная единица Маньчжоу-го) в месяц, у ефрейтора – 10–12, унтер-офицеры получали до 24 гоби. Ежемесячное денежное пособие получала и семья военнослужащего. За рядового его семье выдавалось пособие в размере 30–40 гоби.[145]

Увольнения для рядового состава отряда разрешались только после первых трех месяцев службы, и то лишь в расположенный в непосредственной близости от гарнизона парк на берегу Сунгари. Здесь можно было находиться в военной форме и при штыке. Увольнение в китайский поселок Шанчай (Чичацзы?), находившийся в пяти километрах от военного городка, предоставлялось после полугодового обучения в отряде. В этом случае нужно было сдать форму и в целях конспирации надеть гражданскую одежду.[146]

Краткосрочный отпуск по месту жительства был введен, вероятно, не ранее второй половины 1940 года. Кроме того, известны случаи посещения родителями своих сыновей, служивших в отряде Асано, что делалось на основании письменного запроса, подаваемого в Харбинскую Военную миссию.[147]

В мае – августе 1939 года один из взводов отряда под командованием поручика Исино и фельдфебеля

Шехерева находился в Тоогенском районе, где власти Маньчжоу-го выделили земельные участки для эмигрантов, желающих переселиться сюда из Харбина и других районов восточной ветки СМЖД. Тоогенский район имел важное стратегическое значение, располагаясь в непосредственной близости от советско-китайской границы в живописной долине реки Тайванхэ. Для освоения Тоогенского района сюда тянули железнодорожную ветку от станции Цзямусы. Отрядники несли охрану чиновников-землемеров, работавших в районе, а в августе предприняли карательную экспедицию против хунхузов, убивших 14 русских переселенцев. Асановцы настигли китайский отряд, насчитывавший около 150 человек, но разгромить его не смогли. В ходе короткой перестрелки китайцы отошли, потеряв трех человек пленными, которые в дальнейшем были отправлены на грузовой машине в Тооген, а русские вернулись на базу.[148]

Тем временем в мае 1939 года начались боевые действия на монгольско-китайской границе в районе реки Халхин-Гол (в японской традиции эти события получили название Номонханского инцидента). Конфликт на Халхин-Голе стал результатом целой цепи разведывательно-провокационных действий Квантунской армии на значительном протяжении пустынной границы между Монгольской Народной республикой, не признанным никем, кроме СССР, государством, и Маньчжоу-го, имевшей слабую демаркацию, а иногда и вообще не имевшей ее. В какой-то степени бои на Халхин-Голе стали проверкой готовности СССР выполнить свои обязательства в рамках заключенного в марте 1936 года военного союза с МНР и боеспособности советской Красной армии.

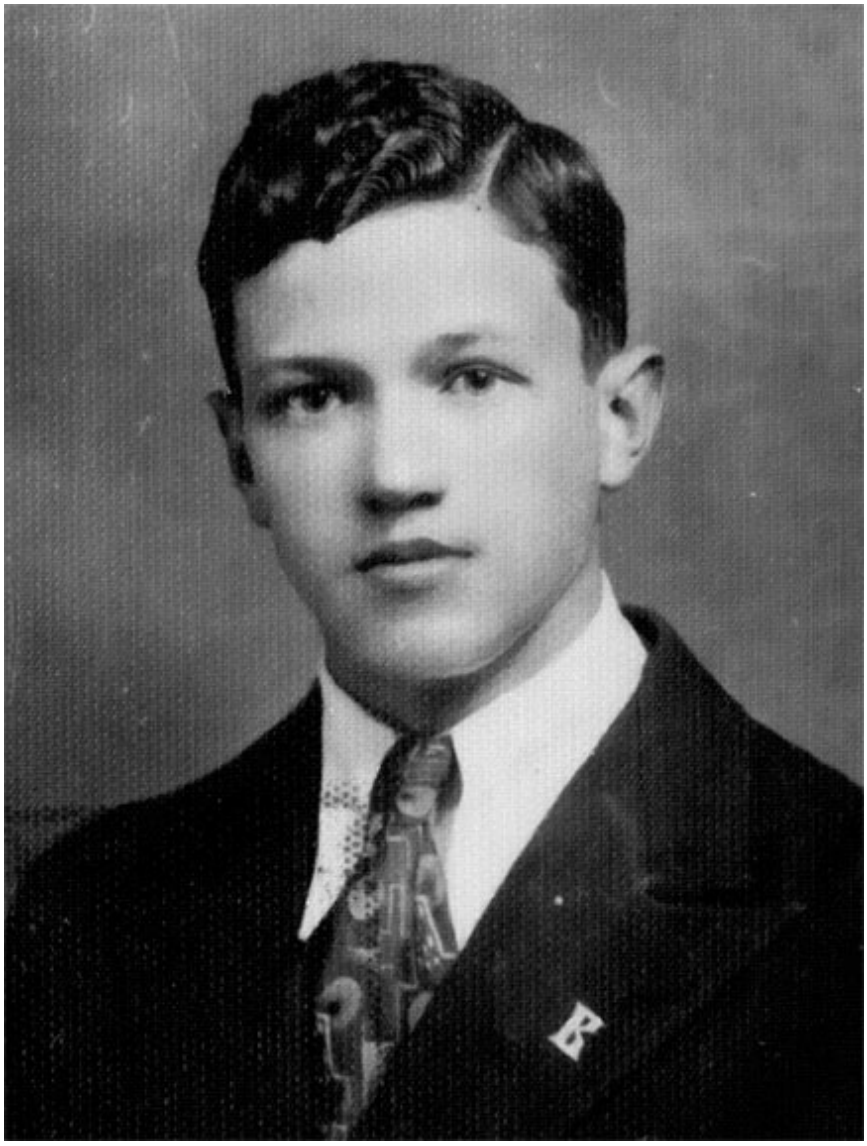
Военные действия на Халхин-Голе велись с использованием всех родов войск. Помимо японской 23-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Комацубара и

ряда приданных ей подразделений в конфликте приняли участие части армии Маньчжоу-го, в том числе и баргутская кавалерийская бригада (Северо-Хинганский охранный отряд) под командованием генерал-лейтенанта Уржина Гармаева,[149] в прошлом офицера войск атамана Семенова, видного общественного и политического деятеля баргутской (бурятской) эмиграции в Китае. В отличие от баргутов, русские воинские подразделения в событиях на Халхин-Голе не участвовали, но отдельные русские эмигранты находились в действующих частях.

В июне 1939 года шесть военнослужащих-связистов из отряда Асано были прикомандированы к Харбинской ЯВМ, откуда их двумя группами направили в информационные отряды действующих войсковых группировок. Группа военного чиновника Сасано в составе ефрейторов Козловского и Городецкого выехала в Хайлар, а группа поручика Оомура в составе ефрейторов Михаила Натарова и Алексея Поротникова – в Халун-Аршан (курортное местечко в 30 км от границы с Монголией). Эти группы должными были передавать сведения о происходящем на фронте в Харбин, а также участвовать в опросах советских и монгольских военнопленных и перебежчиков. Через некоторое время обе группы асановцев были соединены под командованием майора Ниумура. Заболевшие Городецкий и Козловский возвратились на Сунгари-2, а вместо них в отряд прибыли военный чиновник Сугита, младший унтер-офицер Ефимов и рядовой 1-го разряда Борис Цыганков. Отряд Ниумура, находясь вблизи фронта, должен был поддерживать связь с главным японским штабом, но русские самостоятельно на рациях не работали. После отъезда 12 июля в Хайлар Сасано, Ефимова и Цыганкова в непосредственной близости от линии фронта остались только Оомура, Натаров и Поротников. Их закодированные сообщения поступали в

Хайларскую Военную миссию, а оттуда – в штаб Квантунской армии в Синьцзине.

В ходе боев 22 июля, по одной версии, при прорыве японской части из окружения, по другой – находясь в 30 км от линии фронта, один из асановцев – ефрейтор Натаров[150] был убит осколком бомбы при налете советской авиации. Связь с Хайларом временно прервалась, поэтому к линии фронта вновь были направлены Сасано, Ефимов и Цыганков. Группа русских связистов находилась на фронте вплоть до конца августа, затем была отозвана в Хайлар и в начале сентября, за исключением возвратившегося на фронт младшего унтер-офицера Ефимова, выбыла в расположение отряда Асано. Ефимов прибыл на Сунгари-2 только в конце сентября.[151]

Натаров М. А. ГАХК

Помимо радистов из отряда Асано, на Халхин-Голе находилось несколько русских радистов и переводчиков из подразделений ЯВМ. Кроме того, в августе 1939 года по приказу Военного министерства Маньчжоу-го в состав информационного отряда министерства был включен фельдфебель Витвицкий. Он был единственным русским в составе отряда. Отряд располагал радиостанцией, фотолабораторией, ротатором, печатными машинками, имел в своем распоряжении подробные карты района боев. В обязанности отряда входило составление

пропагандистских листовок и изучение различных материалов, изъятых у пленных и убитых (в частности, записных книжек, писем и т. п.).

22 августа отряд прибыл в район Хайлун-Аршана, но ввиду скорого прекращения боевых действий практически ничего не сделал. Витвицкий за две недели пребывания у линии фронта изготовил всего четыре листовки, в которых содержалась критика коммунистического режима в России и призыв к военнослужащим Красной армии прекратить бесцельную борьбу и перейти на сторону японских войск. Текст листовок был утвержден в Синьцзине, но они так и не были размножены. Обратно в свою часть Витвицкий вернулся в конце сентября.[152]

Тело погибшего на Халхин-Голе Михаила Натарова было доставлено в Харбин и здесь захоронено с воинскими почестями в ограде Николаевского кафедрального собора, несмотря на протесты харбинского митрополита Мелетия. Похороны Натарова превратились в крупный антисоветский митинг с большим стечением народа, участием членов русских политических организаций, учащихся школ, эмигрантской администрации. Представителем отряда Асано на похоронах являлся майор Асерьянц, прибывший в Харбин в сопровождении нескольких одетых в гражданскую форму отрядников. В речи начальника БРЭМ генерала В. А. Кислицина, произнесенной во время погребения Натарова, говорилось, что «героическая смерть вознесла его на недосягаемую высоту, сделала его нашим национальным героем... Начиная культ героев похоронами Натарова, продолжим его постройкой памятника всем нашим соотечественникам, павшим в борьбе с коммунизмом в последние годы. Покажем, что культ героизма как раз является тем, что цементирует наше русское боевое единство и наше

русско-ниппонское братство, освященное кровью павших».[153]

Позднее на могиле Натарова был сооружен памятник, а напротив Собора в 1942 году открыта часовня – памятник борцам с Коминтерном.[154] В 1943 году сестра Михаила получила из рук подполковника Коссова медаль за участие в пограничных инцидентах, присвоенную Натарову правительством Маньчжоу-го. Кроме того, он был награжден японским орденом Восходящего Солнца (Букасё) 8-й степени.[155]

Возможно, Халхин-Гол оказал влияние на судьбу еще одного радиста-асановца, находившегося некоторое время в командировке в непосредственной близости от линии фронта, – Городецкого, который после увольнения в резерв в 1940 году покончил жизнь самоубийством в Харбине.[156] Участие в боях на Халхин-Голе также принимал майор Коссов. Он находился в составе Хинганской кавалерийской дивизии, был контужен и в дальнейшем хромал на левую ногу.[157] После выздоровления Коссова отозвали из отряда Асано в распоряжение штаба 4-го военного округа Маньчжоу-го.

Что касается переходящих из публикации в публикацию легенд об участии всего состава отряда Асано в боевых операциях на Халхин-Голе,[158] это всего лишь попытки выдать желаемое за действительное. Никаких конных эскадронов асановцев (находившихся в это время в стадии формирования), тем более пятого (первоначально их было только два) под командованием поручика или даже есаула Тырсина (офицеров из эмигрантской молодежи в это время просто не существовало), в стремительном встречном бою полностью вырубающих монгольские подразделения, на Халхин-Голе не было.[159]

Завершение халхин-голской авантюры было ускорено совершенно неожиданным для Японии

заключением в августе 1939 года военно-политического союза между Германией и СССР в рамках пакта Молотова – Риббентропа, оставившего Страну Восходящего Солнца без союзников. После этих событий в японском руководстве в очередной раз разгорелась борьба между сторонниками «северного» и «южного» вариантов экспансии, с явным перевесом в пользу второго.

В то же время, вероятно, именно Халхин-Гол подтолкнул японцев к введению в программу обучения отряда Асано разведывательно-диверсионных дисциплин, но окончательно назначение отряда изменилось только в 1941 году.

В период халхин-голских событий в среде русской эмиграции вновь поползли слухи о близкой войне между Японией и СССР, которая могла стать для эмигрантов «освободительной». Слухи подкреплялись некоторыми публикациями из периодической печати. В журнале «Друг полиции» за номером 9 от 1939 года, в частности, говорилось, что японцы не являются врагами для эмигрантов, и если случится война между Ниппон и СССР, она «будет для русского народа войной освободительной». А пока в задачи полиции входит «очищение освобожденной территории от оставшихся на ней скрытых, враждебных новому строю коммунистических элементов… Русские молодые люди, прошедшие курс наших полицейских школ, получили для этого прекрасную, всестороннюю подготовку. В основу их воспитания положен великий принцип Ван-Дао, провозглашенный Конфуцием и разработанный далее его учеником Лао-Цзы…»[160]

Претворением в жизнь великого принципа ван дао (императорского пути) как основы объединения под «японской крышей» народов, проживающих на территории Маньчжоу-го, занималась созданная в 1932

году полуправительственная организация Киовакай (китайское название – Сехэхуй). Русские эмигранты были включены в состав Киовакай в 1939 году как один из «коренных народов» Маньчжоу-го. В это же время появилось русское подразделение молодежного отдела Киовакай, а летом 1940 года начали действовать Высшие курсы Киовакай для русской молодежи, включавшие в себя и начальную военную подготовку.

Русский женский отдел Киовакай – Кокубо фуцзинкай – нес своеобразное шефство над бойцами отряда Асано, ежегодно собирая пожертвования на подарки военнослужащим и выезжая время от времени на Сунгари-2 с театральными постановками.[161]

Летом 1940 года на западной линии СМЖД (станция Хакэ в 30 км от Хайлара) и в Трехречье (поселок Драгоценка) под эгидой Киовакай прошли военно-учебные сборы, в которых приняли участие молодые эмигранты практически из всех русских населенных пунктов западной линии. Занятия на сборах вели японские офицеры и резервисты из отряда Асано. В качестве наблюдателей на сборах присутствовали командующий 10-м военным округом Маньчжоу-го генерал-лейтенант У. Гармаев, а также представители Военной миссии и Бюро эмигрантов (начальник Захинганского БРЭМ – генерал Бакшеев).[162] В дальнейшем многие из молодых людей, проходивших военные сборы на станции Хакэ и в поселке Драгоценка, отправились служить в отряд Асано.

Своеобразным финалом военных сборов 1940 года стал строевой смотр казачьих учебных подразделений в составе Хакинской учебной пешей полусотни (станция Хакэ), Чжаромтинской пешей полусотни (станция Чжаромтэ), Якешинской конной сотни (станция Якеши), Хайларской пешей полусотни, Хайларской конной полусотни, Хайларской пехотной роты. В распоряжении о проведении смотра генерал Бакшеев отмечал: «...

Порабощенный русский народ лишен возможности собственными силами порвать цепи рабства. Российская эмиграция материковой Азии и казачество, объединенные вокруг Бюро по делам Российских эмигрантов, готовы по первому зову своего Атамана Семенова придти на помощь порабощенным братьям! В этот ответственный момент наша готовность к любой жертвенности должна быть доведена до совершенства, а потому ваша строевая подготовка... необходима вам, как воздух!».[163]

В марте 1940 года большая часть русских военнослужащих отряда Асано, призванных на службу в тридцать восьмом году, была демобилизована и зачислена в резерв. Из первого набора в отряде остались только часть русских младших командиров и солдат, пожелавших продолжить военную службу. Каждый увольняемый в резерв давал подписку о неразглашении сведений об отряде.

Перед отъездом демобилизованных отрядников начальство отряда организовало для них прощальный банкет.

Эмигранты, прошедшие военную службу в отряде Асано, оказались на особом счету у японского руководства, которое стремилось их использовать и после окончания военной службы. Известно, что весь первый состав резервистов, получив документы о демобилизации (они были нужны, в частности, для оформления резервистами новых видов на жительство, так как срок действия старых за время их службы истек), прошел собеседование с сотрудниками харбинской ЯВМ. Резервистам была предложена служба в специализированных японских учреждениях.[164] Те, кто изъявил такое желание, в дальнейшем работали в подразделениях Военной миссии, Киовакай, Главного Штаба японской армии. Так, все бывшие члены

фашистской партии, уволенные из армии, работали в дальнейшем в различных отделах и территориальных отделениях Военной миссии. Тем, кто отказался работать в японских учреждениях, была оказана помощь в трудоустройстве на частные и государственные предприятия. При этом резервистам вменялось в обязанность следить за политическими настроениями русских рабочих и служащих этих предприятий.

Для поддержания боеготовности и осуществления переподготовки резервистов были учреждены ежегодно проводимые в расположении гарнизона отряда Асано военные сборы. Первые десятидневные сборы, на которых присутствовали резервисты численным составом до роты, были организованы уже в августе сорокового года.[165]

В связи с увольнением в резерв значительной части личного состава отряда Асано в феврале-марте 1940 года был организован новый, третий набор русской молодежи в отряд. Офицеры отряда во главе специальных комиссий отбирали молодежь в разных районах Северной Маньчжурии. Например, командир отряда, подполковник Асано, возглавлял призывную комиссию в станице Онэнорская.[166] В Южной Маньчжурии специальных наборов на военную службу вплоть до начала 1944 года не проводилось, только отдельные эмигранты из этого района поступали в качестве добровольцев на службу в отряд.

Весенний набор сорокового года осуществлялся под лозунгом военной службы как священной обязанности для всех русских эмигрантов, являющихся пятой равноправной нацией Маньчжоу-го.

15 апреля 1940 года в Маньчжоу-го была введена всеобщая воинская повинность («Закон об обязательной воинской повинности») для представителей пяти национальностей, проживавших на территории этого государства: китайцев, монголов, корейцев, японцев и

русских. Как отмечалось в Законе, его основными задачами являлись должное обеспечение государственной обороны; создание из призываемых военных кадров; внедрение в население путем военного воспитания на основах Духа основания государства здоровых государственных идеалов, тем самым обеспечивая наибольшую пользу государству.[167]

Теперь военную службу должны были отбывать все русские эмигранты, достигшие полных 19 лет, «имеющие полную достоверность личности, твердые убеждения и преданность»,[168] годные по состоянию здоровья и не имеющие отсрочки в связи с обучением в вузе или по причине сложных семейных обстоятельств.

После введения всеобщей воинской повинности для русских юношей призывного возраста выехать за пределы Маньчжоу-го стало крайне сложно. Иногда у призывников за несколько месяцев до очередного набора в армию изымали паспорт, и человек становился «невыездным».

Здесь стоит отметить, что служба в армии Маньчжоу-го русской эмигрантской молодежью воспринималась весьма неоднозначно. Некоторая часть молодежи и их родители не видели ничего дурного в военной службе. Это была если не священная обязанность, то, по крайней мере, необходимая повинность в отношении государства, предоставившего приют для эмигрантов. Молодые люди, прошедшие армейскую службу, приобретали своего рода статус «настоящего мужчины», на что нам указывают документы биографического характера. Например, один из бывших асановцев, Михаил Павлов, вспоминая ситуацию, предшествующую его призыву на военную службу, отмечал, что «вся русская молодежь, служившая раньше меня [в отряде Асано] и приезжавшая в отпуска, чувствовала себя значительнее нас, которые еще не служили в этом отряде. Они

рассказывали, что ничего страшного и непосильного в службе нет: форма, казармы хорошие и питание отличное».[169]

С другой стороны, для значительной части русской молодежи, особенно городской, служба в маньчжурской армии, которая воспринималась чуждой, где русские парни, может быть, ценой своей крови, будут отстаивать интересы японцев, была очень непопулярна. Молодые люди, чтобы избежать призыва, поступали в вузы (с 1941 года в Харбине остался только один русский вуз – Северо-Маньчжурский университет), шли на курсы ЯВМ, симулировали различные заболевания, всеми правдами и неправдами стремились покинуть Маньчжурию.

По воспоминаниям бывшего студента Северо-Маньчжурского университета, в 1940 году наплыв абитуриентов в университет был очень высок, так как «молодых людей, которые нигде не учились, забирали в военный отряд Асано на станции Сунгари-2».[170] В книге воспоминаний Виктора Санникова, несколько лет прожившего на концессии Чол, есть несколько сюжетов, посвященных военной службе русских эмигрантов в армии Маньчжоу-го (сам он, по его мнению, ее счастливо избежал). Как пишет Санников, во время призывной кампании «у каждого [из призывников] было на языке то, что на уме: как бы не попасться… Подходящих для военной службы ребят подбирали из нашей среды и увозили в военные школы… Некоторые из служащих нередко приезжали на побывку… Они производили впечатление своей выправкой и военной формой с японской саблей на боку. Но внешний вид никого не соблазнял».[171] Санников приводит один из случаев, когда вызванный на медкомиссию призывник съел перед осмотром целую пачку сухого чайного листа, симулируя сердечное заболевание».[172]

Многие молодые люди, особенно харбинцы, не дожидаясь повестки на военную комиссию, а иногда и

получив ее, старались выехать в Северный Китай или в Шанхай. Делалось это как легально (вызов от тяжелобольного родственника, приглашение от вуза на учебу и т. п.), так и нелегально. Более поздние воспоминания бывших эмигрантов, живших в 1940-е годы в Шанхае, показывают, что значительная часть русских парней выехала сюда, желая избежать службы в отряде Асано.[173]

Основной контингент новобранцев давала западная ветка СМЖД с ее значительным процентом казачьего населения, в среде которого военная служба по-прежнему продолжала рассматриваться как священная обязанность. Эта идея активно поддерживалась казачьей администрацией и внедрялась в сознание молодого поколения. Интересным документом в этом отношении является сборник «Краткие сведения из уставов для обучения молодых казаков», использовавшийся в казачьих учебных командах. Общий раздел «Кратких сведений» гласил: «Каждый русский подданный, или гражданин по-теперешнему, обязан защищать свое государство. Защищать что-либо от нападающих можно только оружием. А мы, эмигранты, не признали теперешней власти в России и ушли в чужие страны, но большинство наших братьев осталось дома и невыносимо страдают от гнета коммунистов. Там, дома, нарастает большое недовольство властью, и мы, эмигранты, не собираемся оставаться вечно за границей. Коммунисты добровольно от власти не уйдут, их можно только силой прогнать. Никто посторонний не будет изгонять для нас большевиков, самое большее, на что мы можем надеяться, – на оказание помощи, а свергнуть ненавистную власть придется нам самим. Принять участие в этом должен каждый русский и особенно молодежь. Для выполнения этих задач каждый молодой человек должен быть ознакомлен с военным делом».[174]

Но даже в казачьих районах было немало противников службы русской молодежи в армии Маньчжоу-го. Местная казачья администрация в меру своих сил боролась с подобными проявлениями. Один из приказов начальника Захинганского районного БРЭМ, генерала Бакшеева, от августа 1940 года гласил: «Ежегодно в марте месяце происходит набор молодых казаков в отряд полковника Асано. Специальные комиссии по набору, прежде чем взять то или другое лицо, тщательно и всесторонне обсуждают его семейное и имущественное положение, благополучие семьи и ее остающихся работников, и только после этого казак берется. Состояние же здоровья его определяется врачом. Несмотря на это, после набора нередки случаи, когда родители взятого на службу казака возбуждают ходатайства об освобождении от службы их сына, ссылаясь на различные обстоятельства и общественные приговора, которые охотно выдаются сердобольными общественниками. Такое положение считаю недопустимым. Станичные и поселковые атаманы обязаны принимать решительные меры против ходатайств и в корне их пресекать».[175]

И представители эмигрантской администрации, которая не в последнюю очередь формировалась из бывших офицеров Белой армии, старались выполнить предписание начальства, отправляя в первых рядах в отряд Асано своих сыновей.

После введения закона о всеобщей воинской повинности набор эмигрантской молодежи на военную службу проходил строго через Главное Бюро российских эмигрантов (ГБРЭМ) и районные отделения БРЭМ. В состав призывной комиссии обычно входили представители Бюро, Военной миссии, офицеры отряда Асано и врачи. Теперь по прибытию в отряд призывники не только заполняли необходимые документы, но и

сдавали отпечатки пальцев обеих рук. Дезертирство из армии каралось шестилетним тюремным заключением.

Вероятно, к этому времени окончательно сложился текст воинской присяги, в целом выдержанный в духе конфуцианских ценностей. Присяга строилась на следующих положениях:

1) Основой воинского духа должны быть патриотизм, искренность, доверие и человеколюбие. Слово не должно расходиться с делом, и не должно быть ни малейшего нарушающего доверие поступка.

2) Все приказания начальников должны всегда и везде точно и беспрекословно исполняться, поддерживая этим строгость дисциплины.

3) Абсолютно не допускаются своевольное применение оружия и превышение власти, ложные и безрассудные разговоры и прочие беззаконные действия, легко вызывающие народное недоверие и подрывающие престиж армии.

4) Военнослужащий должен сохранять опрятность и порядок, строго соблюдать чинопочитание, уважать старших и любить младших, не допускать ни низости, ни подлости, ни других поступков, могущих запятнать честь воина.

5) Военнослужащий обязан свято соблюдать воинский долг, не допускать ни малейшего страха перед неприятелем.

6) Высоко держать воинское звание.

7) Бережно относиться к казенному имуществу, строго разграничивать обще-казенное и лично-частное.

8) Сохранять свое здоровье и не допускать излишней роскоши.[176]

Новобранцы отряда Асано принимали воинскую присягу на второй неделе военной службы. По описанию асановцев, принимавших присягу в сороковом году, церемония проходила поэскадронно. Командир эскадрона, японец, зачитывал текст присяги по-японски

перед строем новобранцев, вооруженных только прикрепленными к поясному ремню штыками. Русский помощник командира переводил текст присяги на русский язык. После этого каждый новобранец ставил свою подпись под текстом присяги. В заключение церемонии был проведен общий сбор молодых солдат в лекционном зале гарнизонного Офицерского собрания, где с речью выступил командир отряда, подполковник Асано.[177]

Введение обязательной воинской повинности для эмигрантов поставило на повестку дня численное увеличение отряда Асано и потребовало подготовки русских офицерских кадров для обеспечения его нормального функционирования. Кроме того, наличие национальных офицерских кадров должно было облегчить более быструю адаптацию в отряде новобранцев и улучшить взаимосвязь между японским командованием и основной массой военнослужащих. В связи с этим летом 1940 года при отряде были организованы полковые офицерские курсы (курсы кандидатов на офицерское звание) для наиболее подготовленных русских младших командиров, имевших к этому времени звание прапорщиков. Продолжительность курсов составила один год.

Набор курсантов был очень небольшим – Виссарион Мустафин, Рычков, Приказчиков, Тырсин. После прохождения учебной программы и сдачи экзаменов в июне 1941 года выпускники курсов были назначены для прохождения офицерской практики в различные подразделения отряда.[178]

Еще в период обучения, в декабре 1940 года, курсанты в качестве поощрения и для воспитания у них чувства благодарности к Стране Восходящего Солнца были отправлены командованием отряда в трехнедельную поездку в Японию. Вместе с курсантами в Японию выехали подполковник Асано, майор Асерьянц

(являлся постоянным переводчиком при Асано) и казначей отряда капитан Ооно. График поездки был весьма насыщенным – группа осмотрела кладбище русских солдат, умерших в плену в период русско-японской войны, в Хиросиме, большой буддийский храм и военное училище в Токио, курортные места в Бейпу, театры в Нагое. В Хиросиме в честь приезда гостей мэр города устроил банкет, в Токио русские курсанты удостоились чести присутствовать на обеде в японском Генеральном штабе, где с ними беседовал полковник Абэ. Там же, в Токио, асановцы встречались с консулом Маньчжоу-го в Японии – генералом Ли, который оказался в прошлом сослуживцем Асерьянца по китайской армии. [179]

В сентябре 1940 года отряд Асано в полном составе во главе с командиром совершил учебный поход на Нижний Чол. Это был первый большой учебный поход отряда, хотя еще в январе того же года был осуществлен пятисуточный марш-бросок до города Ванфу, целью которого являлось выявление выносливости и кавалерийских навыков бойцов.[180]

До станции Чжаланьтунь отряд с лошадьми был переброшен по железной дороге, а уже оттуда двинулся в конном строю в долину реки Чол. Русское население чольской концессии устроило асановцам торжественную встречу. В процессе чольского похода отрабатывались боевые навыки, полученные во время обучения на Сунгари-2. Проводились тактические занятия в составе отделения, взвода, эскадрона. В общей сложности поход длился около месяца.[181]

Результаты учебных походов, а также проводившихся раз в полгода представителями Военной миссии смотров отряда, показывали высокий уровень боевой подготовки, слаженности и сплоченности бойцов подразделения, что было, прежде всего, заслугой японских офицеров отряда. У нас нет сведений о

существовании антагонизма между японскими офицерами и русскими солдатами отряда, по крайней мере до времени Великой Отечественной войны. Наоборот, молодые русские солдаты с большой симпатией относились к своему командиру, подполковнику Асано. По воспоминаниям сына Г. Х. Асерьянца, они за глаза называли его «деда». Асано тоже был не чужд русской культуры, хотя сильно не вдавался в этнические различия детей бывших подданных Российской империи. Будучи впечатлен кавказским боевым костюмом, черкеской, он заказал его себе со всеми дополнениями в виде бурки, папахи, кинжала, и время от времени с удовольствием облачался в этот костюм.[182]

В марте 1941 года состоялся очередной призыв эмигрантской молодежи в отряд Асано. В преддверии нового набора эмигрантская администрация в Харбине решила воззвать к патриотическим и антикоммунистическим чувствам молодежи и провести призывную кампанию, демонстрируя высокий энтузиазм и сознательность молодых людей.

Около одной тысячи молодых эмигрантов были приглашены в здание харбинского Коммерческого собрания для встречи с начальником БРЭМ генералом Кислициным. Не сильно уповая на сознательность молодежи, администрация приказала закрыть все двери и выставить охрану. После непродолжительной речи Кислицина, в которой он призывал молодых людей добровольно поступать на военную службу, готовя себя к будущему освобождению Родины, юноши были разбиты на группы по 30–40 человек. Затем молодые люди группами входили в соседнее помещение, где находились генерал Кислицин, японские офицеры и врачи, и выстраивались в шеренгу. Японский врач, двигаясь вдоль шеренги, указывал подходящих юношей,

и те выходили на два шага вперед. Несколько человек отобрал лично Кислицин. Отобранным на осмотре были выданы анкеты, в которых нужно было указать биографические данные и род войск, где желал бы служить доброволец. Тем, кто согласился пойти добровольцем в армию, было обещано сохранение средней заработной платы на прежнем месте работы, которую теперь должна была получать семья военнослужащего. Это было немаловажно, поскольку значительная часть эмигрантских семей имела очень скромный достаток.

В результате призывной кампании добровольцев набралось около шестидесяти человек.[183]

1 апреля 1941 года добровольцы вместе с призывниками прибыли на станцию Сунгари-2 и начали свое обучение. Все шло в обычном режиме, но уже летом 1941 года в связи с начавшейся советско-германской войной ситуация резко изменилась.

Глава 3
Отряд Асано (июль 1941 – декабрь 1943 года)

22 июня 1941 года Германия без объявления войны напала на Советский Союз, что стало неприятной неожиданностью не только для сталинского руководства, но и для правящих кругов Японии.

После горькой пилюли в виде пакта Молотова – Риббентропа 1939 года японское правительство было вынуждено откорректировать свои планы в отношении Москвы. К тому же начиная с 1932 года Советский Союз на Дальнем Востоке постоянно поддерживал военный перевес над японцами. К началу сорок первого советское командование сосредоточило на Дальнем Востоке более 20 процентов своих сухопутных войск. Советские дальневосточные войсковые соединения превосходили японскую группировку в Маньчжурии и Корее по численности в 1,5 раза, по орудиям и минометам – в 4,8 раза, самолетам – в 4,5 раза и танкам – в 11 раз.[184] Все это способствовало усилению японских «евразийцев», выступавших за создание континентального блока «Германия – Россия – Япония» против блока морского – «Великобритания – США». Одним из крупнейших представителей «евразийцев» являлся принц Коноэ Фумимаро, во второй раз занявший пост премьер-министра страны в июле 1940 года.

После подписания Тройственного пакта в сентябре 1940 года и немецкие, и японские «евразийцы» ожидали скорого подключения к нему Советского Союза, что могло бы сделать Четверной союз мировым лидером. В известной степени следствием этих ожиданий можно считать подписание в апреле 1941 года «Пакта о

нейтралитете между Японией и СССР». Однако окончательного оформления континентального блока не произошло (в отличие от некоторых своих приближенных, и особенно К. Хаусхофера, Гитлер никогда не был «евразийцем»), наоборот, советско-германские отношения начали все больше обостряться, что обеспечило в дальнейшем разрыв союза тридцать девятого года и фатальную для Германии войну.

Японские правящие круги практически ничего не знали о подготовке плана «Барбаросса». Гитлер, презрительно называвший японцев желтыми обезьянами, не считал нужным посвящать своего дальневосточного союзника в свои стратегические планы. Поэтому, так же как в 1939 году, Япония должна была стремительно реагировать на изменившуюся международную обстановку в связи с начавшейся советско-германской войной. Весь конец июня сорок первого года прошел под знаком противостояния «южного» и «северного» вариантов экспансии. В конце концов победа осталась за сторонниками «южного» варианта, но с известной долей компромисса, вкладываемого обычно в слова тогдашнего военного министра Японии генерала Тодзё Хидэки: «Нападение должно произойти тогда, когда Советский Союз, подобно спелой хурме, готов будет пасть на землю».

В июле 1941 года японский Генеральный Штаб разработал очередной стратегический план[185] возможного военного столкновения с СССР, получивший название «Кантогун токусю энсю» (Специальные маневры Квантунской армии), сокращенно – Кантокуэн. В соответствии с этим планом была осуществлена масштабная переброска к советской границе японских войск, которые должны были составить три фронта: восточный (приморский), северный (амурский) и западный (Большой Хинган). Но, не желая оголять китайский фронт, вместо первоначально

запланированных 34 дивизий японское командование направило в Северную Маньчжурию только 24, не создав тем самым ни численного, ни технического перевеса над противником. Японцы ждали результатов немецкого наступления.

Разведуправление японского Генерального Штаба, оценивая обстановку в Советском Союзе и на советско-германском фронте, в конце 1941 года пришло к выводу, что, «даже если Красная армия в этом году оставит Москву, она не капитулирует. Намерение Германии быстро завершить решающее сражение не осуществится. Дальнейшее развитие войны не будет выгодно для германской стороны».[186] В начале сентября Координационный совет правительства и Императорской ставки пришел к выводу, что, «поскольку Япония не сможет развивать крупномасштабные операции на севере до февраля [1942 года], необходимо за это время быстро осуществить операции на юге».[187] А начавшаяся в декабре сорок первого года война с Соединенными Штатами сделала перспективы военного нападения на СССР весьма призрачными.

Начало войны между СССР и Германией и необходимость для Японии в данной ситуации окончательно определить свой курс привели к изменению отношения японского военного руководства в Маньчжурии к эмигрантским военизированным формированиям. Японское военное командование и спецслужбы поставили задачу превратить эти формирования в разведывательно-диверсионные подразделения, значимость которых в случае войны с СССР была бы неоценима. Введение разведывательно-диверсионных дисциплин в программу обучения личного состава стало обязательным не только для отряда Асано, но и для подразделений горно-лесной полиции и

ополченческо-волонтерских структур в казачьих районах Маньчжоу-го.

В докладе помощника начальника разведуправления Квантунской армии Янагита Гэндзо[188] от 26 июня 1941 года в отношении отряда Асано отмечалось следующее: «Я считаю, что его организация, а также вооружение, боевая подготовка и обучение постепенно повышаются. Однако для того, чтобы его действительно превратить в настоящую современную диверсионную часть, состоящую из русских, необходимо провести основательные улучшения, как в отношении организации, так и в области вооружения, боевой подготовки, обучения и т. д. В частности, необходимо увеличение численности русского комсостава, введение русских методов обучения, усиление и поднятие на должную высоту таких специальных, необходимых для диверсантов предметов, как прыжки с парашютом, механизация, артиллерийское дело, работа среди населения, изучение вопросов, относящихся к СССР, и т. д. Необходимо также повышение качества комсостава и солдат».[189]

В июле-августе сорок первого года началась активная работа по расширению численного состава отряда Асано. Эмигрантская администрация организовала дополнительный набор на военную службу молодых эмигрантов призывного возраста. Только в Харбине для прохождения отборочной комиссии в здании Харбинского Коммерческого собрания было собрано несколько сотен человек.[190] Помимо этого в отряд Асано были привлечены добровольцы и проведена мобилизация русских полицейских из состава горно-лесной полиции.

Для обучения молодого пополнения и собственной переквалификации из резерва на военную службу вновь были призваны русские ефрейторы и унтер-офицеры. 30 июня 1941 года на сборный пункт в Харбине,

находившийся на Большом проспекте в расположении 3-го отдела БРЭМ, прибыло 60 резервистов, которые в сопровождении майора Асерьянца в тот же день выехали на станцию Сунгари-2.[191] В августе на Сунгари-2 на очередные военные сборы прибыл рядовой состав резервистов. Обучение проходило по новой программе, включая разведывательно-диверсионную и кавалерийскую подготовку, и затянулось до декабря.[192] Пройдя переподготовку в качестве разведчиков-диверсантов, резервисты возвратились на прежние места жительства. Некоторые из этих людей в дальнейшем привлекались для участия в проведении военных сборов и работы в качестве инструкторов по военной подготовке в учебных заведениях и подразделениях Киовакай. Часть младшего комсостава из резервистов оставалась в отряде до лета 1942 года. Что касается увольнения в резерв военнослужащих срочной службы, то вплоть до весны 1943 года этот процесс был приостановлен в связи с не исключавшейся возможностью войны против СССР.

В конце июля 1941 года под непосредственным руководством Муданьцзянской Военной миссии на станции Ханьдаохэцзы состоялся общий сбор части личного состава русских полицейских отрядов общей численностью в 350 человек. После двухнедельного обучения и проверки из 350 полицейских для службы в отряде Асано были отобраны 100 человек. Когда к отобранным для службы в армии обратился чин из Военной миссии с предложением поднять руки тем, кто не желает служить, никто не осмелился этого сделать. Все знали о деятельности японской жандармерии, из подвалов которой возвращались немногие. Невольные новобранцы были поздравлены от лица японских властей начальником Муданьцзянской ЯВМ подполковником Цутия (в свое время являлся директором Ханьдаохэцзийского военно-полицейского

училища) и направлены на станцию Сунгари-2.[193] Вместе с рядовыми полицейскими чинами на военную службу в отряд Асано были откомандированы и несколько русских полицейских офицеров. Это были старший надзиратель А. Н. Гукаев, начальник полицейского отряда на станции Ханьдаохэцзы, и два бывших курсовых офицера Военно-полицейского училища – Н. А. Ядыкин и К. П. Агеев. По прибытию в отряд они получили офицерские звания (Гукаев – поручика, Ядыкин – подпоручика, Агеев – прапорщика) и назначения на командные должности во вновь формируемые эскадроны. В это время практически весь старый состав отряда находился в учебном походе.

Новобранцы, прибывшие на Сунгари-2 в июле, составили три новых эскадрона – 3-й, 4-й и 5-й, которые возглавили капитаны Томинага, Катахира и Сайто (с декабря 1942 года – поручик Идэра[194]). Теперь главное место в обучении русских солдат заняли разведывательно-диверсионные дисциплины. Что касается мобилизованных полицейских, то уже в начале сентября сто человек под командованием капитана Китамура были переброшены на станцию Ханьдаохэцзы, где они составили отдельный эскадрон отряда Асано. Помимо указанных нами подразделений еще один эмигрантский воинский отряд был сформирован в октябре 1941 года. Дислоцировался он в Хайларе.

Учебный поход отряда Асано, который в дальнейшем получил название 1-го Амурского похода, начался 8 июля 1941 года. Главной целью похода являлось обучение личного состава методам осуществления разведывательно-диверсионной и партизанской деятельности в максимально приближенных для этого условиях приграничной полосы. Перед выступлением в поход подполковник Асано обратился к своим бойцам с речью, отметив, что в случае войны с СССР они должны

первыми оказаться на советской территории. Возглавил походное подразделение офицер отрядного штаба капитан Идзима[195] (по другой версии – поход возглавлял сам подполковник Асано). Для выпускников полковых офицерских курсов учебный поход стал хорошей возможностью для прохождения офицерской практики в условиях, приближенных к боевым.

Поход начался переброской личного состава отряда вместе с лошадьми по железной дороге в город Мерген, раскинувшийся в верхнем течении реки Нонни, на ее левом берегу, примерно в 230 км к северо-востоку от Цицикара. Бойцы походного отряда в новом обмундировании без погон двое суток в закрытых вагонах добирались до места назначения. В Мерген прибыли 10 июля и расположились лагерем у реки. Здесь личный состав получил оружие: карабины и легкие пулеметы чешского производства, японские гранатометы. 15 июля отряд в конном строю покинул лагерь, направляясь к русским поселкам Чичилин и Алексеевка, размещавшимся километрах в двухстах от Мергена. Отряд сопровождал обоз с месячным запасом продуктов.

Новый лагерь был разбит недалеко от русских поселков на берегу речки Алихэ. Здесь были построены землянки для личного состава, макет деревянного моста и другие тренировочные сооружения. В течение двух месяцев асановцы изучали подрывное дело и тактику партизанских действий в тылу врага.[196]

Несмотря на высокий уровень секретности, окружавшей деятельность походного отряда, сведения о нем очень быстро попали в руки советских спецслужб. Уже 18 июля 1941 года начальник Управления госбезопасности по Хабаровскому краю сообщал секретарю Хабаровского крайкома ВКП(б) о переброске военной школы «Асано» к границе в районе Сахаляна «с целью выброски мелкими группами на нашу территорию

в красноармейской форме для организации диверсионных актов и распространения листовок».[197] Это лишний раз указывает на то, что советская сторона пристально наблюдала за событиями на границе и имела очень широкую сеть осведомителей в Маньчжурии.

В сентябре походный отряд получил приказ возвратиться в город Мерген. Бросив недостроенный зимний лагерь, отряд выбыл в Мерген. Здесь для личного состава была организована медицинская комиссия, все больные подлежали возвращению на Сунгари-2. Вместе с ними в расположение гарнизона возвращались несколько офицеров и младших командиров для обучения прибывшего на Сунгари-2 молодого пополнения. Группу инструкторов возглавил капитан Асакура. В нее вошли прапорщики Г. В. Шехерев, К. И. Лисецкий и В. Э. Лукеш, унтер-офицер А. М. Богатырь, рядовые Е. С. Яковлев (вестовой Асакуры) и Игнатенко. Кроме того, на Сунгари-2 был отправлен весь конный состав походного отряда.

Оставшиеся в Мергене бойцы были разбиты на четыре взвода (русские командиры – Тырсин, Приказчиков, В. Мустафин и Рычков) и вскоре по железной дороге скрытно переброшены в город Сахалян (сегодня город Хэйхэ).[198]

На сахалянской железнодорожной станции личный состав походного отряда сутки находился в закрытых вагонах. Бойцы здесь были переодеты в полицейскую форму без знаков различия. Всем было разъяснено о необходимости держать в строжайшей тайне назначение отряда, запрещалось обращаться к вышестоящим по званию, заменив его безликим «господин старший». Ночью личный состав отряда был подвезен к пристани на реке Амур и без лишнего шума погружен на пассажирский пароход.[199]

Пароход взял курс вверх по течению Амура на поселок Оупу (Оцу или Оцути), лежащий примерно в

300 км от Сахаляна, практически напротив большого советского села Черняево. В районе Оупу располагались переброшенные к границе на случай войны с Советским Союзом японские воинские части. Во время движения по Амуру асановцам было запрещено появляться на палубе в дневное время и выглядывать из иллюминаторов в сторону советского берега.[200]

Разгрузка в Оупу также проходила ночью. Рано утром отряд выступил к югу от поселка в покрытые густым лесом сопки и расположился в палатках в тридцати километрах от советской границы. В течение месяца отрядники обследовали границу, обучались подрывному делу. Через месяц отряд перебрался в недавно построенные казармы 12-го постоялого двора в тридцати пяти километрах от поселка Оупу, в лесном местечке Чигодян. Военный лагерь строго охранялся специальными караульными постами. Местное население не подпускалось близко к месторасположению лагеря. Продукты, доставляемые китайцами, складировались в специально подготовленном месте, откуда уже доставлялись в расположение отряда.[201]

В Чигодяне большая часть отряда размещалась до начала июня 1942 года, осваивая тактику партизанских и диверсионных действий. Наибольший интерес у японского командования в данном районе вызывала Амурская железная дорога, которую в случае начала войны с СССР должны были в первую очередь вывести из строя диверсанты.

На занятиях асановцы изучали систему охраны границы советских приамурских районов (заставы Сгибнево, Игнашино, Омутное, Монастырка) – погранпосты, секреты, засады, маневренные группы, режим их расположения и смены и т. п. Способы перехода границы, маскировки, разведки, нападения и уничтожения различных объектов и живой силы

противника и т. д. Для большей достоверности была создана модель пограничной зоны с постами и секретами, которую должны были преодолевать асановцы. На складе отряда имелось большое количество заготовленных на случай войны листовок, в которых бойцам Красной армии предлагалось прекратить военные действия и перейти на сторону японцев. Листовки были обращены и к местному населению с призывами свергнуть власть большевиков и установить сотрудничество с новой администрацией.[202]

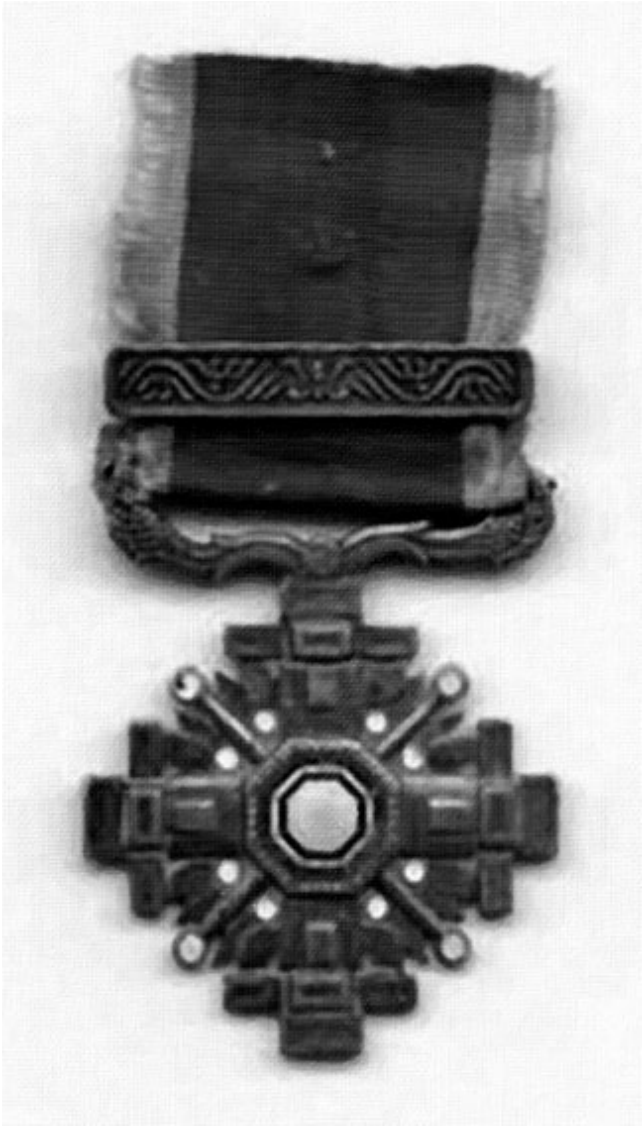
В конце 1941 года выпускники полковых офицерских курсов были произведены в подпоручики (корнеты) Императорской армии Маньчжоу-го. Часть личного состава получила очередные воинские звания ефрейторов и унтер-офицеров.

В целях лучшей подготовки личного состава отряда для действий на советской территории в учебную программу подразделений в сорок первом году было введено изучение уставов Красной армии, вся система обучения была переведена на русский язык.

В декабре 1941 года взвод под командованием капитана Кадзияма и корнета Рычкова получил особое задание. Личный состав взвода на самолетах был переброшен еще выше по Амуру в город Мохэ, откуда на конных санях передислоцировался в район заставы Юнходян, примерно в тридцати километрах от советской границы. Асановцы были размещены в казарме на месте 28-го постоялого двора. До начала лета здесь проводились занятия по строевой и тактической подготовке в составе взвода, изучались методы ведения партизанских действий в тылу врага, особое внимание уделялось подрывному делу. Весной 1942 года взвод Кадзияма был направлен на строительство дороги от берега Амура до заставы Юнходян и сооружение пристани на амурском берегу. В мае корнет Рычков

получил приказ о возвращении на Сунгари-2, и его место занял прапорщик Даниил Ложенков.

В июне 1942 года оба подразделения походного отряда в скрытном порядке вернулись в расположение своей воинской части на станции Сунгари-2. Участники похода получили соответствующие значки, а в конце 1944 – начале 1945 годов все участники 1-го Амурского похода были удостоены наград от имени правительства Маньчжоу-го. Те, кто в течение всего похода находился в строю, были награждены медалями и орденами Чукокусё (Столпов Государства)[203] VII и VIII степени. Те, кто по какой-либо причине покинули походный отряд раньше окончания срока похода, получили в качестве подарков деревянные чаши с изображением герба Маньчжурской империи.[204]

Орден Чукокусё VIII степени

После возвращения на базу походного отряда летом 1942 года сунгарийскую воинскую часть посетил командующий Квантунской армии генерал Умэдзу Ёсидзиро,[205] что лишний раз подчеркивало большую значимость, которую японцы придавали русским разведывательно-диверсионным подразделениям.

Сразу по окончании 1-го Амурского похода был организован новый учебный поход (2-й Амурский поход), участие в котором приняли военнослужащие, не

участвовавшие в первом походе или призванные в армию летом 1941 года.

В июне 1942 года для участия в походе после прохождения медицинской комиссии были отобраны семьдесят асановцев, составивших два взвода и команду связи. Командиром походного отряда был назначен поручик Рычков. Капитан Кадзияма, который также находился в отряде, теперь занимал положение военного инспектора. Другими русскими офицерами в отряде являлись корнеты Лисецкий и Шехерев, недавно окончившие полковые офицерские курсы. Одновременно с обучением на курсах в январе 1942 года Шехерев по заданию подполковника Асано направлялся во временное распоряжение Военной миссии Сахаляна. Здесь Шехерев в течение девяти дней работал с группой русской молодежи, преподавая им антисоветскую пропаганду и агитацию и подрывное дело.[206]

2-й Амурский поход проходил по отработанной годом назад схеме. Походный эскадрон в армейской форме без знаков различия был переброшен по железной дороге до города Сахалян. Здесь в закрытых вагонах бойцов переодели в форму горно-лесной полиции, ночью погрузили на пароход и отправили вверх по Амуру к заставе Юнходян. По прибытии к месту назначения асановцы расположились километрах в двадцати от японской заставы на берегу реки Албазин. Они сами построили себе несколько бараков для жилья и складских помещений.[207] Одновременно с русскими летом 1942 года на заставе Юнходян находилась группа японцев в возрасте 17–20 лет, которым преподавалась разведывательно-диверсионная подготовка.[208]

Занятия для асановцев начались в сентябре. Осень считалась самым лучшим временем для изучения границы – лес оголялся, что позволяло без помех вести наблюдение, а увядающая трава не сохраняла следов во время перемещений.

Главным объектом наблюдения диверсантов являлся участок границы в зоне ответственности советских застав Покровка и Джалинда. В случае начала войны именно этот участок предназначался для пересечения границы. В ноябре 1942 года в отряд поступил разработанный Харбинской Военной миссией план действий в случае начала войны, имевший два варианта – зимний и летний. Согласно зимнему варианту плана асановцы должны были пересечь границу на лыжах в районе советской заставы Омутная, а затем выйти в район станции Халан Амурской железной дороги. Осуществить подрыв железнодорожных мостов в районе станции и возвратиться на базу. Летний вариант плана предполагал переход границы у советского поселка Сбигнево, выход на железнодорожную станцию Уруша, уничтожение станции и разрушение железнодорожного полотна. После выполнения задания отряд должен был следовать на север, в район золотых приисков. Пополнить там запасы продовольствия и дальше действовать по обстановке. В случае невозможности продвинуться на север необходимо было вернуться на территорию Маньчжурии, где на случай войны в районе границы были созданы тайники с продовольствием и оружием. Взяв все необходимое из тайников и установив связь с Военной миссией, отряд должен был действовать сообразно обстановке.[209]

Обучение подрывным действиям осуществлялось на деревянных макетах, для чего использовали толовые шашки, в целях конспирации размещавшиеся в специально закатанных консервных банках весом по 600–700 граммов с этикетками советского производства – «Бычки в томате», «Килька» и т. п. Кроме того, изучались приемы быстрого развинчивания болтов в местах скрепления железнодорожного полотна, забивка стальных клиньев между зазорами рельс. Поджог складских и других помещений осуществлялся с

помощью термитных зажигательных шашек, замаскированных под обычные пачки советской махорки. На складе походного отряда в общей сложности находилось около тонны различных взрывчатых веществ.[210]

Помимо уничтожения железнодорожных и других коммуникаций предполагалось проникновение диверсантов в расположение советских частей и отравление пищеблоков и источников воды. Для этого изучались два вида отравляющих веществ. Большое внимание в обучении диверсантов отводилось тактике партизанской борьбы. Отряд в тылу врага должен был действовать звеньями в составе 3–4 человек. Диверсии обычно проводились ночью, а после выполнения задания отряд собирался в заранее условленном месте. Все это отрабатывалось на местности вблизи советско-маньчжурской границы.[211]

Существовали занятия и по пропаганде, которыми руководил непосредственно поручик Рычков. Асановцев обучали проводить беседы на политические темы антисоветского характера, изготавливать и распространять листовки. На складе отряда имелся немалый запас листовок, рассчитанных на разные группы советского населения – военнослужащих Красной армии, рабочих, колхозников. Также в специальном сейфе в штабе отряда хранились фальшивые советские деньги, в сумме до 700 тысяч рублей.[212]

Для осуществления разведывательно-диверсионных действий в советском тылу весь личный состав отряда обучался по уставам Красной армии, были введены принятые в советский воинских частях обращения – «товарищ боец», «товарищ сержант» и т. п. Все бойцы и командиры походного отряда имели подогнанную по каждому человеку красноармейскую форму пограничных войск. На практике эта форма использовалась только

один раз, в период трехдневных смотровых учений отряда в марте (или апреле) 1943 года.[213]

В период боевых действий асановцам не полагалось иметь никаких документов. Единственным отличительным признаком должны были быть православные нательные кресты с порядковым номером на обороте, начиная с цифры «300».[214]

В январе 1943 года в разное время на территорию Маньчжурии перешли два красноармейца-пограничника. Они были задержаны и доставлены в город Мохэ, куда по приказу ЯВМ выезжал поручик Рычков. Поручик имел беседу с перебежчиками о положении в СССР, о порядке несения пограничной службы, командном составе, сослуживцах, вооружении, настроении военнослужащих и т. д. После чего Рычков вернулся в походный отряд. В апреле того же года капитан Кадзияма привез в отряд антисоветские листовки, написанные от имени красноармейцев-перебежчиков, с призывом к советским пограничникам переходить на сторону японских войск.[215] По приказу Кадзиямы были подготовлены две группы для заброски листовок на советскую сторону.

Группы, в которые входили по четыре диверсанта (трое русских нижних чинов и прапорщик-японец), лично возглавили корнеты Шехерев и Лисецкий. В сопровождении капитана Кадзиямы, поручика Рычкова и группы прикрытия из японских солдат диверсанты были доставлены к границе. Ночью 16 апреля асановцы, одетые в зимние маскировочные костюмы, перебрались на лыжах на советскую сторону в двух местах в районе погранзаставы Сбигнево. Здесь обе группы оставили на пограничной тропе листовки и эмигрантский журнал с фотографиями Харбина, а также по небольшому пакету японских конфет, и вернулись необнаруженными обратно.[216]

На следующий день кто-то из диверсантов (кажется, Шехерев) скрытно возвращался на берег реки, чтобы

отследить реакцию советских пограничных патрулей на разбросанные листовки.

Эта «диверсия» явилась единственным случаем нарушения асановцами, участниками 2-го Амурского похода, государственной границы СССР.

Между тем ситуация на фронтах мировой войны менялась. После поражения немецких войск под Сталинградом японское командование, начавшее терять свои позиции на Тихом океане, решило не обострять отношений с Советским Союзом. В связи с чем эмигрантам была запрещена какая-либо антисоветская деятельность, эмигрантские организации утратили свой прежний политический характер, а в подготовке русских воинских отрядов был сделан упор на общевойсковом характере обучения личного состава.

В августе 1943 года завершился 2-й Амурский поход. Эскадрон Рычкова возвратился на станцию Сунгари-2. Все участника похода получили месячный отпуск и впоследствии были награждены медалями Маньчжоу-го.

Теперь вернемся к описанию жизни гарнизона отряда на станции Сунгари-2.

На протяжении 1942 – первой половины 1943 года обучение личного состава отряда велось в прежнем режиме, то есть основной упор делался на дисциплины разведывательно-диверсионного плана. Использовались советские уставы, которые сочетались с некоторыми положениями из уставов Русской Императорской армии. Из японских уставов в 1943 году сохранился только устав дисциплинарной службы. Осенью сорок третьего японские офицеры, командовавшие подразделениями отряда, стали выполнять функции инструкторов, а командование эскадронами и взводами было передано русским офицерам и прапорщикам.

В связи с переходом командования подразделениями отряда к русским, 3-й эскадрон возглавил поручик В.

Мустафин, 4-й – поручик Ядыкин, 5-й – поручик Тырсин. Поручик Рычков, командир 2-го, походного, эскадрона, после возвращения из Амурского похода получил временный отпуск. По другой версии, в августе 1943 года он возглавил новый походный отряд, направленный в район Мохэ, где и находился до октября того же года.

Рост количества русских воинских отрядов (помимо Сунгарийского отряда существовал отряд в Хайларе и подразделение отряда Асано на станции Ханьдаохэцзы) и численности их подразделений поставили на повестку дня вопрос об увеличении контингента русских офицеров. Японцы, несмотря на то, что в Маньчжурии проживало немало высококвалифицированных и опытных бывших русских офицеров Императорской и Белой армий, делали ставку на эмигрантскую молодежь. Привлекая старых русских офицеров для работы в администрации, полиции, различных специальных учреждениях, японские власти тем не менее никогда полностью им не доверяли. Поводы для этого имелись. Это и нежелание части русских офицеров следовать «императорскому пути», то есть преданно служить Великой Японии в объединении «восьми концов света» под ее «крышей», не вспоминая о национальных задачах России на дальневосточных рубежах. И работа на советскую разведку, начавшаяся для некоторых бывших офицеров еще в 20-е годы. В конце 30-х – начале 40-х годов было сделано несколько крупных разоблачений в среде русских офицеров, сотрудничавших с советской разведкой. Например, на западной линии СМЖД были арестованы, изобличены в связях с Советами и приговорены к казни полковник А. М. Заалов[217] и генерал В. С. Семенов.[218] И, как покажет время, японцы не только не ошибались, но даже недооценивали рост патриотизма в эмигрантской среде и готовность эмигрантов сотрудничать с советскими разведывательными органами.

Для подготовки младших офицеров из числа наиболее обученных вахмистров и прапорщиков при штабе отряда Асано продолжали действовать офицерские курсы. Но они были малочисленными и решить проблему пополнения офицерскими кадрами эмигрантских воинских отрядов не могли. Как мы уже отмечали, в 1942 году офицерские курсы окончили Лисецкий и Шехерев, сразу после этого направленные в качестве командиров взводов во 2-й учебный поход на Амур. В том же году новыми кандидатами на офицерское звание стали только что возвратившиеся из учебного похода прапорщики Даниил Ложенков и Леонид Мустафин, прапорщик Владимир Лукеш, служивший в штабе отряда, и вахмистр Николай Постовский, помощник командира взвода 4-го эскадрона. Они завершат обучение весной 1943 года. Мустафин и Ложенков получат чин корнета. Первый будет назначен командиром взвода 4-го эскадрона, а второй направлен для прохождения дальнейшей службы в подразделение отряда Асано на станции Ханьдаохэцзы. Постовский в чине прапорщика станет помощником командира 1-го эскадрона.[219] Лукеш, не выдержав экзамен, останется в чине прапорщика и будет уволен в резерв в сентябре 1943 года.[220]

Последний набор на отрядные курсы кандидатов на звание офицеров состоялся в феврале 1943 года. Набор состоял из пяти человек: вахмистр, старшина 3-го эскадрона Анатолий Богатырь, вахмистр 5-го эскадрона Андрей Враштиль, вахмистр хозяйственной части отряда Николай Ежовский, вахмистр Сергей Козырев, вахмистр ветеринарной части Алексей Макаров. После возвращения из 2-го Амурского похода в состав курсантов вошли еще два отрядника – вахмистр, командир отделения связистов Гавриил Ефимов и вахмистр санитарной части Яков Федореев. Все эти люди начали свою службу еще в марте 1938 года, на

протяжении долгого времени занимая должности младших командиров. По завершению курсов в декабре 1943 года все курсанты получили чин прапорщика и были назначены в подразделения для прохождения практики. В мае 1944 года прапорщики Богатырь, Ежовский, Ефимов, Макаров и Федореев, успешно пройдя все испытательные мероприятия, были удостоены звания корнета. Богатырь первоначально командовал взводом (считался лучшим взводным командиром отряда), позднее возглавил хозяйственную часть отряда, Ежовский возглавил отдел боепитания, Макаров – отрядную ветеринарную службу. Ефимов командовал радиовзводом, а Федореев являлся помощником командира 1-го эскадрона. Не выдержавшие экзаменационных испытаний Враштиль и Козырев остались прапорщиками, командуя взводами в 1-м и 2-м эскадронах.[221]

Невозможность полностью решить проблему обеспечения русских воинских подразделений собственными офицерскими кадрами за счет отрядных офицерских курсов, где курсанты обучались к тому же без отрыва от службы, привело японское командование весной 1942 года к принятию решения о создании при отряде Асано военного училища, обучаться в котором смог бы любой желающий и годный по состоянию здоровья молодой эмигрант.

В «Положении о Военном Училище при отряде Асано», изданном типографией Главного БРЭМ, целью создания училища объявлялось удовлетворение желания российской молодежи, стремящейся получить специальное образование в области военного искусства. В училище могли поступить российские эмигранты в возрасте от 18 до 23 лет, окончившие средние учебные заведения, развитые умственно и физически. При поступлении в училище, помимо медицинского осмотра, предполагалась сдача письменных и устных экзаменов

по истории, химии и математике. Срок обучения в училище составлял два года. После прохождения полного курса обучения и успешной сдачи установленных выпускных экзаменов окончивший училище получал производство в чин подпоручика, «пополняя тем кадры командного состава российского отряда Асано или [с выходом в запас] руководящих административных органов российской эмиграции».[222] Также в Положении давалась информация о порядке прохождения учебного курса в училище, чинопроизводстве и содержании офицеров армии Маньчжоу-го.[223]

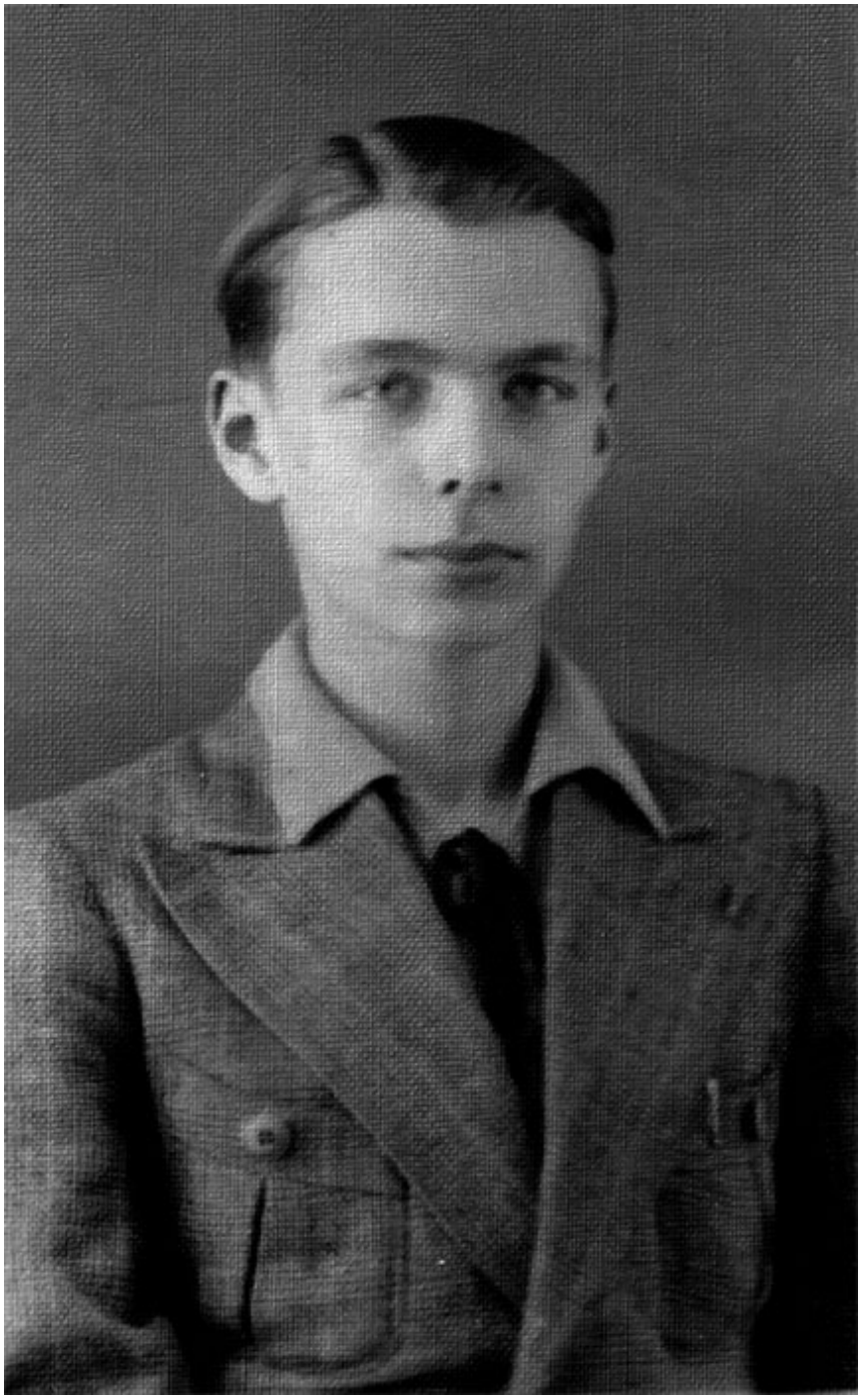
Набор в училище осуществлялся открыто, информация о наборе была помещена в харбинских газетах. Нужно отметить, что в это же время с отряда Асано была снята полупрозрачная пелена секретности. Офицеры отряда в 1942 году во время празднеств по случаю 10-летней годовщины образования Маньчжоу-го впервые появились в военной форме в Харбине.

Желающие поступить в училище должны были не позднее 10 апреля 1942 года подать заявление на имя Начальника ГБРЭМ, а также удостоверение об окончании среднего учебного заведения, биографию и две фотографии. Предварительные испытания для кандидатов в курсанты было намечено осуществить в Харбине, Хайларе, Мукдене и Муданьцзяне (здесь размещались Главное и районные Бюро эмигрантов) 19 и 20 апреля.[224]

Не особо надеясь на сознательность молодых эмигрантов, руководство БРЭМ, Киовакай, ДВСВ развернули активную работу по привлечению будущих курсантов.

По воспоминаниям Николая Буйнова, в то время студента второго курса коммерческого факультета Северо-Маньчжурского университета (СМУ), «в начале мая 1942 года все учащиеся университета мужского

пола были собраны в одном помещении. Руководитель военной подготовки университета полковник Коссов[225] зачитал положение о военном училище отряда Асано и объявил, что желающие могут поступить в него для подготовки на офицеров. Из числа учащихся университета в юнкерское училище записалось человек 20–25… Я также записался».[226]

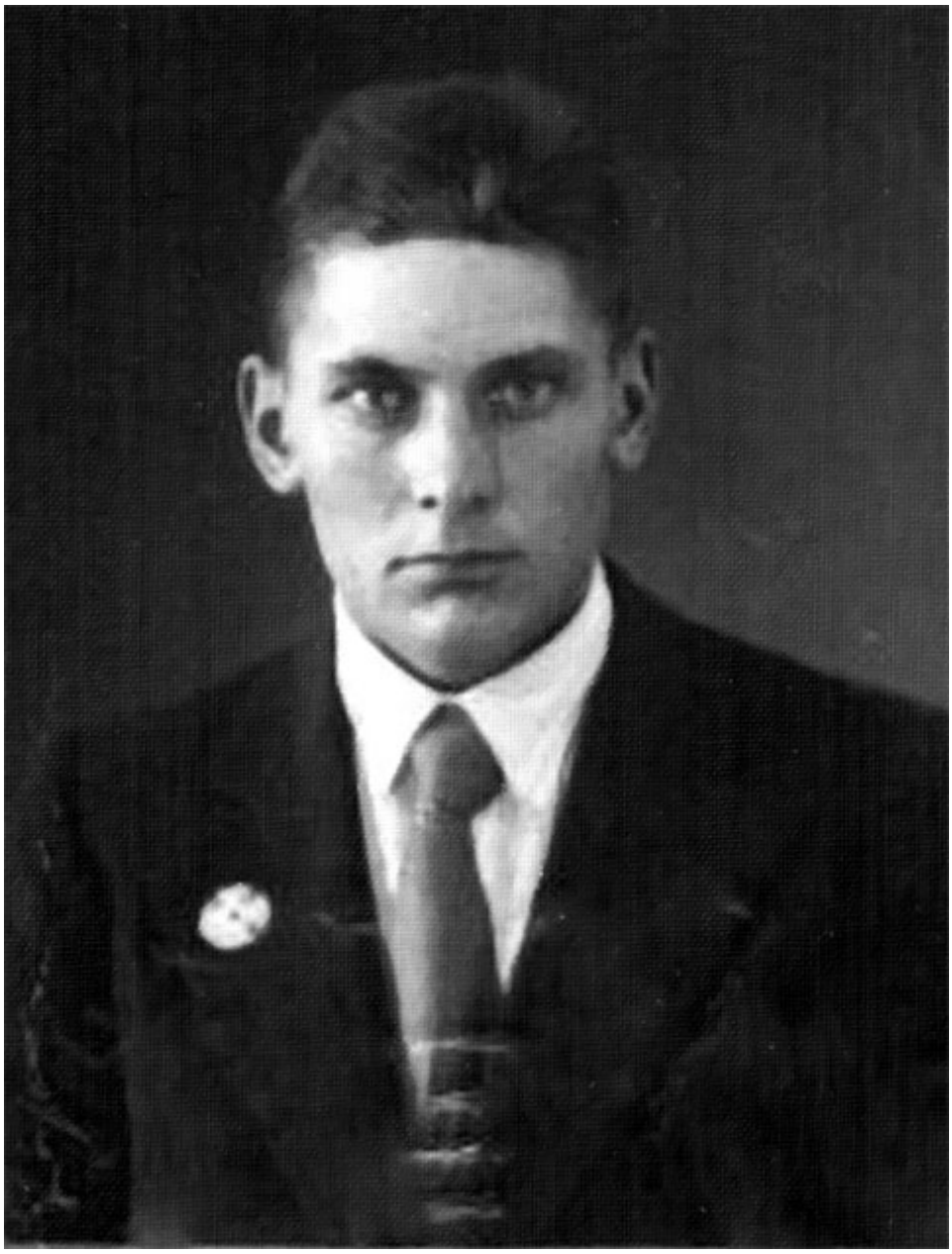

Буйнов Н. К. ГАХК

Еще двадцать человек, лучших курсантов, невзирая на их желание, были откомандированы для прохождения предварительных испытаний начальством Высших курсов Киовакай, двадцать человек дало

Главное Бюро эмигрантов, несколько выпускников военно-училищных курсов были направлены Дальневосточным союзом военных. Ряд заявлений подали молодые люди призывного возраста, работавшие в различных местах, рассудив, что лучше пойти курсантом в военное училище, по окончании которого уйти в запас и получить приличную работу, нежели рядовым на срочную службу.

В общей сложности в начале мая 1942 года в здание гимназии Христианского союза молодых людей на Садовой улице в Харбине для участия в отборочной медицинской комиссии прибыло около ста человек. Комиссия определила для учебы в училище 10 кандидатов: Николая Баклашева, Николая Буйнова, Юрия Волкова, Сергея Голубенко, Всеволода Горохова, Александра Гречкина, Ивана Лалетина, Алексея Макарова, Бориса Сергеева и Михаила Шубина. Буйнов, Волков, Голубенко, Сергеев и Шубин окончили один или два курса университета, остальные – полный курс гимназии. Буйнов, Волков и Голубенко проходили военное обучение на Высших курсах Киовакай. Голубенко после окончания курсов Киовакай работал инструктором по военной подготовке. Кроме них некоторое военное обучение получил Лалетин, посещавший в 1941 году занятия в военном училище ДВСВ.[227]

Шубин М. Ф. ГААОСО

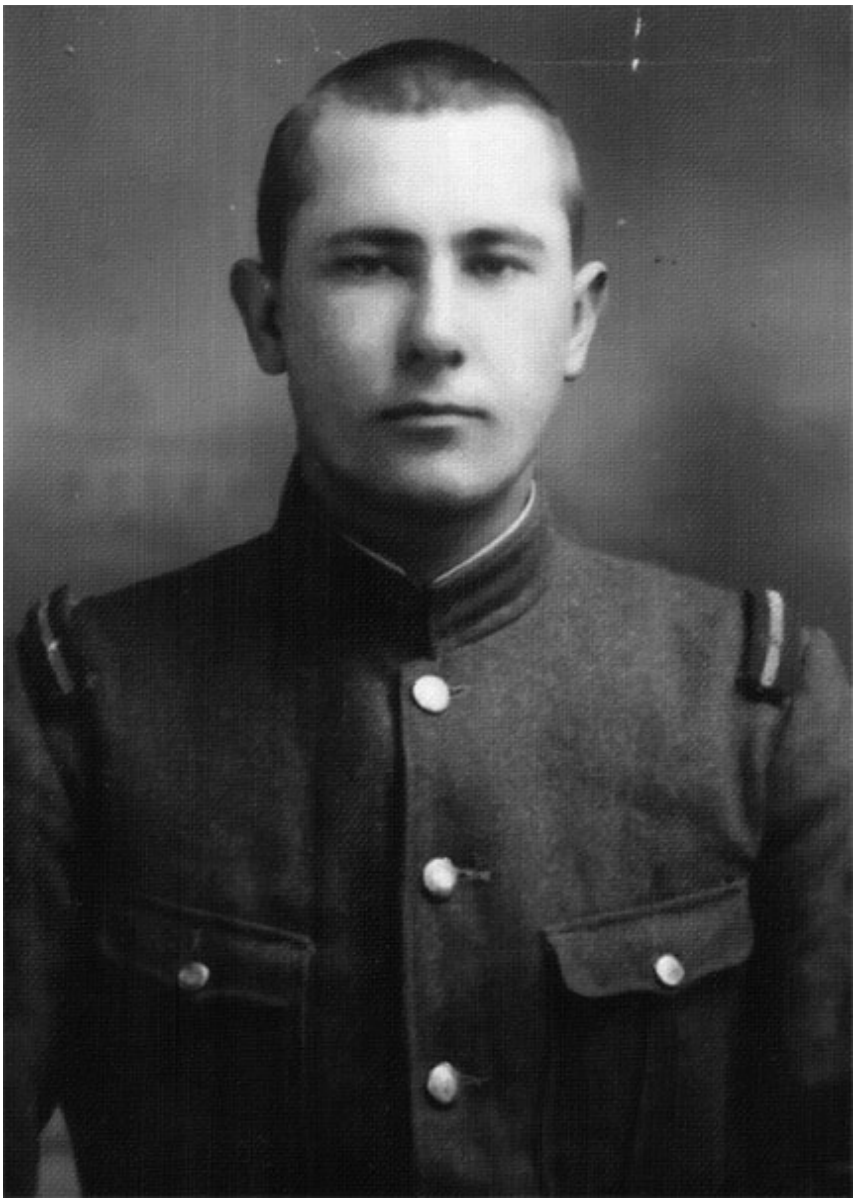
Перед отправкой в военное училище для будущих курсантов организовали встречу с начальником Главного БРЭМ генералом Кислициным, обратившимся к ним с напутственным словом. 20 мая будущие курсанты торжественно, с молебном и «чашкой чая», провожаемые представителями Бюро эмигрантов, гимназии БРЭМ, Северо-Маньчжурского университета,

родными и знакомыми, были отправлены из Харбина в сопровождении подполковника Коссова на станцию Сунгари-2.[228]

Остальные курсанты прибыли в отряд Асано из других мест. Два человека из города Лишучжэнь (Алексей Левицкий и Александр Щетинин), один из Мукдена (Георгий Фирсов) и двое с восточной линии СМЖД (Владимир Михайлов и Игнат Чернозуб). Вероятно, большого выбора желающих поступить в военное училище при отряде Асано на линии не было, и проверку личности отобранных не проводили тщательно. Иначе чем объяснить то, что в училище был зачислен, например, Александр Щетинин, бежавший с семьей в десятилетнем возрасте в Маньчжурию в 1933 году. Его отец и старший брат в 1941 году обвинялись в работе на советскую разведку, четыре месяца находились в тюрьме и после освобождения оставались под присмотром.[229]

Левицкий А. В. ГААОСО

Чернозуб И. ГААОСО

По прибытию курсантов на Сунгари-2 командование отряда Асано устроило для них небольшой банкет и разместило в отдельной казарме недалеко от здания штаба. Курсантам первоначально было выдано русское обмундирование (желто-зеленые гимнастерки и синие галифе с красными кантами с наружной стороны, черные сапоги и полевые кепи), позднее замененное на японскую форму, и погоны рядовых 1-го класса.[230] В

качестве личного оружия каждый курсант получил штык-нож, носившийся на поясном ремне.

Командование курсантами первоначально было вверено корнету Рычкову, специально откомандированному для этого из состава походного отряда, и старшему унтер-офицеру Виктору Широкову. Через две недели произведенный в очередное звание поручика Рычков получил приказ возглавить новый учебный поход к границе. В должности начальника юнкерского училища Рычкова заменил корнет Джакелли, [231] которого через два месяца отстранили от руководства училищем, передав его капитану Хасимото. Хасимото возглавлял училище до апреля сорок третьего года. Заместителем Хасимото являлся прапорщик Кикути, которому курсанты дали прозвище «Дуплов». [232] Вообще традиция давать прозвища своим командирам в отряде Асано была давней. Можно вспомнить уже упоминавшиеся прозвища подполковника Асано – «Деда», капитана Томинага – «Губа». Капитана Хиромацу, заведующего боепитанием отряда, отрядники окрестили «Капуста», и т. п. Русские командиры тоже имели прозвища, часто связанные с особенностями их внешнего вида или какими-либо дефектами. Чернявого Виссариона Мустафина прозвали «Татарин», его брата – «Чин-шварк», Лисецкого, имевшего выкаченные глаза, – «Лупета». Не остался без прозвища и слегка шепелявивший Рычков.[233]

С апреля 1943 года на посту начальника юнкерского училища находился капитан Тамасита, до этого преподававший в учебной команде отряда, а с начала 1944 года – корнет Шехерев.[234]

Через два месяца после начала обучения, в июле 1942 года, курсанты приняли присягу, окончательно превратившись в военнослужащих армии Маньчжоу-го. На церемонии присяги присутствовала делегация из

Харбина, в составе которой находился владыка Нестор.[235]

Первые полгода учеба курсантов мало отличалась от начального учебного курса рядового бойца отряда Асано, за исключением более значительного теоретического и идеологического блоков. Юнкерам давалась строевая и тактическая подготовка, включая разведывательно-диверсионные дисциплины. Кавалерийское дело, водные занятия (лодки), изучение оружия (винтовка, маузер, ручной и станковый пулеметы, ручной гранатомет, артиллерийские орудия), стрелковое дело, штыковой и сабельный бой, гимнастика, топография, связь. На занятиях по теоретико-идеологической подготовке изучали русскую дореволюционную историю, историю Японии (составителем учебника по истории Японии являлся начальник Харбинской ЯВМ генерал-майор Дои Акио[236]) и Маньчжоу-го, советский быт, включая историю и политическое устройство СССР, ВКП(б), Красную армию. С целью развития в будущих представителях комсостава русских воинских отрядов «самурайского духа» большое внимание уделялось постижению Бусидо.[237]

Подполковник Асано проводил для курсантов так называемые «духовные беседы» и рассказывал о международном положении Японии и ситуации на фронтах Тихоокеанской войны. Подполковник Синода читал историю Японии, майор Асерьянц – историю России и СССР, капитан Гото (офицер учебного отдела штаба отряда с 1940 года) – военную администрацию Маньчжоу-го, капитан Хасимото (офицер штаба по учету личного состава отряда) – устав внутренней жизни. Агитацию и пропаганду преподавали капитан Идзима и поручик Тырсин; тактику партизанских действий – капитан Хасимото (позднее капитан Тамасита) и поручик Приказчиков; диверсионно-подрывное дело – поручики Ядыкин и Приказчиков; стрелковое оружие и стрелковое

дело – поручики Исобэ и Осака (офицер отдела вооружения штаба), старший унтер-офицер Борис Кутц; строевую подготовку – вахмистр Иннокентий Новиков и старший унтер-офицер Николай Эпов.

Многим курсантам, пришедшим с «гражданки», было нелегко свыкнуться с новой жизнью. По воспоминаниям Сергея Голубенко, который бросил в 1939 году после первого курса университет, до поступления в военное училище сменил несколько мест работы, одновременно являлся командиром отделения на Высших курсах Киовакай, «с шести часов утра до пяти-шести вечера с часом перерыва на обед были строевые занятия вперемежку с лекциями, затем ужин. После ужина снова занятия, затем отдых по расписанию… час-два свободного времени на усвоение пройденного, писание писем домой и заполнение дневника, затем сон, прерываемый звуком трубы и матом соседей по койкам». [238] Не добавило энтузиазма курсантам и заявление их первого командира, поручика Рычкова, отозванного в свое время для руководства училищем из учебного похода, о том, что их будут готовить в качестве диверсантов и командиров диверсионных подразделений.[239] После чего некоторые из обучавшихся стали саботировать учебу, чтобы быть отчисленными. Но не тут-то было – покинуть отряд стало практически невозможно.

По окончании очень насыщенного первого полугодового курса обучения всем юнкерам было присвоено звание ефрейторов.

В середине октября 1942 года состав курсантов был дополнен десятью старослужащими отряда Асано, имевшими чин ефрейтора или старшего ефрейтора, среднее образование (трое из них некоторое время обучались в Северо-Маньчжурском университете) и добровольно пожелавшими поступить в военное училище. Все они начали службу в отряде в 1941 году,

большинство участвовало в 1-м Амурском походе. Это были Валерий Гальвин, Борис Зимин, Геннадий Коваленко, Святослав Михайлов, Дмитрий Муратов, Игорь Павлов, Борис Поплавский, Авенир Потапов, Анатолий Томашевский и Семен Шароглазов. Правда, Муратов проучился недолго и через несколько месяцев был отчислен и отправлен для прохождения дальнейшей службы в одно из подразделений отряда за оскорбление (избиение) взводного унтер-офицера Эпова.[240]

Коваленко Г. ГААОСО

Первоначально отношения между «старыми» и «новыми» курсантами были натянутыми. «Старожилы» училища опасались, что среди вновь прибывших есть соглядатаи японцев, но оказалось, что взгляды и тех и других на службу и японское руководство в целом совпадают. Как отмечал Голубенко, курсанты, обучаясь военному делу, «фильтровали то, чем нас пичкали

лекторы и отбрасывали из головы лишний, не подходящий к нашему русскому духу ниппонский дух...»[241] Поэтому в дальнейшем юнкера жили одной большой дружной командой.

По окончанию первого года обучения курсанты «получили погоны младших унтер-офицеров – но чего же они нам стоили, – пишет Голубенко, – это знают только те, кто там находился – особенно вспоминаются два дня экзаменов... Вообще иногда появлялось желание покончить с жизнью...»[242] Еще через полгода – звание старших унтер-офицеров.

Второй год обучения в военном училище был ориентирован на углубление и закрепление знаний, полученных на первом году учебы. В сентябре 1943 года курсанты в составе всего отряда приняли участие в учебном походе в район станции Яблоня на восточной линии СМЖД (местечко Мадачэнкоу).[243]

Изменение военно-политической ситуации на фронтах мировой войны заставило японское командование в 1943 году частично отказаться от разведывательно-диверсионной подготовки русских воинских отрядов, в частности, были запрещены какие-либо перемещения в приграничные районы. В учебной работе с подразделениями отряда Асано упор теперь делался на общевойсковую подготовку солдат и офицеров. В организации учебных походов руководство отрядом возвратилось к практике первых лет существования подразделения.

Итак, в сентябре 1943 года три эскадрона отряда вместе с прибывшими еще в июле на очередные военные сборы резервистами под руководством полковника Асано[244] совершили марш-бросок к местечку Мадачэнкоу, расположенному в 250 км к северо-востоку от Сунгари-2. Бойцы отряда с полной боевой выкладкой (36 кг у стрелков и 38 – у пулеметчиков) двигались поэскадронно пешим порядком, выставляя авангардные

и арьергардные группы дозора в пути следования. Курсанты военного училища были равномерно распределены по эскадронам. В районе Мадачэнкоу в лесу был разбит лагерь. Здесь проводились занятия по ориентированию, действиям в наступлении и обороне с использованием холостых патронов. На обратном пути следования отряд ночью форсировал Сунгари, используя понтонную переправу. В общей сложности поход длился пятнадцать дней.[245]

В 1943 году отряд Асано отметил пятилетие своего существования. По этому поводу был выпущен специальный значок в виде диска, выдававшийся старослужащим и, по-видимому, резервистам из первого состава отряда.

Описание жизни отряда Асано будет неполным, если не упомянуть о том, что в 1943 году в военном городке была оборудована новая сцена, где силами военнослужащих осуществлялись театральные постановки «антикоммунистической» направленности, а также музыкальные вечера. Деятельность отрядного драматического кружка курировал 5-й идеологический отдел штаба отряда. В функции идеологического отдела входило «духовное» воспитание военнослужащих, для чего с лекциями в отряд приглашались видные представители политических кругов русской эмиграции в Маньчжоу-го. В частности, перед бойцами отряда неоднократно выступали с лекциями глава Главного БРЭМ генерал В. А. Кислицин, лидер фашистов К. В. Родзаевский, официальный лектор эмигрантского Бюро Игорь Волков. Волков, бежавший из СССР в 1940 году, был одним из главных экспертов по советской действительности.

Кроме того, с начала 1943 года по распоряжению Военной миссии стала издаваться (печаталась в типографии ГБРЭМ) газета «Боевой друг», поступавшая

в русские воинские подразделения и полицейские отряды. Материалы газеты были выдержаны в национальных, антисоветских и паназиатских тонах.[246]

На протяжении 1943 года дважды, весной и осенью, из отряда была уволена часть военнослужащих, а новый большой набор новобранцев состоялся только в январе 1944 года.

Все русские военнослужащие, увольняемые в резерв, получали номерную книжку с «Положением о чинах запаса отряда Асано» и становились на учет в созданном в марте 1944 года Союзе русских резервистов армии Маньчжоу-го. Союз резервистов был создан с санкции командующего Квантунской армией и контролировался 3-м отделом Главной Военной миссии. В том же сорок четвертом году был введен нагрудный знак резервиста, который выдавался увольняемым в запас.

Нагрудный знак резервиста

Штаб Союза резервистов располагался в Харбине. Его возглавлял майор (позднее – подполковник) Асерьянц, заместителем начальника являлся полковник М. А. Демишхан, глава 5-го отдела ГБРЭМ. Советником при Союзе был назначен полковник Асано. В задачи Союза резервистов входило участие в проведении

наборов в русские воинские отряды, осуществление переподготовки военных кадров, учет и регистрация всех лиц, прошедших военную службу, помощь в трудоустройстве уволенным в резерв военнослужащим. [247]

На протяжении 1944 года в крупных эмигрантских центрах были созданы отделения Союза резервистов. Например, отделение Союза резервистов Захинганского района (центр – город Хайлар) было сформировано в декабре 1944 года на съезде резервистов, проходившем в поселке Якеши.[248] При отсутствии соответствующей структуры в местах проживания русских эмигрантов из числа резервистов назначался старший, который должен был вести учет личного состава, обеспечивать их отправку на военные сборы и т. д. После создания региональных отделений Союза резервистов военные сборы стали проходить не в расположении Сунгарийского отряда, а по месту жительства резервистов.

Русские резервисты находились на особом счету у японских властей и нередко назначались на ответственные должности. За счет резервистов пополнялись ряды горно-лесной полиции, куда еще в 1940 году было запрещено принимать в качестве вольноопределяющихся не прошедших военную службу молодых людей. В период демобилизации асановцев в 1943 году всем ранее служившим в отрядах горно-лесной полиции было предписано после увольнения в резерв возвратиться в свои подразделения.[249]

В конце 1943 года отряд Асано состоял из следующих подразделений: штаба, штабного взвода, двух кавалерийских стрелковых эскадронов (трехвзводного состава), полуэскадрона тяжелого оружия, команды связи из двух взводов (радиовзвод и взвод голубеводов и собаководов) и военного училища. В связи со сворачиванием разведывательно-диверсионных

программ в подготовке бойцов отряда в стрелковых эскадронах только солдаты первых взводов получали теперь навыки подрывников, отчего эти взводы неофициально именовались «подрывными».[250]

Учебная команда Сунгарийского отряда прекратила свою деятельность осенью 1942 года. Предполагалось, что подготовку младших командиров будут осуществлять на станции Ханьдаохэцзы. Как оказалось в дальнейшем, этот проект не удался, и весной 1944 года на Сунгари-2 вновь будут учреждены курсы по подготовке младших командиров для русских воинских отрядов.

В общей сложности командный и рядовой состав отряда Асано к началу 1944 года должен был достигать по штатному расписанию четырехсот человек.[251]

Глава 4
Ханьдаохэцзийский и Хайларский отряды (сентябрь 1941 – декабрь 1943 года)

В сентябре 1941 года 6-й эскадрон отряда Асано, возглавляемый капитаном Китамура, был переброшен на станцию Ханьдаохэцзы, положив в дальнейшем начало новому русскому воинскому отряду. Формально оставаясь эскадроном отряда Асано (японское наименование: Асайоко – отряд Асано на Ханьдаохэцзы), подразделение практически было самостоятельным и неофициально по имени командира эскадрона именовалось «частью Китамура». Эскадрон не имел лошадей, за исключением находившихся в распоряжении офицеров двенадцати коней, и являлся пехотной частью. Личный состав эскадрона разместился в помещениях на Штабной улице, в которых в свое время располагалось Военно-полицейское училище, а после его закрытия в марте 1941 года – переведенная из Харбина полицейская школа с трехмесячным курсом обучения.

Полицейскую школу решено было переформировать в Учебную команду горно-лесной полиции (Кунрэндзё – Кунрэнтай), оставив на той же станции Ханьдаохэцзы. [252]

Главной задачей Учебной команды горно-лесной полиции являлась разведывательно-диверсионная подготовка полицейских чинов, которые в случае начала войны с Советским Союзом должны были действовать в тылу Красной армии. Это кардинальным образом отличалось от деятельности прежнего Военно-

полицейского училища. Первоначально предполагалось, что Учебная команда будет готовить и унтер-офицерские кадры для русских воинских отрядов.

Командный состав будущей Учебной команды был в основном набран из руководящих чинов полицейских подразделений восточной линии СМЖД, а также в него вошли трое асановцев и двое «волонтеров»-харбинцев, недавно окончивших военно-училищные курсы при ДВСВ. В общей сложности для будущего комсостава Учебной команды было отобрано восемнадцать человек. В мае-июне 1942 года для них были организованы специальные 40-дневные командные курсы в гарнизоне отряда Асано. Возглавлял курсы хорошо владевший русским языком поручик Окицу Масами, который в дальнейшем вместе со своими курсантами в качестве инспектора Учебной команды был направлен на станцию Ханьдаохэцзы.[253]

Русским начальником Учебной команды в звании капитана армии Маньчжоу-го был назначен Михаил Иванов, донской казак, в прошлом сотник в частях атамана И. П. Калмыкова. До назначения в Учебную команду старший надзиратель Иванов командовал Шитоухэцзийским отрядом горно-лесной полиции и некоторое время являлся помощником атамана казачьей станицы на станции Ханьдаохэцзы.[254]

Ильинский А. А.

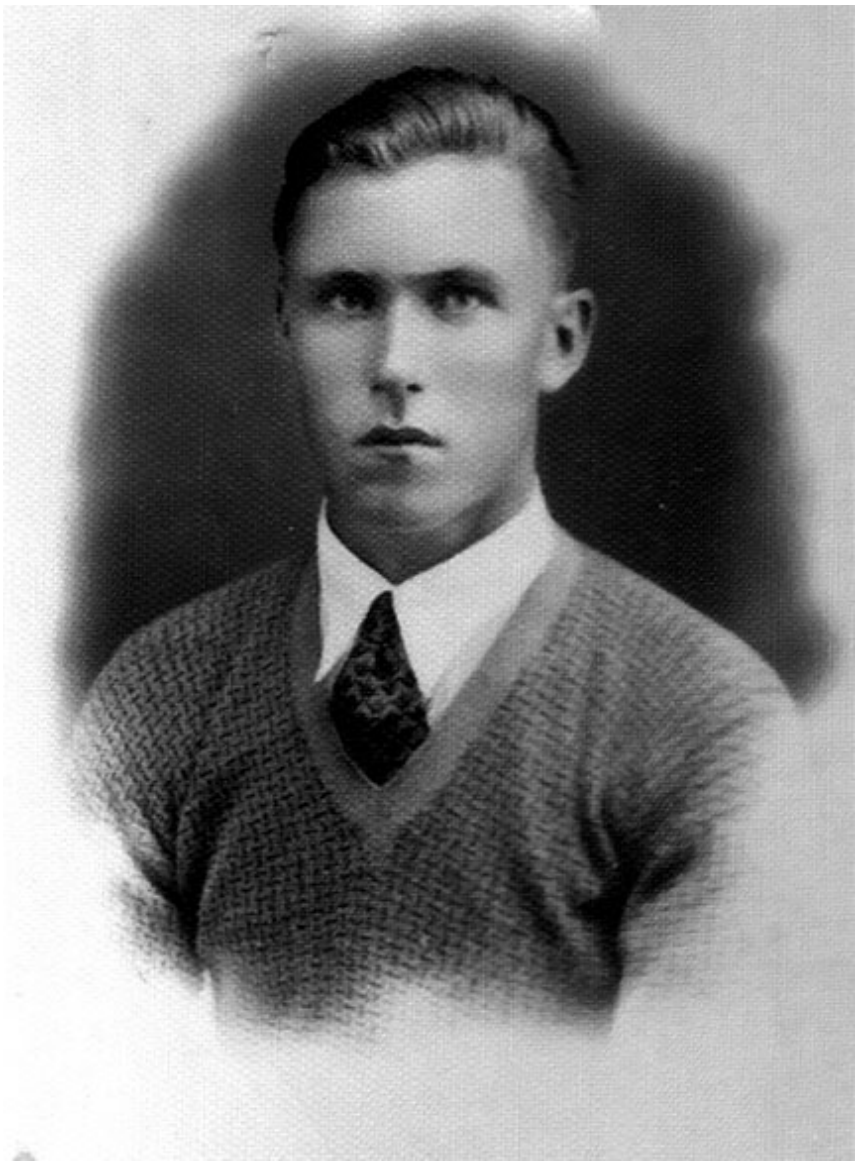
Заместителем начальника команды стал в чине поручика Алексей Ильинский. Алексей родился в 1899 году. После окончания Уфимской гимназии летом 1917 года добровольцем ушел на фронт. Попал в 487-й Бобровский стрелковый полк, откуда вскоре был направлен на учебу в 1-е Киевское юнкерское военное училище, но окончить его не успел. С июля 1918 года находился в рядах Белой армии, в 8-й Камской дивизии. Участвовал в боях под Мензелинском, Уфой, Петропавловском, на Тоболе, был произведен в прапорщики. Прошел страшный Сибирский Ледяной поход, в чине поручика участвовал в боях в Забайкалье.

После отступления в Маньчжурию Алексей оставил военную службу, работал на КВЖД и частных предприятиях. После прихода в Маньчжурию японцев служил в охранном отряде Лафа-Харбинской железной дороги, а с 1935 года – десятником лесной фирмы Осима-Йоко (поселок Эрдаохэцзы). Летом 1941 года Ильинский вместе с другими бывшими военными и молодежью призывного возраста был направлен Муданьцзянским БРЭМ на военные сборы на станцию Эхо, а после окончания сборов – на радиокурсы ЯВМ. Осенью того же года он по приказу Военной миссии возглавил разведгруппу, направленную на советскую территорию в район города Ворошилов (Никольск-Уссурийский). Договорившись, что выполнять задание японцев они не станут, члены группы проблуждали восемь дней вдоль границы и возвратились, сообщив японским чинам, что из-за неточности на карте заблудились и не смогли выполнить поставленную задачу. Весной 1942 года Ильинский получил новое назначение от ЯВМ и выехал на станцию Ханьдаохэцзы. [255]

Командирами первого и второго взводов Учебной команды были назначены надзиратели Василий Плешко и Григорий Шимко с присвоением им званий поручика и подпоручика. До своего назначения Плешко (родился в 1906 году) служил старшим надзирателем полицейского отряда и уполномоченным БРЭМ в городке Тямусы. Шимко (родился в 1915 году) являлся надзирателем Вэйшахэйского полицейского отряда и одновременно до 1939 года возглавлял 7-й Вэйшахэйский отряд Союза мушкетеров, позднее был переведен в Шитоухэцзийский полицейский отряд, где служил помощником начальника отряда.[256] Хозяйственной частью команды заведовал прапорщик Иннокентий Попов, из забайкальских казаков, в прошлом вахмистр Белой армии.[257]

Плешко В. С. ГАХК

Шимко Г. Т. ГАХК

Офицером штаба и переводчиком Учебной команды был назначен в звании подпоручика Иван Яшков, в прошлом член фашистской партии, получивший военное образование в военном училище ДВСВ, которое окончил в октябре 1941 года. Яшкову, чиновнику русского отдела Коммерческо-промышленного кооперативного банка, в совершенстве владевшему японским языком (с восьми лет жил, учился и работал в Японии), служба в Учебной команде горно-лесной полиции была предложена в

качестве альтернативы армейской службе.[258] Еще одним бывшим членом фашистской партии и выпускником военного училища ДВСВ являлся в Учебной команде Николай Горлов. Сын штабс-капитана Белой армии, Николай, будучи студентом первого курса института св. Владимира, в 1935 году поступил в учебный отряд ВФП. В тридцать седьмом году он стал фельдфебелем и старшиной учебного отряда, одновременно входил в состав личной охраны вождя фашистов – Родзаевского. В 1938 году после ухода поручика Агеева Горлов возглавил учебный отряд фашистского союза, в связи с чем по ходатайству Родзаевского был произведен приказом атамана Семенова в чин прапорщика. Желая продолжить военное образование, Николай в конце 1940 года поступил в военное училище ДВСВ. Вскоре после окончания училища с присвоением ему звания подпоручика Горлов был вызван в Военную миссию, где получил предложение о службе в Учебной команде горно-лесной полиции. От таких предложений было не принято отказываться. После 40-дневных курсов на Сунгари-2 Горлов в чине фельдфебеля был назначен командиром отделения Учебной команды.[259]

В состав младших командиров Учебной команды помимо полицейских чинов были включены три асановца, специалисты по радиосвязи, – Бушмакин, Михаил Мещеряков и Николай Шашлов. Японскими инструкторами команды являлись унтер-офицеры Эндо, Кавасаки, Сугимото, Кониси.[260]

Открытие Учебной команды горно-лесной полиции состоялось 6 июля 1942 года. На открытии с торжественной речью выступил японский полковник, указав, что русские эмигранты не составляют значительной военной силы и у японцев достаточно войск, поэтому русским отводится роль разведчиков-

диверсантов, в качестве каковых и будут подготовлены курсанты отряда.[261]

Учебная команда дислоцировалась примерно в километре от поселка Ханьдаохэцзы недалеко от японской воинской части, занимая одно большое здание с классными комнатами для занятий курсантов, жилыми помещениями для курсантов и младших командиров, столовой, кухней и складом. По воспоминаниям одного из курсантов, на стенах классной комнаты были развешаны плакаты, призывавшие соблюдать тайну и быть бдительными. Казарма Учебной команды была обнесена стеной с постоянно охраняемым входом. В подразделениях поддерживалась армейская дисциплина. Офицеры и инструкторы команды проживали с семьями в поселке.

Численность курсантов команды составляла 80 человек. Первоначально они были разбиты на два взвода по четыре отделения в каждом, одно из отделений составляли связисты. После второго набора курсантов в январе 1943 года был выделен специальный, третий радиотелеграфный взвод. Курсанты были обмундированы в форму полиции Маньчжоу-го (парадную и повседневную), которую во время увольнения меняли на гражданскую одежду.[262] Кроме того, на складе команды имелось обмундирование частей Красной армии.[263]

На вооружении личного состава сначала находились разнокалиберные старые винтовки, позднее замененные японскими винтовками производства мукденского арсенала, а также ручные пулеметы и гранатометы, по одной единице соответственно на каждое отделение, за исключением отделения связи. Офицеры были вооружены саблями и маузерами. Также команда располагала некоторым количеством взрывчатых веществ (динамит, мелинит).[264]

Срок обучения курсантов составлял шесть месяцев. Однако после завершения обучения первого курса часть курсантов (связисты – в полном составе) была оставлена в Учебной команде для шестимесячной стажировки в качестве старших курсантов, имея звание ефрейтора. Знаком отличия старших курсантов от младших являлся нашиваемый на левый рукав мундира угол из зеленого сукна с золотой полосой, над которым располагались либо одна (младший курсант), либо две (старший курсант) звезды.[265]

В программу обучения курсантов Учебной команды входила строевая и тактическая подготовка (бой в наступлении и обороне), изучение материальной часть оружия, стрельба, подрывное дело, разведывательная и партизанская деятельность, агитационно-пропагандистская работа. Практическое обучение подрывной технике осуществлялось на станции Шаньши в пятнадцати километрах от Ханьдаохэцзы. Учебные занятия проводились как в дневное, так и в ночное время. Практиковались учебные полевые марши к соседним с Ханьдаохэцзы станциям – Яблоня и Хайлинь.[266] Места для этого были как нельзя более подходящими – сопки, покрытые лиственными и хвойными лесами, узкие долины с небольшими речками.

Как вспоминал поручик Ильинский, «муштровали курсантов не столько мы, сколько [японские] инструкторы. Обучение партизанским действиям, хождение в походы и т. д. Все это было в тягость, потому что мы не знали, чем все закончится... Боялись даже подумать, что японцы могут бросить нас на границу! Но мы в то же время чувствовали японскую неуверенность в их мероприятиях, поэтому надеялись на благополучный исход».[267] Есть сведения о том, что некоторые из призванных на службу в учебную команду отказывались явиться на станцию Ханьдаохэцзы, в связи с чем руководство прибегало к помощи жандармерии.

Был и случай побега из школы двух курсантов, во время поимки которых один из беглецов был застрелен японцами.[268]

Учебная команда горно-лесной полиции действовала до 1944 года, осуществив три выпуска разведчиков-диверсантов и два выпуска связистов.[269]

Помимо обучения в Учебной команде, куда в основном направлялась молодежь, имевшая среднее или неоконченное среднее образование, для русского личного состава горно-лесной полиции Маньчжоу-го с августа 1941 года были введены обязательные проводимые дважды в год двухнедельные лагерные сборы, где отрабатывались навыки перехода границы, проведения разведки, диверсионной деятельности. До сорок четвертого года сборы проводились на станции Ханьдаохэцзы, в 1944–1945 годах – на разъезде 22-я верста, примерно в 7 км от станции Ханьдаохэцзы. Доступ туда был ограничен. Чтобы попасть на разъезд, нужно было преодолеть высокую и крутую гору Старый Барабан, получившую свое название из-за особого подъемного сооружения в виде большого барабана с паровым двигателем, служившего для переправки через гору тяжелых вагонеток с лесом.

Ответственность за проведение сборов возлагалась на начальника Военной миссии на станции Ханьдаохэцзы (в 1941 году – майор Сикаи Ёситэру).[270] Руководили сборами японские и русские инструкторы из офицеров воинских отрядов и начальников отрядов горно-лесной полиции. Русским начальником сборов на протяжении практически всего периода их существования являлся начальник Вэйшахэйского полицейского отряда, старший надзиратель С. Г. Трофимов,[271] в прошлом штабс-капитан Белой армии.

Трофимов С. Г. ГАХК

Теперь вернемся к подразделению отряда Асано на станции Ханьдаохэцзы. В момент своего образования подразделение насчитывало чуть более ста человек командного и рядового состава. Младший комсостав части Китамура был сформирован почти исключительно из русских полицейских кадров, прошедших командные курсы на станции Сунгари-2 летом сорок первого и весной сорок второго годов. Рядовой состав отряда также почти полностью был представлен бывшими служащими горно-лесной полиции. Для формирования разведывательно-диверсионного подразделения

полицейские кадры приобретали неоценимое значение, поскольку имели большой опыт боевых действий против китайских хунхузов и партизан в характерной почти для всей восточной линии СМЖД гористо-лесной местности.

Первоначально эскадрон Китамура состоял из двух взводов, которыми командовали поручик Гукаев и прапорщик Агеев. Еще одним бывшим инструктором Военно-полицейского училища, служившим теперь командиром отделения в Ханьдаохэцзийском отряде, являлся Валентин Гусев, носивший воинское звание фельдфебеля.[272] Эскадрон остро ощущал нехватку кадров младшего комсостава, поэтому в марте 1942 года двенадцать кандидатов на должности младших командиров были направлены для обучения в учебной команде сунгарийского отряда.[273]

Вооружение Ханьдаохэцзийского отряда было аналогичным вооружению отряда Асано – японские винтовки Арисака (позднее карабины) со штыками, чешские ручные пулеметы Брно и гранатометы, у офицеров – «маузеры» Намбу. Тяжелого вооружения отряд не имел.

Подразделение Китамура изначально формировалось как разведывательно-диверсионная часть, поэтому основу его учебной деятельности составило изучение дисциплин разведывательного, партизанского, диверсионного плана. Полученные знания отрабатывались на регулярно проводимых практических занятиях в условиях походного лагеря. Хорошей иллюстрацией деятельности Ханьдаохэцзийского отряда может служить обнаруженный нами «План лагерной жизни и действий партизанского отряда» от сентября 1943 года.

Нужно отметить, что к этому времени произошли некоторые перемены в руководстве отрядом. В сентябре 1942 года все японские чины отряда были назначены инструкторами (капитан Ивамото, поручик Окицу,

подпрапорщик Баба Цунэо[274] и др.), а капитан Китамура отозван для прохождения дальнейшей службы в Мукден. Инспектором отряда Асайоко стал, по-видимому, капитан Ивамото, а с июля 1943 года – капитан Камимура Морио.[275]

Новым командиром отряда в звании капитана был назначен Александр Гукаев, его заместителем стал прибывший из отряда Асано корнет Ложенков, командирами взводов – прапорщик Агеев и вахмистр Петр Литвинцев, также откомандированный из отряда Асано. Литвинцев служил в Сунгарийском отряде с апреля 1938 года, участвовал в 1-м Амурском походе, перед отправкой на Ханьдаохэцзы командовал отделением.[276] Осенью 1943 года прапорщик Агеев был отозван в распоряжение командира Сунгарийского отряда, а его место занял асановец – прапорщик Александр Павлов. До лета 1941 года Павлов служил младшим надзирателем в Шитоухэцзийском полицейском отряде. Потом, как и другие полицейские чины, был мобилизован в отряд Асано, первоначально служил штабным старшиной и казначеем, а с декабря сорок второго года – командиром взвода.[277]

Павлов А. В. ГААОСО

Согласно «Плану лагерной жизни и действий партизанского отряда», практические действия по отработке разведывательно-диверсионной и партизанской деятельности осуществлялись в лагерных условиях в период с 6 по 18 сентября 1943 года в районе Дорин (?). В походе участвовали оба взвода отряда, укомплектованные по три отделения в каждом, общей численностью около 70 человек. В «поле» бойцы

размещались в восьми больших палатках с печками. Возглавлял походный лагерь инспектор Камимура. Бойцы и командиры подразделений имели на вооружении карабины, маузеры, взрывчатые вещества (мелинит) с капсюлями и горючим шнуром.

Основа плана заключалась в формуле: «Выковать воинский дух, соответствующий для бойцов передовой линии фронта. Согласованность действий с уверенностью в победе. Сохранение полной конспирации в процессе проведения занятий в лагере». Согласно учебной легенде, «синего государства партизанский отряд „А“ силою … человек, находясь на вражеской территории, согласно приказу по радиосвязи, 6.09 в 24:00 прибыл от станции Ивановка (Ханьдаохэцзы) юго-восточнее в район (Дорин) с задачей производить разрушительные действия по транспорту, связи и разрушения военных объектов, а также проводить пропаганду и агитацию, как устно, так и листовками среди населения противника».[278]

В течение лагерного периода отрядники отрабатывали следующие виды действий:

1. Боевая стрельба (тактика ближнего боя).

Стрельбы проводились 9 сентября в составе отделений. Дальность стрельбы составляла 300 метров из винтовки и 40 метров из маузера. Каждый боец сделал по пять выстрелов.

2. Переходы (вообще) и переходы через границу.

3. Разведка переправ и местности.

4. Сбор необходимых сведений (точная разведка) во время войны.

5. Оценка путей проходимости.

6. Ориентировка днем и ночью.

7. Связь сигналами и донесениями.

8. Выбор баз и остановка.

9. Устройство шалаша и охранение.

10. Самоснабжение продовольствием на вражеской территории.

11. Выбор мест-ниш и техника сохранения продовольствия в нишах от глаз противника и дождя.

12. Захват часового и чинов обхода.

13. Демонстрация (?).

14. Прерывание проволочной связи.

15. Набег на колхоз.

16. Набег на аэродром.

17. Набег на лагерь противника.

18. Набег на город – разрушение проволочной связи, станции железной дороги и станции связи.

19. Политическая работа агитаторов (среди населения во время набега).

20. Уход на сборное место.

21. Подрыв железной дороги.

22. Выход из затруднительного положения.

23. Меры против преследования групп противника.

Вышеуказанные действия отрабатывались в составе отделения, взвода и совместно двух взводов. В роли противника выступали ежедневно выбираемые из взводов бойцы в количестве отделения. При отработке учебных действий строго воспрещалась борьба и примыкание штыков. Также было запрещено использование услуг населения, все переноски осуществлялись своими силами. Командиры подразделений должны были вести записи ежедневных занятий с указанием времени и действий. В течение всего лагерного периода командованием производился осмотр оружия и обмундирования.[279]

Летом 1941 года на западной линии СМЖД, так же как и в других частях Маньчжоу-го, японцы начали мобилизацию людских ресурсов эмиграции в преддверии возможного начала войны с СССР. Главным

объектом мобилизации в этом регионе явилось русское казачество.

В середине июля сорок первого года в Хайларе под председательством генерал-лейтенанта Бакшеева и сотрудника Харбинской ЯВМ подполковника Таки Хироси[280] состоялся съезд представителей всех казачьих станиц Маньчжоу-го. Делегаты съезда приветствовали начало советско-германской войны и приняли решение о подготовке казачества к вооруженному выступлению против СССР. Съезд завершился традиционным казачьим конным праздником.

После окончания съезда было ускорено начатое в прошлые годы оформление ополченческо-волонтерских подразделений, в состав которых были включены все мужчины-казаки от 18 до 55 лет. Формируемые подразделения объединялись в Захинганский сводный казачий корпус под общим командованием генерала Бакшеева. Штаб корпуса располагался в Хайларе.

Захинганский казачий корпус состоял из двух бригад. Первая бригада (Захинганская казачья отдельная бригада) включала в себя население Трехречья и поселков вдоль железнодорожной линии западнее станции Хакэ. Штаб бригады находился в административном центре Трехречья – поселке Драгоценка. Командиром бригады являлся начальник Трехреченского БРЭМ полковник В. Л. Сергеев, в свое время один из организаторов Особого Маньчжурского отряда. В бригаду входили два полка: Волонтерский полк в составе пяти сводных сотен под командой войскового старшины И. К. Пинигина, помощника начальника полиции поселка Драгоценка, и Ополченческий полк из четырех сводных сотен под командой подполковника Н. М. Стерьхова, учителя начальной школы поселка Попирай. Волонтерский полк объединял молодежь от 18 до 35 лет, в Ополченческий

полк включались мужчины старше 35 лет. Помимо указанных подразделений в состав бригады входили Маньчжурский сводный батальон (город Маньчжурия) и Чольский сводный батальон (концессия Чол).[281]

Первая сотня Волонтерского полка, которую первоначально возглавлял войсковой старшина, в прошлом партизан А. У. Акулов, а с 1944 года – прапорщик Петр Морозов, подчинялась непосредственно Военной миссии и обучалась по особой программе, включавшей разведывательно-диверсионные дисциплины (изучение взрывчатых веществ, методов подрыва различных объектов, приемов перехода границы). Преподавателями по разведывательно-диверсионным дисциплинам в основном являлись японцы. Обучение сотни происходило дважды в год по две недели в расположении казарм Военной миссии в поселке Драгоценка и в местечке Березиха, располагавшемся в 2–3 км от поселка Дубовая. Здесь курсанты размещались в двух бараках. Численный состав сотни доходил до 70 человек. На вооружении сотни состояли винтовки, ручной пулемет и гранатомет, выдаваемые со склада ЯВМ на период сборов.[282]

Аналогичные Первой сотне по направленности подготовки молодежные учебные команды существовали и в других пограничных с СССР районах. Так, в Сахаляне в 1941 году на базе учебной команды местного отделения РФС был создан учебный отряд численностью до 45 человек. Командовал отрядом надзиратель Сахалянской полиции Г. П. Милюков. Первоначально сборы отряда проводили раз в месяц или раз в два месяца. Занятия вели японские и русские инструкторы. Упор делался на методы ведения партизанской войны и изучение разведывательных дисциплин.

Вторая бригада Захинганского корпуса состояла из Якешинского, Хайларского и Хинганского сводных

волонтерских полков. Якешинский полк был укомплектован пятью сотнями (три якешинские, одна чжаромтинская, одна мяньдухэйская) и отдельной пехотной ротой. Командиром полка являлся забайкальский казак, полный Георгиевский кавалер, полковник В. Г. Казаков[283] (1941–1942), позднее – есаул Козулин (1943–1945). Личный состав полка насчитывал до 600 человек.[284] Хинганский полк состоял из двух пехотных батальонов (в составе чжаланьтуньской, бухэдинской, баримской и других рот) и двух сводных сотен. Штаб располагался на станции Бухэду. Командовал полком войсковой старшина Ф. Д. Толкачев (1941–1943), позднее полковник М. Я. Новиков (1943–1944) и есаул С. В. Коренев (1944–1945). Численность полка составляла 350 человек.[285] Хайларский полк был составлен из двух батальонов общей численностью до 400 человек. Его возглавлял начальник военного отдела Захинганского БРЭМ, полковник П. М. Портнягин, начальником штаба полка являлся войсковой старшина А. Н. Зимин.[286]

Военная подготовка личного состава волонтерских подразделений проходила на военно-учебных сборах, длившихся от двух недель до месяца. В 1941–1942 годах такие сборы проводились дважды в год, в 1943–1944 – один раз. Инструкторами на сборах являлись офицеры и унтер-офицеры русских армейских отрядов.[287]

Например, в марте 1942 года по приказу полковника Асано в Трехреченскую ЯВМ для проведения занятий по военной подготовке с местным русским населением были направлены прапорщик Л. Мустафин и старший унтер-офицер Тоболов. Возглавлял сборы помощник начальника Военной миссии поручик Идзима. Для сборов были отобраны восемьдесят человек, часть из которых были резервистами, все со своими лошадьми. Весь состав делился на два взвода по два отделения в

каждом. Командирами взводов являлись старший унтер-офицер Тоболов и резервист Чебунин. В состав преподавателей-инструкторов входили бывшие партизаны Гордеев и Акулов. В течение месяца участники сборов отрабатывали методы ведения партизанской войны: подрывное дело, совершение походов, нападение на обоз, на концлагерь, переход границы, способы маскировки, административное и политическое устройство СССР и т. п. Сотрудники ЯВМ читали ополченцам лекции на политические темы.[288]

Никакого вооружения, за исключением небольшого количества учебных винтовок и собственных шашек у некоторых казаков, Захинганский сводный корпус не имел. Обращаясь к своему хайларскому детству, В. В. Перминов вспоминает, как по улицам Хайлара «маршировало это воинство в лампасах с… деревянными винтовками, распевая „Зореньку алую“».[289] Во время учебных стрельб все стреляные гильзы подлежали строгому учету и сдавались командирам подразделений. Это лишний раз подчеркивало недоверие японцев к своим русским союзникам. Все огнестрельное оружие состояло на учете у властей, иметь нарезное оружие (винтовки, карабины) запрещалось. Исключение составляли только сотрудники японских и эмигрантских учреждений, которые могли оформить особые разрешения на использование нарезного оружия для охоты.

По воспоминаниям В. Санникова, работавшего на территории концессии Чол, молодые ребята, волонтеры Чольского батальона, «смотрели на эти занятия как на спортивные упражнения; это было развлечением в однообразной таежной обстановке».[290] Многие молодые казаки воспринимали военную подготовку таким же образом. Да и казаки старшего возраста к военной подготовке, организованной ЯВМ, относились достаточно прохладно, тем более что она отрывала от

многочисленных хозяйственных дел. Собрать казаков-ополченцев на военные занятия было непросто. В связи с этим военные сборы Ополченческого полка Захинганской казачьей отдельной бригады за весь период войны были проведены только один раз – в ноябре сорок четвертого года.[291]

В целях военной и разведывательно-диверсионной подготовки казачьей молодежи призывного возраста в Хайларе в октябре 1941 года был сформирован специальный отряд, получивший название Хайларского полицейского казачьего отряда. Отряд размещался на Центральной улице Хайлара в комплексе зданий Хайларской полицейской школы, где до сорок первого года русские не обучались. Возглавил отряд есаул Иван Александрович Пешков.

Пешков на основании имеющихся материалов оценивается весьма неоднозначно. Казачий офицер (на 1922 год – сотник 1-го Забайкальского казачьего полка), участник Гражданской войны, он и после ее окончания возглавлял один из белых партизанских отрядов, совершавших набеги на советскую территорию из района Трехречья. Позднее служил в Русской группе войск Шаньдунской армии генерала Чжан Цзунчана. В период советско-китайского конфликта 1929 года Пешков вновь возглавил антисоветский отряд, выполнявший в том числе и функции охранного в приграничной полосе Трехречья. По сведениям, приводимым В. В. Перминовым, «в 1932 году по Трехречью прошли две сотни двух Иванов – Пешкова и Аксенова, сея смерть среди поселенцев. Аксенов и его люди были почти все уничтожены пешковцами и зыковцами».[292] Впрочем, данное утверждение представляется достаточно спорным, поскольку большая часть участников партизанских отрядов, действовавших в приграничных с Советским Союзом

районах в двадцать девятом году, была арестована и освобождена только в 1933 году по ходатайству атамана Семенова.

Во время вторжения Квантунской армии в Маньчжурию Пешков, как и некоторая часть русского офицерства, поддержал японцев. По одной из версий, он возглавлял отряд, который вел разведку в зоне ответственности китайских войск западной части Северной Маньчжурии.[293] С установлением новой власти есаул служил в пограничной страже Южно-Аргунской провинции, возглавляя один из погранотрядов, а после увольнения всех русских из пограничной стражи в 1934 году – в полиции Хайлара. Непримиримый антикоммунист, Пешков между тем не был слепо предан японцам, стремясь как можно меньше «выносить сор из избы», не отправляя по первому подозрению русского эмигранта в японскую жандармерию, откуда выходили немногие.

По имени командира Хайларский отряд стал неофициально именоваться «отрядом Пешкова».

Заместителем командира отряда в первые месяцы его существования являлся бывший сослуживец Пешкова по 1-му Забайкальскому полку сотник (в 1922 году – хорунжий) Алексей Ильич Савватеев. Весной 1942 года в связи с болезнью Савватеев был освобожден от занимаемой должности и в дальнейшем возглавил русскую разведывательно-диверсионную школу. После ухода Савватеева новым заместителем командира стал забайкальский казак Иван Зыков (в период Гражданской войны, по-видимому, имел звание не выше вахмистра или подхорунжего), в прошлом, как и Пешков, один из партизанских командиров. В связи с назначением на эту должность Зыков приказом атамана Семенова был произведен в есаулы.

В состав командования отрядом в звании подпоручиков (хорунжих) по распоряжению Военной

миссии были назначены Константин Вологдин и Владимир Потапов, ставшие взводными командирами.

Вологдин происходил из забайкальских казаков, в годы Гражданской войны служил старшим урядником 1-го Атаманского полка в войсках атамана Семенова. В тридцатые годы он работал в железнодорожной полиции приграничной станции Цаган и возглавлял местную казачью учебную команду, будучи сам неплохим наездником, за что получал неоднократные похвалы от японских чинов.[294]

Потапов не был казаком. Не окончив кадетского корпуса, он с матерью прибыл в Маньчжурию тринадцатилетним подростком в 1920 году. В двадцать пятом Владимир, которому едва исполнилось восемнадцать лет, сбежал из дому в китайскую армию. Не последнюю роль здесь сыграл пример отца, офицера (по одной из версий, генерал-майора) Русской Императорской армии, погибшего во время Первой мировой войны. Окончил Шаньдунский офицерский инструкторский отряд (1927). Служил в 7-м Особом учебном полку, а позднее, до самого конца существования Русской группы войск, в чине поручика в личном конвое командующего Шаньдунской армией генерала Чжан Цзунчана. После возвращения из армии Потапов некоторое время работал в хозяйстве отчима в поселки Якеши, позднее на заводе «Шкода» в Харбине. В 1932 году завод закрылся, и Владимир поступил на службу в только что созданный русский охранный отряд лесной концессии (станция Яблоня), являлся помощником командира отряда, был ранен в одной из стычек с хунхузами. Возможно, Потапов и задержался бы на восточной линии, но трагическая гибель жены, которая была убита случайным выстрелом его друга, заставила его уехать на западную линию в формирующуюся русскую пограничную стражу Южно-Аргуньской провинции. Здесь он возглавил один из

пограничных кордонов (Усть-Галдучи) и встретился с есаулом Пешковым, с которым Потапов был знаком еще по китайской армии. С расформированием русских пограничных отрядов Владимир занялся подрядами, некоторое время содержал собственную пекарню, работал на лесной концессии в Якеши, пока в октябре 1941 года о нем не «вспомнили» в Военной миссии.[295]

Помимо уже указанных выше офицеров в состав командования Хайларского отряда вошли два выпускника школы агитаторов и пропагандистов 4-го отдела Харбинской ЯВМ – вахмистры Гавриил Чипизубов (член РФС) и Николай Бородин. Оба служили в первом наборе отряда Асано, позднее, после окончания школы агитаторов и пропагандистов, работали в Хайларской Военной миссии, занимались в том числе опросами беженцев из СССР. Бородин в 1940 и 1941 годах являлся инструктором на военных сборах на станции Хакэ. В отряде Пешкова Чипизубов занял должность казначея отряда, а Бородин – командира отделения.[296]

Первоначально численность отряда Пешкова составляла сорок казаков, разбитых на два взвода. Срок обучения в отряде был определен в три месяца. Обмундированием служащих отряда, в отличие от других русских военных подразделений в Маньчжоу-го, была казачья форма с желтыми лампасами и желтым околышем фуражки.[297] На вооружении отряда имелись японские винтовки Арисака (позднее чешские карабины), маузеры у офицеров и клинки (японские кавалерийские сабли и казачьи шашки). Рядовой состав отряда набирался из русского населения западной линии СМЖД (от станции Маньчжурия до станции Чжаланьтунь) и Трехречья.[298]

Весной 1942 года японское руководство приняло решение о превращении Хайларского казачьего полицейского отряда в армейское подразделение, аналогичное отрядам на станциях Сунгари-2 и

Ханьдаохэцзы. Для этого в апреле сорок второго года в Хайлар из отряда Асано была направлена группа японских и русских инструкторов под руководством капитана Асакура. Русских инструкторов представляли старшие унтер-офицеры Павел Переводчиков (пулеметное дело), Георгий Поручиков (радиодело), Михаил Халин (гранатометы), Эдуард Берзин (подрывное дело), Игнатий Овчинников (кузнечное и ветеринарное дело), японцев – поручик Кубо, вахмистр Кикути (станковые пулеметы). Поскольку капитан Асакура, как и большинство японских офицеров, не знал русского языка, при нем в качестве переводчика на протяжении всего полугодового периода реорганизации Хайларского отряда находился вахмистр Алексей Макаров.[299] В дальнейшем большая часть инструкторов, прибывших в Хайлар с капитаном Асакура, были официально переведены на службу в отряд Пешкова.

В ходе реорганизации рядовой состав Хайларского отряда был разбит на группы специализации: стрелки, автоматчики, пулеметчики, гранатометчики, радисты. На вооружение отряда были поставлены несколько японских автоматов (четыре на взвод), ручных пулеметов и гранатометов (по одному на взвод), а также один станковый пулемет. Было введено японское обмундирование, аналогичное другим отрядам. Только офицеры сохранили казачью форму (возможно, в качестве повседневной) с русскими погонами и фуражкой.[300]

Для более качественной подготовки военных специалистов срок службы в отряде был увеличен до полугода (первый состав отряда, обучавшийся по новой программе, начал службу 15 апреля), а с сорок третьего года – до года. Численность отряда также увеличилась и достигла к концу 1942 года 80 человек, в составе двух конных стрелковых взводов и команды связи.[301]

В июле 1942 года отряд Пешкова был передислоцирован на северную окраину Хайлара в специально подготовленный для этого военный городок на правом берегу реки Иминьгол (Иминьхэ), недалеко от железобетонного моста через реку. В расположении городка находились три казармы (две были заняты личным составом, одна – штабом), две конюшни, кухня, столовая, баня и прачечная, оружейный и вещевой склады. Все здания имели вид обшитых тесом полуземлянок, располагавшихся вдоль речной дамбы и 1-й улицы. Своими фасадами строения военного городка выходили на широкий плац. Городок был окружен рвом в метр глубиной и земляным валом. Выход военнослужащих за пределы военного городка разрешался только в гражданской одежде.[302]

После реорганизации и перемещения отряда Пешкова на окраину Хайлара его место в здании Хайларской полицейской школы на Центральной улице заняла русская разведывательно-диверсионная школа, открытая в сентябре того же 1942 года. Эта школа была аналогом Учебной команды горно-лесной полиции на станции Ханьдаохэцзы, имела секретный характер и официально именовалась русским отделением Хайларской полицейской школы. Это разведывательно-диверсионное подразделение возглавлял сотник Савватеев. Срок обучения здесь составлял три месяца. На одном курсе обучалось 24 человека (взвод). Первоначально преподавателями школы являлись офицеры и унтер-офицеры отряда Пешкова.

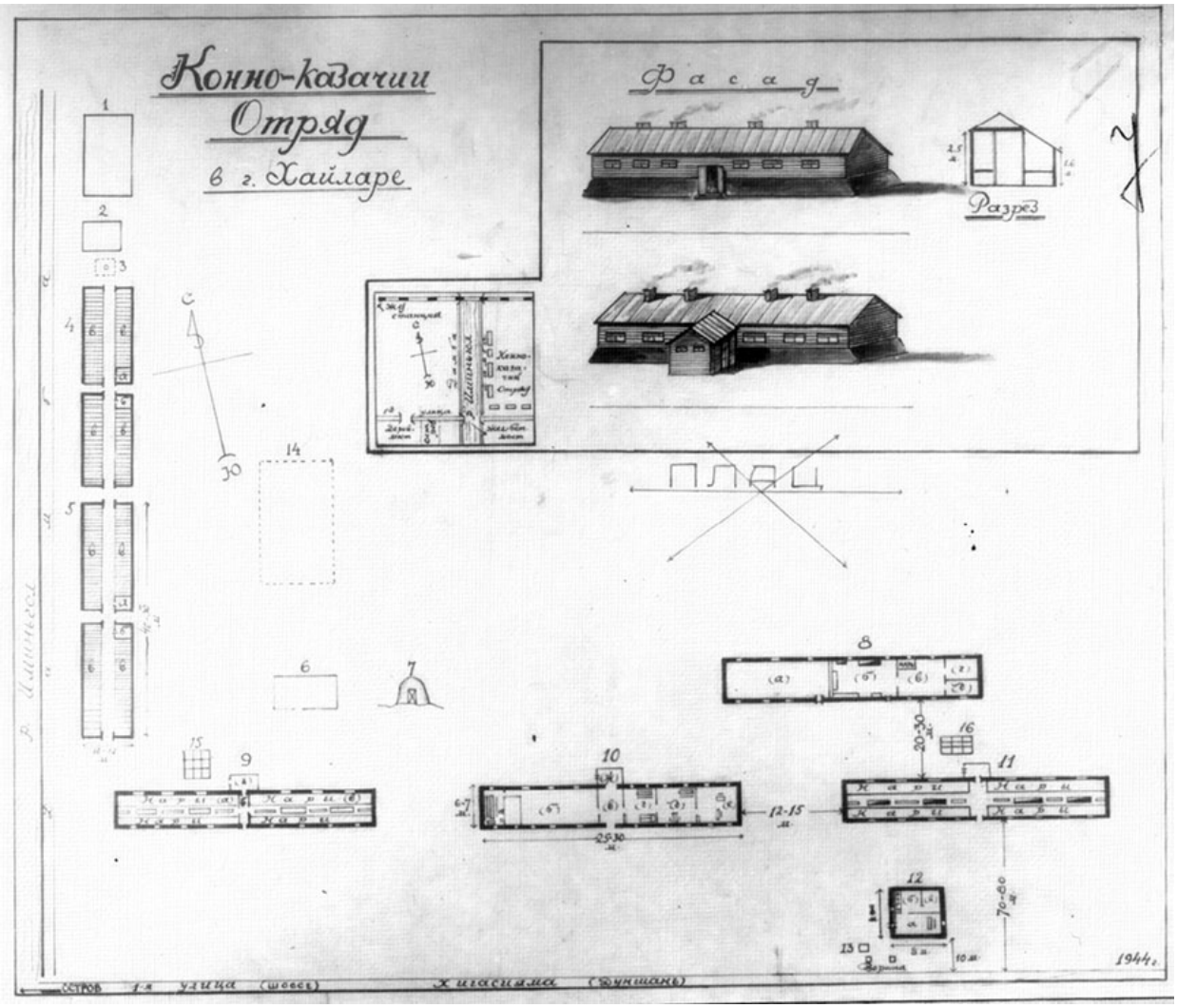

Схема. Гарнизон Хайларского отряда. Архив УФСБ РФ по Хабаровскому краю

В 1943 году школа переместилась на окраину Хайлара поблизости от военного городка. В расположении школы находились два строения – казарма-полуземлянка и одноэтажное кирпичное здание, построенное буквой «П», где располагался штаб и учебные классы.[303]

Жизнь в отряде Пешкова подчинялась строгому распорядку. Подъем трубился в 6 часов, затем следовала утренняя поверка, уборка лошадей, завтрак, чистка оружия. В 9 часов начинались занятия. С 12:00 до 13:00

осуществлялась дневная уборка лошадей, затем следовал обед. С 14:00 до 17:00 – продолжались учебные занятия, за которыми следовала вечерняя уборка лошадей, ужин, чистка оружия, амуниции и обмундирования. После вечерней поверки в 21:00 оставалось немного свободного времени для писем, чтения, игр. В 22:00 трубился отбой.[304]

За нарушение дисциплины в отряде виновные несли взыскания – наряд вне очереди, постановка под ружье, бег на различные дистанции по кругу.[305]

Практические занятия для служащих отряда Пешкова проводились совместно с курсантами полицейской школы, которые играли роль условного противника, также практиковались учебные походы. В июне 1943 года весь отряд совершил 10-дневный поход из Хайлара на станцию Якеши и обратно. Во время похода отрабатывались маршевые дисциплины, тактика наступательных и оборонительный действий в составе мелких групп, полевая разведка, преодоление инженерных сооружений и водных преград, подрыв железных дорог, мостов, уничтожение средств связи. [306] Пешков, старый партизан, особое внимание в обучении своих бойцов уделял методам ведения партизанской войны.

В апреле 1943 года руководство Военной миссии провело смотр боевой готовности реорганизованному отряду Пешкова. На смотре присутствовал начальник Харбинской ЯВМ генерал Дои, который в целом остался доволен результатами смотра.[307] Вероятно, вскоре после смотра Пешков приказом атамана Семенова был повышен в звании до войскового старшины (это соответствовало званию майора в армии Маньчжоу-го), а капитан Асакура еще по возвращении из командировки в Хайларский отряд стал майором.

Одной из проблем для отряда Пешкова являлось отсутствие достаточного количества русских

офицерских кадров. Сам Пешков, вероятно, получил военное образование на ускоренных курсах комсостава в годы Первой мировой войны. Хорунжий Потапов, который в 1943 году занял должность помощника командира отряда вместо уволенного за пьянство есаула Зыкова,[308] окончил, как мы уже отмечали, Шаньдунское военное училище Русской группы войск армии Чжан Цзунчана. Адъютант отряда с июня 1942 года хорунжий Вологдин имел воинское звание старшего урядника российских казачьих войск. Все командиры взводов являлись старшими урядниками (унтер-офицерами).

Необходимость подготовки младших офицерских кадров из эмигрантской молодежи для отряда Пешкова и других военизированных подразделений западной части Северной Маньчжурии привела к организации при Хайларском отряде юнкерских курсов.

Юнкерские курсы начали свою работу 1 октября 1943 года. В состав курсантов были зачислены четыре старших урядника отряда (Берзин, Овчинников, Переводчиков, Поручиков) и восемь резервистов (Н. Каргин, И. Лесков, П. Морозов, К. Парыгин, Н. Чегодаев, Г. Черепанов и др.), отозванных в отряд из Хайлара, поселков Якеши, Челотуй и др. Срок обучение на юнкерских курсах составил шесть месяцев. Преподавателями являлись русские офицеры (не только из состава отряда) и японские инструкторы: майор Пешков, хорунжий Потапов, полковник Портнягин, генерал Бакшеев, поручик Кубо.[309]

По окончании курсов в апреле 1944 года выпускникам было присвоено звание прапорщиков. Четверо из них остались в отряде на командных должностях. Стрелковые взводы возглавили асановцы Берзин и Переводчиков, а также Гурий Черепанов, выпускник Ханьдаохэцзийского ВПУ (1940) и школы агитаторов-пропагандистов 4-го отдела Харбинской ЯВМ (1941), который до призыва в отряд в апреле сорок

второго работал наборщиком в типографии хайларской газеты «Захинганский голос». Асановец прапорщик Поручиков являлся начальником команды связи отряда. Остальные выпускники юнкерских курсов возвратились по месту проживания до востребования. Многие из них в дальнейшем привлекались для обучения эмигрантов военному делу. Так, прапорщик П. Г. Морозов был назначен командиром 1-й сотни Волонтерского полка Захинганской казачьей отдельной бригады, сборы которой периодически организовывались в поселке Драгоценка.

«Культурная» жизнь отряда Пешкова проходила, прежде всего, в рамках деятельности казачьего хора, регентом которого являлся хорунжий Потапов. Известно, например, что в 1943–1944 годах хор несколько раз выступал на хайларском радио.[310]

К концу 1943 года стало совершенно очевидным, что перелом в мировой войне осуществился в пользу антигитлеровской коалиции. Японцы, истратив почти все свои военные ресурсы, больше не помышляли о наступлении, а перешли к обороне на всех своих рубежах. Новый расклад военных и политических сил на мировой арене вынуждал Японию несколько скорректировать свои позиции в Маньчжурии. Что сказалось, в частности, и на деятельности эмигрантских армейских подразделений.

Глава 5
Русские воинские отряды армии Маньчжоу-го (1944 – июль 1945 года)

Военные неудачи Японии в 1943 году способствовали усилению политических кругов, склонных к компромиссу с Соединенными Штатами. Особенно такие устремления укрепились после падения летом 1944 года правящего кабинета генерала Тодзё Хидэки. В этих условиях существование пакта о нейтралитете с СССР давало определенные надежды на возможность переговоров с США при советском посредничестве. И действительно, с лета сорок четвертого года такие попытки предпринимались, но безуспешно. Антигитлеровской коалиции нужна была только безоговорочная капитуляция.

Не помышляя больше о наступлении, японцы бросили все силы на укрепление обороны приграничных рубежей Маньчжоу-го. В 1945 году японское командование имело 17 укрепленных районов вдоль границ с СССР и МНР, насчитывавших более 4,5 тысяч оборонительных долговременных сооружений. Самым мощным из укрепрайонов считался Хайларский. По свидетельствам советских офицеров, участвовавших в захвате Хайлара в августе 1945 года, на окраине города в сопках были сооружены подземные двух – и трехэтажные доты, соединенные подземными ходами, имелись противотанковые рвы, несколько рядов заграждений из колючей проволоки.[311]

Не желая настраивать против себя Советский Союз, японские власти в Маньчжурии в годы войны

реорганизовали, а в дальнейшем ликвидировали эмигрантские политические объединения. Первым еще в 1942 году было закрыто Монархическое объединение, в 1943 – Российский фашистский союз, функционировавший с 1941 года как общественная организация. Союз казаков на Дальнем Востоке и Дальневосточный союз военных превратились в ветеранские организации. В средствах массовой информации Маньчжоу-го практически исчезла антикоминтерновская и антисоветская риторика. С другой стороны, продолжала активно функционировать идея «общего дома», общности судеб народов Восточной Азии. К концу Тихоокеанской войны идея общности судеб народов Восточной Азии убийственно лаконично выразилась в лозунге «Жить и умереть с Японией». Лозунг имел широкое распространение в Маньчжоу-го.

Перемены, характерные для жизни русской эмигрантской общины в Маньчжоу-го, не могли не коснуться и русских воинских подразделений. Как отмечалось ранее, в 1943 году японское военное командование в Маньчжурии приняло решение о передаче всей полноты руководства русскими отрядами русским военным. Из особых разведывательно-диверсионных подразделений русские отряды должны были стать общевойсковыми подразделениями армии Маньчжоу-го. Так, отряд Асано был придан 162-му стрелковому полку армии Маньчжоу-го. Следовательно, менялись и учебные программы, в которых почти не осталось места для разведывательно-диверсионных дисциплин. Но в то же время контроль над деятельностью русских воинских отрядов сохранялся в руках Военной миссии.

В январе 1944 года русские воинские отряды, дислоцированные на станциях Сунгари-2 и Ханьдаохэцзы, были официально подчинены Военному министерству Маньчжоу-го и стали именоваться 1-м

(Сунгарийским Отдельным кавалерийским) и 2-м (Ханьдаохэцзийским) русскими воинскими отрядами (РВО). В мае того же года Хайларский полицейский казачий отряд был также официально включен в состав армии Маньчжоу-го и переименован в Хайларский РВО.

Большая часть японских офицеров Сунгарийского отряда были откомандированы в другие подразделения армии Маньчжоу-го и структуры ЯВМ. В Главный штаб армии Маньчжоу-го в Синьцзин были направлены майор Томинага и капитан Хасимото, в Синьцзинскую офицерскую школу – майор Айда и капитан Ёсинари (с 1942 года – офицер ветеринарного отдела штаба отряда Асано). В распоряжение начальника 4-го военного округа Маньчжурской империи (Харбин) выбыли майор Асакура, являвшийся с августа 1943 года начальником штаба отряда Асано, вместо направленного в Синьцзинскую офицерскую школу подполковника Синода,[312] и майор Икэда. Капитан Мацура и поручик Мурата, офицеры ветеринарного отдела штаба, а также капитан Сайто, с декабря 1942 года выполнявший функции адъютанта отряда вместо переведенного в штаб Мукденского военного округа капитана Адати, были откомандированы в штаб Калганского военного округа. Капитаны Тамасита, Хиромацу и Мацусита (офицер учебного отдела штаба в 1943 году) отправились в различные воинские части армии Маньчжоу-го.

Другие офицеры продолжили службу по линии ЯВМ. В штат 3-го отдела Харбинской Военной миссии был включен капитан Идэра,[313] но уже в марте 1944 года он был в качестве начальника отделения ЯВМ переведен на станцию Сунгари-2. Вместе с ним в Военной миссии на Сунгари-2 работали капитан Такагаки, являвшийся помощником начальника отделения ЯВМ до марта 1945 года, когда был перемещен в Военную миссию Цицикара, капитаны Ямада Сёитиро (начальник

ветеринарного отдела штаба отряда Асано с 1942 года), Идзима и прапорщик Яги, в прошлом командир взвода Сунгарийского отряда. Летом 1945 года начальником отделения ЯВМ на станции Сунгари-2 стал капитан Идзима.[314]

Командиром Сунгарийского Отдельного кавалерийского отряда был назначен полковник Я. Я. Смирнов, с 1936 года работавший начальником группы русских сотрудников 2-го (разведывательного) отдела Харбинской Военной миссии. По одной из версий, в 1943 году у Смирнова разгорелся конфликт с руководством ЯВМ по поводу защиты чести одного из его русских сослуживцев, и он подал прошение об увольнении.[315] Стоит отметить, что на горячий нрав Смирнова, не раз служивший причиной конфликтов, указывали многие его бывшие сослуживцы. Вместо увольнения (что было распространенной практикой) строптивому полковнику было предложено возглавить Сунгарийский РВО.

Начальниками Ханьдаохэцзийского и Хайларского отрядов остались их прежние командиры – капитаны Гукаев и Пешков.

Как и в других подразделениях армии Маньчжоу-го, при русских воинских отрядах находились японские инспекторы и советники. Советником Сунгарийского отряда являлся полковник Асано, служивший начальником 5-го отдела Харбинской Военной миссии, советником Ханьдаохэцзийского отряда – сотрудник (с ноября 1944 года – начальник) ЯВМ на станции Ханьдаохэцзы капитан Камимура, Хайларского – сотрудник Хайларской ЯВМ капитан Кубо.[316]

Учебный отряд горно-лесной полиции на станции Ханьдаохэцзы и Хайларское полицейское училище в январе 1944 года были расформированы и влиты в состав соответствующих русских воинских отрядов.

Изменение статуса РВО сделало информацию о них широкодоступной, в периодической печати появились

статьи и заметки о жизни русских солдат, сопровождаемые фотоснимками. Торжественно обставлялись проводы на службу новобранцев, родители получили возможность присутствовать на церемонии присяги. Русские воинские отряды отныне позиционировались не иначе, как национальные военные подразделения, «гордость российской эмиграции», где «лучшие представители эмигрантской молодежи с честью выполняют свой почетный воинский долг».

Первые публикации о русских воинских отрядах появились в эмигрантской прессе в декабре 1943 года. Так, в связи с увольнением в резерв в конце ноября части военнослужащих, начальник Главного БРЭМ генерал-лейтенант Л. Ф. Власьевский[317] сделал в присутствии начальника Харбинской Военной миссии генерал-майора Дои официальное заявление, размещенное затем в газете «Время». В заявлении говорилось: «Государственные власти проявили акт наивысшего доверия к российской эмиграции, предоставив эмигрантской молодежи возможность получать военную подготовку, участвуя в обороне Маньчжоу-Го, и получать эту подготовку в полном соответствии с идеалами российской эмиграции. На основании этого Главное Бюро приступило к развитию Сунгарийского, Ханьдаохэцзыйского и Хайларского Русских Воинских отрядов на следующих принципах:

1. Отныне эти отряды будут являться базой воинской подготовки российской эмигрантской молодежи и воспитания ее в духе здоровых государственных начал, воинской доблести и верности своему долгу и национальным идеям.

2. Командный состав полностью формируется из российских эмигрантов.

3. Срок подготовки определен в полтора года.

4. Отличительным знаком отряда является значок установленной формы».[318]

Аналогичный по характеру материал с обращением к русским солдатам – «Гордитесь, что вы воины, будьте всегда готовы к борьбе!» – был представлен и в печатном органе Бюро эмигрантов журнале «Луч Азии». [319]

В свою очередь генерал Дои в приветственном слове к эмигрантам отмечал следующее: «Российские эмигранты, принадлежащие к семье народов Маньчжу-Ди-Го, должны также участвовать в этой Священной войне, проводя в жизнь основной принцип „делить вместе с Ниппон и Маньчжу-Ди-Го и радость, и горе, и жизнь, и смерть“».[320]

В феврале-марте 1944 года в журналах «Луч Азии» и «Рубеж» был помещен материал о торжественных проводах русских новобранцев на военную службу в РВО, состоявшихся в январе того же года в связи с очередным призывом. Теперь призывники из Харбина, с южной ветки СМЖД и юга Маньчжурии, а также частично из западных районов Северной Маньчжурии отправлялись на службу в Сунгарийский отряд. Призывники с западной линии служили в основном в Хайларском отряде, а с восточной линии – в Ханьдаохэцзийском. В отряд на станции Ханьдаохэцзы призывали в том числе и старообрядцев, несколько поселений которых располагались в этом районе.

По случаю зимних проводов 1944 года, 23 января в воскресенье, в Харбине митрополитом Мелетием был отслужен молебен в св. Благовещенском храме, на котором присутствовало руководство БРЭМ. После молебна новобранцы отправились в Коммерческое собрание, где находилось большое количество людей. Зал Коммерческого собрания был убран флагами Японии, Маньчжоу-го и российским национальным флагом, плакаты гласили: «Молодым русским воинам –

общеэмигрантский привет!». С речами к новобранцам и всем присутствующим обратились генерал Власьевский и другие руководители эмигрантского Бюро, а также представительница матерей – В. И. Баранова. С ответным словом от новобранцев выступил Б. С. Цилов, сын одного из организаторов русских охранных отрядов в Маньчжоу-го, полковника С. Н. Цилова. Собрание завершилось концертом.

На следующий день, в понедельник, новобранцы отправились в расположение частей, в которые были определены для прохождения службы. Перед отъездом их собрали в Гранд-отеле, где их встретили помощник начальника ГБРЭМ М. А. Матковский и начальник 5-го отдела полковник М. А. Демишхан. Матковский обратился к новобранцам с приветственным словом, после чего они отправились на вокзал.[321]

Вообще январский сорок четвертого года набор на военную службу проходил с большой помпой, БРЭМовская администрация инициировала «добровольческое движение» эмигрантской молодежи на военную службу. Несколько известных среди харбинской молодежи юношей, хороших спортсменов, отличников школьной учебной и военной подготовки, подали «добровольные» заявления на военную службу в РВО. Их портреты, интервью с ними и благодарности их родителям от эмигрантской и японской администрации были помещены на страницах харбинской прессы. Одним из таких «добровольцев» был Олег Баранов. Отец его являлся бывшим офицером и дворянином, мать принадлежала к семейству первых строителей КВЖД. Отличник во всем и всегда: в учебе, спорте, самодеятельности, военной подготовке, – Баранов уже сдал экзамены в Токийский университет, мечтая о карьере врача. Но по настоятельному предложению БРЭМ «согласился» отложить обучение на полтора года и пойти добровольцем в Сунгарийский РВО. Это решение

молодого человека, хорошо известного в Харбине, получило освещение в газетах, разместивших портрет Олега и материал о нем под заголовком «Доброволец О. Баранов». К слову заметить, в армии Баранов тоже был отличником, дослужившись за полтора года до звания старшего унтер-офицера, помощника командира взвода. [322]

«Добровольческое движение», организованное эмигрантской администрацией, никого не могло обмануть – молодые эмигранты, особенно жители Харбина, в массе своей не хотели «служить японцам». Мероприятия властей Маньчжоу-го, ориентированные на создание «единого дома» для проживающих на его территории пяти дружественных наций, привели лишь к усилению русского патриотизма. Формирование «единого дома» в Маньчжоу-го под покровительством Великой Японии предполагало идейно-культурную унификацию на японской основе: изучение японского языка во всех типах учебных заведений как необходимое условие будущей успешной карьеры, внедрение противоречивших православию (и вообще христианству) элементов в культовую практику,[323] ревностное участие в государственном строительстве и прославление Японии. Все это порождало глухое недовольство эмигрантов и способствовало переоценке отношения к Советской России в позитивном ключе, что было в немалой степени связано и с постоянно усиливавшейся симпатией в отношении русского народа, ожесточенно противостоявшего попыткам Германии захватить Россию.

Патриотические настроения были характерны и для русских офицеров РВО. По воспоминаниям военнослужащих Ханьдаохэцзийского отряда, командир отряда майор Гукаев неоднократно подчеркивал, что полученные бойцами в отряде знания пригодятся Родине. При этом было не совсем понятно, то ли майор

говорил о старой России, возродить которую было заветной мечтой старшего поколения эмиграции, то ли о новой России – СССР.[324] В уже упоминавшихся нами воспоминаниях В. Винокурова есть эпизод, посвященный капитану Ядыкину. Являясь отличниками боевой подготовки, Винокуров и его друг В. Лысенко однажды были вызваны в кабинет к Ядыкину, который в это время возглавлял учебную команду отряда. На вопрос Ядыкина хотят ли они стать офицерами, Винокуров и Лысенко ответили: «Нет!». «Тогда он [Ядыкин] сказал: „Наши придут, японцы на дерево, а вы куда?“. Я до сих пор благодарен ему за это».[325]

Новое положение русских воинских отрядов сделало их более открытыми для внимания эмигрантской общественности. Родители военнослужащих теперь получили возможность находиться на церемонии принятия присяги в расположении гарнизонов русских воинских отрядов, а также время от времени навещать своих сыновей.

Согласно воспоминаниям В. В. Катенина, служившего в Ханьдаохэцзийском РВО, «в мае месяце [1945 года], ко дню летнего Николая Чудотворца (22 мая)[326] была назначена присяга. К этому дню готовились тщательно, были заранее извещены родители с приглашением быть на этом торжественном моменте. В назначенный день курсанты [так в тексте. – *С. С., А. Б.]* под звуки русских военных маршей прошли перед многочисленными гостями церемониальным маршем по-гренадерски, то есть винтовки с примкнутыми штыками держали на весу, острие штыков слегка упиралось в кончик правого плеча впереди идущего…»[327]

Сохранились и свидетельства посещений родителями русских воинских частей. Например, в одном из документов из архива БРЭМ отмечалось, что «после посещения отряда Асано у всех родителей осталось самое отрадное впечатление. Все там здоровые,

потолстели, подтянутые, у всех довольные лица и хорошее настроение. В беседе со многими было выяснено, что большинство мечтает продолжать карьеру военного и остаться в отряде и дальше. Кормят превосходно…»[328]

В 1944 году изменился текст присяги, принимаемой русскими военнослужащими. Текст присяги выглядел теперь примерно так: «Я, российский эмигрант, как равноправный гражданин империи Маньчжу-Ди-Го, вступая в ряды русского воинского отряда, обязуюсь быть честным и справедливым, защищая интересы Маньчжурской империи; выполнять все требования уставов и приказов начальников; быть готовым с оружием в руках выступить по первому зову своих начальников на защиту территории Маньчжу-Ди-Го против врагов империи и дружественной ей империи Ниппон».[329]

В Сунгарийском и Хайларском отрядах новобранцы принимали воинскую присягу на плацу гарнизона, а в Ханьдаохэцзийском – в местной церкви.[330] На принятии присяги обычно присутствовали представители руководства Военной миссии и Бюро эмигрантов.

С 1944 года военнослужащие, выезжавшие в краткосрочный отпуск к месту жительства, не снимали военной формы и, по некоторым свидетельствам, имели при себе саблю. Что лишний раз говорило о снятии секретности с деятельности русских воинских отрядов.

После реорганизации эмигрантских военных отрядов в общевойсковые подразделения и ликвидации учебно-полицейских структур основными тренировочными центрами для подготовки разведывательно-диверсионных кадров из числа русских эмигрантов стали специальные разведывательно-диверсионные школы, существовавшие обособленно от русских воинских отрядов в режиме строгой секретности. Такие

школы существовали на станциях Имяньпо, Шитоухэцзы, в Хайларе, Сахаляне, Муданьцзяне, Трехречье.

Разведывательная школа, или отряд «Облако» (отряд 900, 323, 322, 25217), была учреждена Харбинской Военной миссией в конце апреля 1944 года. Начальником разведотряда с октября 1944 года являлся майор Ямагата Мотомэ[331] (псевдоним «Ооя́ма»), в марте 1945 года сменившийся подполковником Макино Масатоми.[332] Заместителем начальника (с марта 1945 года) являлся майор Итикава Кэндзи[333] (псевдоним «Ииси»). Отряд должен был состоять из штаба и четырех оперативных отделов. Первый отдел возглавлял капитан Имаидзуми Тюдзо (псевдоним «Ямада»),[334] второй – капитан Симада, третий – капитан Аибара, четвертый – капитан Ватараи. Из русских эмигрантов были укомплектованы четыре из шести отделений первого отдела.[335] Одно из отделений было сформировано из китайцев.[336] Штаб разведшколы располагался на станции Имяньпо.

В окрестностях станции Имяньпо, в сопках размещались три русские учебные группы школы – местечки Лянцзялинь и Цинлуншань (в дальнейшем отряд 323). Две группы должны были готовить разведчиков-диверсантов, одна – радистов. Четвертая группа, имевшая агитационно-пропагандистский профиль, находилась на станции Шитоухэцзы (в дальнейшем отряд 322).[337]

Формирование кадрового и курсантского состава учебных групп тянулось с мая по ноябрь 1944 года. Кадровый состав формировался из русских офицеров и младших командиров РВО и сотрудников Военной миссии. Первую и вторую учебные группы в окрестностях Имяньпо осенью сорок четвертого года возглавили откомандированные из Сунгарийского отряда ротмистр Тырсин и вахмистр Широков,

повышенный в связи с новым назначением в звании до корнета. Командиром третьей группы был назначен в чине подпоручика Михаил Аникьев.

Аникьев родился в 1901 году, происходил из забайкальских казаков. Будучи учеником духовной семинарии, он, опасаясь мобилизации в войска, уехал с отцом в 1918 году в Китай. Жил на станции Маньчжурия, учился в гимназии, после окончания которой поступил на Юридический факультет в Харбине. Сумел окончить только три курса и за неимением денег факультет оставил, перебиваясь случайной работой. В 1934 году Михаил поступил на службу в железнодорожную полицию, учился в полицейском училище в Харбине. В 1937 году работал в 3-м отделе ГБРЭМ, занимался прослушиванием телефонных переговоров иностранных консульств. В том же году был направлен в распоряжение Военной миссии города Маньчжурия, где также работал на радиоперехвате. В январе 1944 года, являясь секретарем Маньчжурского отделения БРЭМ, прошел обучение на 10-дневных разведкурсах в Хайларе, а в мае был направлен на станцию Имяньпо, где работал под псевдонимом «Ганин».[338]

Широков В. А. ГАХК

Отбор курсантов для разведшколы осуществляли сами командиры групп вместе с японскими офицерами главным образом из числа резервистов-асановцев. Курсантам было назначено ежемесячное денежное пособие в размере 140–170 гоби, что соответствовало жалованию среднего звена эмигрантской администрации. Общее число курсантов трех учебных

групп, дислоцированных в окрестностях Имяньпо, составило около пятидесяти человек.[339]

Занятия начались в декабре 1944 года. Каждая группа занималась самостоятельно. Обучением курсантов первой группы (17 человек), размещенных примерно в 45 км от Имяньпо, в специально построенной казарме, занимались капитаны Тырсин и Итикава, помощником Тырсина являлся вахмистр Шабалин. Курсанты в составе малых групп (3 человека) изучали методы перехода границы и сбора информации, фотосъемку, ориентирование, стрелковое вооружение и экипировку Красной армии и т. п. Дважды проводились учебные походы, один из них в район Нижнего Чола.[340] 25 апреля 1945 года курсанты были отправлены в отпуск, по окончании которого, по словам Итикавы, их должны были перебросить в район Мохэ, а оттуда – на советскую территорию. Всего к переброске готовилось три группы. Старшие групп, отправляясь в отпуск, получили запечатанные пакеты с указанием срока прибытия в Харбин.[341]

Аналогичным образом проходили занятия в группах Широкова и Аникьева. Японскими инструкторами в группе Широкова являлись подпоручики Номура и Утагава, в группе Аникьева – поручик Китамура («Уэно»).[342] Из группы Аникьева в августе 1944 года на советскую территорию засылался Прокопий Бояркин. С помощью надувных пузырей он переправился через Аргунь в районе поселка Могоча, но потерял направление, заблудился и наткнулся на заставу. В ту же ночь Бояркин возвратился на китайскую территорию.[343]

Четвертая группа, размещенная на станции Шитоухэцзы, была создана на основе расформированной в мае 1944 года школы 4-го (агитационно-пропагандистского) отдела Харбинской ЯВМ. После

расформирования школы агитаторов и пропагандистов пять ее инструкторов и пять курсантов были отправлены на станцию Шитоухэцзы. Главой Шитоухэцзийской группы являлся капитан Ямада, русскими инструкторами – получившие звание подпоручиков Лев Охотин (в прошлом один из активистов фашистской партии), Юрий Витвицкий (резервист-асановец, работавший в школе ЯВМ с 1940 года), Алексей Мельников (выпускник школы агитаторов и пропагандистов 1939 года, в прошлом сотрудник Сахалянской ЯВМ), Николай Морозов и прапорщик Николай Затолочный.[344] Витвицкий недолго находился в группе и уже в декабре был откомандирован для прохождения дальнейшей службы в Сунгарийский РВО, остальные инструкторы работали в отряде до августа 1945 года. Количество курсантов группы было небольшим – всего 12 человек.

В июле 1944 года два человека из Шитоухэцзийской группы (Анатолий Савин и прапорщик Затолочный) переправлялись на советскую территорию, где в течение пяти дней вели разведку.[345]

Хайларская разведшкола располагалась в квартале Мацуя старого Хайлара в здании Военной миссии и начала работу еще в сентябре 1942 года. Начальником школы являлся капитан Накамура, его русским заместителем первоначально – сотник Савватеев. Из русских преподавателей здесь работали бывший вахмистр отряда Пешкова Г. Н. Чипизубов (с октября 1943 года), сотрудники Хайларской ЯВМ – вахмистр Н. Н. Бородин, Е. Батенев и А. Н. Семенов. Курсанты набирались главным образом из резервистов РВО. Так же как в отряде «Облако», здесь изучали способы перехода границы, маскировки и поведения на советской территории, фотосъемку, топографию, военную разведку, вооружение и экипировку войск Красной армии, методы ведения агитации и пропаганды. Школа была строго охраняемой, и в течение двух-трех

месяцев обучения курсанты ни разу не покидали ее территории. Также отсюда запрещалось отправлять письма.

Последний набор курсантов Хайларской разведшколы (12 человек) в мае 1945 года вместе с русскими преподавателями был отправлен на станцию Якеши для участия в строительстве базы учебного разведывательно-диверсионного центра. База располагалась в 35 км к северу от станции Якеши около железнодорожной ветки, ведущей в тайгу к японской лесной концессии Кульдур, имела номер 35 и неофициальное название «медвежий отряд».[346]

В мае 1944 года под руководством Накамуры была подготовлена группа из пяти русских разведчиков, которые должны были перебраться через Аргунь и разведать район реки Урулюнгуй, оценить состояние железной дороги, идущей по пади Урулюнгуй, качество шоссейных дорог; выявить военные объекты. Однако в первых числах июня в составе группы были оставлены только три человека – Михаил Мартынов, уже дважды ходивший на советскую территорию, Степан Виноградов и Николай Перминов, в прошлом оба асановцы. Группа в сопровождении японцев была вывезена в Трехречье, к границе. Здесь разведчики получили пистолеты, фотоаппарат, бинокль, карту, консервы, фляги, бинты, надувные круги и были переправлены на резиновой лодке через Аргунь. Сначала переправились Виноградов и Перминов, на следующий день – Мартынов. Через десять дней группа должна была вернуться на базу, но не вернулась.[347] Группа считалась погибшей, но неожиданно в конце августа с советской стороны вернулся Виноградов. Сдавшись погранпосту в поселке Хэйшаньтоу, он попросил доставить его в Военную миссию.

По словам Виноградова, они с Перминовым были захвачены советскими пограничниками сонными и не

смогли оказать сопротивление или покончить жизнь самоубийством, как предполагала инструкция. В дальнейшем Виноградову было предложено стать советским агентом, на что он дал согласие и после переброски в Маньчжурию сразу же сдался властям. Японцы две недели вели допросы Виноградова, прибегая в том числе и к одному из излюбленных средств жандармерии – куску резинового шланга. После окончания следствия Виноградов был отправлен в Хайлар, где продолжил работать в разведшколе, находясь все время под присмотром японцев.[348]

Еще одним центром подготовки разведчиков являлись созданные в 1941 году при Муданьцзянской Военной миссии трехмесячные курсы радистов особого рода. Курсанты (20 человек на каждом курсе) размещались в лагере ЯВМ на горе Бэйциншань (япон. Хокусэйдзан).[349] Главным руководителем курсов являлся начальник Муданьцзянской Военной миссии майор Мацуура (1942–1943), непосредственными руководителями – поручик Номура Канаэ[350] и подпоручик Оцука Ёсидзиро.[351]

В 1944–1945 годах продолжали осуществляться лагерные сборы для резервистов РВО и служащих горно-лесной полиции. Лишь заметно сократилась частота лагерных сборов, и подготовка была ориентирована на проведение боевых операций не на советской территории, а на территории Северной Маньчжурии. Последние лагерные сборы полицейских чинов (32 диверсанта) под руководством старшего надзирателя Трофимова состоялись с 17 по 31 июля 1945 года на станции Тутахэцзы. Сборы завершились показательным выступлением по легенде «Нападение на аэродром». Одна группа полицейских осуществляла нападение, другая – оборонялась. На смотре присутствовал

начальник отделения Военной миссии на станции Ханьдаохэцзы капитан Камимура.[352]

Постоянным центром разведывательно-диверсионной подготовки (учебной командой) считался созданный весной 1943 года полицейский отряд, дислоцированный на 22-й версте, недалеко от станции Ханьдаохэцзы. Отряд возглавлял поручик Ильинский, его заместителем с мая по декабрь 1944 года являлся корнет Лукеш, который, будучи уволенным в резерв из отряда Асано в сентябре сорок третьего года, сразу же был направлен в Учебную команду горно-лесной полиции, а после ее слияния с Ханьдаохэцзийским РВО возглавлял один из взводов отряда. Японским инструктором при отряде состоял фельдфебель Эндо Сакадзи. Численность отряда на 22-й версте составляла первоначально 60 человек, позднее сократилась до 45. Полицейские отряда вместе с семьями постоянно жили на 22-й версте, имея здесь пекарню, клуб и собственные огороды.[353]

На 22-й версте также проводились военные сборы для резервистов Восточного района. В частности, такие сборы состоялись в январе 1945 года под руководством капитана Норита и поручика Ложенкова. В течение пятнадцати дней резервисты отрабатывали навыки наступательных и оборонительных действий. Завершением сборов стал смотр боеготовности, на котором присутствовал начальник Муданьцзянской Военной миссии полковник Таки Хироси.[354]

Начиная с 1943 года военные сборы подразделений Захинганского казачьего волонтерского корпуса проводились один раз в год. И хотя казаки традиционно демонстрировали высокое искусство верховой езды (джигитовки) и владения холодным оружием, это было позавчерашним днем в современной механизированной войне. Стремясь сохранить контроль над казачеством, японские власти в апреле 1945 года организовали

съезды представителей казачьих станиц западной и восточной линий СМЖД под председательством полковника Таки, одного из главных японских специалистов по казачеству. Японцы требовали, чтобы все казаки в возрасте от 17 до 55 лет имели строевых лошадей, сбрую, обмундирование и холодное оружие (шашки или сабли) и были готовы по первому зову властей выступить против войск Красной армии.[355]

Последние двухнедельные военные сборы казаков-волонтеров совместно с резервистами были проведены на западной линии в июне сорок пятого.[356]

Возвращаясь к деятельности русских воинских отрядов в 1944–1945 годах, необходимо остановиться на кадровых перестановках, которые в них произошли.

В ходе реорганизации Сунгарийского отряда, как уже было отмечено, его командиром был назначен полковник Смирнов. Заместителем командира с мая 1944 года стал майор Александр Федорович Михайлов, из оренбургских казаков, войсковой старшина, до назначения в отряд работавший во 2-м отделе Харбинской Военной миссии. В сентябре Михайлов, сохраняя функции заместителя командира, был назначен начальником штаба отряда.

Михайлов А. Ф. ГАПК

Учебный отдел штаба в начале 1944 года возглавил ротмистр Тырсин, оставаясь на этой должности до откомандирования в разведшколу на станцию Имяньпо в сентябре того же года. После его отъезда должность начальника учебного отдела штаба и одновременно заместителя начальника штаба занял ротмистр Ядыкин, в декабре 1944 года переведенный на должность начальника штаба Ханьдаохэцзийского РВО. Ядыкина в

должности начальника учебного отдела заместил поручик Лисецкий.

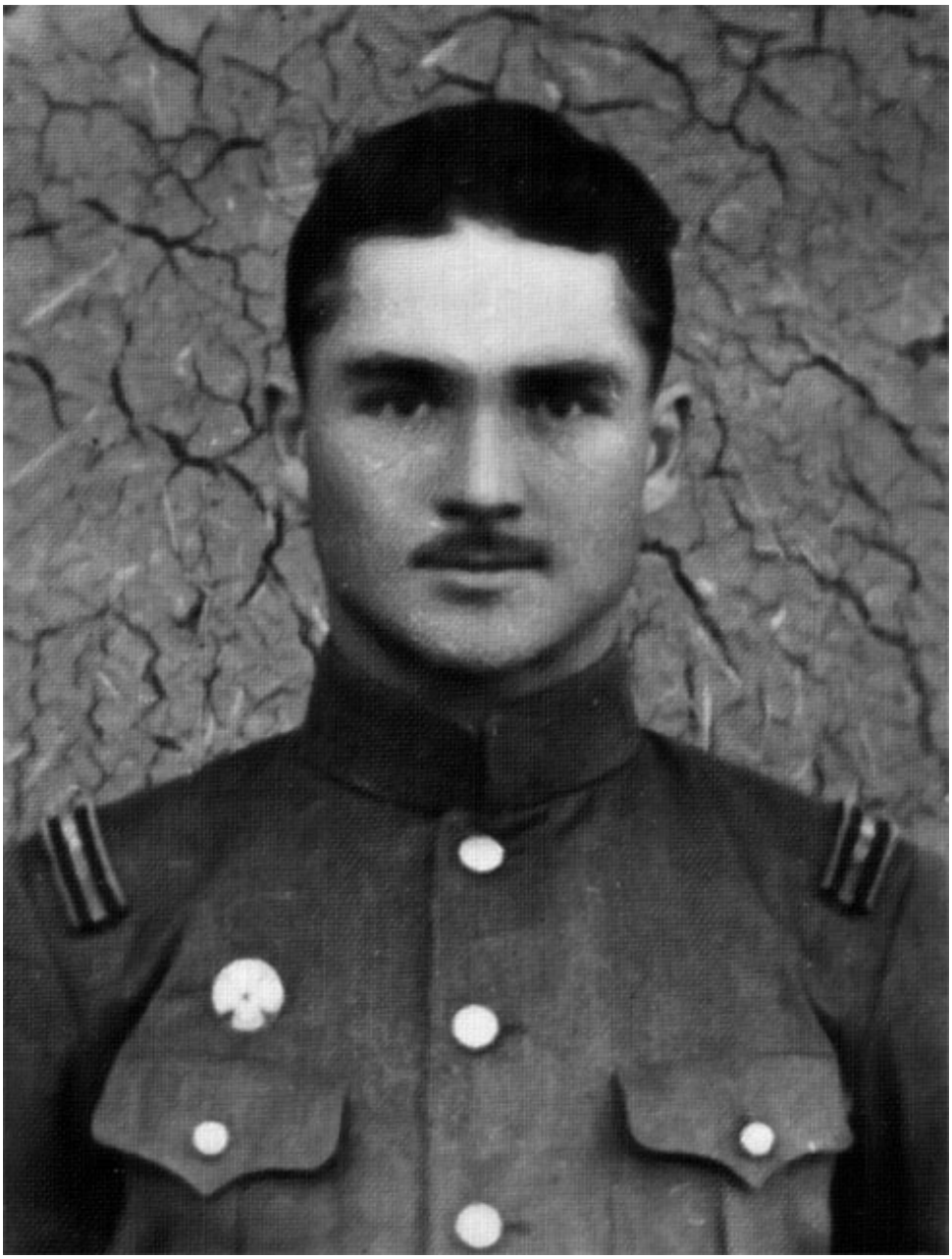
Начальником 5-го (воспитательно-идеологического) отдела штаба являлся поручик Приказчиков. Однако состояние его здоровья все ухудшалось, и в конце 1944 года он был уволен в резерв, после чего уехал в Цзямусы. Новым начальником 5-го отдела был назначен отозванный из Имяньповской разведшколы в декабре того же года корнет Витвицкий, повышенный в звании до поручика. Заместителем Витвицкого, цензором отряда стал поручик Геннадий Наумов.

Наумов, после окончания в 1937 году школы организаторов фашистской партии и прохождения курса Военно-полицейского училища на Ханьдаохэцзы (1938), работал сотрудником Военной миссии в Сахаляне. Одновременно являлся младшим надзирателем особого отдела Сахалянского погранично-полицейского отряда и возглавлял учебную команду из молодежи, сочувствовавшей фашистам. Был причастен к переброске агентов японской разведки из числа русских эмигрантов на советскую территорию. В мае 1941 года Наумов был переведен в Харбин и включен в состав преподавателей школы 4-го (агитационно-пропагандистского) отдела Харбинской Военной миссии (псевдоним – «Вагин»), где в это время уже работал Витвицкий (псевдоним – «Громов»). Преподавал контрразведку и методы опроса беженцев и пленных, участвовал в составлении учебников по этим предметам. В июле 1943 года Геннадий уволился из ЯВМ и несколько месяцев жил в районе станции Фухай, занимаясь сельским хозяйством, пока в декабре 1944 года не был вызван за новым назначением в Харбинскую Военную миссию.[357]

За боепитание Сунгарийского отряда отвечал корнет Ежовский. Хозяйственной частью заведовал корнет Богатырь. Адъютантом командира отряда с декабря

1943 года являлся корнет (с июня 1944 года – поручик) Л. Мустафин. Штабную команду возглавлял прапорщик Дмитрий Горячев.

Командиром 1-го эскадрона отряда, в который входили в основном старослужащие, оставался поручик (с марта 1944 года – ротмистр) В. Мустафин. Взводными командирами являлись корнеты Федореев, Враштиль, Парыгин (первоначально в качестве эстандарт-юнкера). 2-й эскадрон, составленный из призывников сорок четвертого года, возглавил поручик (с начала 1945 года – ротмистр) Рычков. Общее руководство командой связи первоначально находилось в руках поручика Лисецкого. Радиовзводом командовал корнет Ефимов, взводом собаководов и голубеводов – вахмистр Василий Мельников (инструктор – японец Като). Полуэскадрон тяжелого оружия с мая 1944 года возглавлял корнет Агеев.

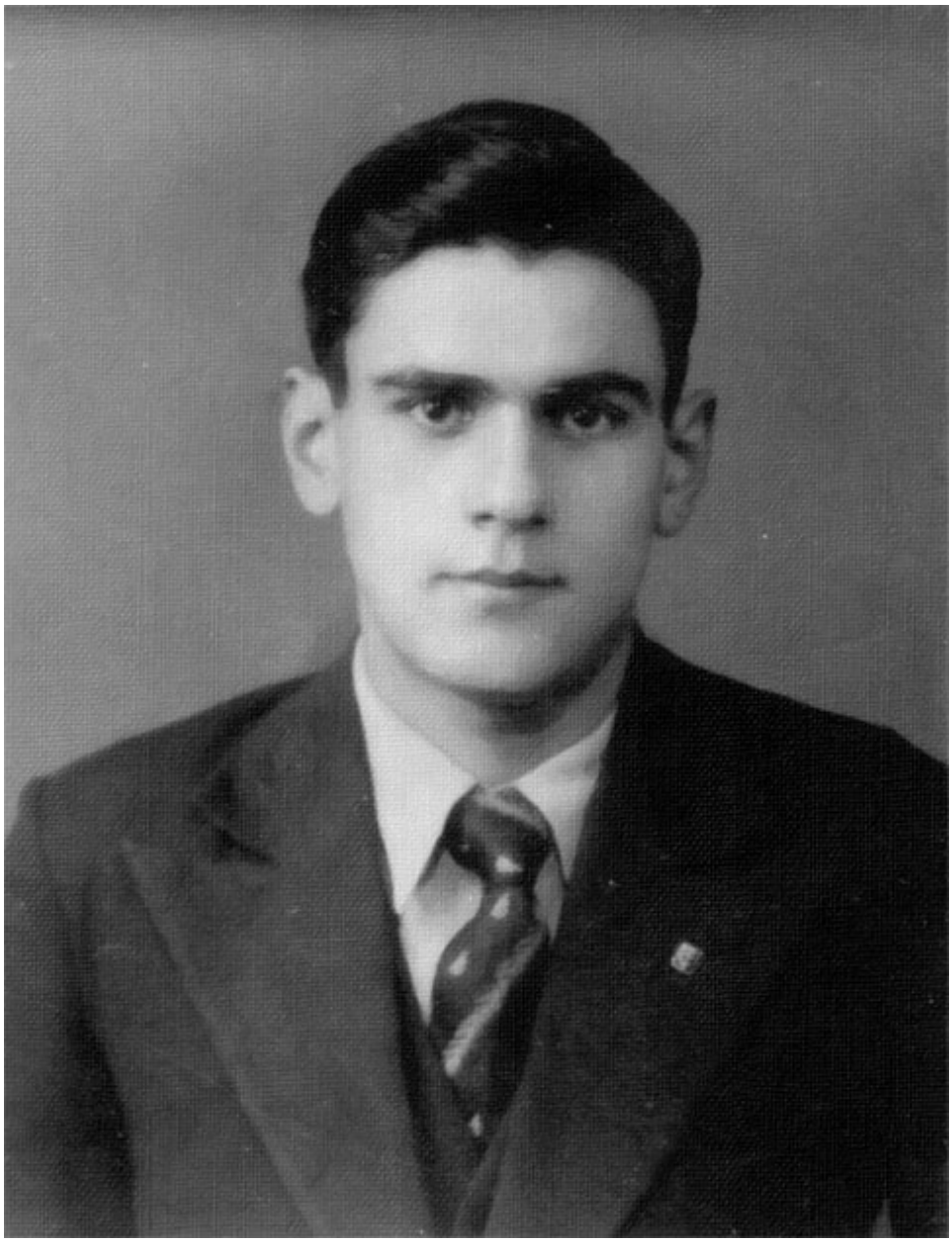
Парыгин И. К. ГААОСО

Руководство военным училищем при Сунгарийском отряде было передано поручику Шехереву. Впрочем, с мая 1944 года курсантов в училище уже не было. Выдержавшие экзамены курсанты в звании эстандарт-юнкеров проходили практику в подразделениях различных РВО, не выдержавшие экзаменов продолжали службу в качестве младших командиров. Шехерев также

являлся начальником отрядных курсов подготовки командного состава.

Санитарная часть отряда находилась под руководством майора Петра Степановича Логиновского, служившего в годы Гражданской войны военным врачом в ОМО и частях Дальневосточной армии. Ветеринарную часть возглавлял прапорщик Макаров, его заместителем являлся Евгений Грацианов, до призыва в отряд в январе 1944 года окончивший Государственный ветеринарный институт в Мукдене и несколько лет проработавший ветеринарным врачом на Харбинском ипподроме.

Недостаток хорошо подготовленных унтер-офицерских кадров во всех РВО привел к воссозданию в составе Сунгарийского отряда в мае (или июне) 1944 года учебной команды (курсов кандидатов младшего командного состава), которая должна была готовить младший комсостав для всех русских отрядов. Срок обучения в учебной команде составлял шесть месяцев. Сюда отбирались наиболее подготовленные солдаты и ефрейторы из всех русских воинских отрядов. Первым начальником команды был назначен ротмистр Ядыкин, позднее замещенный корнетом Постовским.[358]

Грацианов Е. П. ГАХК

В связи с изменением статуса русских воинских отрядов появилась особая символика – отрядное знамя, представлявшее собой белое полотнище с изображением Святого Георгия Победоносца,[359] и нагрудный отрядный знак. Отрядный знак был выполнен в форме вписанного в круг выпуклого креста с расширяющимися концами (ополченческий крест),

имевшего цвет красной горячей эмали с белым кантом по краю. В центре креста в круглом медальоне, окруженном цветами государственного флага Маньчжоу-го,[360] располагалась фигура Святого Георгия Победоносца, поражающего змия. Этот же крест был изображен на отрядных печатях РВО.[361]

Место размещения отрядного знамени и Высочайшего Императорского Рескрипта о создании отряда Асано вместе с Божницей являлось дежурным постом номер 1 Сунгарийского гарнизона. Согласно предписанию об особых обязанностях часовых караула, «к Божнице, знамени и Рескрипту не имеет права прикасаться никто, кроме командира отряда, адъютанта, знаменщика и дежурного офицера. При возникновении пожара или в чрезвычайных случаях, когда отсутствует командир отряда и адъютант, – [часовой] срочно сообщает дежурному офицеру или рунду. Если же для этого нет времени – сам выносит Божницу, знамя и Рескрипт в безопасное место».[362]

Некоторые изменения были внесены во внутренний распорядок жизни отряда. Была введена утренняя гимнастика, часовой отдых после обеда. Упразднены обязательные перемещения по территории военного городка только бегом, запрещено рукоприкладство.[363] В одном из информационных документов БРЭМ, отражающем настроение группы родителей после посещения ими в 1944 году своих сыновей-асановцев, отмечалось: «В самом начале было несколько печальных инцидентов, где некоторые унтер-офицеры позволили себе бить по лицу за всякие дисциплинарные провинности. Но как-то об этом узнал полковник Смирнов, и он очень строго наказал их. Теперь самое лучшее отношение, конечно, большая строгость, но это ничего».[364]

Ослабление режима внутренней жизни Сунгарийского отряда, как, впрочем, и остальных РВО, привело к увеличению случаев нарушения военнослужащими дисциплины. Так, в марте 1944 года курсант юнкерского училища старший унтер-офицер Г. Я. Коваленко совершил самовольную отлучку в Харбин. Причиной стала девушка. В Харбине Коваленко был задержан, препровожден на Сунгари-2 и посажен в карцер. По окончании 15-дневного заключения в карцере курсанта разжаловали в рядовые и уволили в резерв. Летом 1944 года эстандарт-юнкеры В. В. Горохов и С. В. Михайлов, проходившие практику в Ханьдаохэцзийском РВО, получили строгий выговор со стороны отрядного советника капитана Камимура за нетактичное поведение, поскольку «пили водку, играли в карты и волочились за женщинами».[365] Осенью того же года в Ханьдаохэцзийском РВО была обнаружена пропажа нескольких единиц оружия, что привело к увольнению со службы подозревавшегося в пропаже каптенармуса 1-й роты Н. И. Шашлова. В апреле 1945 года старший унтер-офицер Сунгарийского отряда Ю. А. Волков был снят с должности и. о. начальника отдела боепитания за оскорбление в пьяном виде прапорщика и переведен писарем в 5-й отдел штаба отряда. И это далеко не все случаи.

Согласно утверждениям некоторых асановцев, в их среду проникали и сообщения подпольной радиостанции «Отчизна», начавшей свою деятельность в Харбине в конце 1944 года. Радиостанция была создана группой эмигрантской молодежи во главе с бывшим лидеров Союза националистической молодежи Устиновым при покровительстве и руководстве со стороны одного из старших начальников ГБРЭМ – Михаила Матковского.[366] «Отчизна», в частности, призывала эмигрантскую молодежь идти в РВО, чтобы приобрести боевые навыки, которые помогут в дальнейшем бить японцев.[367]

Как уже отмечалось, после 2-го Амурского похода отряд прекратил практику долгосрочных учебных походов. В 1944 году был совершен только один учебный пеший поход, длившийся десять дней. Так же как в сентябре 1943 года, отряд в полном составе выдвинулся в Мадачэнкоу, район станции Яблоня. В Мадачэнкоу проводились отрядные учения, в ходе которых штурмом была взята сопка, взорван мост, осуществлено освобождение «арестованных советскими солдатами колхозников». Учения завершились смотром отряда. На учениях присутствовал начальник Харбинской Военной миссии генерал Дои и ряд других японских чинов.[368]

Японское руководство постоянно курировало деятельность Сунгарийского РВО. Отряд неоднократно посещали полковник Асано, генерал-майор Дои, генерал-майор Акикуса Сюн.[369] В мае-июне 1944 года отряд удостоил своим посещением принц Микаса Такахито, самый младший брат императора Японии Хирохито, служивший в Императорской Ставке. Высокопоставленный гость присутствовал на смотровых занятиях в городке отряда на станции Сунгари-2. По окончании смотра каждый офицер отряда представлялся ему лично. Каких-либо публичных выступлений со стороны принца не было, но на банкете в его честь, организованном в офицерском собрании, он выступил перед командным составом отряда с небольшой речью, в которой поблагодарил за оказанную честь и пожелал укрепления духа и воинской подготовки во имя интересов японского и русского народов. Он также лично поблагодарил полковника Смирнова за хорошо проведенные занятия и физическую подготовленность чинов отряда.[370]

Японскими инспекторами осуществлялся контроль над политическими настроениями офицеров и солдат РВО, их отношением к службе. Известно, например, что русские офицеры отряда были недовольны низкими

окладами. Майор Идзима, живший при отряде, имел обыкновение проводить беседы с русскими военнослужащими, выявляя их взгляды. В конце концов полковник Смирнов запретил офицерам давать какую-либо информацию Идзиме без его ведома.[371]

В мае 1944 года курсанты военного училища при отряде завершили свое обучение. Из двадцати пяти курсантов полный курс училища окончили двадцать три. После заключительных смотров и письменных экзаменов только девять курсантов получили звание эстандарт-юнкера – кандидата в офицерский чин. Вместе с ними звание эстандарт-юнкера было присвоено вахмистру хозчасти отряда Ивану Парыгину (в отряде с 1939 года) и имевшим высшее образование военнослужащим медицинской службы – ветеринару Евгению Грацианову и зубному врачу Георгию Раснюку (помимо прочего, в 1942 году окончил курсы радистов особого рода при Муданьцзянской Военной миссии).

Как следует из более поздних источников, некоторые курсанты намеренно провалили экзамены, чтобы быть отчисленными из отряда. Определенную роль здесь, по-видимому, сыграл пример Коваленко. Но этого им не удалось – курсанты, сдавшие экзамены с низкими баллами, были направлены в звании старших унтер-офицеров в подразделения Сунгарийского, Ханьдаохэцзийского и Хайларского отрядов для прохождения дальнейшей службы.[372] Что же касается эстандарт-юнкеров, то в течение следующего полугода они проходили практику.

На период практики эстандарт-юнкера направлялись командирами взводов в один из русских воинских отрядов или в качестве сотрудников в гражданские учреждения. Эстандарт-юнкера Н. А. Баклашев, С. М. Голубенко, А. М. Томашевский, С. П. Шароглазов, а также Парыгин, Грацианов и Раснюк проходили практику в Сунгарийском отряде, В. В. Горохов и С. В. Михайлов – в

Ханьдаохэцзийском, Б. А. Зимин – в Хайларском. Н. К. Буйнов и В. В. Гальвин работали инструкторами военной подготовки при 2-м отделе Главного БРЭМ в Харбине. Буйнов являлся адъютантом начальника 2-го (военного) отдела – подполковника Коссова, а также инструктором по военному делу 4-й высшей народной школы, Духовной семинарии, Лицея св. Николая, 2-й женской школы и Конвента св. Урсулы; Гальвин – инструктором по военному делу в Северо-Маньчжурском университете и Русском техникуме.

По окончании практики 17 декабря 1944 года приказом Военного министерства Маньчжоу-го двенадцать русских эстандарт-юнкеров были произведены в корнеты и направлены для прохождения дальнейшей службы в русские воинские отряды, за исключением Голубенко, который был переведен на гражданскую службу в Главное Бюро эмигрантов.

В начале 1945 года состоялось очередное увольнение в резерв солдат, завершивших срок военной подготовки. Все увольняемые в резерв получили напутствие со стороны руководства, в котором указывалось, что они, как резервисты РВО, по своему поведению и преданности властям и делу российской эмиграции должны являть собой пример для остальной массы эмигрантов и быть готовыми в нужный момент выступить на защиту интересов Маньчжурской империи. [373]

Весной сорок пятого года прошел последний призыв в русские воинские отряды. Предварительно, еще в январе, был проведен смотр здоровья эмигрантской молодежи, о чем писали русские газеты Харбина. Участие в смотре здоровья эмигрантской молодежи в Харбине, проводившемся в здании гимназии ХСМЛ, помимо специалистов принимали представители русской и японской администрации – начальник Харбинской Военной миссии генерал Дои, начальник ГБРЭМ генерал

Власьевский, глава призывной комиссии полковник Асано, начальник Особого отдела Киовакай Като и др. [374] В результате призыва более ста молодых эмигрантов отправились служить в Сунгарийский и Ханьдаохэцзийский РВО.

Ханьдаохэцзийский воинский отряд в ходе реорганизации и слияния с Учебной командой горно-лесной полиции существенно увеличился. Теперь он имел в своем составе две роты и штабную команду общей численностью в 165 солдат, 26 унтер-офицеров и 9 офицеров.

Согласно сведениям на 30 августа 1944 года, командиром отряда являлся капитан (с января 1945 – майор) Гукаев, адъютантом отряда – подпоручик И. В. Попов, начальником интендантской службы – подпоручик И. С. Яшков. Первую роту трехвзводного состава (третий взвод являлся взводом связи) возглавлял поручик Плешко, вторую роту двухвзводного состава – поручик Ложенков. Военврачом отряда в чине майора медицинской службы состоял по совместительству врач Ханьдаохэцзийского отделения БРЭМ Алексей Яковлевич Приходько, в прошлом капитан медицинской службы Белой армии, более десяти лет прослуживший в госпитале китайских Охранных войск железной дороги (последний чин – подполковник китайской медицинской службы). [375]

С января 1945 года в командовании отрядом произошли некоторые перестановки в связи с переводом на станцию Ханьдаохэцзы нескольких офицеров из Сунгарийского кавалерийского отряда. Заместителем командира отряда, начальником штаба был назначен капитан Ядыкин. Хозяйственную часть возглавил поручик Богатырь, ставшую самостоятельной команду связи – прапорщик Александр Павлов, мобилизованный в отряд Асано в августе 1941 года из Шитоухэцзийского

полицейского отряда. До перевода на станцию Ханьдаохэцзы Павлов служил штабным вахмистром, казначеем и командиром взвода Сунгарийского РВО.[376] Командиром второй роты вместо выбывшего в резерв поручика Ложенкова (по распоряжению ЯВМ возглавил Союз резервистов Восточного района в Муданьцзяне) стал подпоручик Шимко. Подпоручик Яшков сменил на посту адъютанта отряда подпоручика Попова, переведенного командиром взвода в первую роту. Выпускники военного училища Сунгарийского отряда корнеты Буйнов и Михайлов стали командирами взводов.

Несмотря на отмену разведывательно-диверсионной подготовки и перевод бойцов отряда на изучение общевойсковых дисциплин, в программе обучения отрядников сохранились такие дисциплины, как глубокая разведка тылов противника в малых группах и техника подрыва различных объектов.[377] В 1944–1945 годах Ханьдаохэцзийский отряд совершил несколько учебных походов протяженностью 30–40 верст в направлении станций Яблоня, Мулин, Вэйшахэ.[378]

В апреле 1945 года отряд совместно с горно-лесной полицией принял участие в операции против китайских партизан в районе станции Яблоня. Рано утром 14 апреля отряд в полной боевой готовности выступил в направлении станции Яблоня. Не доходя двадцати пяти километров до Яблони, к востоку от станции отряд разбил лагерь и на следующий день выдвинулся к станции «30-й км». Партизаны не были обнаружены, задержали лишь трех китайских торговцев опиумом. 19 апреля отряд вернулся на базу.[379]

Хайларский РВО благодаря слиянию в начале 1944 года с полицейской школой вырос в численном составе до 115–120 человек, но при этом сохранил прежнее подразделение на три стрелковых взвода и команду связи.

Командиром отряда остался И. А. Пешков, в начале сорок пятого года повышенный в чине до майора армии Маньчжоу-го. Заместителем командира отряда являлся поручик Потапов. Отношения между Пешковым и Потаповым были весьма напряженными, что стало одной из причин снятия Потапова с должности заместителя командира отряда в марте 1945 года. После чего он был направлен в распоряжение Трехреченского БРЭМ, но никакой реальной должности не имел и в дальнейшем возвратился в отряд, также не получив никакой должности. Последним заместителем командира отряда являлся поручик Вологдин, занимавший до этого должность отрядного адъютанта.

Командиры подразделений отряда, окончившие в свое время юнкерские курсы, прапорщики Берзин, Переводчиков, Поручиков после включения отряда Пешкова в состав армии Маньчжоу-го были понижены в звании до вахмистров (фельдфебелей). Аргументировано это было тем, что для получения офицерского чина требовалось окончить офицерскую школу повышенного типа. Понижения в чине избежал только прапорщик Черепанов, возможно, благодаря тому, что в свое время окончил курсы Военной миссии.

Летом 1944 года в отряд в качестве стажера прибыл эстандарт-юнкер Борис Зимин, принявший во временное командование один из взводов. Позднее, в январе сорок пятого, после присвоения ему чина корнета Зимин был направлен в Хайларский отряд в качестве штатного командира первого взвода, заместив возглавившего хозяйственную часть отряда вахмистра Берзина. Второй взвод отряда в это время возглавлял прапорщик Черепанов, третий – вахмистр Переводчиков, команду связи – вахмистр Поручиков. Станково-пулеметной командой в составе одного из взводов командовал переведенный в октябре 1944 года из Сунгарийского отряда вахмистр Василий Чипизубов. В подразделениях

отряда находились японские инструкторы. Например, инструктором станково-пулеметной команды служил поручик Кикути.[380]

Ветеринарным врачом Хайларского отряда являлся хорунжий Евгений Фальков, в дальнейшем смененный прапорщиком И. И. Лесковым. Фельдшером отряда работал Исакин.

Чипизубов В. П. ГАХК

С лета 1944 года для подготовки унтер-офицерского состава наиболее отличившихся и имеющих среднее образование солдат стали отправлять в Сунгарийский отряд, единственный из РВО имевший учебно-войсковые структуры. В июле сорок четвертого на станцию Сунгари-2 на курсы кандидатов младшего комсостава из Хайларского отряда была направлена группа из семи человек. В дальнейшем они в звании младших урядников служили командирами отделений Хайларского РВО.[381]

После капитуляции фашистской Германии в мае 1945 года только на Дальнем Востоке еще сохранялся последний очаг Второй мировой войны. Здесь продолжалось противостояние между японскими и англо-американскими войсками.

В феврале 1945 года на Крымской (Ялтинской) конференции стран-участниц антигитлеровской коалиции руководство Советского Союза, преследуя и свои политические цели, приняло на себя обязательства перебросить часть своих войск после окончания войны с Германией на Дальний Восток и вступить в войну с Японией. Следуя этому обязательству, советская сторона в апреле сорок пятого года объявила о денонсации советско-японского пакта о нейтралитете. Вступление СССР в войну с Японией было подтверждено и на Потсдамской конференции в июле того же года.

Японцы до последнего не желали верить в возможность развития такого варианта событий, указывая советскому руководству, что даже в самые тяжелые для Советского Союза годы войны они сохраняли верность пакту о нейтралитете 1941 года. Стремясь подчеркнуть свою лояльность к СССР и не дать лишнего повода для недовольства Москве, японские власти в Маньчжоу-го объявили о расформировании всех армейских и военизированных подразделений из русских эмигрантов, то есть русских воинских отрядов,

отрядов горно-лесной полиции и ополченческо-волонтерских структур.

Приказ о расформировании РВО вышел 30 июня 1945 года, горно-лесная полиция была расформирована в течение июля. В это время советские части, сломавшие мощную германскую военную машину, ускоренно перебрасывались на Дальний Восток.

После расформирования РВО и полицейских отрядов их личный состав тем не менее не был распущен. Продолжали функционировать и все секретные объекты. Японцы, продолжая сохранять некоторые надежды на мирные отношения с СССР, не могли не видеть, что ситуация складывается не в их пользу, и большого доверия к русским не испытывали.

В июле 1945 года у всех русских воинских отрядов были изъяты отрядные знамена и большая часть вооружения. В Сунгарийском отряде начала работу ликвидационная комиссия. Обращаясь к личному составу отряда, начальник ГБРЭМ генерал Власьевский заявил, что чины его выполнили свой долг с честью и сейчас больше нужны на трудовом фронте. Предполагалось, что полная демобилизация осуществится к 15 ноября 1945 года.[382]

Из части личного состава РВО были сформированы трудовые дружины, находившиеся на казарменном положении. Дружинники сохраняли военную форму без знаков различия, деление по взводам и отделениям, и холодное оружие. Количество оставшихся в отрядах винтовок и маузеров обеспечивало только несение бойцами караульной службы.

Стоял самый разгар лета, горячая пора для сенокоса, тысячи людей на линии были заняты на покосах. Как раз в это время власти Маньчжоу-го запретили русским владельцам скотоводческих хозяйств использовать труд китайских батраков. В связи с этим в русские отряды стали поступать просьбы о направлении бойцов на

сельскохозяйственные работы. Идя навстречу запросам, командир Сунгарийского отряда направил на сенокос на станции Аньда и Сарту (примерно 120 и 135 км к западу от Харбина) эскадрон двухвзводного состава под командованием ротмистра Мустафина (командиры взводов – корнеты Баклашев и Шароглазов). В распоряжении эскадрона было по шесть винтовок на взвод и маузеры у офицеров и унтер-офицеров, а также сабли у всего личного состава эскадрона.[383]

Пятьдесят человек рядового состава Сунгарийского отряда были уволены в резерв. Всем резервистам, желающим перебраться на постоянное местожительство в сельскую местность, японские власти выделяли землю в районе станции Вэйшахэ, предоставляли льготы на приобретение строевого леса, денежное довольствие и продукты питания. Но к началу августа 1945 года никто из резервистов так и не прибыл в Вэйшахэ. Значительная часть демобилизованных остались на станции Сунгари-2, где занимались рыбной ловлей, огородами и сенокосом.[384]

Оставшаяся часть асановцев находилась в расположении сунгарийского гарнизона, за исключением нескольких офицеров, которые получили отпуск и выехали к местам проживания.

После выхода приказа о расформировании РВО половина личного состава Ханьдаохэцзийского отряда была отправлена в резерв и покинула воинскую часть. Оставшиеся бойцы под руководством подпоручика Шимко были объединены в трудовую дружину в составе трех взводов. Помощником Шимко являлся корнет Михайлов. Дружина работала на заготовке сена в районе Хайлинской пади (25 км от Ханьдаохэцзы) и поселка Эхо.

Остальные офицеры отряда во главе с майором Гукаевым были направлены в распоряжение Муданьцзянской Военной миссии, контролировавшей восточную линию СМЖД. Здесь они получили новые

назначения. Майор Гукаев возглавил Союз резервистов Восточного района в Муданьцзяне вместо поручика Ложенкова, ротмистр Ядыкин – отделение Союза резервистов на станции Ханьдаохэцзы, сменив на этом посту поручика Ильинского. Их помощниками стали соответственно корнет Буйнов и прапорщик Павлов. Подпоручик Яшков получил должность сотрудника молодежного отдела Ханьдаохэцзийского отделения БРЭМ. Поручик Плешко был направлен в Военную миссию города Цзямусы, а корнет Богатырь оставлен при Муданьцзянской ЯВМ. В Муданьцзяне находились и другие бывшие офицеры Ханьдаохэцзийского отряда – поручик Ложенков и подпоручик Лукеш, являвшийся чиновником русского отделения Киовакай.[385]

Личный состав Хайларского отряда, так же как и других РВО, был сведен в трудовую дружину. В июле из состава дружины были выделены две группы, которые уехали на сенокос в местечки Ара-Булаг и Шаратала (недалеко от поселка Якеши). Первую группу в тридцать человек при четырех карабинах и трех маузерах возглавил прапорщик Черепанов. Вторую группу из пятнадцати человек – младший урядник Иван Белокрылов. 26 июля в тайгу близ местечка Вакручи (Трехречье, в районе поселка Дубовая) для заготовки бересты выбыла группа в двадцать человек под руководством вахмистра Поручикова. Группа имела при себе четыре карабина и маузер.[386] Тринадцать человек под руководством вахмистра Переводчикова косили сено в 18 км к северо-западу от Хайлара.[387] Часть бойцов под командованием майора Пешкова оставалась в самом Хайларе.

Одной из главных задач для японского командования в Маньчжоу-го в конце весны – начале лета 1945 года стало выяснение того, готовит ли Советский Союз наступление на Дальнем Востоке. Для решения этой задачи на советскую территорию было

заброшено несколько разведгрупп из русских эмигрантов.

Во второй половине мая 1945 года на станцию Имяньпо прибыли из отпуска члены разведывательно-диверсионных подразделений. Из состава подразделения, возглавляемого капитаном Тырсиным, было выделено три разведгруппы (каждая состояла из трех человек), которые перебросили на самолете в Мохэ. Первая группа под руководством старшего унтер-офицера Анатолия Бурнеса переправилась на советскую сторону 28 июня в пяти километрах ниже заставы Сбигнево, имея задание добраться до Амурской железной дороги и в течение трех дней вести наблюдение за движением эшелонов, особенно военных. Вторая группа, которой руководил старший унтер-офицер Иван Гавриленко, была переброшена в ночь со 2 на 3 июля в восьми километрах ниже Сбигнево с тем же заданием. Наконец, третья группа под командованием вахмистра Степана Маркова перешла на советскую территорию в ночь с 9 на 10 июля. Задание было прежнее, но в отличие от двух первых групп в распоряжении группы Маркова находилась рация, с помощью которой они должны были информировать японцев о результатах своей деятельности ежедневно. Все три группы выполнили поставленные задачи и возвратились без потерь на китайскую сторону. По-видимому, результаты работы разведгрупп успокоили японцев. По крайней мере, все разведчики после выполнения заданий получили отпуск до 1 октября 1945 года.[388]

В мае 1945 года через Синьцзин и Цицикар к местечку Халун-Аршан на маньчжуро-монгольской границе было переброшено подразделение подпоручика Широкова. Здесь русские связисты вели прослушивание радиосообщений советских частей, расположенных в МНР. Также из бойцов подразделения были составлены

две разведгруппы по два человека. Их доставили к границе и переправили на советскую сторону. Одна из групп не вернулась. В июле подразделение Широкова было доставлено в Харбин, где его бойцов первоначально хотели отпустить в отпуск, но в дальнейшем в полном составе отправили на станцию Имяньпо.[389]

В конце июля в Халун-Аршан вновь была направлена группа из трех радистов-широковцев под руководством старшего унтер-офицера Ивана Дмитриева. Здесь они встретили еще трех русских радистов из Сунгарийского отряда. Русские разведчики входили в состав отряда примерно из двадцати человек, где помимо них были монголы (или буряты) и японцы. Основной задачей отряда являлось прослушивание советской и монгольской радиосвязи в приграничной полосе. Никаких серьезных сведений отряд не сумел получить, оставаясь у границы вплоть до начала войны.[390]

Из состава подразделения подпоручика Аникьева также была выделена разведывательная группа из трех человек под руководством старшего унтер-офицера Василия Харина. Эта группа ушла на советскую территорию, переправившись через Аргунь, 6 июля, но с задания не вернулась.[391]

Разведгруппа Шитоухэцзийского подразделения, которую возглавлял старший унтер-офицер Иван Войлошников, была переброшена на территорию СССР в районе поселка Пашково 12 июля. Обратно группа не вернулась.[392]

Разведывательная деятельность велась и в восточной части Северной Маньчжурии. 16 июля корнет Богатырь был назначен инструктором разведотдела Муданьцзянской Военной миссии. В его задачи входило курирование русских разведчиков. Первые разведчики

были направлены на советскую территорию 24 июля в районе станции Пограничная.[393]

В конце июля по приказу японских властей несколько резервистов, обучавшихся в отряде «Облако», были в срочном порядке собраны ротмистром Тырсиным в Харбине и размещены в гостинице «Нью-Харбин». В течение недели две (или три) группы в составе из трех человек каждая тренировались для перехода границы. 7 августа члены разведгрупп получили экипировку (фотоаппараты, компасы, резиновую обувь, обмотки, резиновые пузыри) и были отправлены в сопровождении японских инструкторов на границу. В частности, группа вахмистра Шабалина направлялась в Сахалян.[394]

Сложно сказать, что творилось в душе русских разведчиков, которых везли к границе. Но начавшиеся в ночь с 8 на 9 августа 1945 года боевые действия между частями Красной и Квантунской армий спутали все планы японского командования. Заброска русских разведгрупп на советскую территорию была отменена.

Глава 6
Август 1945 года

Мощное наступление советских войск тремя фронтами с территории Приморья, Приамурья, Забайкалья и Монголии не оставило японцам ни времени, ни шансов на организацию эффективной обороны. Тем не менее японские войска оказали упорное сопротивление более многочисленным, лучше вооруженным и подготовленным частям Красной армии.

Перед началом боевых действий во всех предназначенных к наступлению частях Красной армии были организованы митинги. Солдат призывали сосредоточить все силы на уничтожении последнего врага – японских милитаристов, уже давно вынашивавших планы по отторжению советского Дальнего Востока, а также их пособников – не добитых в годы Гражданской войны белогвардейцев. Через много лет после окончания войны Ю. Г. Козлов, тогда советский офицер-связист, вспоминал такой митинг в своей части: «В ту позднюю ночь 6-го августа (за два дня до официального объявления войны Японии), вблизи маньчжурской границы, перед нашим полком выступил начальник СМЕРШа и произнес тщательно подготовленную, эмоциональную речь, которую закончил так:

– Смерть японскому милитаризму!.. И… смерть… также-е! предателям Родины-ы… этим остаткам белой царской армии-и… колчаковцам, деникинцам, шкуро, красновым! [смерть – значит продолжение Гражданской войны…] смерть всему этому белогвардейскому отребью… свившему себе осиное гнездо… в… Харбине…

Это означало, что война – не только с японцами…

И мы – рявкнули хором: „Смерть!“».[395]

В восточной части Маньчжурии наступление на японские позиции осуществлялось силами 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов. Им противостояли японские 3-я и 5-я армии. 1-й Дальневосточный фронт наносил главный удар в направлении на Мулин и Муданьцзян.

Ночью 9 августа под прикрытием проливного дождя советские передовые части прорвали японскую оборону и за двое суток в сложных условиях горно-лесистой местности продвинулись на 75 км, заняв укрепрайоны Хутоу, Пограничная, Дуннин. Ожесточенные бои пришлось вести за каждый укрепленный объект, японцы сражались до последнего солдата. Особенно трагические события развернулись при штурме высот «Верблюд» и «Острая» в Хутоуском укрепрайоне. Японские гарнизоны, отвергнув ультиматум о сдаче, были полностью уничтожены. Вместе с ними погибли все женщины и дети, члены семей японских военнослужащих, находившиеся в подземных крепостных казематах. 14 августа советские части вступили в бои за Муданьцзян, обороняемый японской 5-й армией. Бои не утихали в течение трех дней, японские подразделения несколько раз переходили в контрнаступление. 16 августа город пал, для советских частей была открыта дорога на Харбин и Гирин.

Войска 2-го Дальневосточного фронта, форсировав Амур, вели наступление на сунгарийском направлении. Наиболее ожесточенные бои на этом направлении развернулись за Фугдинский укрепрайон, который советские части штурмовали два дня. После падения Фугдина был высажен десант в Цзямусы, откуда советские войска стали наступать по обоим берегам Сунгари на Харбин. Вместе с другими сотрудниками Военной миссии в Цзямусы был арестован бывший командир роты Ханьдаохэцзийского РВО поручик Плешко.

В западной части Маньчжурии бои вели советские войска Забайкальского фронта, которым противостояли части японских 30-й и 4-й отдельной армий. На левом участке фронта подразделения советской 36-й армии, обойдя с севера Трехречье, сосредоточили все свои силы на взятии Хайларского укрепрайона, самого мощного в Маньчжурии. На преодоление этого участка японской обороны потребовалось шесть дней. Последние группы японцев сдались здесь только 18 августа.

С первого дня войны японское командование в спешном порядке начало возводить дополнительные оборонительные сооружения и располагать зенитные установки в поселках и на железнодорожных станциях западной и восточной линий СМЖД. В боевую готовность были приведены все еще не демобилизованные в июле подразделения армии Маньчжоу-го. 9 августа была объявлена общая мобилизация русских резервистов, бывших служащих горно-лесной полиции, кадров, прошедших обучение на разведывательно-диверсионных и пропагандистских курсах ЯВМ.

Как отнеслись к начавшейся советско-японской войне русские эмигранты? Подавляющее большинство тех, кто попадал под мобилизацию, не хотели и не собирались положить свои жизни на жертвенный алтарь борьбы за «общий дом» Великой Восточной Азии. Многие сделали свой выбор уже давно, в начале войны между СССР и Германией, другие – к концу Тихоокеанской войны, когда у японцев не осталось никаких шансов на успешное продолжение борьбы. К этому времени патриотические, следовательно – антияпонские настроения были характерны для подавляющего большинства русской эмиграции. Быть до конца и умереть с Японией сознательно рассчитывали очень немногие, имевшие «тяжелые грехи» перед советской властью.

«Измена» находилась в самом высшем руководстве русских воинских отрядов. Командир Сунгарийского РВО полковник Смирнов начал работать на советскую разведку, будучи сотрудником 2-го отдела Харбинской Военной миссии, либо в конце 1941, либо в августе 1943 года. В разведданных Смирнов значился под оперативным псевдонимом «Мирза».[396] В 1943 году советская разведка установила связь с заместителем начальника Союза резервистов подполковником Асерьянцем-Наголяном. И Смирнов, и Асерьянц передали советской разведке немало интересных сведений о русских воинских отрядах. Подозрения о том, что Асерьянц, а возможно, и Смирнов работают на СССР, у отдельных представителей эмигрантской администрации были. Полковник Асано, главный советник Сунгарийского отряда, несколько раз получал письма с обвинениями в адрес Асерьянца и каждый раз, прежде чем уничтожить письмо, не дав ему дальнейшего хода, он знакомил с его содержанием Асерьянца.[397] Отношения между двумя офицерами, много лет прослужившими бок о бок, были самыми дружественными, а доносы в это время писали на всех сколько-нибудь заметных представителей эмиграции.

По некоторым данным, еще один бывший асановец, полковник Коссов, являвшийся в 1945 году начальником 2-го (военного) отдела ГБРЭМ, работал на американскую разведку.

В 1944–1945 годах несколько групп русских разведчиков, заброшенных на советскую территорию, добровольно сдались советским властям. Некоторые из разведчиков были перевербованы и отправлены уже с заданиями советской разведки в Маньчжоу-го.

Упоминавшиеся нами в прошлой главе разведчики из Хайлара – Степан Виноградов и Николай Перминов – еще до того, как были переправлены на советскую территорию, каждый самостоятельно приняли решение

не выполнять задание японцев. Перебравшись через Аргунь, они сдались советским пограничникам, а через два с половиной месяца Виноградов вернулся на маньчжурскую сторону. В качестве оперативной легенды для Виноградова была избрана правда – агент перевербован советской разведкой и направлен с заданием в Хайлар, но, поскольку служить советам Виноградов якобы не хотел, он сразу сдался японцам. Возможно, японцы поверили Виноградову, возможно, решили сделать его приманкой, но после расследования с пристрастием он был освобожден и направлен для работы в Хайларскую разведшколу. Тем самым первая задача, которая ставилась перед Виноградовым, – осесть в Хайларе – была выполнена. Однако до начала советско-японской войны никто из агентов советской разведки в связь с Виноградовым не вступал.[398] Важную роль бывшие разведчики сыграли в ходе военных действий в августе 1945 года, являясь проводниками для советских частей и помогая обезвреживать японских агентов.

С началом военных действий между СССР и Японией в западных и восточных приграничных районах Северной Маньчжурии появились русские (иногда совместно с китайцами) партизанские отряды, которые оказали немалую помощь советским войскам в ликвидации и пленении отдельных японских подразделений и остатков разгромленных воинских частей. В партизанские отряды обычно входили бывшие полицейские и резервисты.

Одно из наиболее крупных партизанских соединений действовало в приграничных с советским Приморьем районах с центром в поселке Коломбо. В его состав входили русские и китайские партизанские отряды деревень Силинхэ, Лодя, Аржан, Сепича. Соединение возглавлял Николай Розальон-Сошальский, в прошлом командир Эрдаохэцзийского отряда горно-лесной

полиции. Партизаны вели боевые действия в тылу японской армии, а после ее разгрома уничтожали и вылавливали рассеянные группы японских военнослужащих. Только пленными советским военным властям были переданы партизанами более семисот человек.[399]

В районе поселка Якеши действовал партизанский отряд бывшего пешковца Силантьева. Его бойцы, в частности, 10 августа взяли под контроль строившуюся разведывательно-диверсионную базу № 35, арестовав ее немногочисленную охрану.[400]

Основная масса эмигрантов, годных к военной службе, стремилась не быть вовлеченной в открытое вооруженное противостояние между японцами и Советами, надеясь, что советская власть не будет мстить тем, у кого нет больших «грехов» перед бывшей Родиной. А некоторые были настолько деморализованы, что решили покориться любому повороту судьбы.

Отдельные эмигранты покинули территорию Маньчжоу-го, перебравшись в соседний Северный Китай, не входивший в зону советской оккупации. Но сделать это смогли немногие, даже из того небольшого количества эмигрантов, кто не ждал от прихода Красной армии ничего хорошего. Быстрое наступление советских войск с запада и востока отрезало зону Северо-Маньчжурской железной дороги от южных, связанных с другими территориями Китая районов Маньчжурии, превратив эту зону в ловушку для эмигрантов.

Русское население Харбина, отстоявшего далеко от линии фронта, находилось в более выгодном положении, но немногие из эмигрантов им воспользовались.

14 августа японская администрация в Харбине выделила для эмигрантов, желавших выехать из Маньчжоу-го, железнодорожный состав, несмотря на нехватку вагонов для эвакуации японского населения. Состав ушел из Харбина полупустым. Эмигранты не

доверяли японцам – одни считали, что это ловушка, другие готовились к приходу Красной армии. Свою роль здесь сыграло и советское консульство, которое всемерно продвигало идею, что эмигрантам ничего не угрожает, советские власти сделают все, чтобы защитить интересы эмигрантов. Как отмечал П. П. Балакшин, лейтмотивом всех разговоров консульских сотрудников с эмигрантами стали слова «оставаться на местах».[401] Были и те, кто надеялся на приход в Маньчжурию американских войск.

Среди немногих известных нам асановцев, покинувших пределы Северо-Восточного Китая, были полковник Коссов[402] и прапорщик Дмитрий Горячев, выехавшие со своими семьями в Тяньцзин. В преддверие отъезда из Харбина Коссов, начальник 2-го отдела ГБРЭМ, собрал всех находившихся в его подчинении инструкторов военного дела и предложил им эвакуироваться на юг, но никто из них не выразил желания присоединиться к своему начальнику.[403]

Из трех бывших русских воинских отрядов только Сунгарийский отряд не попал в зону непосредственных боевых действий и не был использован японскими войсками в организации сопротивления частям Красной армии. Причиной этого, возможно, явились сведения, полученные японским командованием в первые дни войны о нежелании русских эмигрантов воевать на японской стороне и их стремлении оказать поддержку наступающей Красной армии.

Как следует из свидетельств офицеров, находившихся в расположении гарнизона на Сунгари-2, отряд о начале войны узнал только 10 августа. Вероятно, отрядная радиостанция к этому времени уже была демонтирована, и командование отряда могло пользоваться только телефонной связью. Получив сведения о начале войны, полковник Смирнов провел

несколько совещаний с офицерами отряда. Все выступили за то, чтобы отряд распустить.

11 августа на Сунгари-2 прибыл майор Идзима, бывший асановец и глава местного отделения ЯВМ. Идзима подтвердил факт начала войны и предложил создать отряд из добровольцев для участия в боевых действиях на восточной линии. Добровольцев не было. Идзима был вынужден согласиться с решением командования отряда о роспуске военнослужащих.

13 августа полковник Смирнов перед строем объявил о роспуске отряда и предложил бойцам покинуть часть. Согласно воспоминаниям Винокурова, бойцам было разрешено взять со складов отряда провизию, обмундирование и обувь.[404] Основательно нагруженные отрядники покинули Сунгари-2, выехав в Харбин. После этого в расположении отряда осталось не более 30 человек: почти все офицеры и некоторые унтер-офицеры. Позднее Смирнов получил от советского командования задание охранять мост через Сунгари, поскольку была угроза его подрыва японцами-смертниками. Задача была выполнена. Мост и прилегающую территорию, а также склады охранял отряд самообороны, составленный из оставшихся в поселке Лашаогоу асановцев и китайцев.[405]

15 августа японский император Хирохито официально объявил о капитуляции Японии. Дальнейшее сопротивление японских войск после этого акта было причиной отсутствия достоверной информации о капитуляции или решения принять на себя всю тяжесть «потери лица» Японской империей и закончить жизнь в последней самоубийственной схватке с врагом, как подобает настоящему самураю.

Стремление «последних самураев» умереть за императора могло привести к ненужным в условиях окончившейся войны инцидентам, а желание китайцев покончить с японцами и их приспешниками, и

«экспроприировать экспроприированное» – к всеобщему хаосу. В связи с этим в Харбине 15 августа часть руководства ГБРЭМ и просоветски настроенные эмигранты при поддержке советского консульства образовали Штаб обороны Харбина (ШОХ), имевший в своем распоряжении более тысячи вооруженных бойцов, составлявших отряд самообороны. Часть бойцов ШОХа являлись резервистами РВО. Оружие дружинники получали из различных источников: частично от разоружения японцев, с военных складов и т. п. Так, начальник оружейного отделения 2-го отдела Бюро, асановец, младший унтер-офицер Владимир Хундадзе передал весь вверенный ему арсенал представителям советского консульства. Здесь были два ручных пулемета, около ста винтовок, 10 тысяч боевых патронов, обмундирование и снаряжение на 200 человек.[406]

Большую работу по организации отряда самообороны вел корнет Голубенко, временно возглавлявший 2-й отдел Главного БРЭМ после отъезда на юг полковника Коссова. Его усилиями в отряд были привлечены имевшие хорошую военную подготовку и поэтому особенно ценные в ожидании возможных вооруженных столкновений несколько десятков резервистов. Например, второй полуротой отряда самообороны командовал выпускник военного училища отряда Асано, младший офицер команды связи Сунгарийского РВО корнет В. В. Гальвин, самовольно покинувший гарнизон и выехавший с женой в Харбин еще до роспуска отряда полковником Смирновым.[407]

Под руководством асановцев части отряда самообороны после небольшой стычки с охраной установили контроль над более чем километровым железнодорожным мостом через реку Сунгари, что обеспечило его защиту от подрыва (такие попытки предпринимались японскими «смертниками») и в

дальнейшем бесперебойную переброску советских частей в Порт-Артур. Резервисты РВО совместно с харбинской молодежью несли охрану всех значимых объектов города, не допуская грабежа и провокаций вплоть до прихода в город 20 августа основных частей Красной армии.[408] Бойцами отрядов самообороны были задержаны несколько высокопоставленных японских офицеров и чиновников.

Вскоре после вступления советских войск в Харбин, 26 августа, на Сунгари-2 прибыли представители Красной армии, вместе с которыми на следующий день в Харбин уехали все двадцать два офицера-асановца во главе с полковником Смирновым. Сунгарийский отряд самообороны продолжал действовать до 30 августа, пока станция не была взята под окончательный контроль советскими военными властями.[409]

В Харбине часть отряда самообороны помогала наводить порядок и нести охрану города даже после учреждения здесь советской комендатуры. Окончательно отряд самообороны был ликвидирован 3 сентября. Многие резервисты получили благодарность от советского командования. От лица советской администрации членам отряда самообороны было обещано, что они первыми получат советские паспорта.[410]

Ротмистр Виссарион Мустафин, находившийся со своим эскадроном на заготовке сена на станции Аньда, в первые дни войны получил от полковника Смирнова записку действовать по своему усмотрению и предложил всем желающим покинуть дружину и вернуться домой. Под его руководством в это время находился один взвод, второй работал в районе станции Сарту. После роспуска дружины с Мустафиным осталось человек двадцать. Совместно с частью бойцов взвода, прибывшего со станции Сарту, китайскими военнослужащими и добровольцами из местной русской

молодежи они взяли на себя охрану порядка и имущества на станции Аньда, где размещались крупные медицинские склады, а также в окрестных поселках Сарту, Ломадянцзы, Тайкан. Японский гарнизон покинул Аньда в первые дни войны, не причинив большого ущерба поселку. Подожженные японцами казармы и склады были быстро потушены. Главную угрозу здесь составляло местное китайское население, которое пыталось разграбить казенное имущество. Чтобы раздобыть себе оружие, бойцы Мустафина разоружили железнодорожную полицию.

Вплоть до 20 августа асановцы контролировали ситуацию на станции Аньда и в прилегающих районах. За это время ими были захвачены два японских эшелона, перевозивших авиационные моторы и оборудование ремонтных мастерских. Японская охрана эшелонов была обезоружена и арестована, кроме того, были пленены несколько небольших японских воинских подразделений. Согласно одному из свидетельств, общая численность японских военнопленных, захваченных людьми Мустафина, составила около двух с половиной тысяч человек.[411]

По воспоминаниям одного из русских аньдинцев, работавшего в отряде самоохраны совместно с асановцами, все имевшееся на станции японское имущество было передано советским военным властям. В день прибытия на станцию первого советского эшелона [20 августа] ему была устроена торжественная встреча. «Построились бравые кавалеристы воинского отряда. Ротмистр лихо отрапортовал начальнику эшелона, советскому майору (называя его „господин майор“), который, конечно, не ожидал такого рапорта, но принял его с большим достоинством».[412] До 6 сентября отрядники, получив советское обмундирование и недостающее оружие, продолжали нести охрану станции совместно с советскими военнослужащими.

Затем их разоружили, но они по-прежнему оставались на станции, ухаживая за казенными лошадьми. 15 сентября асановцы получили документы от советской комендатуры, разрешавшие следовать по железной дороге, и разъехались по домам.[413]

Разведшкола на станции Имяньпо с началом войны оказалась не у дел. Командование находилось в полной растерянности, а оставшийся рядовой состав (в основном группа подпоручика Широкова) выжидал время, чтобы бежать в сопки. Ночью 12 августа десять человек из группы Широкова, под руководством старшего унтер-офицера Евфорицкого, совершили побег, убив одного из свои сослуживцев, Анатолия Китаева, которого считали «стукачом». Его тело было брошено в реку. 18 августа беглецы вышли на станцию Яблоня, где сдались советским войскам.[414] Еще до этого, 15 августа, на станциях Имяньпо и Шитоухэцзы были арестованы остатки личного состава Имяньповской разведшколы, включая ротмистра Тырсина, поручика Охотина, подпоручиков Широкова и Аникьева, и др.[415]

Шесть русских радистов, которые к началу войны находились в местечке Халун-Аршан, вместе с монголами и японцами выехали 9 августа в город Ванемяо, где под руководством майора Тайхо был сформирован сборный отряд численностью около ста человек. Бойцы отряда имели на вооружении пушку, один станковый и два ручных пулемета, винтовки и пистолеты. 11 августа отряд выехал на поезде из Ванемяо, имея конечной целью движения Мукден. Через два дня отряд высадился на одной из станций и на подводах двинулся на юг в сторону Факу, куда прибыл 20 августа. В Факу русские и монголы были разоружены и посажены в сарай. Все думали, что их расстреляют. Но 21 августа в город вошли советские войска, и японцы без боя сложили оружие. Из шести русских двое сумели

сбежать, остальные были задержаны советскими властями.[416]

На восточной линии СМЖД, где боевые действия велись особенно ожесточенно, эмигрантские военные подразделения были задействованы наиболее активно. По плану штаба Квантунской армии, при каждой Военной миссии на восточной линии формировались «батальоны особого назначения» (всего четыре), объединенные в Муданьцзянский особый отряд. В состав этого отряда включались и эмигрантские подразделения. На станции Муданьцзян располагался 3-й батальон отряда.

9 августа майор Гукаев получил приказ воссоздать и возглавить русский воинский отряд на востоке Маньчжурии, его заместителем был назначен ротмистр Ядыкин. Корнет Богатырь был поставлен начальником над русскими агентами разведотдела Муданьцзянской ЯВМ. К 13 августа из ожидаемых нескольких сотен человек под руководством Богатыря собрались 22 агента-разведчика, 24 резервиста и 6 разведчиков из староверов.[417]

В это же время были сформированы пять диверсионных отрядов из резервистов и бывших полицейских. Отряды возглавили поручик Ильинский (разъезд 22-й км, в районе Ханьдаохэцзы), капитан Трофимов (станция Эрдаохэцзы), прапорщик Павлов (Мулинские копи), поручик Ложенков (станция Ханьдаохэцзы) и подпоручик Лукеш. Каждый отряд насчитывал 30–40 бойцов, имел на вооружении винтовки, гранаты и взрывчатку. Отряды делились на отделения, каждое из которых имело в своем составе три звена – ударное, подрывное и прикрывающее. Первое звено должно было устранять охрану объекта, второе – устанавливало взрывчатку и производило подрыв, третье – прикрывало отход. В задачу

диверсионных отрядов входила борьба с советскими танками и уничтожение коммуникаций в тылу Красной армии.[418]

Получив приказ о восстановлении РВО, майор Гукаев прибыл на станцию Ханьдаохэцзы, но к работе не приступил, сказавшись больным, и передал руководство воссозданием отряда ротмистру Ядыкину. Гукаев давно искал повод порвать с военной службой, но все его попытки уволиться в прошлые годы сталкивались с предупреждением, что в случае увольнения за его благополучие и благополучие его семьи никто ручаться не будет. Теперь, когда такой случай представился, Гукаев, оставив своих бойцов, уехал с женой и шестилетним сыном на станцию Шитоухэцзы.[419]

В ходе мобилизации участников трудовой дружины и резервистов 10 августа на станции Ханьдаохэцзы собралось более ста человек. На общем построении ротмистр Ядыкин объявил о создании под своим руководством 1-го РВО в составе двух рот. Первую роту возглавил подпоручик Шимко, вторую – корнет Михайлов. Адъютантом воссозданного отряда стал прапорщик Павлов.

На следующий день утром, получив на складе Военной миссии винтовки, ручные пулеметы, гранаты и взрывчатку, группа в 68 человек под командованием подпоручика Шимко была направлена в Хайлинскую падь. В задачу этой группы входило создание замаскированной базы для обеспечения диверсионной деятельности против частей Красной армии, включая взрывы мостов на реке Муданьцзян. К вечеру того же дня отрядники скрытно, по охотничьим тропам добрались до места назначения и расположились лагерем в сопках. Здесь отряд проводил тренировочные занятия по метанию гранат и подрыву, используя в качестве учебных объектов деревья. По-видимому, отряд не имел надежных средств связи, и, чтобы определить

обстановку, Шимко с несколькими бойцами 13 августа совершил разведку вдоль Хайлинского тракта. Здесь разведчики узнали, что советские войска взяли Мулин и наступают на станцию Эхо. Вернувшись в лагерь, Шимко застал здесь прибывшего со станции Ханьдаохэцзы посыльного Гавриленко, который передал ему приказ Ядыкина о возвращении на базу.[420]

В тот же день 13 августа на станцию Ханьдаохэцзы прибыла группа связистов из 9 человек, которые должны были обеспечить связь РВО с отрядами Трофимова и Ильинского. Шесть человек из группы в тот же день выехали в Муданьцзян. Одновременно с ними в направлении станции Шаньши выступил отряд в тридцать человек (в основном это были старообрядцы), возглавляемый подпоручиком Яшковым. Заместителем командира являлся фельдфебель Владимир Гавриленко. Отряд состоял из двух отделений и команды охотников (разведчиков). В задачи подразделения входила борьба с противником вдоль железной дороги на отрезке от станции Ханьдаохэцзы до станции Шаньши.[421]

Подпоручик Шимко, получив приказ о возвращении на станцию Ханьдаохэцзы, не спешил его выполнять. Он собрал весь отряд и предложил тем, кто желает вместе с ним перейти на сторону Красной армии, сделать шаг вправо, тем, кто не желает, – шаг влево. Практически все поддержали командира. После этого Шимко, обращаясь к бойцам, произнес: «Я вам не скажу, что нас примут хорошо или плохо, но мы русские, мы должны вернуться к русским». Гавриленко и еще пять (или три) человек, не пожелавшие идти с Шимко, возвратились на станцию Ханьдаохэцзы.

Утром 14 августа отряд Шимко выдвинулся в сторону Муданьцзяна. Возможно, сообщение Гавриленко о стремлении отряда Шимко сдаться советским войскам заставило Ядыкина отправить 16 августа в Хайлинскую падь отряд Ложенкова. Но было уже очень поздно.

Отряд Шимко, приняв участие в нескольких стычках с небольшими группами японских солдат, 16 августа вышел к станции Кабари (в 15 км к северо-востоку от Муданьцзяна) и сдался частям Красной армии. Сдавшиеся в плен русские диверсанты были помещены в лагерь военнопленных под Муданьцзяном (местечко Лагу).[422] В тот же день, узнав у отступавших японских частей о падении Муданьцзяна, подпоручик Яшков со своими людьми ушел в старообрядческий поселок Романовка, из которого происходила большая часть его бойцов. Здесь отряд был распущен, а его оружие Яшков впоследствии передал советским властям.[423]

Что касается подразделений, остававшихся на станции Ханьдаохэцзы под командованием ротмистра Ядыкина, первоначально в их распоряжении имелось лишь 9 винтовок и 4 маузера. Дополнительное вооружение было доставлено только 14 августа. До 17 августа отрядники несли караульную службу на станции, предотвратив попытку подрыва станционной водокачки, которую предприняла группа полицейских. Диверсанты были арестованы, но позднее по требованию Военной миссии отпущены. В это время станция несколько раз была подвергнута бомбардировке советской авиацией, так же как и ряд соседних станций, где скопилось большое количество отступавших японских войск.

17 августа ротмистр Ядыкин получил приказ от начальника ЯВМ выдвинуться с остатками отряда в Хайлинскую падь. Вместе с бойцами Ядыкина станцию покинула группа полицейских под руководством надзирателя Виктора Майорова и часть русского гражданского населения, опасавшегося бомбардировок. На Ханьдаохэцзы оставалась небольшая группа солдат под командованием корнета Михайлова, которые, получив продовольствие и взрывчатку, несколько позднее присоединились к основному отряду. В пути

следования отряд Ядыкина встретился с отрядом Ложенкова, который сутками ранее выдвинулся в том же направлении. Отойдя несколько километров от Ханьдаохэцзы, бойцы Ложенкова отказались идти дальше, и командир ничего не смог сделать. С приходом отряда Ядыкина люди Ложенкова влились в его ряды.

Утром 18 августа отряд Ядыкина вышел на вершину пади на 7-й версте. Здесь отряд простоял весь день. Вечером того же дня, получив от разведчиков, направленных на Ханьдаохэцзы, сведения о том, что на станцию вступают части Красной армии, Ядыкин построил личный состав и сделал важное объявление. Он сказал о том, что с самого начала военных действий между советскими и японскими войсками командование РВО приняло решение не оказывать сопротивления Красной армии, тем более что есть сведения о вероятной капитуляции японцев. В заключении командир предложил крикнуть «ура» за скорое окончание войны.

19 августа отряд Ядыкина возвратился на станцию Ханьдаохэцзы и сложил оружие. Офицеры были отделены от основной массы отрядников и задержаны, а рядовой и унтер-офицерский состав отряда был привлечен советской комендатурой к сортировке оружия сдающихся японских частей, разряжению мин и малых авиабомб при здании железнодорожного вокзала. [424]

В то время, когда на станции Ханьдаохэцзы шло восстановление РВО, в Муданьцзяне пытались выяснить стремительно менявшуюся обстановку на фронте, который быстро подкатывался к Муданьцзяну. Царила растерянность и нервозность. Для выяснения обстановки в прифронтовой зоне были направлены несколько групп русских и китайских разведчиков, но ни одна из групп назад не возвратилась. Возможно, именно об участниках

этих групп упоминает в своей автобиографической повести Ю. Г. Козлов. По словам Козлова, частям Красной армии, только что вошедшим в соприкосновение с войсками противника, «стали попадаться русские ребята в незнакомой нам экипировке. Красивые, крепкие парни с тревогой всматривались в наши измученные лица и мягко произносили:

– Дорогие господа!.. Мы – дети эмигрантов... Мы – русские!.. Нас японцы... на парашютах... Но мы... в плен...

Но „белогвардейское отребье“ чаще всего тут же расстреливали.

Или показывали вдаль, куда надо шагать, чтобы в веренице машин они смогли разыскать непонятный им пока, незнакомый еще СМЕРШ.

Там, естественно, детей белоэмигрантов „хорошо“ допрашивали. А как иначе? Это война. Надо быстро принимать решение, все знать...»[425]

12 августа подрывники старшего унтер-офицера Жигалина получили приказ заминировать мост между станциями Эхо и Муданьцзян, расположенный в долине реки Муданьцзян с ее высокими скалистыми берегами. Приказ был выполнен, но командование Муданьцзянского особого отряда, не зная обстановки на фронте и опасаясь, что мост может потребоваться японским войскам, на следующий день отдало распоряжение снять взрывчатку.

Ночью 13 августа из Штаба японских войск пришел приказ оставить Муданьцзян в связи с прорывом к городу советских войск. 14 августа разведотдел Военной миссии и базировавшийся на станции 3-й батальон Муданьцзянского особого отряда (в его состав входили диверсионные отряды Трофимова и Ильинского) перебрались на машинах на разъезд Лагу, оставив на железнодорожной станции несколько разведчиков из

японцев и китайцев. Прибывшие сюда со станции Ханьдаохэцзы связисты уже никого не застали и направились в сторону Хайлина, а оттуда возвратились на Ханьдаохэцзы.

По приказу капитана Камимура отряд Ильинского был оставлен на разъезде Лагу, а отряд Трофимова выдвинут на десять километров по Хайлинской пади. Отряды получили задание установить связи между собой и организовать разведку. В случае появления советских войск вести диверсии в их тылу.

Три дня шли упорные бои за Муданьцзян, где советским войскам противостояла японская 5-я армия. Несколько раз японцы переходили в контрнаступление, отбросив один раз советский 26-й стрелковый корпус на несколько километров от города.

Неоднозначность фронтовой обстановки и отсутствие четкого плана действий у японского руководства привели к возвращению 3-го батальона Муданьцзянского особого отряда 15 августа на станцию Муданьцзян. Чтобы выяснить, что же происходит в непосредственной близости от станции, было решено отправить русскую разведгруппу из 12 человек в район станции Эхо, где располагалась линия японской обороны, для поимки «языка». Задача не была выполнена, «языка» раздобыть не удалось.

Новое пребывание на станции Муданьцзян было недолгим. Ночью с 15 на 16 августа полковник Харада, командир 3-го батальона Муданьцзянского особого отряда, приказал покинуть станцию и уходить в сопки, где создать базу для диверсионных действий против частей Красной армии. Рано утром отряд, возглавляемый капитаном Камимурой, выехал на разъезд Лагу. Здесь к нему присоединились несколько разведчиков, отправленных к линии фронта 13 августа. Оказалось, что группа была обстреляна советскими солдатами и

рассеялась. Из одиннадцати человек назад вернулись только четверо.

16 августа Муданьцзян окончательно перешел в руки Красной армии.

Отряд на разъезде Лагу принял решение двигаться в сторону Ханьдахэцзы. Больные были отправлены на станцию на машине, остальные бойцы (около 20 русских и 45 японцев) выдвинулись в том же направлении в пешем порядке. По пути следования предполагалось подорвать деревянный мост между станциями Хайлин и Ханьдаохэцзы. Но, сбившись с маршрута, отряд прошел значительно севернее моста. Возвращаться было опасно, поэтому двинулись дальше. Капитан Камимура отстал от отряда вблизи Хайлина.

Вечером 19 августа, перевалив хребет Старый Барабан, отряд вышел на 10 километре железнодорожной ветки японской лесной концессии Кондо, где бойцы узнали, что советские войска заняли станцию Ханьдаохэцзы. Для выяснения обстановки вперед выслали двух русских разведчиков, которые так и не вернулись к отряду. 20 августа корнет Богатырь и оставшийся за старшего японский поручик Сикаи Ёситэру обсудили сложившуюся ситуацию и решили действовать каждый самостоятельно. Японцы были рады избавиться от русских, на надежность которых полагаться не приходилось. Богатырь предложил своим людям самим решать свою дальнейшую судьбу, заявив, что собирается пробираться в Харбин. После этого с корнетом остались шесть человек, с которыми он и явился в советскую комендатуру на станции Ханьдаохэцзы 23 августа.[426]

Другие русские отряды, оперировавшие на восточной линии СМЖД, также не приняли участия в боевых действиях, сдавшись при первой возможности в плен советским частям. Бойцы капитана Трофимова, чей отряд находился в Хайлинской пади, заявили командиру

о желании уйти в сопки и переждать боевые действия в этом районе. 15 августа трофимовцы натолкнулись на японскую часть. И в то время, пока командир с одним из бойцов, знавших японский язык, направился на переговоры, отряд бросился в сопки. Возникла небольшая перестрелка, но русские скрылись. Трофимов с единственным оставшимся с ним бойцом последовали с японским отрядом и 18 августа сдались советским частям на станции Ханьдаохэцзы. Остатки отряда Трофимова частично сдались, частично разошлись по домам.[427]

Отряд поручика Ильинского также не имел никакого желания взрывать советские танки, как ему было приказано японским командованием. Единственным препятствием для русских являлся сотрудник Ханьдаохэцзийской ЯВМ инспектор Эндо, с 10 августа находившийся при отряде. Эндо при выступлении отряда объявил бойцам, что наступил самый решающий момент борьбы и любое неповиновение будет жестоко караться. 15 августа подразделение Ильинского прибыло к разъезду Лагу. Эндо, о чем-то переговорив с чинами находившегося здесь армейского штаба, приказал отрядникам встроиться в колонну отступавших японских войск и двигаться в направлении конезавода. Ильинский, понимая, что дальше оставаться с японцами опасно, приказал убить Эндо по прибытию на конезавод, а затем оторваться от японцев. Поздним вечером того же дня, добравшись до здания конторы конезавода, двое русских полицейских захватили Эндо врасплох. Японец был оглушен ударом ствола автомата и заколот штыком. После убийства Эндо отряд в полной темноте устремился в сопки. В течение последующих суток шли практически без остановок по направлению к месту своей старой дислокации, 22-й версте. Тайга кишела группами японских военных и гражданских беженцев.

Уже находясь на 22-й версте, где полицейских ждали их семьи, Ильинский получил записку от капитана Трофимова, который сообщал, что после его сдачи в советскую комендатуру на станции Ханьдаохэцзы ему было предложено найти свой отряд и прибыть вместе с ним. Трофимов предлагал Ильинскому поступить точно так же. В начале 20-х чисел отряд Ильинского, простившись с семьями (никто не мог предполагать, что будет дальше), выступил на Кондовку (7-я верста). Здесь уже находился небольшой советский отряд под руководством старшего лейтенанта. Их задачей являлся прием выходивших из тайги японцев. Поскольку японцев оказалось больше тысячи, а нападения разрозненных групп японских военных на русских не были редкостью, старший лейтенант предложил Ильинскому с его людьми помочь отконвоировать пленных на станцию Ханьдаохэцзы. Ильинский согласился, его людям возвратили оружие, и таким образом они 24 августа прибыли на станцию, где были арестованы советской комендатурой.[428]

Часть бывших русских отрядников и полицейских, находившихся в предназначенных для борьбы с частями Красной армии на восточной линии СМЖД подразделениях, приняли участие в отрядах самообороны. Эти отряды в русских поселках создавались повсеместно, и на восточной, и на западной линиях железной дороги. Отряды защищали местное население от нападений остатков еще не сдавшихся японских воинских частей и китайских мародеров. Один из таких отрядов был создан в поселке Романовка, куда вошли остатки подразделения подпоручика Яшкова во главе с ним самим.

Обстановка в окрестностях Романовки была очень серьезной. В конце августа здесь в засаду попал крупный отряд советских солдат, потеряв в бою с японскими «смертниками» более 50 человек. Японцы

нападали и на поселения русских эмигрантов, считая их предателями. Самоохрана Романовки участвовала в разоружении мелких японских групп, большую роль здесь играло отличное знание Яшковым японского языка. Сколько раз в ходе переговоров вместо кровопролитного столкновения японцы складывали оружие.

По предложению советского командования Яшков дал согласие работать в качестве переводчика в одной из воинских групп, занимавшихся разоружением остатков японских частей, и даже был включен в список представленных к награждению орденами и медалями. Но вместо награды подпоручик был арестован смершевцами в начале сентября 1945 года.[429]

Аналогичный романовскому отряд самообороны существовал в поселке Александровка; в его состав входило несколько резервистов. Отряд имел несколько стычек с японцами и захватил в плен около двухсот человек.[430]

На западной линии в первый день войны японцы также объявили о мобилизации всех русских, прошедших военную подготовку. По приказу японской администрации 9 августа во всех крупных станционных и других русских поселках западной линии из состава резервистов были сформированы отряды самоохраны, получившие на вооружение из японских арсеналов винтовки. В задачи этих отрядов входила борьба против частей Красной армии, но сведений о том, принял ли хоть один отряд участие в вооруженном сопротивлении советским войскам, мы не имеем.

В центре русского Трехречья, поселке Драгоценка, сбор резервистов и ополченцев был объявлен в поселковой церкви, но так и не состоялся из-за быстрого продвижения советских войск. Также есть сведения, что якобы «японец Хига-сан, хорошо говоривший по-русски и

уважавший русских, предупредил население не ходить в церковь по звону колокола. Японцы хотели взорвать церковь с молящимися».[431]

По приказу японских властей в Драгоценке было взорвано здание ЯВМ и Сельскохозяйственного союза. После чего сотрудники Военной миссии под охраной русских резервистов выехали в поселок Икэн, откуда резервисты разбежались. Взрывы и поджоги казарм и японских официальных учреждений, а также уничтожение документов, происходили не только в Драгоценке, но и в других населенных пунктах Трехречья и поселках на западной линии железной дороги.

Наступление советских войск было настолько стремительным и мощным, что японцы не успевали организовать эффективную оборону. Уже 10 августа советские войска вошли в северную часть Трехречья. Японские части отступали, почти не получая помощи от своих русских союзников. Это вызывало сильную озлобленность японских солдат и привело к ряду кровавых инцидентов. Например, при отступлении из поселка Драгоценка японцы убили в тайге сопровождавшего их главу станичного управления, полковника Сергеева в отместку за бегство части русских обозников. Полковник с женой были заколоты штыками.[432] Существует и другая версия гибели Сергеева и его жены, и совсем не от рук японцев. Наоборот, при отступлении из Трехречья полковник Сергеев добровольно отправился с японскими частями на Верхнюю Ургу, а оттуда к японскому поселку Айкан. В пути следования полковник и его жена были расстреляны из револьвера переводчиком Военной миссии православным корейцем Н. Н. Кимом, советским агентом. Жена Сергеева была убита наповал, а он сам был тяжело ранен и скончался через три дня в поселке Покровка.[433]

Больше все от рук японцев в августе сорок пятого пострадали советские граждане, отказавшиеся в 1935 году выехать в СССР и продолжавшие жить в некоторых населенных пунктах западной линии СМЖД. С началом войны в Хайларе, Бухэду, Чжаланьтуни и в других населенных русскими поселках были арестованы все не успевшие скрыться советские подданные, многие из которых вскоре были казнены. Обезглавленные трупы сорока трех казненных советских подданных в Хайларе будут обнаружены только после прихода советских войск на территории специальной тюрьмы японской губернской полиции.[434]

Чтобы защитить русское население от озлобленных поражениями японцев, отряды самоохраны взяли на себя задачу обороны русских поселков и поддержания там порядка. Например, в состав отряда самоохраны трехреченского поселка Верхняя Урга входили несколько пешковцев – сотник Потапов, прапорщик Морозов и др.[435] Некоторые отряды на свой страх и риск нападали на отступающие японские части, захватывая оружие и пленных. Одним из отличившихся в боях с японцами отрядов самоохраны стал отряд концессии Чол, который возглавил асановец Коваленко. Отряд активно действовал против японцев в районе Большого Хингана.[436]

Наиболее трагичные события первых дней советско-японской войны развернулись в районе Хайлара. Ранним утром 9 августа Хайлар подвергся советской бомбардировке, которая предшествовала наступлению частей Красной армии на этот крупнейший на западной линии укрепрайон. В этот же день произошла еще одна бомбардировка города. Во время бомбардировок пострадало немало мирных жителей.

Благодаря воспоминаниям опиравшегося на рассказы пешковцев, оставшихся в Хайларе, младшего урядника Белокрылова и других членов отряда Пешкова,

а также изысканиям В. В. Перминова, нам удалось восстановить приблизительный ход событий 9–11 августа.

Утром 9 августа после советской бомбардировки Хайлара остатки отряда Пешкова (15 человек) под руководством самого майора, получив винтовки, гранаты и каски, прибыли на территорию укрепрайона на окраине Хайлара, где к ним вскоре присоединились еще 16 отрядников с ближнего сенокоса. Один из солдат был отправлен на связь с полковником Портнягиным,[437] командиром Хайларского казачьего волонтерского полка.

На территории укрепрайона пешковцам объявили, что нужно рыть для себя окопы. Поскольку лопат не было, рыли касками. В этих окопчиках они потом и заночевали. Ночью, находясь в карауле, двое пешковцев забрали лучших коней и бежали. Что, по-видимому, и предопределило судьбу оставшихся – утром Пешков получил приказ брать лошадей и отправляться «партизанить». Отрядники, раздобыв первых попавшихся лошадей, частью без седел и уздечек, выехали в сторону второй линии укреплений через сопки к Хингану.[438] По-видимому, Пешков хотел попасть в поселок Якеши, куда еще накануне боевых действий, 8 августа, в сопровождении старшего урядника Павлова выехали семьи офицеров пешковского отряда.[439] Сюда же должны были прибыть находившиеся на сенокосе в местечках Ара-Булаг и Шаратала трудовые дружины, о чем их командиры были извещены 9 августа приказом майора Пешкова.

Получив такой приказ, прапорщик Черепанов и младший урядник Белокрылов ночью с 9 на 10 августа объединили свои группы (в общей сложности не более 45 человек), а 10 августа на конях прибыли в Якеши. По пути продвижения пешковцы видели зарево над Хайларом, но определить обстановку было сложно.

Якеши выглядели опустевшими. Оказалось, что японцы покинули поселок, выехав в сторону Харбина. Поезда уже не ходили, телеграф и телефон не работали. Никаких сведений о Пешкове и его людях не было. Местные жители, опасаясь погромов со стороны китайцев (на окраине поселка находился лагерь китайских рабочих, пригнанных на сооружение военных объектов), обратились за помощью к командиру группы, прапорщику Черепанову. Это было как раз вовремя, так как несколько китайцев уже пытались поджечь частную паровую мельницу. Пешковцы быстро навели порядок, при этом один из китайцев был ранен, и совместно с местными жителями установили охрану наиболее важных объектов: электростанции, мельницы, военных складов. 11 августа Черепанов собрал свою группу обсудить сложившую обстановку. Ждать Пешкова дальше не имело смысла, решили разойтись по домам. Черепанов с теми, кто с ним остался, выехал на конях на станцию Чжаромтэ (в 10 км в сторону Хайлара), чтобы сдаться советским войскам.

На станции Чжаромтэ советских войск еще не было, и остатки группы распались. Здесь же отрядники узнали о судьбе майора Пешкова и его бойцов. Оказалось, что во время перехода от Хайлара к Якеши, часть людей отстала, поскольку не могли ехать без седел; они в дальнейшем и рассказали о том, что произошло позднее.

У местечка Макертуй (или Мыкэртуй, между станциями Чжаромтэ и Хакэ) отряд сделал привал, стремясь определить, по какой дороге двигаться дальше. Многие солдаты разулись, составили оружие в козлы и отдыхали. В это время сопровождавший подразделение японец Кикути, сотрудник ЯВМ, увидел японский кавалерийский отряд, который двигался в том же направлении, что и пешковцы. Подозревая русских в стремлении перейти на советскую сторону, Кикути попросил у японских кавалеристов помощи в аресте

русских. Появление японцев вызвало настороженность некоторых членов отряда. Корнет Зимин предложил Пешкову разобрать оружие, но майор не хотел провоцировать конфликт. Пешковцы были окружены, им предложили следовать вместе с японцами в Якеши для выяснения их личностей. Кикути уговаривал Пешкова подчиниться и даже дал себя связать, но, почувствовав неладное, русские стали сопротивляться. Силы были неравны: отрядников скрутили ремнями и построили на дороге. Командир японского отряда не собирался вести русских в Якеши, а приказал здесь же расстрелять их из пулеметов. Тела расстрелянных были брошены в кювет, при этом тех, кто еще был жив, добивали штыками. У мертвого майора Пешкова была отрублена голова. Но японцы сильно торопились, и двое пешковцев, получив многочисленные ранения, все же остались живы. Всего в тот день вместе с командиром отряда погибло 23 бойца, кроме того, японцы при отступлении из Хайлара у казарм отряда убили отрядного повара Новожилова.[440]

12 августа части Красной армии заняли станцию Якеши, 15 августа пал Хайлар, хотя последние разрозненные группы японцев сдались здесь только 18-го числа.

Группы пешковцев под командованием вахмистров Поручикова и Переводчикова не имели связи с основным отрядом. Когда весть о начале войны добралась до командиров этих групп, Поручиков распустил своих бойцов, а Переводчиков со своей группой возвратился в Хайлар после взятия города советскими частями.

Несмотря на то, что военнослужащие РВО не подняли оружие против Красной армии, большая часть бывших отрядников была арестована СМЕРШем. Советская контрразведка не делала различий ни для тех, кто помогал Красной армии в разгроме японцев, ни для тех, кто сдался в плен с оружием в руках в период

боевых действий. И речи не могло быть о снисхождении к «белобандитам».

29 августа в одном из Муданьцзянских лагерей для военнопленных были собраны более ста участников действовавших на восточной линии СМЖД русских вооруженных формирований, добровольно сдавшихся частям Красной армии. Через два месяца их вместе с другими категориями арестованных на восточной линии русских эмигрантов отправили на советскую территорию, в город Гродеково.[441] Туда же было вывезено все русское командование Сунгарийского отряда и несколько десятков асановцев, арестованных в Харбине. Аресты также проходили в Хайларе и по всей западной линии. В целом аресты и депортация бывших военнослужащих русских воинских отрядов, как и других категорий эмигрантов, продолжались до весны 1946 года. В отдельных случаях пострадали родственники асановцев и пешковцев. Из воспоминаний жителя трехреченского поселка Усть-Кули известно, что проживавшая в этом поселке жена майора Пешкова, как жена врага народа, была изнасилована целым взводом советских солдат и осталась жива только благодаря помощи врача-корейца.[442]

Сегодня нам известна судьба практически всех русских офицеров РВО. Помимо погибших офицеров Хайларского отряда и офицеров, выехавших из Харбина в Северный Китай, остальные были арестованы и вывезены на советскую территорию. Не стал исключением и работавший на советскую разведку полковник Смирнов. Согласно решению Особого совещания при МВД СССР от 18 июля 1946 года, большая часть офицеров Сунгарийского отряда были осуждены в Приморье по статье 58 УК РСФСР на исправительно-трудовые работы сроком от 8 до 15 лет, в зависимости от тяжести «преступлений». Часть офицеров-асановцев

из разных русских воинских отрядов получили срок в 1946–1947 годах в лагерях на Урале.

Гораздо сложнее обстоят дела с японскими офицерами отряда Асано. Только в отношении первого командира отряда, полковника Асано, встречаются свидетельства, говорящие о его гибели в августе 1945 года. Существуют две версии его гибели. Согласно одной версии, полковник Асано в середине августа сорок пятого застрелился или отравился, оставаясь в Харбине. [443] По воспоминаниям сына подполковника Асерьянца, Асано, когда к нему на квартиру приехали сотрудники СМЕРШа, принял яд. Яд подействовал не сразу, и смершевцы успели увезти полковника с собой. После гибели полковника Асано его жена, оставаясь в Харбине, сильно бедствовала, и Асерьянцы помогали ей продуктами.[444]

В соответствии с другой версией, являющейся не чем иным, нежели красивой легендой, представленной А. Кайгородовым, полковник Асано, как и другие японские офицеры в Харбине, был арестован советскими органами. Но, получив разрешение от советской военной администрации Харбина (несвойственное для советского руководства благородство и опасная неосторожность), был вывезен на станцию Сунгари-2, где покончил жизнь традиционным для самурая сэппуку. Перед смертью он якобы оставил записку, обращенную к своим бывшим русским подчиненным: «Смертью своею вину перед вами искупаю».[445]

По косвенным данным, до восьмидесяти процентов из 1,5–2 тысячного контингента прошедших военную службу эмигрантов были депортированы в Советский Союз, где исчезли, кто на долгие годы, кто навсегда, за колючей проволокой ГУЛАГа.

Однако не все бывшие асановцы попали в ГУЛАГ в 1945–1946 годах. Некоторые вскоре после ареста были освобождены и остались жить в Маньчжурии, других

вообще в этот период не арестовывали. Конечно, кто-то сумел счастливо ускользнуть от смершевских «зачисток», но многие просто стали агентами советской разведки и должны были направлять интересующую советские спецслужбы информацию с территории Северо-Восточного Китая. Обычно из агентов, работавших на западной и восточной линиях железной дороги, составлялась группа, в состав которой для оперативной связи входил радист. Уже упоминавшийся нами ранее бывший асановец Виноградов, сотрудник Хайларской разведшколы, после окончания войны и короткого ареста несколько лет работал в одной из таких разведгрупп радистом. Другую разведгруппу возглавлял бывший младший урядник Белокрылов.[446]

Несомненно, работал под прикрытием и подполковник Асерьянц, который после ареста в августе 1945 года в Харбине был почти сразу же отпущен,[447] работал в юридическом отделе Китайско-Чаньчуньской железной дороги, как стала называться после войны СМЖД. Многочисленные доносы, которые поступали на Асерьянца (на доносы ему везло в любое время), как бывшего высокопоставленного чина у японцев, заставили его в конце концов покинуть Харбин и перебраться в Цзямусы, где он содержал кинотеатр, являясь представителем Совэкспортфильма в Хэйлунцзянской провинции. Вернувшись в Харбин в 1949 году, Асерьянц совместно с компаньонами организовал предприятие по производству резиновой обуви, входившее в Восточно-промышленное акционерное общество. В июне 1950 года по требованию советской стороны Асерьянц был арестован китайской госбезопасностью и вывезен на территорию СССР, в Хабаровск.[448]

После победы в 1949 году в гражданской войне в Китае китайской компартии потребность в прежних агентах из числа бывших эмигрантов отпала. Большая

их часть была отозвана в СССР или арестована китайцами по указке советской разведки и вывезена на советскую территорию. Здесь все эти люди попали под следствие и были осуждены по той же самой печально известной 58-й статье на долгие годы лагерей. Благодарность социалистической родины было трудно переоценить.

Заключение

Победа большевистского режима в Гражданской войне в России не стала концом военно-политической конфронтации между большевиками и их противниками, а лишь перевела эту конфронтацию в новую форму. Одной из важнейших задач российской политической эмиграции стало сохранение и поддержание боеспособности ее вооруженных сил. В этой связи регулярные вооруженные формирования из русских эмигрантов в Маньчжоу-го явились наследником антибольшевистского сопротивления времен Гражданской войны. С другой стороны, появление русских воинских отрядов в Маньчжоу-го было вызвано советско-японским противостоянием на Дальнем Востоке и экспансионистскими устремлениями Японской империи. Эти два составляющих фактора формирования РВО так и не были приведены к общему знаменателю.

Более того, Япония и не стремилась стать по-настоящему союзником антибольшевистской эмиграции в ее борьбе за освобождение России. Вся идеологическая работа в Маньчжоу-го, включая и армию, строилась на основании японских идей «ван дао» и «общего дома» в Восточной Азии. Русские асановцы должны были стать солдатами единой Империи. Что, несомненно, входило в противоречие с русским национальным сознанием.

Трагизм положения эмиграции заключался в том, что она не могла добиться успехов в борьбе против большевистского режима на Родине без поддержки извне и в то же время не могла остаться вне этой борьбы в силу той значимости, которую придавала ей Япония в своих экспансионистских проектах. При этом нельзя отрицать и наличие достаточно сильного

антибольшевистского заряда в жизни отряда Асано, особенно в первые годы его существования. Вероятно, если бы летом 1941 года Япония начала войну против СССР, отряд Асано принял бы в ней активное участие. Но, как известно, история не знает сослагательного наклонения, и все эти предположения относятся к области исторической фантастики, которой, к сожалению, иногда увлекаются некоторые профессиональные историки.

Итак, «благоприятный» момент был упущен японцами, и в дальнейшем время работало не в пользу Страны Восходящего Солнца. Сильно выросший в годы войны патриотизм в эмигрантской среде, военные неудачи Японии, сопровождаемые ухудшением жизни населения Маньчжоу-го, победа Советского Союза в войне с Германией, – все это окончательно увело русских эмигрантов из рядов японских союзников. Русские воинские отряды не только не поддержали японцев в момент вооруженного противостояния с СССР в августе 1945 года, но и заняли явную антияпонскую позицию.

Не меньшей трагедией для русских эмигрантов стало стремление победителя, советской стороны, раз и навсегда окончить гражданскую войну в свою пользу. И тысячи судеб маленьких людей были брошены на великий алтарь победившего коммунистического режима.

Приложение

Командный состав русских воинских отрядов

Агеев Константин Петрович. Родился 21 февраля 1910 г. в г. Бугуруслан Самарской губернии. Прибыл с родителями в Маньчжурию в 1919 г. Окончил Высшее начальное училище КВЖД на ст. Ханьдаохэцзы (1926). Ученик на лесопромышленном предприятии Кудрявцева (1926), телефонист-стрелочник концессии Скидельского на ст. Вейшахэ (1927–1929), телеграфист на ст. Санчахэ (1929–1930). Член Союза мушкетеров (1929). С лета 1930 г. – в Шанхае, волонтер, младший унтер-офицер в Русском полку Шанхайского волонтерского корпуса (1930–1934). Возвратился в Маньчжурию. Старший кондуктор и начальник телефонного поста на лесной концессии Скидельского на ст. Вейшахэ (1934–1935), полицейский железнодорожной полиции на ст. Гаолинцзы (1935–1936). Член Союза монархической молодежи КИАФ. Окончил военно-инструкторскую школу КИАФ, подпоручик артиллерии (02.10.1935). Член ДВСВ (1935–1937). С 1936 г. состоял при офицерско-инструкторской роте ДВСВ. Член ВФП. Помощник начальника учебного отдела Харбинского отдела ВФП (1936), начальник роты, командир штурмового взвода учебного отряда ВФП (1937). С 1938 г. служил надзирателем в Ханьдаохэцзийском полицейском отряде. Окончил Военно-полицейское училище на ст. Ханьдаохэцзы (1939), младший курсовой офицер ВПУ (1939–1941). С сентября 1941 г. – командир 2-го взвода отряда Асаёко на ст. Ханьдаохэцзы, прапорщик. Начальник военной подготовки БРЭМ на ст. Ханьдаохэцзы (1942). С декабря 1942 г. – в отряде Асано на ст. Сунгари-2, с мая 1944 г. – командир полуэскадрона тяжелого оружия, а с апреля по июль

1945 г. – командир 2-го эскадрона Сунгарийского РВО. Подпоручик армии Маньчжоу-го (май 1944 г.). С июля 1945 г. – в трудовой дружине на ст. Сунгари-2. Арестован органами СМЕРШ в августе 1945 г. Решением Особого совещания при МВД СССР (июль 1946 г.) осужден к 8 годам ИТЛ. Освобожден в октябре 1953 г., отправлен в ссылку на поселение в Долгово-Мостовский район Красноярского края.

Алексеев Георгий. В отряде Асано с 1939 г., вахмистр штабного взвода Сунгарийского РВО (1944). В сентябре 1944 г. разжалован в рядовые за разглашение секретной информации и откомандирован в диверсионный отряд на ст. Имяньпо.

Аникьев Михаил Дмитриевич. Родился в 1901 г. в пос. Соктуй станицы Цаган-Олуевской Забайкальской области. Из казаков. В 1918 г. вместе с отцом прибыл на ст. Маньчжурия. Учился в духовной семинарии. Окончил общественную гимназию на ст. Маньчжурия (1925) и 3 курса Харбинского Юридического факультета (1930). Член РФО (1927–1930). Из-за недостатка средств бросил учебу и занимался различными работами в Харбине. С января 1934 г. – полицейский железнодорожной полиции ст. Харбин, с марта 1935 г. – агент особого назначения при начальнике 1-го отделения железнодорожной полиции ст. Харбин. С марта 1935 г. по июнь 1936 г. одновременно работал по вечерам конторщиком железнодорожного подотдела 3-го отдела БРЭМ. В июне-августе 1936 г. полицейский станции Лудо строящейся Гиринской железной дороги. С августа 1936 г. по март 1937 г. – слушатель полицейской школы в Харбине. С марта по июнь 1937 г. – полицейский железнодорожной полиции вокзала ст. Харбин. В июле-августе 1937 г. работал конторщиком 3-го отдела БРЭМ в Харбине, занимался прослушиванием телефонных переговоров иностранных консульств. В сентябре 1937 г. по рекомендации БРЭМ направлен на работу в ЯВМ на ст.

Маньчжурия. С марта 1943 г. – секретарь БРЭМ в г. Маньчжурия. В январе 1944 г. окончил десятидневные курсы агентов разведки при ЯВМ в г. Хайларе. В мае 1944 г. переведен командиром 3-й группы разведывательной школы ЯВМ (отряда № 323) на ст. Имяньпо, где работал под псевдонимом «Ганин». Поручик армии Маньчжоу-го (декабрь 1944 г.). В 1944–1945 гг. принимал участие в переброске разведчиков на территорию СССР. С 14 июня по 13 июля 1945 г. находился на излечение в Харбине. Арестован органами СМЕРШ в августе 1945 г., вывезен в СССР. Умер 6 марта 1952 г. в больнице лагерного отделения № 9 Песчаного лагеря МВД СССР в пос. Спасск.

Асерьянц (Наголян) Гурген Христофорович. Родился в 1907 г. в армянской семье в селе Сусалык в районе Нагорного Карабаха (Елизаветпольская губ.). Позднее семья переехала в Уфу, а в годы Гражданской войны на ст. Маньчжурия, КВЖД. Окончил гимназию на ст. Маньчжурия, три курса Харбинского Юридического факультета. Состоял в Русском студенческом обществе и Русской фашистской организации. Из-за нехватки средств ушел с факультета, работал учителем русского языка в Фуцзине, позднее преподавателем русского языка в Гиринском университете (1931). С 1932 г. на службе в штабе охранных войск КВЖД, капитан. Офицер штаба 4-го военного округа Маньчжоу-го (1935), офицер для поручений штаба 23-й смешанной бригады армии Маньчжоу-го в Фуцзине (1936–1937), офицер штаба 7-го военного округа в Цзямусы (1937–1938). С марта 1938 г. – в составе отряда Асано, офицер штаба, помощник командира по хозяйственной части. Майор армии Маньчжоу-го (1940). В декабре 1943 г. переведен в штаб 4-го военного округа Маньчжоу-го. Подполковник (1944). С апреля 1944 г. – начальник Союза русских резервистов армии Маньчжоу-го в Харбине. Награжден

японским орденом Восходящего солнца V ст. и тремя медалями Маньчжоу-го. Сотрудничал с советской разведкой. После августа 1945 г. – сотрудник юридического отдела Управления железной дороги, директор кинотеатра «Хэцзян» в Цзямусы (1947–1949), представитель Совэкспортфильма в провинции Хэйлунцзян. Директор-распорядитель завода резиновой обуви Восточно-промышленного акционерного общества в Харбине (1949–1950). В мае 1950 г. – арестован органами китайской госбезопасности, этапирован в СССР (Хабаровск). Решением Особого совещания при МГБ СССР (7 апреля 1951 г.) приговорен к 15 годам ИТЛ. Освобожден в сентябре 1956 г., жил в Челябинске. Скончался в 1972 г., похоронен в Челябинске. Реабилитирован в 1990 г.

Баклашов Николай Анисимович. Родился 14 декабря 1924 г. в г. Никольск-Уссурийский. Выехал с семьей в Маньчжурию в 1929 г. в связи с коллективизацией. Окончил гимназию в Харбине (1941). Играл в Городском духовом оркестре Харбинского симфонического общества (1942). Окончил военное училище при отряде Асано (1944). Корнет армии Маньчжоу-го (декабрь 1944 г.). В 1944–1945 гг. – командир взвода 1-го эскадрона, помощник командира курсов подготовки младшего комсостава Сунгарийского РВО. В июле 1945 г. отправлен с 1-м эскадроном на заготовку сена на ст. Аньда. Арестован органами СМЕРШ в сентябре 1945 г. в Бейане, вывезен в СССР, Севураллаг. Решением Особого совещания при МВД СССР (декабрь 1946 г.) осужден на 10 лет ИТЛ. Освобожден в декабре 1954 г. со снятием судимости в 1962 г.

Бердник Александр Илларионович. Родился в 1908 г. в Харбине. В 1910–1924 гг. семья жила в России,

СССР. Окончил советскую школу (1924). Работал приказчиком в торговом доме Винокурова на ст. Пограничная (1925–1926), позднее разнорабочим в Харбине. Учился в Шаньдунском военно-инструкторском училище (1927), не окончил. Окончил автотехнические курсы при ХСМЛ (1928). Работал трактористом, маляром в Хайларе и Харбине. С августа 1931 г. жил в Шанхае, служил в Русском отряде Шанхайского волонтерского корпуса (1933–1934), занимался живописью. В мае 1935 г. вернулся в Харбин, работал в фирме «Чурин и К°». Член ВФП (1936–1938). Окончил школу организаторов при ВФП (1937). С марта 1938 г. – на службе в отряде Асано, старший унтер-офицер саперной части. Вахмистр армии Маньчжоу-го (сентябрь 1939 г.), старшина саперного эскадрона. В марте 1940 г. уволен в резерв. Работал заведующим спасательной станцией на реке Сунгари в Харбине (1940–1944), рабочим на заводе Бриннера (1944), старшим охранником Маньчжурского горнопромышленного акционерного общества (1945). Проходил военную переподготовку в отряде Асано (июнь – сентябрь 1943 г.). Арестован органами СМЕРШ 28 августа 1945 г. в Харбине, вывезен в СССР, Востураллаг. Решением Особого совещания при МВД СССР (апрель 1947 г.) осужден на 20 лет ИТЛ. Освобожден со снятием судимости в 1956 г.

Берзин Эдуард Петрович. Военнослужащий отряда Асано, старший унтер-офицер. В апреле 1942 г. откомандирован в Хайларский конно-полицейский отряд, инструктор подрывного дела. Вахмистр. Окончил юнкерские курсы при Хайларском РВО (1944), прапорщик. В дальнейшем чин прапорщик снят. Возглавлял хозяйственную часть Хайларского РВО (1944–1945). Убит японцами в августе 1945 г. в мест. Макэртуй.

Богатырь Анатолий Матвеевич. Родился в 1919 г. в гор. Симферополь. Выехал в Маньчжурию с семьей из Никольск-Уссурийского в 1930 г. после закрытия отделения фирмы «Чурин и К°», где работал его отец. Учился в 1-м Харбинском Русском реальном училище (1931–1932), лицее св. Николая (1932–1935). Работал приказчиком в магазинах фирмы «Чурин и К°» в Харбине и Чаньчуне. В апреле 1938 г. был зачислен добровольцем от фашистской партии в отряд Асано, часть капитана Васио. С февраля 1939 г. – ефрейтор, с февраля 1940 г. – младший унтер-офицер, командир отделения 2-го взвода 1-го эскадрона. С февраля 1941 г. – старший унтер-офицер, с марта 1942 г. – вахмистр, старшина эскадрона. Участвовал в учебных походах на Чол (1938, 1940) и 1-м Амурском походе. В октябре 1941 г. отозван из похода на ст. Сунгари-2 для подготовки молодого пополнения. Окончил курсы кандидатов в офицеры (1943), прапорщик, командир взвода. Корнет армии Маньчжоу-го (май 1944 г.). С февраля 1944 г. – начальник хозяйственной части и командир штабного взвода Сунгарийского отряда. В декабре 1944 г. переведен в Ханьдаохэцзийский РВО, командир 1-го взвода 2-й роты. С февраля 1945 г. – заведующий хозяйственной частью Ханьдаохэцзийского отряда. Награжден орденами Чукокусё VII ст. (1942) и Кейунсё VII ст. (1945). С июня 1945 г. инструктор разведки при Муданьцзянской ЯВМ. В августе 1945 г. находился в составе 3-го батальона Муданьцзянского особого отряда. Сдался советским частям 23 августа на ст. Ханьдаохэцзы. Вывезен в СССР, Востураллаг. Решением Особого совещания при МВД СССР (декабрь 1946 г.) осужден на 15 лет ИТЛ. Освободился в 1955 г. Реабилитирован в 1990 г.

Буйнов Николай Константинович. Родился 22 апреля 1922 г. во Владивостоке в семье подполковника

Белой армии. Эвакуирован с семьей в Маньчжурию (1922). Окончил 1-е Харбинское Общественное коммерческое училище (1938). Учился на политехническом и коммерческом факультетах Северо-Маньчжурского университета (1939–1942). Окончил высшие курсы Киовакай (1942). Окончил военное училище при отряде Асано (1944). Корнет армии Маньчжоу-го (декабрь 1944 г.). В декабре 1944 г. откомандирован для прохождения службы в Ханьдаохэцзийский РВО, командир взвода 2-й роты. В июле 1945 г. – отправлен в отпуск. В августе 1945 г. участвовал в деятельности отряда самообороны Харбина, позднее работал в скорняжной мастерской и в магазине военторга. Арестован органами СМЕРШ в октябре 1945 г. в Харбине, вывезен в СССР, Востураллаг. Решением Особого совещания при МВД СССР (февраль 1947 г.) осужден на 15 лет ИТЛ. Освободился в августе 1956 г. со снятием судимости в 1968 г.

Витвицкий Юрий Евгеньевич. Родился в 1915 г. в Москве в семье военного чиновника. Русский. В 1920 г. вместе с семьей прибыл в Харбин. Окончил мужское реальное училище М. А. Оксаковской в Харбине (1932). Проходил военную подготовку при Военно-монархическом союзе (1931–1932). Служил в охранных отрядах на строительстве Лафа-Харбинской и Тумынь-Нинаньской железных дорог (1933–1934), работал истопником и поденным рабочим на КВЖД (1934–1935). С июня 1935 по март 1937 г. – конторщик 2-го отдела БРЭМ в Харбине. Член ВФП/РФС (1935–1941). Окончил курсы организаторов при ВФП (1937). Обучался в Военно-полицейском училище на ст. Ханьдаохэцзы (декабрь 1937 – март 1938 г.). С 15 марта 1938 г. – военнослужащий отряда Асано, старший унтер-офицер, фельдфебель артиллерийского взвода. С июня 1938 по март 1940 г. – делопроизводитель штаба отряда. В

марте 1940 г. – уволен из отряда по состоянию здоровья, назначен инструктором школы разведчиков-пропагандистов при 4-м отделе ЯВМ в Харбине (псевдоним «Громов»). С мая 1944 г. – инструктор разведывательного отряда № 323 Харбинской ЯВМ (пос. Шитоухэцзы), подпоручик. Переведен в Сунгарийский РВО. Поручик армии Маньчжоу-го (декабрь 1944 г.). С декабря 1944 г. – помощник начальника 1-го отдела, а с февраля по июль 1945 г. – начальник 5-го (идеологического воспитания) отдела штаба Сунгарийского отряда. С 1 июля до 13 августа 1945 г. – начальник отдела культурного обслуживания кадров ликвидационной группы отряда. Награжден орденом «Кейунсё» VII ст. и 2 памятными медалями Маньчжоу-го и Японии. 26 августа 1945 г. арестован ОКР СМЕРШ Краснознаменной Амурской флотилии на ст. Сунгари-2, этапирован в СССР. Осужден Особым совещанием при МВД СССР (июль 1946 г.) на 15 лет ИТЛ. 30 декабря 1955 г. освобожден с зачетом рабочих дней. В дальнейшем жил и работал в г. Магадан.

Вологдин Константин Александрович. Родился 10 марта 1900 г. в Забайкальской области. В июле 1920 г. мобилизован в армию, сводный Уссурийский казачий полк. Окончил учебную команду 1-го конного атаманского полка (1922), старший урядник, командир отделения 4-й сотни полка. Эвакуирован с войсками в Маньчжурию. Работал чернорабочим в Чаньчуне и Харбине (1923). Швейцар в гостинице «Азия» в Харбине (1923–1925), позднее – печник и лодочник. С марта 1935 г. – на службе в железнодорожной полиции на ст. Маньчжурия и ст. Цаган (1937–1941), надзиратель. Член ДВСК. С октября 1941 г. – в Хайларской конно-полицейском отряде, хорунжий, командир взвода. С июня 1942 г. – адъютант отряда, с июня 1945 г. – помощник командира Хайларского РВО. Поручик армии

Маньчжоу-го. Арестован органами СМЕРШ 16 августа 1945 г. в пос. Якеши, вывезен в СССР, Востураллаг. Решением Особого совещания при МВД СССР (декабрь 1946 г.) осужден на 20 лет ИТЛ. Реабилитирован в 1990 г.

Воробьев Михаил Иванович. Родился 21 ноября 1914 г. в с. Ельцовка Бийского уезда Томской губ. Семья переехала в Харбин в 1916 г. Окончил 4 отделения начальной школы (1927). Работал мальчиком в магазине, разносчиком газет, учеником столярно-слесарной мастерской Гинзбурга (1928–1932). С июля 1934 г. в охранном отряде ст. Шаньши, позднее в Шитоухэцзийском отряде горно-лесной полиции (1936–1942), младший надзиратель. Член Союза мушкетеров (1936–1938). Окончил ВПУ на ст. Ханьдаохэцзы (1938). Окончил курсы младшего комсостава при отряде Асано (1942). Командир отделения Учебной команды горно-лесной полиции (1942–1943), старший унтер-офицер. С января 1944 г. – в Ханьдаохэцзийском РВО, командир отделения, командир взвода, фельдфебель 2-й роты. С июля 1945 г. – в трудовой дружине под командованием подпоручика Шимко. В августе 1945 г. в составе восстановленного 1-го РВО. Сдались в плен советским частям 26 августа 1945 г. на ст. Ханьдаохэцзы, вывезен в СССР, Востураллаг. Решением Особого совещания при МВД СССР (март 1947 г.) осужден на 25 лет ИТЛ. Умер 18 марта 1948 г. в 4-м ОЛП Востураллага. Реабилитирован в 1990 г.

Враштиль Андрей Викторович. Родился в 1914 г. на ст. Маоэршань КВЖД в семье офицера Русской армии. Окончил русскую гимназию М. А. Оксаковской в Харбине (1932). Член «Союза мушкетеров» (1930–1932). В январе 1933 г. выехал в Шанхай, оттуда – в Гонконг. Окончил английский колледж в Гонконге (1935). Работал

конторщиком и рядовым 3-й роты Русского полка Шанхайского волонтерского корпуса (1936–1937). В марте 1937 г. выехал в Харбин. С апреля 1937 г. – охранник в охранном отряде шоссейных дорог г. Андун, с ноября 1937 по февраль 1938 г. – охранник охранного отряда шоссейных дорог в г. Сунго (Маньчжурия). Член ДВСВ. С марта 1938 г. – рядовой, старший унтер-офицер, командир отделения отряда Асано. С апреля 1939 г. – член РФС. Вахмистр (1941). С октября 1941 г. – старшина 5-го эскадрона. Участник 1-го Амурского похода. Окончил курсы кандидатов на звание офицера (1943), не выдержал выпускных экзаменов. Прапорщик (1943). С июня 1943 г. – командир 2-го взвода 5-го эскадрона, с февраля 1945 г. – в штабе отряда, с марта по август 1945 г. – помощник командира 1-го эскадрона Сунгарийского РВО. Подпоручик армии Маньчжоу-го (март 1945 г.). Награжден орденами «Чукокусё» VII ст. и «Чуинсё» VII ст. В июле 1945 г. откомандирован в распоряжение начальника Харбинской ЯВМ, откуда по его приказу в августе 1945 г. назначен в диверсионный отряд ротмистра В. В. Тырсина на ст. Имяньпо. Арестован органами СМЕРШ в августе 1945 г. на ст. Имяньпо. Решением Особого совещания при МВД СССР (июль 1946 г.) осужден на заключение в ИТЛ. Умер 23 сентября 1947 г. в санчасти лагерного пункта № 1 управления Заплага УСВИТЛ МВД СССР.

Гальвин Валерий Викторович. Родился 3 сентября 1922 г. в г. Хайлар, Маньчжурия. Окончил 1-ю Правительственную гимназию в Харбине (1939). Ученик механика автомастерской Башкирова (1939), тракторист в г. Мерген (1940), продавец в магазине фирмы «Чурин и К°» в Харбине (1940–1941). Призван на военную службу в августе 1941 г., радиовзвод 3-го эскадрона отряда Асано. Учился на курсах младшего комсостава (1942). Окончил военное училище при отряде (1944). Корнет

армии Маньчжоу-го (декабрь 1944 г.). С декабря 1944 г. – командир 3-го взвода 3-го эскадрона Сунгарийского РВО. В августе 1945 г. самовольно выехал с семьей в Харбин. В августе – сентябре 1945 г. – командир 2-й полуроты Харбинского отряда самообороны, позднее – музыкант духового оркестра Харбинского Дома Красной армии. Арестован органами СМЕРШ в октябре 1945 г., вывезен в СССР, Востураллаг. Решением Особого совещания при МВД СССР (январь 1947 г.) осужден на 10 лет ИТЛ. Освобожден в 1955 г. со снятием судимости в 1958 г.

Голубенко Сергей Миронович. Родился 20 октября 1921 г. во Владивостоке. Выехал с семьей в Харбин в 1922 г. Окончил гимназию ХСМЛ в Харбине (1938). Учился на политехническом факультете СМУ (1939). Работал учеником на складе мануфактуры и мехов Вульфсона (1939–1940), на табачном заводе Лопато (1940–1941), ездоком на конезаводе (1942). Окончил высшие курсы Киовакай (1940), командир отделения Модягоуской дружины обороны (1941–1942). Окончил военное училище при отряде Асано (1944). Корнет армии Маньчжоу-го (декабрь 1944 г.). В декабре 1944 г. откомандирован в Харбинский БРЭМ, адъютант начальника и инструктор по военной подготовке 2-го отдела ГБРЭМ (1945). Один из организаторов отряда самообороны Харбина в августе 1945 г. Арестован органами СМЕРШ в августе 1945 г. в Харбине, вывезен в СССР, Востураллаг. Решением Особого совещания при МВД СССР (январь 1947 г.) осужден на 10 лет ИТЛ. Умер 25 января 1951 г. Реабилитирован в 1990 г.

Горлов Николай Павлович. Родился в 1917 г. в Казани в семье офицера. В 1923 г. легально выехал с матерью в Харбин. Окончил Харбинское реальное училище (1934). Учился в Северо-Маньчжурском

политехническом институте (1934–1935), институте св. Владимира, Северо-Маньчжурском университете (1939–1941). Обучался в учебной команде ВФП (1935–1936). Член ВФП/РФС (1937–1941). Начальник учебной команды ВФП, член личной охраны К. В. Родзаевского (1937–1938). Окончил военное училище при ДВСВ (1942), подпоручик. Окончил курсы младшего комсостава при отряде Асано (1942). Фельдфебель Учебной команды горно-лесной полиции на ст. Ханьдаохэцзы (1942–1943). В июне 1943 г. переведен в Харбинское отделение Союза резервистов, с декабря – младший инструктор военной подготовки 2-го отдела ГБРЭМ. С июня 1944 г. – в составе Ханьдаохэцзийского РВО, фельдфебель, заведующий складом обмундирования, сапожной и портняжной мастерской. С июля 1945 г. – сотрудник административного отдела Восточного БРЭМ в Муданьцзяне. В августе 1945 г. находился в отряде корнета Богатыря, сдались в плен частям Красной армии, вывезен в СССР, Востураллаг. Решением Особого совещания при МВД СССР (декабрь 1946 г.) осужден на 10 лет ИТЛ. Реабилитирован в 1990 г.

Горохов Всеволод Васильевич. Окончил военное училище при отряде Асано (1944). Корнет армии Маньчжоу-го (декабрь 1944 г.). В декабре 1944 г. откомандирован в ЯВМ в Харбин.

Горячев Дмитрий Константинович. На службе в отряде Асано с 1938 г. Прапорщик армии Маньчжоу-го (1945). В 1944–1945 гг. – командир штабного взвода Сунгарийского РВО. В августе 1945 г. после роспуска отряда уехал с семьей в Синьцзин (Чаньчунь), в дальнейшем в Северный Китай.

Грацианов Евгений Петрович. Родился 14 ноября 1919 г. в г. Новониколаевск. Выехал с семьей в

Маньчжурию в 1922 г. Окончил среднюю школу на ст. Имяньпо (1937), Государственный ветеринарный институт в Мукдене (1940). Член Союза мушкетеров (1937–1938). Работал ветеринарным врачом Харбинского ипподрома (1940–1943). С января 1944 г. – на службе в Сунгарийском РВО, рядовой, эстандар-юнкер, корнет (декабрь 1944 г.). Ветеринарный врач отряда (1944–1945). В августе 1945 г. демобилизован, выехал в Харбин. Арестован органами СМЕРШ в октябре 1945 г. в Харбине, вывезен в СССР, Востураллаг. Решением Особого совещания при МВД СССР (апрель 1947 г.) осужден на 10 лет ИТЛ. Освобожден в 1955 г. со снятием судимости в 1957 г.

Гречкин Александр Дмитриевич. Родился 30 августа 1923 г. на ст. Хорватово Приморской области. Семья бежала в Маньчжурию в 1929 г. в ходе коллективизации. Учился в 1-й правительственной гимназии в Харбине, не закончил. С 1940 г. – рассыльный и приказчик в мануфактурном магазине Петрова. Окончил военное училище при отряде Асано (1944), не выдержал выпускных экзаменов, старший унтер-офицер, помощник командира пулеметного взвода полуэскадрона тяжелого оружия. С июня 1944 г. – вахмистр, старшина 1-го эскадрона, с мая 1945 г. – командир взвода 2-го эскадрона. В июне 1945 г. выехал в составе трудовой дружины на ст. Аньда. В августе 1945 г. участвовал в охране станции. Работал продавцом в магазине военторга в Харбине. Арестован органами СМЕРШ в октябре 1945 г. в Харбине, вывезен в СССР, Востураллаг. Решением Особого совещания при МВД СССР (январь 1947 г.) осужден на 10 лет ИТЛ. Освобожден в 1955 г. со снятием судимости в 1958 г.

Гукаев Александр Николаевич. Родился 29 апреля 1897 г. в с. Катгорон Терской области. Осетин.

Воспитывался старшими братьями. Окончил 1-ю гимназию в Баку (1914). В августе 1915 г. призван в армию, учебная команда Осетинского конного полка. Воевал на Кавказском фронте, ранен. Окончил 1-ю Тифлисскую школу прапорщиков (1917), прапорщик, назначен в Казанский военный округ. После демобилизации жил в Сарапуле, состоял в подпольной офицерской организации. Участвовал в Ижевско-Воткинском восстании. Младший офицер, командир сводного эскадрона Воткинской народной армии (1918–1920), поручик. Участник Сибирского Ледяного похода, ротмистр. Кавалер орденов св. Анны IV ст. «За храбрость» и св. Владимира IV ст. После тяжелого ранения – на излечении в Нерчинске и Харбине (1920–1921). Кассир Восточного товарищества в Харбине (1921–1922). В августе 1922 г. выехал во Владивосток с намерением поступить на военную службу. Жил в Приморской губернии. Бежал в Маньчжурию в октябре 1925 г. Учился на курсах шоферов-механиков, работал шофером, доверенным писчебумажного магазина Чинарева (1926–1930). Учился на Харбинском Юридическом факультете (1927–1930). Занимался мелкой коммерцией (1930–1933). Доверенный британского лесопромышленного товарищества на ст. Вэйшахэ (1933–1935). Член ВФП (1934–1937). Начальник охранного отряда на ст. Яблоня (1935). Начальник Управления охранных отрядов (1935–1936), начальник Ханьдаохэцзийского ВПУ (1936–1937). Начальник отряда горно-лесной полиции на ст. Шитоухэцзы (1937–1940), Ханьдаохэцзы (1940–1941), старший надзиратель. Член ДВСВ (1937–1941). С августа 1941 г. – в отряде Асано, эскадрон на ст. Ханьдаохэцзы, поручик, командир 1-го взвода. С сентября 1942 г. – командир части Асайоко, капитан, с января 1944 г. – командир Ханьдаохэцзийского РВО, майор армии Маньчжоу-го (1945). С июля 1945 г. – начальник Союза резервистов

Восточного района (Муданьцзян). Не принял участия в военных событиях августа 1945 г. Арестован органами СМЕРШ в августе 1945 г. на ст. Шитоухэцзы, вывезен в СССР, Востураллаг. Решением Особого совещания при МВД СССР (январь 1947 г.) осужден на 20 лет ИТЛ. Освобожден в августе 1956 г. Реабилитирован в 1990 г
.

Гусев Валентин Павлович. Родился 24 ноября 1918 г. в Харбине. До 1933 г. обучался в школе, позднее работал на шоколадной фабрике. С февраля 1937 г. – на службе в горно-лесной полиции ст. Ханьдаохэцзы, младший надзиратель (1939). Окончил Ханьдаохэцзийское ВПУ (1940), оставлен при училище, фельдфебель. С августа 1941 г. – в отряде Асано, эскадрон на ст. Ханьдаохэцзы, вахмистр, командир отделения. С января 1944 г. – старшина 1-й роты Ханьдаохэцзийского РВО, с июля – оружейный каптенармус отряда. В июле 1945 г. – демобилизован, занимался охотой. В августе 1945 г. находился в отряде капитана Ядыкина, сдались частям Красной армии 23 августа на ст. Ханьдаохэцзы, вывезен в СССР, Востураллаг. Решением Особого совещания при МВД СССР (январь 1947 г.) осужден на 10 лет ИТЛ. Освобожден в 1955 г. со снятием судимости в 1978 г.

Джакелли Георгий Георгиевич. Грузин. Вахмистр русской службы. В годы Гражданской войны воевал в Белой армии в Сибири. Служил в погранично-полицейском отряде на ст. Пограничная. Член Союза мушкетеров. С марта 1938 г. – в отряде Асано, фельдфебель хозяйственной части. Корнет армии Маньчжоу-го (1942). И. о. начальника военного училища при отряде Асано (1942). В 1942 г. уволен из отряда по болезни. Жил на ст. Яблоня, на 1945 г. – атаман поселка.

Зимин Борис Павлович. В отряде Асано с 1941 г. Участник 1-го Амурского похода (1941–1942). Окончил военное училище при отряде Асано (1944). Корнет армии Маньчжоу-го (декабрь 1944 г.). В декабре 1944 г. переведен в Хайларский РВО, командир взвода. В августе 1945 г. убит японцами в мест. Макертуй.

Ежовский Николай Иннокентьевич. Родился 30 сентября 1916 г. в Харбине. До 1930 г. – учился в гимназии им. Достоевского, позднее работал чернорабочим в Харбине. С осени 1936 г. – на службе в отряде горно-лесной полиции на ст. Шитоухэцзы. Окончил Ханьдаохэцзийское ВПУ (1937). С марта 1938 г. – в отряде Асано», младший унтер-офицер саперной части. С 1940 г. – в хозяйственной части отряда, заведующий отрядным магазином, вахмистр. Окончил отрядные курсы кандидатов на звание офицера (1943), прапорщик. Корнет армии Маньчжоу-го (май 1944 г.). Награжден орденом Маньчжоу-го за выслугу лет (1944). В 1944–1945 гг. – помощник начальника 4-го отделения (боепитание) штаба Сунгарийского РВО. В июле 1945 г. демобилизован, уехал с семьей в Харбин. В августе-сентябре 1945 г. – технический конторщик на ст. Харбин. Арестован органами СМЕРШ 12 сентября 1945 г. в Харбине, вывезен в СССР, Востураллаг. Решением Особого совещания при МВД СССР (март 1947 г.) осужден на 20 лет ИТЛ. Освобожден в августе 1956 г. со снятием судимости в 1958 г.

Ефимов Гавриил Васильевич. Родился в 1917 г. в пос. Гродеково Приморской области. В 1925 г. нелегально выехал из Гродеково к родителям на ст. Сочинцзы в Маньчжурию, позднее жили на Мулинских угольных копях. Окончил 3 класса гимназии. Работал рабочим на Мулинских копях и в домашнем хозяйстве отца (1934–1936). С мая 1936 г. – охранник русского

охранного отряда на Мулинских копях. Окончил Ханьдаохэцзийское ВПУ (1937). С марта 1938 г. – на службе в отряде Асано, младший унтер-офицер, командир радиоотделения. Принимал участие в военных действиях на Халхин-Голе (1939), радист особого подразделения. С декабря 1939 г. – помощник командира радиовзвода 3-го эскадрона отряда, старший унтер-офицер, с марта 1941 г. – старшина команды связи, вахмистр. Участник 1-го и 2-го Амурского походов, командир отделения связи. Окончил отрядные курсы кандидатов на звание офицера (1943), прапорщик. С декабря 1943 г. – командир радиовзвода отряда. Корнет армии Маньчжоу-го (май 1944 г.). С февраля 1945 г. – командир 3-го эскадрона Сунгарийского РВО. Награжден двумя орденами: японским «Букосё» (За доблесть и храбрость) и маньчжурским, 2 медалями Маньчжурии и Японии. Арестован в августе 1945 г. на ст. Сунгари-2. Осужден в 1946 г. Умер в 1947 г. в лагере.

Золотарев Вячеслав Петрович. Родился 25 сентября 1918 г. в Благовещенске. В 1922 г. выехал с семьей в Маньчжурию. Учился в приюте «Русский дом» (1927–1931). Работал в частной фотостудии в Харбине (1931–1937). С 1937 г. – на службе в Ханьдаохэцзийском отряде горно-лесной полиции Маньчжоу-го. Окончил Ханьдаохэцзийское ВПУ (1938). Младший надзиратель (1940). С ноября 1941 г. – на службе в отряде Асано на ст. Ханьдаохэцзы. Инструктор Учебной команды горно-лесной полиции (1942–1943), старший унтер-офицер. С января 1944 г. – на службе в Ханьдаохэцзийском РВО, фельдфебель, старшина 1-й роты. В декабре 1944 г. уволился в резерв, занимался охотой. В августе 1945 г. мобилизован в Ханьдаохэцзийский РВО. Состоял в одном из отрядов самоохраны. Арестован органами СМЕРШ 12 сентября 1945 г. на ст. Ханьдаохэцзы, вывезен в СССР, Востураллаг. Решением Особого совещания при МВД

СССР (1947) осужден на 10 лет ИТЛ. Освобожден в 1955 г. со снятием судимости в 1959 г

.

Зыков Иван Игнатович. Участник Гражданской войны в России, служил в частях атамана Семенова. Командир одного из белых партизанских отрядов в Трехречье в 1929 г. С весны 1942 г. – в Хайларском конно-полицейском отряде, помощник командира отряда. Произведен приказом атамана Семенова в есаулы (1942). В 1943 г. уволен из отряда за пьянство. Жил с семьей в мест. Шаратала. По одной из версий, осенью 1945 г. был арестован органами СМЕРШ и расстрелян.

Козырев Сергей Тимофеевич. Родился 2 апреля 1921 г. в с. Комиссарово Никольск-Уссурийского уезда Приморской области. Окончил 2-классную сельскую школу. В декабре 1931 г. прибыл с родителями из Приморья в Маньчжурию, жил на Мулинских копях (1931–1933), позднее в Харбине. Чернорабочий во 2-м складе японского интендантства в Харбине (1934–1937). С июня 1936 г. – охранник в Русском охранном отряде на Мулинских копях. С апреля 1938 г. – на службе в отряде Асано. Вахмистр армии Маньчжоу-го (1944). В 1944–1945 гг. – командир взвода 2-го эскадрона Сунгарийского РВО, заведующий учебными пособиями при штабе. В августе 1945 г. демобилизован, уехал на жительство в район ст. Мулин. Арестован.

Коссов (Косов) Николай Борисович. Родился 25 сентября 1908 г. в Киеве. Получил домашнее начальное образование. В марте 1918 г. прибыл с семьей из Благовещенска в Маньчжурию. Учился в Харбинском коммерческом училище. Член 1-го Маньчжурского отряда скаутов при Харбинском коммерческом училище.

Окончил 1-е Харбинское реальное училище (1926). Прослушал курс курсов горных техников при Харбинском политехническом институте. До 1932 г. служил в Главном штабе охранных войск КВЖД, адъютант штаба бригады, адъютант, помощником коменданта станции Харбин, начальником 3-го отделения оперативного отдела штаба охраны, капитан. С 1932 г. – на службе в армии Маньчжоу-го. Окончил экстерном Военно-училищные курсы РОВС в Харбине (1934). В 1935 г. – заведующий воинскими перевозками штаба 4-го военного округа Маньчжоу-го. Майор. Окончил Мукденскую офицерскую пехотную школу (1937). В 1937 г. – начальник русской части контрразведки штаба 4-й армии Маньчжоу-го. С марта 1938 г. – на службе в отряде Асано, старший офицер штаба. Окончил Высшую военную пехотную школу в Мукдене (1939). В августе-сентябре 1939 г. принимал участие в составе Хинганской кавалерийской дивизии в боях с частями Красной армии и МНР в районе реки Халхин-Гол, контужен. Лечился на японском курорте Беппу. Офицер Генерального штаба, служил в штабах 4-го военного округа, штабе Хинганского военного округа, в Сунгарийских речных войсках, Военном министерстве. Подполковник армии Маньчжоу-го. С мая 1942 г. – советник молодежно-воспитательного отдела ГБРЭМ. Военный инструктор русских учебных заведений, руководитель военно-воспитательной подготовки российской эмигрантской молодежи на курсах Киовакай, школ и добровольческих дружин в Харбине (1942–1943). Приказом военного министра прикомандирован к Харбинской ЯВМ и направлен в ГБРЭМ. С ноября 1943 г. – и. о. начальника, начальник 2-го (военной подготовки) отдела ГБРЭМ в Харбине. Полковник армии Маньчжоу-го (1945). В августе 1945 г. – выехал в Северный Китай, в дальнейшем жил в Австралии.

Кузнецов Константин Иванович. Родился 15 февраля 1915 г. в Харбине. Окончил гимназию Генерозовой (1933), курсы машинописи (1933). Работал в фирме «Чурин и К°» в Чаньчуне (1934–1936), уволен по сокращению штатов. Член ВФП (1936–1938). Учился в Учебном отряде ВФП (1936–1937). Окончил школу организаторов при ВФП (1937). С марта 1938 г. – на службе в отряде Асано, старший унтер-офицер, писарь в штабе отряда. Фельдфебель (1939), цензор по письмам в штабе отряда. В марте 1940 г. уволен в резерв, являлся сотрудником 2-го отдела Харбинской ЯВМ (1940–1945). Арестован органами СМЕРШ 31 августа 1945 г. в Харбине, вывезен в СССР, Востураллаг. Решением Особого совещания при МВД СССР (февраль 1947 г.) осужден на 20 лет ИТЛ. Реабилитирован в 1990 г.

Лисецкий Константин Иванович. Родился в 1918 г. на ст. Свиягино Приморской области. В 1922 г. выехал с семьей в Маньчжурию. Окончил двухгодичную школу английского языка Поплавского (1934), переводчик. Окончил курсы переводчиков разговорного японского языка. Переводчик японского языка комиссионных контор по найму квартир в Харбине (1935). С января 1936 г. – переводчик японского языка отряда горно-лесной полиции на ст. Яблоня. В феврале 1938 г. откомандирован для обучения в Ханьдаохэцзийское ВПУ. С марта 1938 г. – на службе в отряде Асано, старший унтер-офицер, командир отделения саперной части. Фельдфебель (март 1940 г.). С марта 1940 г. – старшина саперного эскадрона. Прапорщик (март 1941 г.). В марте 1941 г. назначен начальником канцелярии саперного эскадрона. Участник 1-го Амурского похода. В конце ноября 1941 г. откомандирован на ст. Сунгари-2 и назначен командиром взвода 5-го эскадрона. Окончил отрядные курсы кандидатов на звание офицера (1942). Участник 2-го Амурского похода (1942–1943), командир

взвода. Корнет (сентябрь 1942 г.). С сентября 1943 г. – казначей штаба отряда, с ноября 1943 г. – заведующий отправкой семейных пособий отряда. С января 1944 г. – командир взвода учебной команды, с февраля 1944 г. – помощник командира эскадрона резервистов Сунгарийского РВО. Поручик армии Маньчжоу-го (май 1944 г.). В мае-июне 1944 г. – помощник командира 2-го эскадрона отряда, с июня по декабрь 1944 г. – командир взвода связи отряда. С декабря 1944 г. – начальник учебного отделения штаба отряда, с марта 1945 г. – начальник хозяйственной части, с июля 1945 г. – начальник 4-го (продовольственно-фуражного) отделения штаба отряда. Награжден орденом Кейунсё VI ст. (1945). В августе 1945 г. арестован органами СМЕРШ. Содержался в тюрьме № 2 УНКВД по Приморскому краю.

Литвинцев Петр Георгиевич. Родился 27 мая 1921 г. на ст. Маньчжурия, КВЖД. Окончил начальную школу и один класс гимназии на ст. Маньчжурия (1931). Работал в хозяйстве отца на ст. Угунор, пос. Култук и Цай Онэнорского района. С апреля 1938 г. – на службе в отряде Асано, рядовой, ефрейтор (1939), младший унтер-офицер (1940), старший унтер-офицер (1941), командир отделения. Участник 1-го Амурского похода (1941–1942). Вахмистр (сентябрь 1942 г.). С сентября 1942 г. – в Ханьдаохэцзийском отряде, командир взвода 1-й роты. В июле 1945 г. демобилизован, выехал в пос. Цай. Арестован органами СМЕРШ 3 декабря 1945 г. в пос. Цай, вывезен в СССР, Севураллаг. Решением Особого совещания при МВД СССР (февраль 1947 г.) осужден на 15 лет ИТЛ. Освобожден в ноябре 1955 г. со снятием судимости в 1959 г.

Логиновский Петр Степанович. Участник Гражданской войны. Служил врачом в ОМО атамана Г. М.

Семенова, в частях Дальневосточной армии в Забайкалье (1918–1920), эвакуирован в Маньчжурию. С 1940 г. – на службе в отряде Асано. Начальник ветеринарной службы Сунгарийского РВО. Майор медицинской службы армии Маньчжоу-го. В августе 1945 г. проживал с семьей на ст. Сунгари-2.

Ложенков (Уложенко) Даниил Лукич. Служил в охранном отряде Мулинских угольных копей. В 1936 г. переходил с разведывательным заданием на территорию СССР в районе реки Уссури. Окончил Ханьдаохэцзийское ВПУ. Работал на радиоперехвате ЯВМ в пос. Хулин. С марта 1938 г. – на службе в отряде Асано, младший унтер-офицер стрелковой части. Участник 1-го Амурского похода. Прапорщик. Окончил отрядные курсы кандидатов на офицерское звание (1943). Корнет. Заместитель командира Ханьдаохэцзыского отряда (1943). Поручик армии Маньчжоу-го (1944). Командир 2-й роты Ханьдаохэцзийского РВО (1944). С декабря 1944 г. – начальник Восточного района Союза резервистов в г. Муданьцзян.

Лукеш Владимир Эрнстович. Родился в 1906 г. в Харбине. Окончил гимназию в Харбине (1924). Член Союза мушкетеров (1925–1931), капитан. Служил в Русской группе войск Шаньдунской армии (1925–1927), фельдфебель. Ученик и заведующий книжного магазина Симпсона в Харбине (1928–1930). Работал матросом Нового спортивного общества, охранником в частной компании в Харбине (1931–1935). С 1935 г. – на службе в горно-лесной полиции Маньчжоу-го: Ханьдаохэцзийский и Мулинский отряды. Окончил в 1-м наборе Ханьдаохэцзийское ВПУ (1936). С марта 1938 г. – на службе в отряде Асано, старший унтер-офицер, командир отделения, фуражир ветеринарного отдела.

Вахмистр (1940). Цензор при штабе отряда. Участник 1-го Амурского похода. Прапорщик (лето 1941 г.). В сентябре 1941 г. отозван на ст. Сунгари-2, командир взвода 3-го эскадрона, цензор отряда. Окончил отрядные курсы на офицерское звание (1943), не выдержал выпускных испытаний. Старший ротный писарь канцелярии 3-го эскадрона. В сентябре 1943 г. отправлен в резерв по болезни. По приказу ЯВМ направлен в Учебную команду горно-лесной полиции, цензор. С января 1944 г. – в Ханьдаохэцзийском РВО, командир взвода 1-й роты. Подпоручик армии Маньчжоу-го (февраль 1944 г.). С июня 1944 г. – помощник начальника полицейского отряда на 22-й версте, с декабря 1944 г. – чиновник русского отдела Киовакай г. Муданьцзян. В августе 1945 г. был назначен командиром диверсионного отряда. Сдался в плен частям Красной армии 23 августа 1945 г. на ст. Ханьдаохэцзы, вывезен в СССР, Востураллаг. Решением Особого совещания при МВД СССР (февраль 1947 г.) осужден на 20 лет ИТЛ. Освобожден в августе 1956 г. со снятием судимости в 1960 г.

Макаров Алексей Иванович. Родился 30 марта 1918 г. в с. Платоново-Александровское Приморской области. В Маньчжурии с 1924 г. Окончил 5 классов начальной школы (1931). Ученик в автомастерской на Мулинских копях (1934). С марта 1936 г. – на службе в Мулинском отряде горно-лесной полиции. Окончил Ханьдаохэцзийское ВПУ (1937). С марта 1938 г. – на службе в отряде Асано, младший унтер-офицер, командир отделения саперной части. Вахмистр (1941), старшина 4-го эскадрона. Переводник при капитане Асакура в Хайларском отряде (1942). С сентября 1942 г. – в ветеринарном лазарете отряда. Окончил курсы кандидатов на офицерское звание (1943), прапорщик. Корнет армии Маньчжоу-го (май 1944 г.). С

мая 1944 г. – начальник ветеринарной службы Сунгарийского РВО. Награжден орденом за выслугу лет (1944). Арестован органами СМЕРШ 30 августа 1945 г. на ст. Сунгари-2. Решением Особого совещания при МВД СССР (март 1947 г.) осужден на 15 лет ИТЛ. Умер 14 мая 1948 г. Реабилитирован в 1990 г.

Мельников Василий Николаевич. Родился 6 декабря 1919 г. в пос. Ундурга Забайкальской области. В 1922 г. выехал с семьей в Маньчжурию, ст. Пограничная. До 1931 г. периодически учился в школе и одновременно работал пастухом, учеником сапожника. С 1931 г. работал батраком, мальчиком в буфете в Харбине (1933–1934), служащим в игорном доме в Муданьцзяне (1934–1935). С августа 1935 г. – на службе в охранном отряде Мулинских угольных копей (позднее – Мулинский отряд горно-лесной полиции). Работал на радиостанции ЯВМ в пос. Хулин (1936). Окончил Ханьдаохэцзийское ВПУ (1937). С апреля 1938 г. – на службе в отряде Асано, ефрейтор. В марте 1940 г. уволен в резерв, работал на Мулинских копях. В июле 1941 г. вторично призван на военную службу, младший унтер-офицер эскадрона связи. Вахмистр армии Маньчжоу-го (конец 1943 г.), помощник японского инструктора собаководов и голубеводов 3-го эскадрона. С апреля 1945 г. – старшина интендантского отдела штаба Сунгарийского РВО. Арестован органами СМЕРШ 31 августа 1945 г. в Харбине, вывезен в СССР, Востураллаг. Решением Особого совещания при МВД СССР (январь 1947 г.) осужден на 20 лет ИТЛ. Реабилитирован в 1990 г.

Михайлов Александр Федорович. Родился 27 июля 1896 г. в Оренбурге в семье генерал-майора Императорской армии Ф. Н. Михайлова. Окончил 2-й Оренбургский кадетский корпус (1915) и Николаевское кавалерийское училище (февраль 1916 г.), прапорщик

гвардии. Назначен в лейб-гвардии Сводно-казачий полк, командир 4-го взвода 2-й Оренбургской сотни. Гвардии сотник (март 1917 г.). В декабре 1917 г. вступил добровольцем в армию атамана А. И. Дутова на Оренбургский фронт. Служил в личном конвое Дутова и партизанском отряде его имени. В апреле 1918 г. произведен в чин подъесаула гвардии и назначен начальником команд технического назначения атаманского дивизиона. С сентября 1918 г. – командир 2-й сотни 6-го Оренбургского казачьего полка. Награжден знаком отличия «Георгиевской лентой». Есаул гвардии (1919). С декабря 1919 г. – начальник связи штаба 3-й армии. Войсковой старшина (1920). В июне 1920 г. назначен командиром бронепоезда «Справедливый» Дальневосточной армии. В ноябре 1920 г. отступил с бронепоездом с частями Белой армии на ст. Маньчжурия. Старший конторщик 1-й дистанции на постройке Хухайской железной дороги (1926–1927). Шофер на собствненной машине на Харбинской автомобильной бирже (1927–1929). В ноябре-декабре 1929 г. – конторщик технического отдела службы пути КВЖД в Харбине. Шофер у частного владельца на Харбинской автомобильной бирже (1930–1934), шофер департамента полиции Биньцзянской провинции (1934). В мае 1939 г. лишен прав шофера и стал работать конторщиком особого отдела того же департамента. Сотрудник подотдела дислокации 2-го отдела ЯВМ в Харбине (1943–1944). С марта 1944 г. зачислен чиновником особых поручений при штабе Сунгарийского РВО. В мае 1944 г. произведен в майоры армии Маньчжоу-го и назначен заместителем командира отряда. В июле 1944 г. – руководитель учебной частью, культурно-просветительской частью и частью боепитания штаба, заместитель председателя комиссии по составлению учебников для РВО. С сентября 1944 г. – старшина общества офицеров отряда, начальник штаба

с исполнением обязанностей заместителя командира отряда. С января 1945 г. – заместитель командира отряда по снабжению и председатель суда чести. Арестован органами СМЕРШ в августе 1945 г. на ст. Сунгари-2. Решением Особого совещания при МВД СССР (январь 1946 г.) осужден на 20 лет ИТЛ, позднее срок наказания снижен до 15 лет ИТЛ.

Михайлов Святослав Владимирович. Родился 12 июня 1921 г. в Монголии. Окончил русскую гимназию в Хайларе (1937). С 1935 г. – в составе «Молодой казачьей станицы» Хайлара. Обучался в институте св. Владимира и в Северо-Маньчжурском университете (1938–1940). Посетил в составе делегации от русских эмигрантов Хайларского района Японию (1940). С марта 1941 г. – на службе в отряде Асано. Участник 1-го Амурского похода (1941–1942). Старший ефрейтор (сентябрь 1942 г.). Окончил военное училище при отряде Асано (1944). Корнет армии Маньчжоу-го (декабрь 1944 г.). С января 1945 г. – командир взвода Ханьдаохэцзийского РВО. С июня 1945 г. – помощник начальника трудовой дружины. В августе 1945 г. входил в отряд капитана Ядыкина. Сдался в плен частям Красной армии 23 августа 1945 г. на ст. Ханьдаохэцзы, вывезен в СССР, Востураллаг. Решением Особого совещания при МВД СССР (декабрь 1946 г.) осужден на 10 лет ИТЛ. Освобожден в 1955 г. со снятием судимости в 1956 г.

Морозов Петр Георгиевич. Родился в 1912 г. в с. Калга Забайкальской области. В 1918 г. выехал с родителями в Маньчжурию, Трехречье. До 1926 г. обучался в городском училище Хайлара, позднее работал в хозяйстве отца. Летом 1936 г. проходил обучение в казачьей учебной команде в пос. Драгоценка. Атаман пос. Челотуй (1936–1942). С октября 1942 г. – на службе в Хайларском конно-полицейском отряде,

младший урядник, командир отделения. В мае 1943 г. уволен из отряда. Окончил курсы прапорщиков при Хайларском РВО (1944). Прапорщик армии Маньчжоу-го. Командир 1-й сотни на военных сборах в Трехречье (1944–1945). В августе 1945 г. участвовал в самоохране русских поселков Трехречья. Арестован органами СМЕРШ 9 ноября 1945 г. в пос. Челотуй, вывезен в СССР, Севураллаг. Решением Особого совещания при МВД СССР (январь 1947 г.) осужден на 10 лет ИТЛ. Освобожден в 1955 г. со снятием судимости в августе 1968 г.

Мустафин Виссарион Николаевич. Родился в 1910 г. на ст. Слюдянка Иркутской губерении. В конце 1922 г. эвакуировался с семьей из Владивостока в Гензан, оттуда в Чанчунь. Обучался в приюте-училище «Русский дом» в Харбине (1923–1925). Работал на оружейном заводе в Мукдене (1927–1928). Окончил Мукденское реальное училище (1930). Работал разносчиком в магазине «Чурин и К°», автозаправщиком в компании «Техас компании», охранником. С апреля 1933 г. – на службе в поселковой полиции ст. Пограничная. Конторщик отделения БРЭМ на ст. Пограничная (1935–1937). Старший скаут-мастер Восточного отдела НОРР. Окончил курсы по изучению СССР в Харбине (1937). С декабря 1937 г. – обучался в Ханьдаохэцзийском ВПУ. С марта 1938 г. – на службе в отряде Асано, старший унтер-офицер, фельдфебель стрелковой части. Прапорщик (1939), казначей и начальник хозчасти 1-го эскадрона. Окончил отрядные курсы кандидатов на офицерское звание (1941). Корнет армии Маньчжоу-го (1941), командир взвода. Участник 1-го Амурского похода. Поручик (сентябрь 1942 г.). С конца 1943 г. – командир 1-го эскадрона Сунгарийского РВО. Ротмистр (марта 1944 г.). Награжден орденами Куйонсё VI ст. и Чукокусё VII ст. (1944). В июле 1945 г. –

направлен с эскадроном на сельхозработы на ст. Аньда. В августе 1945 г. в период боевых действий взял на себя обязанности коменданта ст. Аньда, которые сдал 15 сентября 1945 г. представителю советского командования. Арестован органами СМЕРШ 11 октября 1945 г. в г. Вэйань, вывезен в СССР, Севураллаг. Решением Особого совещания при МВД СССР (ноябрь 1946 г.) осужден на 10 лет ИТЛ. Освобожден в 1955 г., жил в Казахстане. Умер и похоронен в г. Джамбул. Реабилитирован в 1990 г.

Мустафин Леонид Николаевич. Родился 31 июля 1914 г. в с. Алгачи Забайкальской области. В 1922 г. с семьей эвакуировался из Владивостока в Гензан, оттуда – в Чанчунь. Окончил Мукденское реальное училище (1933). В 1932 г. вступил в БРП. Окончил унтер-офицерские курсы РОВС в Мукдене. Член РОВС (1933–1935). С марта 1935 г. – агент наружного наблюдения в пограничном полицейском отряде, после его расформирования – в поселковой полиции на ст. Пограничная. Инструктор по строевой части Восточного отдела НОРР. Окончил курсы по изучению СССР в Харбине (1937). С января 1938 г. – конторщик регистрационного отдела отделения БРЭМ на ст. Пограничная. С марта 1938 г. – на службе в отряде Асано, старший унтер-офицер, фельдфебель части связи. Прапорщик армии Маньчжоу-го (1940). Участник 1-го Амурского похода. Окончил отрядные курсы кандидатов на офицерское звание (1943). Корнет. В марте 1943 г. командирован для военного обучения казаков в Трехречье. С апреля 1943 г. – командир взвода 4-го эскадрона отряда Асано, с декабря 1943 г. – адъютант командира Сунгарийского РВО. Поручик (июнь 1944 г.). С июля 1945 г. – делопроизводитель штаба отряда. Награжден орденами Чукокусё VII ст. (1944) и Кейунсё VI ст. В августе 1945 г. арестован органами

СМЕРШ. Содержался в тюрьме № 2 УМВД Приморского края в г. Ворошилов. Решением Особого совещания при МВД СССР (июль 1946 г.) осужден на 10 лет ИТЛ. Освобожден в 1955 г., жил в Казахстане. В 1958 г. судимость снята. Умер в 1972 г. и похоронен в Джамбуле. Реабилитирован в 1990 г.

Наумов Геннадий Степанович. Родился в 1916 г. в г. Кунгур. В 1920 г. прибыл с семьей в Маньчжурию. Член организации скаутов (1931–1932). Окончил гимназию в Харбине (1935). Окончил 3 курса политехнического факультета института св. Владимира в Харбине (1937). С 1935 г. – в составе ВФП, сотрудник газеты «Наш путь» и журналах «Нация». Обучался в учебном отряде ВФП. Сотрудничал в журналах «Рубеж» и «Луч Азии». Обучался на курсах организаторов ВФП в Харбине (1937). Окончил Ханьдаохэцзийский ВПУ (1938). С мая по сентябрь 1938 г. – 2-й секретарь ГБРЭМ в Харбине, с сентября 1938 г. – сотрудник ЯВМ в г. Сахаляне, помощник надзирателя особого отдела Сахалянского погранично-полицейского отряда. С мая 1941 г. – инструктор школы агитаторов-пропагандистов 4-го отдела Харбинской ЯВМ, читал лекции по контрразведке и о методах опросов беженцев и пленных. Участвовал в подготовке учебников «Контрразведка» и «Опрос беженцев и пленных». В июле 1943 г. уволился из миссии, занимался сельским хозяйством в районе ст. Фухай. Поручик армии Маньчжоу-го (декабрь 1944 г.). С декабря 1944 г. – помощник адъютанта командира отряда, помощник начальника 5-го (идеологического воспитания) отдела штаба, командир штабного взвода, начальник квартирно-вещевого снабжения Сунгарийского РВО. В 1945 г. ранен, находился на домашнем излечении на ст. Сунгари-2. Награжден чашей и грамотой от имени

императора Маньжоу-го (1939). В августе 1945 г. арестован органами СМЕРШ.

Овчинников Игнатий Иванович. Родился в 1913 г. в с. Доно Забайкальской области. В 1919 г. прибыл с семьей в Маньчжурию, Трехречье. С марта 1938 г. – на службе в отряде Асано, ефрейтор, младший унтер-офицер, ветеринарный фельдшер. В апреле 1940 г. – уволен в резерв. Проживал в пос. Верх-Кули. Инструктор полицейского отряда в пос. Драгоценка (март 1941 г.). Вторично призван на военную службу в июне 1941 г., старший унтер-офицер. В апреле 1942 г. – переведен в Хайларский конно-полицейский отряд, начальник ветеринарного отдела. Вахмистр армии Маньчжоу-го. Уволен со службы в марте 1945 г., занимался сельским хозяйством. Арестован органами СМЕРШ 6 января 1946 г. в Хайларе, вывезен в СССР, Севураллаг. Решением Особого совещания при МВД СССР (март 1947 г.) осужден на 15 лет ИТЛ. Освобожден летом 1956 г. со снятием судимости.

Павлов Александр Викторович. Родился 12 сентября 1910 г. в г. Благовещенск. Учился в советской школе Благовещенска, исключен за неуспеваемость (1926). В 1927 г. бежал в Маньчжурию. Учился в техническом железнодорожном училище при ХПИ (1927–1930). Работал мотористом по обмолотке хлеба в районе Сахаляна, мотористом на лесной концессии Чол, охранником генерала Чжан Тундая. Служил в охранном отряде Лафа-Харбинской железной дороги (1933–1935), в особом отряде в Мишаньском районе (1935–1936). Член Союза легитимистов (1933–1934). С 1936 г. – на службе в Шитоухэцзийском отряде горно-лесной полиции Маньчжоу-го, младший надзиратель. Окончил Ханьдаохэцзийское ВПУ (1937). С июля 1945 г. – на службе в отряде Асано, штабной вахмистр, казначей, с

декабря 1942 г. – командир взвода. Прапорщик армии Маньчжоу-го (сентябрь 1943 г.). С января 1944 г. – в Ханьдаохэцзийском РВО, командир взвода, помощник адъютанта, с января 1945 г. – командир нестроевой команды. В июле 1945 г. переведен в качестве сотрудника молодежно-воспитательного отдела в Ханьдаохэцзийское отделение БРЭМ. В августе 1945 г. мобилизован в Ханьдаохэцзийский РВО, адъютант отряда. Сдался с отрядом в плен частям Красной армии 23 августа на ст. Ханьдаохэцзы, вывезен в СССР, Востураллаг. Решением Особого совещания при МВД СССР (февраль 1947 г.) осужден на 20 лет ИТЛ. Освобожден летом 1956 г. со снятием судимости.

Парыгин Иван Корнилович. Родился 11 декабря 1914 г. в Забайкальской области в семье офицера Забайкальского казачьего войска. В 1921 г. выехал с семьей в Маньчжурию. Окончил реальное училище в Мукдене (1931). Работал ремонтным рабочим и шофером в Мукденской автобусной компании (1931–1936). С осени 1936 г. проживал в пос. Чол, занимался сельским хозяйством. С марта 1939 г. – на службе в отряде Асано, артиллерийская часть. Окончил отрядную учебную команду, младший унтер-офицер (1942). С августа 1943 г. – старший унтер-офицер, помощник старшины хозчасти эскадрона, с июня 1944 г. – фельдфебель, хозяйственная часть отряда. Корнет армии Маньчжоу-го (декабрь 1944 г.), командир взвода 2-го эскадрона Сунгарийского РВО. Награжден орденом Чукокусё VIII ст. В начале августа 1945 г. демобилизован, выехал с семьей в Харбин. Состоял в самоохране Харбина. Арестован органами СМЕРШ 25 сентября 1945 г. в Харбине, вывезен в СССР, Востураллаг. Решением Особого совещания при МВД СССР (февраль 1947 г.) осужден на 10 лет ИТЛ. Освобожден в 1955 г. со снятием судимости в 1958 г.

Переводчиков Павел Иванович. Родился в 1915 г. в Нерчинском Заводе Забайкальской области. В 1920 г. выехал с семьей в Маньчжурию. Обучался в начальной школе в Олочи (1926–1928), позднее – в детском приюте в Харбине (1929–1932). Работал по найму в Хайларе, Трехречье, Мергене (1932–1939). С апреля 1939 г. – на службе в отряде Асано, младший унтер-офицер. В апреле 1941 г. – уволен в резерв, работал по найму в Мергене. В августе 1941 г. мобилизован на военную службу, командир отделения отряда Асано. Старший унтер-офицер (март 1942 г.). В апреле 1942 г. откомандирован в Хайларский конно-полицейский отряд, инструктор пулеметного дела. Вахмистр. С октября 1942 по апрель 1943 г. – инструктор Хайларской разведывательно-диверсионной школы. Окончил юнкерские курсы при Хайларском РВО (1944), прапорщик. В дальнейшем чин прапорщика снят. Командир 3-го взвода Хайларского РВО, вахмистр (1944–1945). В августе 1945 г. возглавлял трудовую дружину, работавшую на сенокосе в районе Хайлара. Арестован органами СМЕРШ 11 августа в Хайларе, вывезен в СССР, Севураллаг. Решением Особого совещания при МВД СССР (март 1947 г.) осужден на 20 лет ИТЛ. Освобожден летом 1956 г. со снятием судимости.

Пешков Иван Александрович. Участник Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. В 1922 г. – сотник 1-го Забайкальского казачьего полка. Командир белого партизанского отряда в Трехречье. Есаул. Служил в Русской группе войск Шаньдунской армии. Командовал партизанским отрядом в Трехречье в период советско-китайского конфликта 1929 г. Начальник отряда пограничной стражи Южно-Аргуньской провинции (1933–1934), позднее служил в полиции г. Хайлар. С октября 1941 г. – командир

Хайларского конно-полицейского отряда (с мая 1944 г. – Хайларский РВО). Майор армии Маньчжоу-го (1945). 10 августа 1945 г. убит с группой своих бойцов японцами в мест. Макэртуй.

Плешко Василий Сергеевич. Родился в 1906 г. в г. Стародуб Черниговской губернии. Служил в горно-лесной полиции Маньчжоу-го, старший надзиратель, командир Тогинского отряда. С июня 1942 г. – в Учебной команде горно-лесной полиции на ст. Ханьдаохэцзы, поручик, командир 1-го взвода. С января 1944 г. – в Ханьдаохэцзийском РВО, командир 1-й роты. В июле 1945 г. откомандирован в распоряжение ЯВМ г. Цзямусы. Арестован органами СМЕРШ 15-й армии в августе 1945 г. Приговорен Военным трибуналом 15-й армии к 10 годам ИТЛ (октябрь 1945 г.). Реабилитирован в ноябре 1992 г.

Попов Иннокентий Владимирович. Участник Гражданской войны, вахмистр Забайкальских казачьих частей. Служил в горно-лесной полиции Маньчжоу-го. С июня 1942 г. – в Учебной команде горно-лесной полиции, прапорщик, заведующий хозяйственной частью. С января 1944 г. – на службе в Ханьдаохэцзийском РВО, адъютант отряда. Подпоручик армии Маньчжоу-го (1944). С января 1945 г. – командир взвода 1-й роты отряда.

Поручиков Георгий Васильевич. Родился в 1920 г. в Харбине в семье офицера частей атамана Семенова. Окончил 4 класса гимназии (1934) и курсы электромонтеров (1935). Работал электромонтером у подрядчика, рассыльным в книжном магазине. С февраля 1938 г. – на службе в Хайлинском отряде горно-лесной полиции Маньчжоу-го. Окончил Ханьдаохэцзийское ВПУ (1939). Работал в частном автогараже в Харбине (1939–1940). С марта 1940 г. – на

службе в отряде Асано, радиовзвод. Участник 1-го Амурского похода, младший унтер-офицер (август 1941 г.), командир отделения. Старший унтер-офицер (апрель 1942 г.). В апреле 1942 г. откомандирован в Хайларский конно-полицейский отряд, инструктор по радиоделу. Вахмистр. Окончил юнкерские курсы при Хайларском РВО (1944), прапорщик. В дальнейшем чин прапорщика снят. Командир команды связи Хайларского РВО, вахмистр армии Маньчжоу-го (1944–1945). Награжден медалью Маньчжоу-го за добросовестную службу (1945). В августе 1945 г. возглавлял трудовую дружину, работавшую в районе дер. Дубовая в Трехречье. Арестован органами СМЕРШ 17 августа 1945 г., вывезен в СССР, Севураллаг. Решением Особого совещания при МВД СССР (январь 1947 г.) осужден на 10 лет ИТЛ. В 1954 г. освобожден. Трагически погиб перед отъездом. Реабилитирован в 1990 г.

Постовский Николай Николаевич. Родился 28 марта 1912 г. в Харбине. Учился в 1-м мужском реальном училище, методистской гимназии, гимназии ХСМЛ. Окончил реальное училище Оксаковской в Харбине (1930). Член Союза мушкетеров. В 1930 г. учился на электротехнических курсах и работал в немецкой фирме «Шмидт и К°» в Харбине. В конце 1930 г. выехал в Шанхай, работал в английской фирме «Беркел и К°», служил в Русском полку Шанхайского волонтерского корпуса. В 1933 г. вернулся в Харбин. Служил в охранном отряде на золотых приисках в районе Сахаляна и на Лобинском руднике (1933–1935). С 1933 г. – член Военно-монархического союза. С 1935 г. – на службе в Шитоухэцзийском, позднее – в Эрдаохэцзийском отрядах горно-лесной полиции Маньчжоу-го, младший надзиратель. Окончил в 1-м наборе Ханьдаохэцзийское ВПУ (1936). С марта 1938 г. – на службе в отряде Асано, младший унтер-офицер,

командир отделения, с 1940 г. – вахмистр, старшина 1-го эскадрона, с конца декабря 1941 – в адъютантском отделе штаба. В 1939 г. принимал участие в экспедиции в Тоогенский район. Осенью 1941 г. принимал участие в проведении лагерных сборов для чинов горно-лесной полиции на ст. Ханьдаохэцзы. С 1942 г. – помощник командира взвода 4-го эскадрона. Окончил отрядные курсы на офицерское звание (1943). Прапорщик армии Маньчжоу-го (май 1943 г.), помощник командира 1-го эскадрона, с 1944 г. – командир взвода 2-го эскадрона, начальник курсов младшего командного состава Сунгарийского РВО. Корнет (1945). В 1945 г. – начальник 1-го (боевая подготовка) отдела штаба отряда. Награжден орденом Чукокусё VII ст. Арестован в августе 1945 г. на ст. Сунгари-2. Решением Особого совещания при МВД СССР (июнь 1946 г.) осужден на исправительно-трудовые работы. Наказание отбывал в Северо-Восточных ИТЛ МВД СССР в бухте Нагаево. Умер 12 января 1947 г.

Потапов Владимир Николаевич. Родился 29 июля 1907 г. в Тифлисе в семье офицера Русской Императорской армии. Учился в кадетском корпусе (1916–1920). С 1920 г. – в Маньчжурии. Окончил смешанную общественную гимназию на ст. Маньчжурия (1925). Служил в Русской группе войск Шаньдунской армии (1925–1928). Окончил Шаньдунское военно-инструкторское училище (1927), подпоручик. Младший офицер 7-го Особого учебного полка (1927), личного конвоя ген. Чжан Цзунчана (1927–1928), поручик. Награжден орденом Тучного колоса XII ст. Работал на молочной ферме в пос. Якеши (1929), на заводе «Шкода» в Харбине (1929–1932). Служил в охранном отряде на ст. Яблоня, командир, помощник командира (1932–1933). Начальник заставы пограничной стражи Южно-Аргуньской провинции (1933–1934). Занимался

подрядами и содержал пекарню на ст. Яблоня (1934–1936). Работал на лесной концессии в пос. Якеши (1936–1941). С октября 1941 г. – на службе в Хайларском конно-полицейском отряде, хорунжий, командир 1-го взвода, с конца 1943 г. – помощник командира отряда. Поручик армии Маньчжоу-го (1944). Инструктор Хайларского Сводно-волонтерского полка и Маньчжурского сводного батальона (1943–1944). В марте 1945 г. направлен в распоряжение начальника отделения БРЭМ в пос. Драгоценка. В августе 1945 г. возглавлял отряд самоохраны пос. Верхняя Урга. Арестован органами СМЕРШ 17 августа 1945 г. в пос. Шурфовая, вывезен в СССР, Востураллаг. Решением Особого совещания при МВД СССР (январь 1947 г.) осужден на 10 лет ИТЛ. Освобожден в декабре 1954 г. со снятием судимости в 1964 г.

Приказчиков Иоиль Иоакимович. Родился в 1911 г. Образование незаконченное среднее. Член ВФП/РФС. Окончил курсы организаторов при ВФП (1937), откомандирован в Ханьдаохэцзийское ВПУ. С марта 1938 г. – на службе в отряде Асано, старший унтер-офицер, командир отделения. Фельдфебель (1939), прапорщик (1940), сотрудник штаба отряда. Окончил отрядные курсы кандидатов на офицерское звание (1941). Участник 1-го Амурского похода, командир взвода. Корнет армии Маньчжоу-го (1941). С 1942 г. – офицер штаба отряда. Поручик. В 1944 г. уволился по болезни и уехал в Цзямусы (Тооген), где работал в ЯВМ.

Приходько Алексей Яковлевич. Родился в 1894 г. в г. Спасск. Окончил медицинский факультет Киевского университета (1917). В феврале 1918 г. призван на военную службу в 1-й Уссурийский казачий полк атамана Калмыкова, позднее служил в частях атамана Семенова, военный врач, капитан медицинской службы. В 1922 г.

эвакуировался в составе 2-го Уральского полка в Гензан, оттуда выехал в Шанхай, а затем – в Харбин. Занимался частной медицинской практикой в Харбине (1923–1944). С октября 1924 г. – на службе в Госпитале Охранных войск КВЖД, фельдшер, капитан китайской службы. С начала 1930-х гг. – заведующий кожно-венерическим отделом, подполковник медицинской службы. Член РОВС, ДВСК (1939–1945). Член Украинской колонии. С августа 1944 г. – врач при Ханьдаохэцзийском отделении БРЭМ и по совместительству врач Ханьдаохэцзийского РВО, майор медицинской службы Маньчжоу-го. Арестован органами СМЕРШ 21 августа на ст. Ханьдаохэцзы, вывезен в СССР, Востураллаг. Решением Особого совещания при МВД СССР (май 1947 г.) осужден на 10 лет ИТЛ. Умер 23 декабря 1950 г. Реабилитирован в 1990 г.

Раснюк Георгий Михайлович. Родился в 1916 г. на ст. Эхо, КВЖД. Окончил реальное училище в Харбине (1934). Член организации Украинской националистической молодежи (1938–1939). Окончил 1-ю Харбинскую зубоврачебную школу (1939), занимался частной зубоврачебной практикой в г. Муданьцзян. Окончил радиотелеграфные курсы при Муданьцзянской ЯВМ (1941), дополнительные курсы в 1942 и 1943 гг. Командир отделения Дружины противовоздушной обороны (1943). С января 1944 г. – на службе в Сунгарийском РВО, зубной врач отряда армии. Подпоручик медицинской службы армии Маньчжоу-го (февраль 1945 г.). В августе 1945 г. демобилизован из отряда, выехал в Харбин, работал зубным врачом. Арестован органами СМЕРШ 27 октября 1945 г. в Харбине, вывезен в СССР, Востураллаг. Решением Особого совещания при МВД СССР (март 1947 г.) осужден на 15 лет ИТЛ. Освобожден в 1955 г. со снятием судимости в 1958 г

.

Рычков Николай Вениаминович. Родился 14 декабря 1901 г. в г. Александрополь Эриванской губернии в семье офицера Русской Императорской армии. Учился в Ташкентском Наследника Цесаревича кадетском корпусе (1910–1914), позднее – во 2-м Московском Императора Николая I кадетском корпусе (1914–1917). В 1916 г. бежал на фронт, но через два месяца, как несовершеннолетний, был возвращен домой. После окончания кадетского корпуса в 1917 г. вышел в Алексеевское военное училище. Участвовал в восстании юнкеров в Москве, был арестован и несколько недель находился в Лефортовской тюрьме. В 1918–1922 гг. работал в составе 4-го эпидемического врачебно-питательного подвижного отряда в Малороссии, Оренбургской губернии и Сибири. В 1922 году, будучи призван в Красную армию, перешел на нелегальное положение. В августе 1923 г. нелегально выехал к семье в Маньчжурию. Проживал на ст. Маньчжурия, с 1925 г. – в Харбине. Окончил электротехнические курсы и 2 курса Харбинского Юридического факультета. Содержал небольшую электротехническую мастерскую в Харбине, служил на электростанции Сунгарийских мельниц, в торговом доме «Чурин и К°». Член харбинской дружины Русских Соколов (1926–1933), командир 1-го стана. В 1932–1933 гг. служил в самоохране Харбина. С 1933 г. – на службе в погранично-полицейском отряде на ст. Пограничная, старший полицейский. Начальник регистрационного отдела отделения БРЭМ на ст. Пограничная (1935–1938). Председатель «Объединения российской молодежи» при отделении БРЭМ на ст. Пограничная (1935–1938). Член Союза мушкетеров (1936–1938), глава Восточного отдела Союза. Окончил курсы изучения СССР (1937). С марта 1938 г. – на службе в отряде Асано, старший унтер-офицер части связи. С

августа 1938 г. – фельдфебель, старшина части связи, с декабря 1938 г. – подпрапорщик, командир взвода части связи отряда. Прапорщик (1940). Окончил курсы кандидатов на офицерское звание (1941). Участник 1-го и 2-го Амурских походов, командир взвода, эскадрона. Корнет армии Маньчжоу-го (1941). В июне 1942 г. – начальник военного училища при отряде, поручик. С января 1944 г. – командир 2-го эскадрона Сунгарийского РВО. Ротмистр армии Маньчжоу-го (1945). С апреля 1945 г. – и. о. начальника штаба отряда. Арестован в августе 1945 г. на ст. Сунгари-2. Решением Особого совещания при МВД СССР (июнь 1946 г.) осужден на исправительно-трудовые работы. Умер в 1947 г. в лагере.

Савватеев Алексей Ильич. Участник Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. В 1922 г. – хорунжий 1-го Забайкальского казачьего полка. Участвовал в белопартизанском движении. С октября 1941 г. – на службе в Хайларском конно-полицейском отряде, сотник, заместитель командира отряда. Весной 1942 г. – уволен из отряда по болезни. С сентября 1942 г. – заместитель начальника Хайларской разведывательно-диверсионной школы.

Смирнов Яков Яковлевич. Родился 13 апреля 1890 г. в г. Холм Люблинской губернии. Окончил Псковский кадетский корпус, Елизаветградское кавалерийское училище (1910), военную школу летчиков-наблюдателей (1916), ускоренный курс Академии Генштаба (1917). Ротмистр 17 гусарского Черниговского полка, командир Отдельного конного партизанского отряда (1915–1916), старший адъютант штабов дивизии и корпуса. Кавалер орденов св. Анны IV ст. «За храбрость», III и II ст., св. Станислава III и II ст., св. Владимира IV ст. Участник Гражданской войны,

начальник штаба 9-й Сибирской стрелковой дивизии, Владивостокской крепости и Уссурийской стрелковой бригады. Подполковник (1920), генерал-квартирмейстер штаба Приамурского военного округа и генерал для поручений 2-го стрелкового корпуса. Полковник (1921). Командир 2-го кавалерийского полка (1922). Эвакуировался с войсками в Маньчжурию. Работал преподавателем Японо-Русского института, торговым агентом в акционерном обществе «Сунгарийские мельницы». В 1925–1926 гг. служил инструктором в Русской группе войск Шаньдунской армии. Член Харбинского Общества ревнителей военных знаний и Харбинского отдела РОВС, исключен из Союза судом чести (1933). Член Военно-монархического союза. Один из организаторов БРЭМ, начальник канцелярии Бюро (1935). С 1936 г. – сотрудник 2-го (военного) отдела Харбинской ЯВМ. С января 1944 г. – командир 1-го отдельного кавалерийского отряда (Сунгарийского РВО), полковник армии Маньчжоу-го. С августа 1943 г. – агент советской разведки. Арестован органами СМЕРШ в августе 1945 г. на ст. Сунгари-2. Решением Особого совещания при МВД СССР (июнь 1946 г.) осужден на 15 лет ИТЛ. Наказание отбывал в Озерлаге МВД СССР на ст. Чуна Иркутской области и в Ангарлаге. Освобожден в июле 1955 г., проживал в Татарской АССР.

Томашевский Анатолий Михайлович. Родился в 1921 г. на ст. Чжалайнор в семье вахмистра Белой армии. Окончил русскую гимназию в Хайларе (1938) и курсы шоферов-механиков в Харбине (1939). Работал в семейном хозяйстве в пос. Верх-Кули. Обучался на 40-дневных военных курсах Киовакай в пос. Драгоценка (1940). С марта 1941 г. – на службе в отряде Асано. Участник 1-го Амурского похода. Ефрейтор (август 1942 г.). Окончил военное училище при отряде Асано (1944). Корнет армии Маньчжоу-го (декабрь 1944 г.).

Командир взвода команды резервистов, командир взвода учебной команды. С февраля 1945 г. – командир взвода 2-го эскадрона Сунгарийского РВО. В июле 1945 г. получил отпуск и выехал в пос. Верх-Кули. Арестован органами СМЕРШ 18 ноября 1945 г. в пос. Верх-Кули, вывезен в СССР, Севураллаг. Решением Особого совещания при МВД СССР (февраль 1947 г.) осужден на 10 лет тюремного заключения. Освобожден в 1955 г. со снятием судимости в 1960 г.

Тырсин Василий Васильевич. Родился 3 ноября 1906 г. в Оренбурге в семье офицера Оренбургского казачьего войска. До 1920 г. учился в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе. Окончил советскую школу в Иркутске (1922), переехал в г. Семипалатинск к матери. В ноябре 1923 г. нелегально перешел границу СССР в районе ст. Пограничная. Работал на лесной концессии на ст. Шитоухэцзы, позднее выехал в Шанхай. С апреля по сентябрь 1924 г. учился в Хабаровском кадетском корпусе. В сентябре 1924 г. направлен в португальскую речную полицию в г. Кантон, нелегально на пароходе уехал в г. Марсель, Франция. Работал матросом на французских пароходах, сельскохозяйственным рабочим, сборщиком на автомобильном заводе «Рено» (1924–1926). В сентябре 1926 г. с разрешения советского консульства во Франции вернулся в СССР, жил с матерью в Оренбурге, работал сторожем музея. В декабре 1926 г. по приказу ОГПУ направлен в Кызылорду, служил архивариусом в Центральном архиве Казахстана. В июле 1927 г. уволен по сокращению штатов, в августе нелегально перешел границу СССР и Маньчжурии в районе г. Маньчжурия. Служил в Русской группе войск Шаньдунской армии, вахмистр бронепоезда «Шаньдун». В декабре 1927 г. уехал в Шанхай, где поступил в русскую роту Шанхайского волонтерского корпуса, капрал. Член

«Союза казаков в Шанхае» (1927–1933). В 1929 г. ездил по контракту в Японию в г. Токио на соревнования по боксу. Содержал частную механическую мастерскую по ремонту автомашин в Шанхае (1929–1930). С мая 1930 г. – на службе в английской морской полиции Гонконга. Уличен в провозе контрабанды (1932), осужден на 10 месяцев тюрьмы. В январе 1933 г. выехал в Шанхай, работал наблюдающим по ремонту автобусов во французской трамвайной компании. В августе 1933 г. выехал в Харбин, служил в железнодорожной охране Мукден-Гиринской железной дороги. Член ВФП. С апреля 1934 г. – старший полицейский поселковой полиции в Трехречье, с июля – начальник 1-го участка пограничной охраны в г. Келари, с декабря – переводчик русского языка в японской жандармерии в Трехречье. С апреля по август 1935 г. работал негласным агентом в Трехреченское отделение ЯВМ, числясь сотрудником фирмы «Санка-Шокай». С декабря 1935 г. – агент Трехреченской ЯВМ в местечке Кира-Муто в районе станции Усть-Уров на границе Маньчжурии с СССР, где формально занимал должность заведующего магазином фирмы «Томо-Кунсы». С марта 1938 г. – на службе в отряде Асано, старший унтер-офицер, фельдфебель саперной части, позднее командир горно-артиллерийского полувзвода эскадрона тяжелого оружия. С марта 1940 г. – в адъютантском отделе штаба отряда. Окончил отрядные курсы кандидатов на офицерское звание (1941). Корнет армии Маньчжоу-го (июнь 1941 г.), командир взвода эскадрона Асакура. Участник 1-го Амурского похода. Поручик. С июня 1942 г. старший офицер 5-го эскадрона, с сентября 1943 г. – командир 5-го эскадрона отряда Асано. Ротмистр (январь 1944 г.), начальник учебного отдела штаба Сунгарийского РВО. Награжден орденом Кейунсё VI ст. В октябре 1944 г. назначен командиром группы в 900-й разведывательно-диверсионный отряд на ст. Имяньпо.

Арестован органами СМЕРШ в августе 1945 г. на ст. Имяньпо. Находился в тюрьме № 2 НКВД Приморского края в г. Ворошилов. Решением Военного трибунала Приморского военного округа (декабрь 1945 г.) приговорен к 25 годам ИТЛ. Умер 26 июня 1947 г. в лагере в бухте Нагаево.

Успенский Александр Иванович. Родился в 1912 г. в пос. Калга Забайкальской области. В 1920 г. выехал с семьей в Маньчжурию, Трехречье. Окончил четыре класса гимназии в Хайларе (1929), работал в хозяйстве отца (пос. Якеши). С апреля 1942 г. – на службе в Хайларском конно-полицейском отряде. Окончил Хайларскую полицейскую школу (1942). Младший урядник (апрель 1943 г.). Окончил юнкерские курсы Хайларского отряда (1944), прапощик. Работал в личном хозяйстве (1944–1945). С февраля 1945 г. обучался и являлся инструктором Хайларской разведывательно-диверсионной школы. Арестован органами СМЕРШ 11 сентября 1945 г. в пос. Якеши, вывезен в СССР, Севураллаг. Решением Особого совещания при МВД СССР (март 1947 г.) осужден на 15 лет ИТЛ. Освобожден в 1956 г. со снятием судимости в 1972 г.

Фальков Евгений Иванович. Служил в отряде Асано. Корнет, ветеринарный врач. В 1944 г. переведен в Хайларский РВО, ветеринарный врач отряда.

Федореев Яков Павлович. Родился 8 октября 1918 г. в с. Полтавка Приморской области. Бежал с семьей на территорию Маньчжурии весной 1931 г. Окончил гимназию на ст. Пограничная (1936). Член НОРР (1933–1936). С сентября 1936 г. – на службе в Мулинском отряде горно-лесной полиции Маньчжоу-го. Окончил Ханьдаохэцзийское ВПУ (1937), оставлен инструктором по строевой подготовке при училище. С декабря

1937 г. – в Мулинском отряде, командир отделения. С марта 1938 г. – на службе в отряде Асано, старший унтер-офицер, командир отделения. С декабря 1938 г. – санитарный инструктор отряда. Вахмистр (декабрь 1939 г.). Участник учебного похода на Чол (1940). В феврале 1941 г. – демобилизован в резерв, в августе вторично призван на военную службу, санитарный инструктор. Участник 1-го и 2-го Амурских походов. Прапорщик армии Маньчжоу-го (декабрь 1943 г.). Окончил отрядные курсы кандидатов на офицерское звание (1944). Командир взвода учебной команды отряда. Корнет (май 1944 г.), командир взвода 1-го эскадрона Сунгарийского РВО, помощник командира взвода, с февраля 1945 г. – помощник командира 3-го эскадрона. Награжден орденом Кейунсё VIII ст. (1944). Арестован органами СМЕРШ в августе 1945 г. на ст. Сунгари-2, вывезен в СССР, Востураллаг. Решением Особого совещания при МВД СССР (февраль 1947 г.) осужден на 15 лет ИТЛ. Освобожден в марте 1956 г. со снятием судимости в 1978 г.

Черепанов Гурий Михайлович. Родился в 1919 г. в стан. Курлычинская Забайкальской области в семье офицера частей атамана Семенова. В 1922 г. был эвакуирован с семьей в Гензан, оттуда выехали в Тяньцзин. В 1928 г. семья переехала в Харбин. Окончил высшее начальное училище в Харбине (1935). Работал учеником продавца в гастрономическом магазине, учеником слесаря в механических мастерских, наборщиком в типографии газеты «Заря» (1935–1937). С июня 1937 г. – на службе в охране шоссейных дорог компании Кокуцу. Окончил Ханьдаохэцзийское ВПУ (1940). Окончил школу 4-го (агитационно-пропагандистского) отдела Харбинской ЯВМ (1941), работал в типографии газеты «Захинганский голос» в Хайларе. В апреле 1942 г. призван на военную службу

в Хайларский конно-полицейский отряд. Старший урядник. Окончил юнкерские курсы Хайларского РВО (1944). Прапорщик армии Маньчжоу-го. Командир 2-го взвода Хайларского отряда. В июле 1945 г. возглавил трудовую дружину, направленную на сенокос. Арестован органами СМЕРШ 11 сентября 1945 г. в пос. Якеши, вывезен в СССР, Востураллаг. Решением Особого совещания при МВД СССР (апрель 1947 г.) осужден на 15 лет ИТЛ. Освобожден в 1956 г. со снятием судимости в 1963 г.

Чипизубов Василий Павлович. Родился 1 января 1918 г. в с. Соктуй Забайкальской области, в этом же году семье перебралась в Маньчжурию, Трехречье. До 1929 г. обучался в школе, позднее работал в хозяйстве отца. Служил в пограничной охране Трехречья (1934–1935). Работал на маслобойном заводе в пос. Драгоценка и в хозяйстве отца (1935–1937). Окончил Харбинскую полицейскую школу (1938), работал в полиции в пос. Верх-Кули (1938–1939). С марта 1940 г. – на службе в отряде Асано, пулеметный взвод 1-го эскадрона. Участник похода на Чол (1940), 1-го и 2-го Амурских походов. Награжден орденом Чукокусё VIII ст. (1943). Вахмистр армии Маньчжоу-го (март 1944 г.). Командир отделения учебной команды Сунгарийского РВО, вахмистр штабного взвода. В октябре 1944 г. переведен в Хайларский РВО, помощник командира станково-пулеметной команды. В марте 1945 г. уволен в резерв, занимался скупкой пушнины. Арестован органами СМЕРШ 26 августа 1945 г. в Харбине, вывезен в СССР, Востураллаг. Решением Особого совещания при МВД СССР (март 1947 г.) осужден на 20 лет ИТЛ. Пытался бежать из лагеря в 1948 г., был осужден еще на 10 лет. Освобожден в сентябре 1956 г. со снятием судимости в 1975 г.

Чипизубов Гавриил Николаевич. Служил в отряде Асано (1938–1940). Член ВФП/РФС. Окончил школу 4-го отдела Харбинской ЯВМ (1940), прикомандирован к отделу ЯВМ в г. Хайлар. С 1942 г. – на службе в Хайларском конно-полицейском отряде, вахмистр. В 1943 г. направлен на повторные курсы агитаторов-пропагандистов, фельдфебель. С мая 1943 г. – инструктор в диверсионном отряде на ст. Имяньпо. Прапорщик армии Маньчжоу-го. В октябре 1943 г. переведен инструктором в Хайларскую разведывательно-диверсионную школу ЯВМ. С конца 1944 г. – старший инструктор Хайларской разведывательно-диверсионной школы на ст. Якеши

.

Шабалин Василий Степанович. Родился в 1920 г. на ст. Кумара Амурской области, вскоре выехал с семьей в Маньчжурию, г. Цицикар. До 1934 г. учился в школе, затем работал в семейном хозяйстве в Онэнорском районе. С марта 1939 г. – на службе в отряде Асано. Участник 1-го Амурского похода. Вахмистр армии Маньчжоу-го (сентябрь 1942 г.), старшина учебной команды. В июне 1944 г. уволен в резерв, работал в семейном хозяйстве. В марте 1945 г. направлен в разведывательно-диверсионный отряд на ст. Имяньпо, группа ротмистра Тырсина. Арестован органами СМЕРШ 15 января 1946 г. в пос. Бухэду, вывезен в СССР, Севураллаг. Решением Особого совещания при МВД СССР (январь 1947 г.) осужден на 15 лет ИТЛ. Освобожден в июле 1956 г. со снятием судимости.

Шароглазов Семен Павлович. Родился в 1920 г. в пос. Калга Забайкальской области, в том же году был увезен родителями в Маньчжурию. Учился Харбинском приюте-училище (1935–1937). Окончил 1-ю правительственную гимназию в Харбине (1940). С марта

1941 г. – на службе в отряде Асано. Участник 1-го Амурского похода. Ефрейтор (1942). Окончил военное училище при отряде Асано (1944). Корнет армии Маньчжоу-го (декабрь 1944 г.). В 1944–1945 гг. – командир станково-пулеметного взвода 3-го эскадрона Сунгарийского РВО. В июле 1945 г. отправлен с 1-м эскадроном на сенозаготовки на ст. Аньда. Арестован органами СМЕРШ 9 ноября 1946 г. в пос. Драгоценка, вывезен в СССР, Севураллаг. Решением Особого совещания при МВД СССР (январь 1947 г.) осужден на 10 лет ИТЛ. Освобожден в 1954 г. со снятием судимости в 1959 г.

Шехерев Георгий Владимирович. Родился в 1916 г. в г. Верхне-Уральске Оренбургской губернии. В 1925 г. прибыл с семьей со ст. Оловянная Забайкальской области в Харбин. Учился в Педагогическом институте в Харбине. Член ВФП с 1936 г. Руководитель молодежной организации «Авангард» ВФП (1936–1937). Окончил школу организаторов при ВФП (1937). С марта 1938 г. – на службе в отряде Асано, старший унтер-офицер, командир отделения стрелковой части. Фельдфебель (1939), старшина 1-го эскадрона. Прапорщик (июнь 1940 г.). С июля 1941 г. – командир группы управления при командире 1-го эскадрона. Окончил курсы кандидатов на офицерское звание (1942). Корнет армии Маньчжоу-го. Участник 2-го Амурского похода, командир взвода. С августа 1943 г. – помощник командира учебной команды отряда Асано. Поручик (июнь 1944 г.). С ноября 1944 г. – командир курсов подготовки командного состава русских воинских отрядов при Сунгарийском РВО. Награжден орденами Кейунсё VI ст. и Чукокусё VII ст. В августе 1945 г. арестован органами СМЕРШ на ст. Сунгари-2. Направлен в тюрьму № 2 УНКВД по Приморскому краю в г. Ворошилов.

Шимко Григорий Тимофеевич. Родился в 1915 г. в с. Спирино Каменского уезда Новониколаевской губернии. Служил в Вэйшахэйском отряде горно-лесной полиции Маньчжоу-го, надзиратель. Начальник 7-го Вэйшахэйского отряда Союза мушкетеров (до 1939 г.). Помощник командира Шитоухэцзийского отряда горно-лесной полиции. С июня 1942 г. – командир взвода Учебной команды горно-лесной полиции на ст. Ханьдаохцзы. С января 1944 г. – на службе в Ханьдаохэцзийском РВО, подпоручик. С января 1945 г. – командир 2-й роты отряда. В июле 1945 г. – возглавлял трудовую дружину после расформирования Ханьдаохэцзийского РВО. Мобилизован в августе 1945 г., командир взвода 1-го РВО на ст. Ханьдаохэцзы. Сдался в плен 20 августа 1945 г. частям Красной армии. Решением Военного трибунала Приморского военного округа (4 декабря 1945 г.) осужден лишением свободы с отбыванием срока в исправительно-трудовом лагере.

Широков Виктор Афанасьевич. Военнослужащий отряда Асано. В мае 1942 г. – старший унтер-офицер в военном училище при отряде. Вахмистра армии Маньчжоу-го. Осенью 1944 г. направлен в разведывательно-диверсионную школу «Облако» на ст. Имяньпо. Корнет, командир группы.

Ядыкин Николай Александрович. Родился в 1900 г. в г. Кустанай Тургайской области. Окончил высшее начальное училище в Кустанае (1917), учился в Боровской лесной школе в станице Щучьей Акмолинской области (1917–1919). В марте 1919 г. призван в армию Колчака. Окончил Учебно-инструкторскую школу в г. Челябинск (сентябрь 1919 г.), подпоручик. Командир взвода Отдельного Уральского егерского батальона 12-й Уральской дивизии. Участвовал в боях под Челябинском, на реке Тобол, ранен. Награжден Георгиевским крестом

IV ст. До сентября 1920 г. находился на излечении на о. Русский и во Владивостоке. С декабря 1920 г. – в Отдельном Уссурийском стрелковом дивизионе Гродековской группы войск. Поручик (1921). Участвовал в Хабаровском походе, командир взвода. В 1922 г. в Отдельном Уссурийском стрелковом дивизионе Земской рати генерала М. К. Дитерихса. Участвовал в боях под Спасском, ранен. Эвакуирован из Владивостока в Гензан. Находился на излечении в г. Чанчунь (1923–1924). С весны 1925 г. – на службе в Русской группе войск Шаньдуньской армии, рядовой, командир роты, помощник командира полка по строевой части, начальником Отдельной офицерской роты и старшим инструктором 165-й бригады, майор. В 1927 г. уволился из армии, выехал в Харбин. Работал старшим рабочим по лесным заготовкам в земельном отделе КВЖД, десятником лесной концессии «Восточного строительного товарищества» КВЖД на ст. Бухэду (1930–1932). Полицейский-регулировщик движения Новогороднего полицейского участка Харбина (1932–1936). Член КИАФ. С 1935 г. – член ДВСВ. С мая 1936 г. – младший инструктор строевой подготовки, фортификации и подрывного дела, младший курсовой офицер Ханьдаохэцзийского ВПУ. С июля 1941 г. – на службе в отряде Асано, корнет, командир взвода. Поручик армии Маньчжоу-го (сентябрь 1943 г.). С конца 1943 г. – командир 4-го эскадрона отряда Асано. С мая 1944 г. – начальник учебного отдела штаба Сунгарийского РВО. Ротмистр (сентябрь 1944 г.). С сентября 1944 г. – заместитель начальника штаба отряда. В декабре 1944 г. переведен на должность начальника штаба Ханьдаохэцзийского РВО. В июле 1945 г. – начальник отделения Союза резервистов на ст. Ханьдаохэцзы. В августе 1945 г. назначен командиром 1-го РВО на ст. Ханьдаохэцзы, сдался с отрядом в плен частям Красной армии. Содержался в тюрьме № 2 УНКВД

по Приморскому краю. Решением Особого совещания при МВД СССР (18 июля 1946 г.) осужден на 10 лет ИТЛ. Умер в 1946 г. в лагере.

Яковлев Евгений Степанович. Родился в 1921 г. в Хайларе. До 1936 г. учился в школе на ст. Бухэду и концессии Чол. Работал телефонистом, возчиком на концессии Чол (1936–1940). С марта 1940 г. – на службе в отряде Асано. Участник 1-го Амурского похода. Младший унтер-офицер (сентябрь 1943 г.), старший унтер-офицер (конец 1944 г.), помощник командира взвода 3-го эскадрона. С начала 1945 г. – вахмистр армии Маньчжоу-го, старшина 3-го эскадрона Сунгарийского РВО. Награжден орденом Чукокусё VIII ст. Демобилизован в августе 1945 г., остался на ст. Сунгари-2. Арестован органами СМЕРШ 16 октября 1945 г. в Харбине, вывезен в СССР, Востураллаг. Решением Особого совещания при МВД СССР (апрель 1947 г.) осужден на 15 лет ИТЛ. Реабилитирован в 1990 г.

Якуш Иван Илларионович. Родился в августе 1891 г. в местечке Свислочь Волковысского уезда Гродненской губернии. Окончил Свислочьскую учительскую семинарию (1910), работал учителем и заведующим начальной школой. В сентябре 1915 г. мобилизован в армию, 31-й запасной пехотный полк в Харькове. Окончил ускоренный курс Алексеевского военного училища (1916), прапорщик. Воевал в составе 408-го Кузнецкого пехотного полка, штабс-капитан (1917). Кавалер орденов св. Анны IV ст. «За храбрость» и III ст., св. Станислава III ст. Контужен. В июне 1918 г. участвовал в антибольшевистском восстании в г. Вольске, младший офицер 8-го Вольского пехотного полка. С сентября 1918 г. в отряде атамана Анненкова, позднее в ОМО. С 1919 г. военный контролер в Верхне-

Удинске и Чите, в 1920 – военный контролер Цензурно-контрольного отдела при ставке Главнокомандующего. Капитан. В 1920 г. эвакуировался с белыми частями в Маньчжурию. Работал учителем на ст. Чжалайнор (1921–1925), давал частные уроки в Харбине. Служил в Русской группе войск Шаньдунской армии, инженерная рота, 7-й полк. Капитан китайской службы. С 1928 г. – в Харбине, давал частные уроки. С 1935 г. – член ВФП, сотрудник газеты «Наш путь» (1935–1938), начальник организационного отдела и учебной команды. Член ДВСВ, некоторое время возглавлял учебный отдел (1936). Член Объединения окончивших Алексеевское военное училище в Харбине. Преподаватель школы организаторов при ВФП (1937). С марта 1938 г. – на службе в отряде Асано, прапорщик, помощник командира стрелковой части, позднее служил в штабе отряда. В конце 1940 г. уволен в резерв, работал во 2-м отделе Харбинской ЯВМ. Возглавлял Харбинский отдел Союза резервистов (1944–1945). Арестован органами СМЕРШ в августе 1945 г. в Харбине.

Яшков Иван Семенович. Родился 6 января 1917 г. в с. Черемшань Бугульминского уезда Самарской губернии. В 1925 г. выехал нелегально с матерью в Маньчжурию, оттуда в 1926 г. – в Японию, Симоносеки. До 1932 г. обучался в японской школе, позднее работал в хлебной лавке отца (1932–1936). Торговал скобяным товаром в Нагасаки (1936–1939), выехал в Харбин. Служащий русского отдела Коммерческого промышленно-кооперативного банка (1939–1942). Кандидат в члены и член ВФП/РФС (1937–1940). Обучался в учебном отряде РФС (1939). Окончил военное училище при ДВСВ (1941), подпоручик. Член ДВСВ (1941–1942). В мае 1942 г. направлен на курсы комсостава в отряд Асано. С июня 1942 г. – на службе в Учебной команде горно-лесной полиции Маньчжоу-го,

подпоручик, офицер штаба и переводчик. С января 1944 г. – на службе в Ханьдаохэцзийском РВО, подпоручик, начальник хозяйственной части, с марта 1945 г. – адъютант командира отряда. В июле 1945 г. демобилизован, служил в отделении БРЭМ на ст. Ханьдаохэцзы. В августе 1945 г. мобилизован в 1-й РВО на ст. Ханьдаохэцзы, адъютант отряда, командир диверсионной группы. Участвовал в самоохране пос. Романовка. Арестован органами СМЕРШ 2 сентября 1945 г. на ст. Ханьдаохэцзы, вывезен в СССР, Востураллаг. Решением Особого совещания при МВД СССР (март 1947 г.) осужден на 20 лет ИТЛ. Освобожден в августе 1956 г. со снятием судимости в 1969 г.

Эмигрантские и японские военные и политические деятели в Маньчжурии (1930–1945 гг.)

Акикуса Сюн. Родился в 1894 г. в префектуре Гумма, остров Хонсю. Генерал-майор японской армии. Окончил кадетский корпус в Токио и военное пехотное училище (1914), выпущен в чине подпоручика в 1-й гвардейский пехотный полк. В 1919 г., как знающий русский язык, направлен переводчиком в штаб 3-й дивизии Японской экспедиционной армии в г. Чита. Поручик. Адъютант начальника ЯВМ в г. Чита (1919–1920). В 1920 г. возвратился в Японию, назначен в 1-й гвардейский пехотный полк в Токио. Капитан. Окончил русский факультет Токийского института иностранных языков (1927), стажер при Харбинской ЯВМ (1927–1928). С 1928 г. – сотрудник информационного отделения 2-го отдела, а с 1930 г. – адъютант начальника 2-го (разведывательного) отдела Генерального штаба японской армии в Токио. Преподаватель русского языка в Токийском военном училище (1932–1933). Майор. Весной 1933 г. направлен помощником начальника Харбинской ЯВМ полковника Комацубара. Помощник начальника русского отделения (полковник Дои) 2-го отдела Генерального штаба японской армии (1936). В декабре 1936 г. переведен заведующим секретариатом при начальнике бюро армейской службы Военного министерства, занимался сбором информации о деятельности политических партий в Японии. В 1938 г. назначен начальником разведывательных курсов – «Курсов по обучению тыловой службе», затем преобразованных в Наканскую разведывательную школу (Токио). Полковник (1939). С начала 1940 г. – офицер особых поручений при начальнике 2-го отдела

Генерального штаба японской армии, занимался изучением организации военной администрации в оккупированных Германией странах – Франции, Бельгии, Польше. Находился в длительной командировке, посетив Китай, Сингапур, Испанию, Португалию, Швецию, Венгрию, Румынию, Германию и Турцию. В сентябре 1942 г. вернулся в Токио и представил подробный доклад о результатах поездки в Европу под названием «Изучение администрации в оккупированных районах…» С конца 1942 г. – командующий 4-м пограничным отрядом, дислоцировавшимся в районе поселке Хутон, Маньчжурия, против советской станции Иман. С февраля по август 1945 г. – начальник ЯВМ в Харбине. В августе 1945 г. арестован представителями СМЕРШ 1-го Дальневосточного фронта в Харбине. Содержался во внутренней тюрьме НКГБ СССР на Лубянке, затем в Лефортовской тюрьме МГБ СССР. В декабря 1948 г. осужден Особым совещанием МГБ СССР к заключению в тюрьму сроком на 25 лет. Наказание отбывал в Владимирской тюрьме. Умер 22 марта 1949 г. Похоронен на тюремном кладбище в г. Владимире.

Андогский Александр Иванович. Родился в 1876 г. в Новгородской губ. Окончил Вологодскую гимназию, Императорский Санкт-Петербургский университет (1898). Сдал экзамены на офицерский чин при Павловском военном училище (1899). Окончил Николаевскую Академию Генштаба (1905). Офицер лейб-гвардии Московского полка. Штатный преподаватель военных наук Академии Генштаба (1911–1914). Подполковник (1911). Участник Первой мировой войны, начальник штаба 3-й гвардейской пехотной дивизии, командир 151-го пехотного Пятигорского полка. Полковник (1914). С июня 1917 г. начальник Академии Генштаба. Генерал-майор (1917). Находясь с Академией в Казани, перешел на сторону белых. Служил в белых

войсках Восточного фронта по Генеральному штабу, возглавлял Академию Генштаба. Городской голова Владивостока (1922). Выехал в Японию, с 1923 г. – в Харбине. Директор 1-го Харбинского смешанного реального училища (до 1928 г.), заведующий кафедрой финансового и железнодорожного права в Институте ориентальных и коммерческих наук. Член Общества Русских офицеров Генерального штаба. Покончил жизнь самоубийством 25 февраля 1931 г. в Харбине.

Баба Цунэо. Родился в 1918 г. в префектуре Кумамото. Окончил начальную школу. В январе 1938 г. призван на военную службу в 13-й пехотный полк в Кумамото. Окончил 6-месячную унтер-офицерскую школу (1939). Служил в управлении военного арсенала в Токио (1939–1941). В августе 1941 г. после окончания действительной военной службы направлен на работу в отряд Асано, где был зачислен на 3-месячные курсы по изучению русского языка. В конце октября 1941 г. назначен в пункт связи при отдельных ротах отряда Асано, находящихся на маньчжуро-советской границе в районе населенного пункта Оупу. В январе 1942 г. откомандирован в часть капитана Китамура на ст. Ханьдаохэцзы, делопроизводитель канцелярии отряда, с апреля по июнь 1943 г. – командир 3 взвода отряда. С конца июля 1943 г. – делопроизводитель канцелярии отряда, отвечал за хранение боеприпасов и вооружения отряда, учебные пособия. С января по август 1944 г. – помощник советника при Ханьдаохэцзийском РВО. С августа 1944 г. по август 1945 г. – начальник 3 отделения ЯВМ на ст. Ханьдаохэцзы. С 6 августа 1945 г. – помощник командира 5 роты 3 батальона обороны Квантунской армии в г. Муданьцзяне. Пленен частями Красной армии на ст. Ханьдаохэцзы, вывезен в СССР. Осужден к 15 годам ИТЛ. Умер в лагере.

Бакшеев Алексей Проклович. Родился в 1873 г. в пос. Атамановка станицы Титовской Забайкальской области. Окончил Иркутское юнкерское училище (1899). Участник китайского похода (1900–1901), русско-японской и Первой мировой войн. Кавалер Георгиевского золотого оружия и ордена св. Георгия IV ст. Командир 1-го Верхне-Удинского полка Забайкальского казачьего войска, войсковой старшина (1917). В белых войсках Восточного фронта. Один из организаторов ОМО. Командир 1-й казачьей бригады (1918). Начальник 1-го военного района Забайкальской области. Помощник войскового атамана Забайкальского казачьего войска, генерал-майор (1919). Председатель войскового правления Забайкальского казачьего войска, заместитель председателя Земского собора (1922). Генерал-лейтенант. В эмиграции в Маньчжурии. Член правления Восточного Казачьего союза. Начальник Дальневосточного союза казаков (1935–1938). Начальник Главного БРЭМ (1935–1938), начальник Захинганского БРЭМ в Хайларе (1940–1945), командир Захинганского волонтерского казачьего корпуса. Арестован в августе 1945 г. органами СМЕРШ. Осужден Московским показательным судебным процессом в 1946 г. Расстрелян.

Вержбицкий Григорий Афанасьевич. Родился 25 января 1875 г. в г. Летичев Подольской губ. Поступил на военную службу вольноопределяющимся в 45-й пехотный Азовский полк (1893). Окончил Одесское пехотное юнкерское училище (1897), выпущен в 30-й пехотный Полтавский полк. Участвовал в русско-японской и Первой мировой войнах. Полковник, командир бригады 134-й пехотной дивизии. Кавалер Георгиевского оружия и ордена св. Георгия IV ст. В белых войсках Восточного фронта. Участник свержения большевиков и организации Усть-Каменогорского

офицерского отряда. Начальник 1-й Степной Сибирской стрелковой дивизии, генерал-майор (1918). Командир 3-го Западно-Сибирского стрелкового корпуса, генерал-лейтенант (1919). Командующий Южной группой Сибирской, затем 2-й армией. Кавалер орденов св. Георгия III ст. и св. Владимира III ст. Участник Сибирского Ледяного похода. С августа 1920 г. командующий Дальневосточной армией, командующий вооруженными силами Приморской области. С мая 1921 г. командующий войсками Временного Приамурского правительства и с октября 1921 г. одновременно управляющий военным и морскими ведомствами. В эмиграции в Китае. С 1930 г. помощник начальника Дальневосточного отдела РОВС, в 1932 г. – начальник Харбинского отделения РОВС. В 1935 г. выслан властями из Маньчжоу-го. Жил в Тяньцзине, с 1936 г. – начальник Тяньцзинского отделения РОВС. Умер 20 декабря 1942 г. в Тяньцзине.

Власьевский Лев Филлипович. Родился в 1884 г. в станице Чиндант Забайкальской обл. Из семьи сельских учителей. Участник Первой мировой войны, поручик. В 1918 вступил в ОМО атамана Г. М. Семенова, начальник канцелярии штаба отряда (1919), затем начальник казачьего отдела штаба Дальневосточной армии. Генерал-лейтенант (1921). В эмиграции в Китае. В конце 1920-х гг. находился в Шанхае. По одной из версий, давал информацию советской разведке. Переехал в Харбин, содержал игорный дом. Являлся представителем атамана Г. М. Семенова в Маньчжоу-го. Советник русского отдела Киовакай (1941), начальник ГБРЭМ (1943–1945). Арестован в августе 1945 г. органами СМЕРШ. Осужден Московским показательным судебным процессом в 1946 г. Расстрелян.

Вощилло Иван Арефьевич. Родился в 1899 г. в г. Витебск. В 1914 г. сбежал на фронт, служил сначала

рядовым, позднее, после окончания 1-й Петергофской школы прапорщиков, младшим офицером 50-го Сибирского стрелкового полка. Поручик. Прослушал теоретический курс Курганской авиационной школы. В годы Гражданской войны служил офицером в автороте ОМО, позднее – летчиком-наблюдателем в 10-м авиационном отряде. Штабс-капитан. В 1923 г. работал на постройке самолетов в Харбине. В 1924–1925 гг. жил в Шанхае, работал наблюдающим за установкой отопления и водопровода компании «Рейбер и К°». В 1925–1928 гг. служил в Русской группе войск Шаньдунской армии, сначала рядовым в пехоте, позднее – в чине майора летчиком-наблюдателем русского авиаотряда. В 1929–1930 гг. жил в Тяньцзине, затем возвратился в Маньчжурию. Служил в железнодорожной жандармерии в Хайлине и Харбине (1932–1933), в полицейском отряде станции Пограничная (1934–1937). С февр. 1935 г. – заместитель начальника отделения БРЭМ на станции Пограничная. Начальник Восточного района Маньчжурского отдела НОРР. С конца 1930-х гг. сотрудник ЯВМ. Арестован сотрудниками СМЕРШ в августе 1945 г.

Гармаев Уржин. Родился в 1889 г. в бурятской крестьянской семье в местечке Тогото Красноярского уезда Забайкальской области. Учился в Читинском городском училище (до 1912 г.). Сдал экстерном экзамен на звание народного учителя. Окончил специальную школу по подготовке офицерских кадров из национальных частей при штабе атамана Семенова (1919), служил в интендантском отделе 1-го бурят-монгольского полка, а затем офицером для поручений в военном отделе Бурят-Монгольской Думы. В декабре 1919 г. прикомандирован к штабу отдельного кавалерийского дивизиона имени ген. Крымова (г. Троицко-Савск), которому было поручено вторгнуться в

северные районы Монголии, однако дивизион был разбит советскими войсками. После чего Гармаев скрывался во Внешней Монголии, затем перебрался в свое родное кочевье и уже в июне 1920 г. вместе со своей семьей окончательно покинул советскую территорию и поселился в Шэнэхэнском хошуне Хулун-Буирского округа, где стал заниматься скотоводством. С 1927 г. выборный угурдай (управитель) хошуна. В 1928 г. по указанию китайских властей создал вооруженный бурятский отряд, который оказал помощь китайским войскам в подавлении восстания, охватившего в августе часть Халхи и Баргу. В феврале 1933 г. Гармаев по поручению властей формирует бурят-монгольские части (два кавалерийских полка и роту железнодорожной охраны) в Северо-Хинганской провинции Маньчжоу-го и становится командующим охранными войсками в чине полковника. С 1934 г. части Гармаева участвуют в охране границы с СССР и МНР и охране КВЖД до Хайлара. В 1934 г. Гармаеву присваивается звание генерал-майора, а в 1938 г. – генерал-лейтенанта армии Маньчжоу-го. В июне 1939 г. войска Гармаева, сведенные в «Хинганский северный охранный отряд», принимают участие совместно с японскими частями в боях у Халхин-Гола, где несут большие потери. В 1940–1944 гг. Гармаев является командующий 10-м военным округом Маньчжурской империи, дислоцирующимся на территории Северо-Хинганской и Восточно-Хинганской провинций с центром в Хайларе. С декабря 1944 г. – начальник военного училища в городе Ваньемяо. В августе 1945 г. во главе своего курсантского полка участвовал в боях с советскими частями 5-го гвардейского корпуса 39-й армии Забайкальского фронта, оказав упорное сопротивление под Ваньемяо. 31 августа 1945 г. добровольно сдался советским оккупационным властям в г. Чанчунь, доставлен в Москву. 1 марта 1947 г. Военная коллегия Верховного

Суда СССР приговорила У. Гармаева к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 13 марта в Москве.

Дегтев Пантелеймон Арефович. Родился в 1894 г. в г. Вязники Владимирской губернии. Служил в Семеновском гвардейском полку. Окончил 2-ю Московскую пехотную школу (1917), прапорщик. Служил в белых войсках Восточного фронта, 16-й Ишимский Сибирский стрелковый полк. Участник Сибирского Ледяного и Хабаровского походов. В эмиграции в Маньчжурии. Служил в полицейском отряде станции Пограничная (1933–1938), 3-м отделе Главного БРЭМ (1938–1940), Харбинской ЯВМ – отряде 345 (1940–1945). Арестован сотрудниками СМЕРШ в 1945 г., вывезен на территорию СССР. Умер в лагере.

Дои Акио. Родился в июне 1896 г. в самурайской семье. Окончил Осакский кадетский корпус и военную академию Императорской армии (1917), выпущен подпоручиком в кавалерию. Находился в частях экспедиционного корпуса на российском Дальнем Востоке (1920–1921). Окончил высшую военную кавалерийскую академию. Преподавал в военной академии кавалерии, служил в Генеральном штабе. Майор (1932). Помощник военного атташе в Польше и СССР (1932–1934). Сотрудник «советского» отдела 2-го (разведывательного) отделения Генштаба. Подполковник (1936). Начальник 5-го отдела Императорской ставки (1937–1938). Военный атташе в СССР (1938–1940). Начальник «советского» отдела разведки Генштаба (1940–1941). Заместитель начальника штаба 3-й армии в Маньчжурии (1941–1942). Генерал-майор (1941). Начальник штаба 3-й армии, начальник разведки Квантунской армии (1942–1943). Начальник Харбинской ЯВМ (1943–1945). Генерал-лейтенант (1945). В 1945 г. назначен начальником штаба

13-й армии в Шанхае. После капитуляции Японии перешел на службу к китайскому правительству, военный советник (1946–1948). В октябре 1948 г. вернулся в Японию. Директор Института изучения континентальных проблем (1951–1976). Умер в 1976 г.

Идэра. Из семьи железнодорожного служащего. Окончил педагогический институт в г. Киото. В 1933 г. призван на военную службу и назначен рядовым солдатом в 33-й пехотный полк 16-й дивизии в г. Мия. Сдал экзамен за офицерскую школу (1939), подпоручик, помощник командира роты того же полка. Окончил русское отделение Наканской разведывательной школы в г. Токио (1940). После окончания школы прошел стажировку в 5 (русском) отделении 2 (разведывательного) отдела Генерального штаба Японской армии. В декабре 1940 г. произведен в поручики с назначением в штаб Квантунской армии. В январе 1941 г. переведен в Харбинскую ЯВМ, назначен представителем ЯВМ при штабе отряда Асано, преподавал партизанские действия на территории СССР, агитацию и пропаганду, также являлся инструктором по обучению офицеров и унтер-офицеров методам пропаганды и диверсионной работы в тылу противника. С декабря 1942 г. – командир 5 эскадрона отряда. В декабре 1943 г. произведен в капитаны.

Имаидзуми Тюдзо. Родился в 1917 г. в префектуре Фукусима. Майор японской армии. В январе 1938 г. призван на службу в армию рядовым солдатом. В августе 1939 г., как имеющий среднее образование, направлен в офицерскую школу в г. Сендай, выпущен в звании «офицер-аспирант», назначен инструктором роты 29-го пехотного полка в г. Вакамацу, Япония. Подпоручик. В ноябре 1940 г. окончил русское отделение Наканской разведывательной школы в Токио,

стажер при Харбинской и Мишаньской ЯВМ. С марта 1941 г. по ноябрь 1943 г. – начальник ЯВМ в г. Хулинь, с декабря 1943 г. по апрель 1944 г. – адъютант начальника Дунаньской ЯВМ. С мая 1944 г. – руководитель группы агентов-разведчиков при отряде № 322 на ст. Имяньпо. В ноябре 1944 г. выезжал по линии дипломатической почты с разведывательными целями в СССР, по маршруту Чита – Москва – Чита – Владивосток. С марта 1945 г. – начальник 2-й учебной исследовательской группы «Особого отряда» при Харбинской ЯВМ на ст. Имяньпо и руководитель группы агентов-разведчиков на ст. Шитоухэцзы. В сентябре 1945 г. советскими органами. Содержался в тюрьме № 2 УНКВД г. Ворошилов. Приговорен судом к высшей мере наказания. Расстрелян 16 октября 1946 г. во Владивостоке.

Итикава Кэндзи. Родился в 1916 г. в префектуре Сидзуока. Окончил сельскохозяйственный техникум (1933), преподавал сельскохозяйственное дело в общей начальной школе. С августа 1935 г. – чиновник по сбору налога с населения в г. Сидзуока. В декабре 1937 г. призван на службу в японскую армию рядовым солдатом в 2-й гвардейский пехотный полк (Токио). Сдал экзамен экстерном за курс офицерской школы, произведен в подпоручики (1939). С декабря 1939 г. – командир взвода 40-го отдельного пехотного батальона в Китае. В ноябре 1940 г. окончил русское отделение Наканской разведывательной школы в Токио, стажер 5-го (русского) отделения 2-го (разведывательного) отдела Генерального штаба японской армии. После окончания стажировки прикомандирован к 4-му отделу штаба японских войск в Китае. Поручик (август 1941 г.), командиром роты 40-го батальона. С октября 1941 г. – адъютант и начальник канцелярии начальника 4-го отдела Главного штаба японских войск в Китае в г.

Нанкин. Летом 1942 г. в качестве дипкурьера выезжал с разведывательными целями в СССР. С декабря 1943 г. – сотрудник 1-го, а с января 1944 г. – 7-го отдела Харбинской ЯВМ. В мае 1944 г. назначен начальником второй группы диверсионного отряда № 322 на ст. Имяньпо, а с марта 1945 г. – помощником начальника особого отряда № 377 и по совместительству начальником второй учебно-диверсионной группы отряда при Харбинской ЯВМ на ст. Имяньпо. 13 августа 1945 г. во главе группы диверсантов направлен для производства диверсий против воинских частей Красной армии в район горы Цинлушань северо-восточнее ст. Имяньпо. Сдался в плен представителям Красной армии. Содержался в тюрьме № 2 УНКВД г. Ворошилов.

Камимура Морио. Родился в 1917 г. в уезде Нагаоки, остров Сикоку. Окончил разведывательные курсы в Токио (1940). В 1941–1943 гг. работал помощником начальника 3-го отделения Харбинской ЯВМ, занимавшегося обучением русской молодежи военному делу. В августе 1943 г. переведен на станцию Ханьдаохэцзы в качестве инспектора отряда Асайоко и Учебной команды горно-лесной полиции, а с ноября 1944 г. одновременно занимает пост начальника отделения ЯВМ на этой станции. 1 июля 1945 г. Камимура назначен вторым помощником начальника Муданьцзянской ЯВМ. Попал в плен к советским частям в августе 1945 г. Умер 26 февраля (15 марта) 1946 г. в тюрьме № 2 УНКВД г. Ворошилов.

Кислицин Владимир Александрович. Родился 9 января 1883 г. в Киеве. Окончил Одесское пехотное юнкерское училище (1900). Участвовал в русско-японской и Первой мировой войнах. Имел 14 ранений, в том числе три тяжелых. Кавалер Георгиевского оружия и ордена св. Георгия 4 ст. Участник Гражданской войны

на Украине, командующий 3-й кавалерийской дивизии и 3-го корпуса. Генерал для поручений при главнокомандующем Северной армией генерале Миллере (1919). Из Архангельска выехал в Сибирь, в армию адмирала Колчака. Начальник Уфимской и 14-й кавалерийской дивизии. Участник Сибирского Ледяного похода. В Забайкалье занимал должности начальника 1-й кавалерийской дивизии, позднее 1-й Сводной имени атамана Семенова Маньчжурской дивизии. В эмиграции в Маньчжурии. Учился на высших медицинских курсах в Харбине, окончил Харбинскую зубоврачебную школу, а также заочный курс Зарубежной военной академии в Париже профессора Н. Н. Головина. В конце 1920-х гг. – руководитель русских чинов железнодорожной полиции. Глава Маньчжурского отдела Корпуса императорской армии и флота, официальный представитель Великого Князя Кирилла Владимировича на Дальнем Востоке (1929–1934). Порвал с легитимистами в 1934 г. После создания БРЭМ – начальник 7-го отдела Бюро (Дальневосточного союза военных). Начальник Главного БРЭМ (1938–1943). Умер 18 мая 1944 г. в Харбине.

Комацубара Мититаро. Родился в июле 1886 г. в Иокогаме. Окончил Военную академию Императорской армии (1905), выпущен подпоручиком в 34-й пехотный полк. Помощник военного атташе в России (1909–1910). С 1910 г. служил в Генеральном штабе. Участвовал в военной экспедиции в Шаньдун (1914). Окончил Высшую военную академию Императорской армии (1915), командир 34-го пехотного полка. С 1919 г. работал в так называемом «советском» отделе разведуправления Генштаба. Военный атташе в Москве (1927–1929). Командир 57-го пехотного полка (1929–1932). Начальник Харбинской ЯВМ (1932–1933). Генерал-майор (1934). Командир 8-й пехотной дивизии (1934–1936), 1-й бригады Императорской гвардии (1936–1937). Генерал-

лейтенант (1937). С июля 1938 г. командир 23-й пехотной дивизии Квантунской армии, руководил японскими войсками в боях при Халхин-Голе. После поражения снят со всех постов и переведен в штаб Квантунской армии. В январе 1940 г. уволен в запас. Покончил жизнь самоубийством 6 октября 1940 г.

Косьмин Владимир Дмитриевич. Родился 5 июля 1884 г. в Курской губернии. Окончил Чугуевское пехотное юнкерское училище (1904), академию Генштаба (1911). Подполковник, начальник штаба 113-й пехотной дивизии. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта. Начальник штаба 1-й Уральской пехотной дивизии, начальник 4-й Уфимской стрелковой дивизии, командующий Уральской группой войск. Участник Сибирского Ледяного похода. В Забайкалье начальник дивизии броневых атамана Семенова поездов, затем генерал для поручений при главнокомандующем всеми вооруженными силами и походном атамане всех казачьих войск Российской восточной окраины. Кавалер ордена св. Георгия III ст., генерал-майор. В эмиграции в Китае. Член правления Восточного казачьего союза, глава Российской фашистской партии (1931–1933). После разрыва с фашистами возглавлял близкий к легитимистам Военно-монархический союз (1934–1935). После 1935 г. жил в Тяньцзине, глава Особого отдела железнодорожной полиции, и в Шанхае – шеф прояпонского Общества русских эмигрантов. Умер 25 апреля 1950 г. в Сиднее.

Макино Масатоми. Родился в 1897 г. в Токио, в семье генерал-майора японской Императорской армии. Окончил кадетский корпус (1918) и офицерскую кавалерийскую школу (1920), выпущен подпоручиком в одни из кавалерийских полков. С 1930 г. служил командиром роты 13-го кавалерийского полка. Окончил

кавалерийское отделение Высшей военной академии (1937). Помощник командира 24-го кавалерийского полка в г. Фудзин, Маньчжурия. С декабря 1939 г. – начальник отдела пропаганды Главного штаба японских войск в Северном Китае. С августа 1941 по декабрь 1942 г. – по совместительству начальник ЯВМ в г. Абака. Подполковник (1942). С декабря 1942 г. – член учебной группы 1-го отдела штаба Квантунской армии в г. Синьцзин, занимался подбором и укомплектованием кадров диверсионных школ по подготовке диверсантов для заброски их в тыл Красной армии. С августа 1944 г. – командир «парашютного отряда» № 377 в 50 км южнее от г. Ваньемяо и одновременно с августа по ноябрь 1944 г. работал по совместительству в Харбинской ЯВМ по организации «учебного отряда» № 471. С марта 1945 г. – начальник «Особого отряда» № 377 Харбинской ЯВМ на ст. Имяньпо. Кавалер орденов «Восходящего Солнца» IV ст. (1941) и «Священного сокровища» III ст. (1942). В сентябре 1945 г. задержан УКР СМЕРШ 1-го дальневосточного фронта. Содержался в тюрьме № 2 УНКВД г. Ворошилов. Приговорен судом к высшей мере наказания. Расстрелян 16 октября 1946 г. во Владивостоке.

Матковский Михаил Алексеевич. Родился в 1903 в СПб, в семье офицера. Учился в Александровском кадетском корпусе (1913–1917) и 1-м Сибирском кадетском корпусе (1918–1921). С 1921 г. – в Харбине. Окончил Харбинский политехнический институт (1928), инженер-механик. Учился на Юридическом факультете (1925–1931). Служащий КВЖД (1933–1945), начальник отдела Харбинского управления Государственных железных дорог Маньчжоу-го (1938–1945). Член Русской фашистской организации (1926–1928), член ЦК. Член РФП (1931–1935), член Верховного совета РПФ, ЦК, руководитель Харбинского отдела РФП, начальник

организационного отдела ВФП. Член Харбинского отделения РОВС (1932–1935). Сотрудник БРЭМ (1934–1945); начальник железнодорожного отдела, 6-го отдела, 3-го отдела ГБРЭМ (1936–1945), заместитель начальника ГБРЭМ (1943–1945). В августе 1945 г. арестован органами СМЕРШ в Харбине, вывезен в СССР. В 1947 г. осужден на 15 лет ИТЛ. После выхода из заключения жил в Томске. Умер 21 января 1996 г.

Москалев Трофим Павлович. Офицер военного времени, поручик. Один из организаторов ОМО. Командир бронепоезда «Истребитель» в Забайкалье. Полковник. Служил в Русской группе войск Шаньдунской армии. В середине 1920-х гг. начал сотрудничать с японской разведкой, работал на юге Маньчжурии, в Корее. Активный участник легитимистского движения в Маньчжурии. Генерал-майор производства Сен-Бриака. В 1932 г. возглавил особый отряд, действовавший в Трехречье. Курировал русские пограничные отряды в Трехречье. Участвовал в организации БРЭМ. Совместно с М. Н. Гордеевым сформировал организацию Особого Маньчжурского отряда атамана Семенова (1937). Пытался возглавить Союз мушкетеров. Являлся советником Главного БРЭМ. Сотрудник Харбинской ЯВМ.

Натаров Михаил Александрович. Родился в 1918 г. в Харбине. Почти сразу потерял отца, а в 14 лет и мать. Учился в Бухэдинской гимназии (1926–1929), советской 14-й гимназии в Харбине (1931–1932), 1-м Харбинском русском реальном училище (1933–1935). Являлся членом Союза мушкетеров и организации «Витязь» в Харбине. Окончил курсы радиотехники и радиотелеграфа в Harbin Business School (1935–1936). Не имея работы, поступил на службу в горно-лесную полицию. Окончил Ханьдаохэцзийское ВПУ (1937).

Старший полицейский. На службу в отряд Асано был направлен в марте 1939 г.

Нечаев Константин Петрович. Родился в 1883 г. в г. Лодзь. Окончил Тверское кавалерийское училище (1904). Полковник 5-го драгунского полка. Служил в белых войсках Восточного фронта. Командир 1-го Казанского кавалерийского Добровольческого полка Народной армии, позднее командир кавалерийской бригады 3-го корпуса. Участник Сибирского Ледяного похода. В Забайкалье начальник 1-й Маньчжурской конной дивизии, командир Волжского драгунского полка, начальник гарнизона Читы, начальник 1-й Сводной Маньчжурской атамана Семенова дивизии. Генерал-лейтенант (1920). Эмигрировал в Китай. Начальник Русской группы войск Шаньдунской армии генерала Чжан Цзунчана (1924–1927). Жил в Дайрене, глава Русской национальной общины (с 1930 г.), позднее начальник Дайренского отделения БРЭМ. Арестован органами СМЕРШ в августе 1945 г. Приговорен трибуналом Забайкальско-Амурского военного округа к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение 5 февраля 1946 г. в Чите.

Номура Канаэ. Родился в 1918 г. в г. Фукуй, Япония. Японец. Из семьи помещика. Окончил среднюю школу в г. Фукуй (1935). С 1935 г. – билетный кондуктор железнодорожной станции г. Фукуй. В январе 1939 г. призван на службу в армию, рядовой солдат горно-полевого артиллерийского полка 9-й пехотной дивизии в г. Канадзава. Окончил юнкерские курсы при 9-й дивизии (1940), подпоручик. Окончил Наканскую разведывательную школу в Токио (1941), направлен в распоряжение ЯВМ в г. Харбин. С августа 1941 г. – начальник 2-го отделения, с декабря 1942 г. – начальник 3-го отделения Муданьцзянской ЯВМ. С марта 1944 г. по

август 1945 г. – начальник отделения ЯВМ в г. Дунин. Капитан (1944). 9 августа 1945 г. назначен в 3-й батальон 2-го Муданьцзянского особого охранного отряда в г. Муданьцзян. В деятельности батальона не участвовал. Из Дунина отступал со штабом 132-й стрелковой бригады в Дуньхуа. Сдался в плен частям Красной армии. Содержался в тюрьме № 2 УНКВД в г. Ворошилов. В августе 1946 г. осужден на 15 лет ИТЛ.

Оцука Ёсидзиро. Родился в 1920 г. в г. Ояма префектуры Тоциги, Япония. Окончил гимназию и коммерческое училище в г. Ояма. В марте 1941 г. мобилизован в армию, рядовой 853-го пехотного полка на ст. Синка, Маньчжурия. Окончил офицерское училище в г. Маэбаси (1942), подпоручик. С мая 1943 г. – адъютант начальника миссии, начальник хозяйственного отдела, с июля 1945 г. – начальник 4-го отдела ЯВМ г. Муданьцзян. С января по март 1945 г. одновременно был преподавателем диверсионного дела в разведывательно-диверсионных отрядах на ст. Ханьдаохэцзы. Капитан. С 10 августа 1945 г. – командир роты 2-го особого охранного отряда 3-го охранного батальона отряда особого назначения в г. Муданьцзян. Взят в плен частями Красной армии в д. Саранчин. Содержался в тюрьме № 2 УНКВД в г. Ворошилов. В августа 1946 г. осужден на 15 лет ИТЛ.

Рычков Вениамин Владимирович. Родился в 1870 г. в Тифлисе. Окончил Тифлисский кадетский корпус, Александровское военное училище, Академию Генштаба (1899). Служил на Кавказе и в Туркестане. Участник Первой мировой войны, командир 27-го армейского корпуса 12-й армии, генерал-лейтенант. Кавалер золотого Георгиевского оружия. Член «Союза защиты Родины и свободы», один из организаторов Ярославского восстания. После взятия Казани частями

Самарского Комуча – начальник гарнизона города, командир Казанского армейского корпуса. Позднее главный начальник Тюменского военного округа, главный начальник снабжения Сибирской армии. Отстранен в июле 1919 г. от должности и по его деятельности назначено расследование. В эмиграции в Харбине. Служил в железнодорожной полиции на ст. Маньчжурия (1921–1925), давал частные уроки, работал корректором в типографии. Председатель Общества офицеров Генерального штаба, Общества выпускников кадетских корпусов. Советник харбинской дружины Русского Сокола (вторая половина 1920-х – начало 30-х гг.). Первый начальник БРЭМ (1934–1935). Умер 22 августа 1935 г. в Харбине.

Скидельские. Одна из наиболее успешных и богатых еврейских семей «русской Маньчжурии». Основатель семьи, Л. С. Скидельский, прибыл на Дальний Восток в конце XIX в., будучи человеком бедным. Благодаря природному уму и высокой деловой активности он стал заниматься лесными и угольными концессиями на восточной линии КВЖД. Крупнейшим предприятием его являлись Чжалайнорские угольные копи. Еще до революции Скидельский открыл в Лондоне отделение своей фирмы под управлением старшего сына Якова. Считался инициатором взятия российским правительством лесной концессии на реке Ялу и в Корее, ускорившей начало русско-японской войны. Обывательская молва того времени говорила, что на Русском Дальнем Востоке три хозяина: Скидельский, Хорват (управляющий КВЖД) и Гондатти (губернатор Приамурской области). Семья уступила значительную часть собственности в Маньчжурии японцам в 1930-е гг. В дальнейшем большая часть семьи перебралась в Англию.

Сычев Ефим Георгиевич. Родился в 1879 г. в станице Игнашинская Амурского казачьего войска. Окончил Нерчинское горное училище, Иркутское юнкерское училище (1899). Служил в лейб-гвардии Сводном казачьем полку. Участник китайского похода (1900–1901), русско-японской и Первой мировой войн. Командир 2-й бригады 1-й Забайкальской казачьей дивизии, полковник. Кавалер Георгиевского золотого оружия. Участник Гражданской войны. Командир Забайкальской казачьей бригады, командир 1-й Забайкальской казачьей дивизии, командир Отдельной Амурской бригады, начальник Иркутского военного района, начальник Иркутской военно-инструкторской школы. Войсковой атаман Забайкальского казачьего войска (1918). Генерал-майор (1919), генерал-лейтенант (1920). Командующий Амурской военной организацией (1922–1924). В Харбине член Правления Восточного Казачьего союза, редактор журнала «Россия и казачество» (1933–1935). Выслан из Маньчжоу-го в 1935 г. Жил в Шанхае. Управляющий домами на Французской концессии. Военный обозреватель советской радиостанции «Голос Родины» (1941–1945). Вероятно, умер в Шанхае в 1945 г.

Таки Хироси. Родился в 1898 г. в Токио в семье полковника Императорской армии. Окончил кадетский корпус, военную академию в Токио (1920), выпущен подпоручиком в 34-й пехотный полк 15-й дивизии. Окончил русский факультет Токийского института иностранных языков (1924–1926). После окончания института вернулся в свой полк, с 1930 г. – адъютант командира батальона 34-го полка. С 1932 г. – адъютант начальника, затем начальник канцелярии 2-го (разведывательного) отдела штаба Квантунской армии. С 1935 г. – командир роты 34-го пехотного полка 15-й дивизии. В 1937 г. направлен в Экспедиционную армию,

штабной офицер 2-го (разведывательного) отдела. Командир батальона 230-го полка 37-й дивизии (1939–1941). В июле 1941 г. отозван и направлен в Харбинскую ЯВМ, с 1 августа 1941 г. – помощник начальника ЯВМ в Хайларе. Начальник ЯВМ в г. Канто (1943–1944) и одновременно с августа 1944 г. – начальник ЯВМ Муданьцзяна. С 21 июля 1945 г. – командир 370-го полка 135-й дивизии 5-й Квантунской армии в поселке Линькоу. Принимал участие в боях с частями Красной армии. 18 августа 1945 г. был пленен частями Красной армии. Осужден на 20 лет ИТЛ. Отбывал наказание в особом лагере № 5 МВД СССР в Магаданской области.

Трофимов Сергей Григорьевич. Родился в 1897 г. в с. Алагир Терской области. Окончил курсы прапорщиков Казанского военного училища (1915), служил в 108-м запасном пехотном полку. Участвовал в Первой мировой войне, начальник пулеметной команды 22-го Нижегородского пехотного полка (1917), поручик. С августа 1918 г. в составе 28-го Ирбитского стрелкового полка, командир взвода, позднее начальник пулеметной команды бронепоезда. Участник Сибирского Ледяного похода. Служил в Забайкалье (1920), командир бронепоезда, штабс-капитан. По прибытию в Маньчжурию работал в Харбине в армейском кооперативе «Луч» (1921–1923), позднее преподавателем на станции Эрцендяньцзы. Кандидат в члены РФП (1932). С конца 1933 г. – помощник начальника русского охранного отряда концессии Миясито (ст. Вэйшахэ), с 1938 г. – начальник Вэйшахэйского отряда горно-лесной полиции Маньчжоу-го, старший надзиратель. В 1944–1945 гг. начальник Эрдаохэцзийского полицейского отряда. Арестован органами СМЕРШ в августе 1945 г., вывезен в СССР. Умер в Восточно-Уральском лагере (станция Азанка) 26 марта 1946 г.

Хата Хикосабуро. Родился в 1890 г. в префектуре Миэ. Окончил Военную академию. С 1922 г. работал по линии разведки в отношении России. С 1923 г. в составе Квантунской армии, капитан. Военный атташе в СССР (1926–1930, 1936–1937), Польше, Латвии и Румынии (1930–1932). С 1932 г. служил в Генеральном штабе, сотрудник и начальник «советского» отдела разведуправления. Начальник Харбинской ЯВМ (1938–1940). Заместитель начальника штаба Квантунской армии (1940–1943). Заместитель начальника японского Генштаба (1943–1944). С апреля 1945 г. – начальник штаба Квантунской армии. Взят в плен в августе 1945 г., содержался в советском плену до 1956 г. После освобождения вернулся в Японию. Умер 20 марта 1959 г.

Чжан Цзолинь (Чжан Юйтин). Родился в 1875 г. в провинции Фэнтянь в крестьянской семье. С 16 лет находился в рядах местных бандформирований – хунхузов («краснобородых»). В годы русско-японской войны являлся руководителем крупного отряда хунхузов, направлял своих людей в качестве разведчиков и для русских, и для японцев. Принят на китайскую военную службу. С 1911 г. генерал-губернатор провинции Фэнтянь. В 1926–1928 гг. – глава Фэнтяньской (Мукденской) военной группировки. В 1922 г. объявил автономию северо-восточных провинций и учредил Управление Главнокомандующего по обеспечению спокойствия северо-восточных провинций. В 1920–1922 и в 1924–1928 гг. – контролировал пекинское правительство. Главнокомандующий объединенными вооруженными силами северных милитаристов – Аньгоцзюнь (1926–1927). Убит в результате покушения, организованного японцами в июне 1928 г.

Шепунов Борис Николаевич. Родился в 1897 г. в Елизаветполе. Окончил ускоренный курс Елизаветградского кавалерийского училища (01.02.1917). Воевал на Западном фронте. Награжден орденами св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость» и св. Георгия IV ст. с лавровой ветвью. В составе «Дикой дивизии» принимал участие в Корниловском выступлении на Петроград. Участвовал в Гражданской войне на юге России. Участник эсеро-меньшевистского восстания в Ашхабаде в 1918 г. В 1920 г. эмигрировал в Иран, в дальнейшем вместе с другими русскими офицерами был вывезен англичанами на Дальний Восток. Служил в частях атамана Семенова и Временного Приамурского правительства, командир офицерского эскадрона, штабс-капитан. После эвакуации в Маньчжурию жил на восточной линии КВЖД, работал на рисоочистительном заводе. Член РОВС. Один из организаторов Русской национальной общины Восточной линии КВЖД. Сотрудничал с японской разведкой. После прихода в Маньчжурию японцев возглавлял погранично-полицейский отряд на ст. Пограничная (1932–1935). Начальник отделения БРЭМ на ст. Пограничная (1935–1936). В 1937 г. выехал в Харбин, начальник общего отдела и 2-й заместитель председателя Главного БРЭМ. Руководитель Монархического объединения (1938–1942). В 1942 г. начальник Восточного районного БРЭМ в Муданьцзяне, позднее сотрудник ЯВМ в Харбине. Арестован в августе 1945 г. органами СМЕРШ. Осужден Московским показательным судебным процессом в августе 1946 г. Расстрелян.

Шильников Иван Федорович. Родился в 1877 г. в станице Титовская Забайкальского казачьего войска. Окончил Иркутское юнкерское училище (1897). Участник китайского похода (1900–1901), русско-японской и

Первой мировой войн. Командир 2-й бригады 1-й Забайкальской казачьей дивизии. Генерал-майор (1917). Кавалер орденов св. Станислава II ст., св. Анны IV ст. «За храбрость», III, II ст., св. Владимира IV, III ст. В белых войсках Восточного фронта. Управляющий военно-административной часть Временного забайкальского правительства, начальник Отдельной кавалерийской бригады (1918), начальник 4-й Иркутской конной бригады (1918), командующий 4-м армейским корпусом (с янв. 1919), командир сборного отряда 4-го Сибирского стрелкового корпуса летом 1919 г. Глава Забайкальской военной организации (1921–1923). Служил в Шаньдунской армии генерала Чжан Цзунчана. Член РОВС. Атаман Забайкальской казачьей станицы в Харбине. Военный историк. Умер 8 мая 1934 г. в Харбине.

Ямагата Мотомэ. Родился в 1911 г. в Токио. Окончил гимназию и военно-пехотное училище (1933), выпущен подпоручиком во 2-й гвардейский пехотный полк (Токио). В 1934 г. назначен в 11-й пехотный полк 11-й бригады 26-й стрелковой дивизии в Маньчжурии. Принимал участие в бою с хунхузами, где получил ранение в ногу. По выздоровлении направлен во 2-й гвардейский пехотный полк, адъютант полка. Поручик. Капитан. С января 1941 г. – помощник начальника 1-го отдела ЯВМ в Харбине. В апреле 1941 г. переведен помощником начальника ЯВМ в Муданьцзян. В январе 1942 г. назначен помощником начальника ЯВМ г. Кейней. С января 1943 г. – заместитель начальника ЯВМ г. Канто (Яньцзы), а затем с конца марта по июнь 1943 г. – начальник отделения ЯВМ на ст. Маньчжурия. С июля 1943 г. – начальник разведывательного отдела, а с октября 1944 г. – начальник 7-го отдела ЯВМ в Харбине и одновременно начальник разведывательного отряда «Облако» на ст. Имяньпо. 20 февраля 1945 г. переведен

начальником 4-го отдела штаба Квантунской армии в г. Синьцзине. В августе 1945 г. направлен для подбора места поселения беженцев и их материального обеспечения в г. Хейдзио (Пхеньян). Арестован органами СМЕРШ. Содержался в тюрьме № 2 УНКВД г. Ворошилов. Приговорен судом к высшей мере наказания. Расстрелян 16 октября 1946 г. во Владивостоке.

Янагита Гэндзо. Родился в январе 1893 г. в префектуре Нагано. Окончил военную академию Императорской армии (Рикугун сикан гакко, 1914) и высшую военную армейскую академию (Рикугун дайгакко) с отличием (1922). Военный атташе в Польше и Румынии (1932–1934). После возвращения в Японию в марте 1934 г. направлен для прохождения службы в штаб Квантунской армии. Полковник (1916), назначение в императорскую гвардию. Командир 1-го полка японской армии (1938). Генерал-майор (1938), назначен заместителем начальника 11-й армии. С 1940 г. – начальник Харбинской ЯВМ и помощник начальника военной разведки Квантунской армии. В 1941 г. – начальник Дайренского гарнизона японских войск. Генерал-лейтенант (1942). В 1943 г. назначен командиром 33-й дивизии 15-й армии, дислоцированной в Бирме. В начале 1944 г. его дивизия понесла большие потери, в связи с чем его планировали отдать под трибунал, но в результате был отправлен отставку. В конце 1944 г. – отозван и назначен командующим Порт-Артуром. В августе 1945 г. возглавлял оборону Квантунской области, был взят в плен советскими войсками. После окончания войны находился в СССР в качестве военнопленного. Умер 7 января 1952 г.

Список источников и литературы

Источники

1. Неопубликованные

1. Государственный архив административных органов Свердловской области.
2. Ф. Р-1. Оп. 2. Архивно-следственные дела.
3. Государственный архив Российской Федерации.
4. Ф. Р-5963. Казачий союз в Шанхае. 1925–1939 гг. Оп. 1.
5. Ф. Р-6534. Володченко Н. Г. Оп. 1.
6. Ф. Р-7044. Штаб 65-й дивизии. 1924–1927 гг. Оп. 1.
7. Ф. Р-7047. Штаб 7-го Особого полка. 1927 г. Оп. 1.
8. Государственный архив Приморского края.
9. Ф. 1588. Оп. 1. Архивно-уголовные дела.
10. Государственный архив Хабаровского края.
11. Ф. 830. Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи. 1934–1945 гг. Оп. 3. Личные дела эмигрантов.
12. Ф. 831. Оп. 2.
13. Архив Музея русской культуры, Сан-Франциско.
14. Ф. А-43-1. Русские эмигранты на Дальнем Востоке.
15. Архив УФСБ РФ по Хабаровскому краю.
16. Архивно-следственные дела.
17. Hoover Institution Archives.
18. Aleksandr Lukomskii.
19. Воспоминания К. А. Асриянца // Личный архив С. В. Смирнова.

2. Опубликованные

1. Белокрылов И. В. Трагедия отряда // Русские в Китае. – Екатеринбург, 1995. № 2.

2. Берзин Г. П. Мой СМУ // Русская Атлантида. – Челябинск, 2000. № 4.

3. Великая Маньчжурская империя. К десятилетнему юбилею. – Харбин: Издание государственной организации Киовакай и Главного Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи, 1942.

4. Винокуров В. Кавалерийский отряд Асано // Русская Атлантида. – Челябинск, 2008. № 29.

5. Зайнитдинов Е. Станция Аньда // На сопках Маньчжурии. – Новосибирск, 1994. № 9.

6. Иванова О. Сказ о кукольнике // Эхо из небытия. Сост. Л. П. Рычков. – Новгород, 1992.

7. Ильинский А. А. По ту сторону. Записки белогвардейского офицера // Русская Атлантида. – Челябинск 2009. № 32.

8. Кислицин В. А. В огне Гражданской войны // Русская Атлантида. – Челябинск, 2010. № 36.

9. Козлов Ю. Г. «Черная кошка» из Благовещенска // Русская Атлантида. – Челябинск, 2007. № 26.

10. Краткие сведения из уставов для обучения молодых казаков. – [Б. м.][Б. г.].

11. Лешко О. Русские в Маньчжуго. Шанхай, 1937.

12. Лукин Ю. Н. Краткий очерк истории, состоящей под покровительством Е. И. В. Великой Княгини Ксении Александровны, Национальной Организации Русских Разведчиков. – Харбин, 1936.

13. Наумов С. В. Наш старейший читатель (К 95-летию В. Е. Гольцова) // Донские казаки в борьбе с большевиками. – Подольск, 2011. № 6.

14. Он жил среди нас // Русские в Китае. – Екатеринбург, 1999. № 18.

15. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сб. документов. Т. 1.

Накануне. Кн. 1 (ноябрь 1938 – декабрь 1939 г.). – М.: АО «Книга и бизнес», 1995.

16. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 2. Кн. 1. «Начало» (22 июня – 31 августа 1941 г.). – М., 2000.

17. Павлов М. И. Воспоминания // Озерлаг: как это было. Сост. и авт. предисл. Л. С. Мухин. – Иркутск: Вост. – Сиб. кн. изд-во, 1992.

18. Перминов В. В. Наказание без преступления. – Чита, 2010.

19. Пыхалов П. А. Уголок среди сопок Хингана // Русская Атлантида. – 2006. № 21.

20. Санников В. Под знаком Восходящего Солнца в Маньчжурии. Воспоминания. – Сидней, 1990.

21. Сибиряков Н. С. Конец Забайкальского Казачьего Войска // Минувшее. Исторический альманах. – М., 1990. № 1.

22. Уваров Б. Шаньдунский офицерский инструкторский отряд (1925–1928 гг.) // Белая эмиграция в Китае и Монголии. Сост., нач. ред., предисл. и коммент. С. В. Волкова. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2005.

23. Читатель «Первопоходника». Заметки к статье А. Ф. Долгополова «Трагедия Трехречья» // Вестник первопоходника. Летопись Белой борьбы. – 1976. № 33.

3. Периодическая печать

1. Время. – Харбин, 1943.

2. Голос эмигранта. – Харбин, 1945.

3. Грядущая Россия. – Харбин, 1934.

4. Друг полиции: Ежемесячное издание «Союза полиции Маньчжу-Ди-Го». – Харбин, 1939.

5. Зарубежный казак. – Харбин, 1940.

6. Заря. – Харбин, 1932.

7. Зов казака. – Харбин, 1938.

8. Луч Азии. – Харбин, 1935, 1937, 1939, 1943, 1944.
9. Мушкетер. – Харбин, 1932.
10. На границе. – Пограничная, 1937.
11. Нация. – Шанхай, 1937.
12. Рубеж. – Харбин, 1944.
13. Часовой. – Париж, 1934, 1936.

4. Интернет-ресурсы

1. Геноцид русских людей в Трехречье. 1929 год [Электронный ресурс] // Историко-культурное наследие Кубани: [сайт]. URL: http://www.rus-sky.org/history/library/trexrechie.htm

2. Казачья эмиграция в Маньчжурии 1920–1945 гг. Обзор источников и литературы [Электронный ресурс] // Предыстория – общенациональный историко-культурный сервер [сайт]. URL: http://www.predistoria.org/index.php?name=Forums&file=viewtopic&p=37084

3. Катенин В. В. Воспоминания [Электронный ресурс] // Красноярское общество Мемориал [сайт]. URL: http://memorial.krsk.ru/index1.htm

4. Мельников П. И. В Маньчжурском походе [Электронный ресурс] // Военная литература [сайт]. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/melnikov_pi/index.html

5. Пехота Японской Императорской армии [сайт]. URL: http://www.renascentia.ru/w2_japon.htm

Исследования

1. Аблажей Н. Н. С востока на восток. Российская эмиграция в Китае. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007.

2. Алексеев М. Советская военная разведка в Китае и хроника «китайской смуты» (1922–1929). – М.: Кучково поле, 2010.

3. Балакшин П. П. Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке: в 2 т. – М., 2013. Т. 2.

4. Балмасов С. С. Белоэмигранты на военной службе в Китае. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2007.

5. Буяков А. М. Знаки и награды российских эмигрантских организаций в Китае (Дайрен, Тяньцзинь, Харбин, Хуньчунь, Цинаньфу, Шанхай), 1921–1949 гг.: материалы к справочнику. – Владивосток: Русский остров, 2005.

6. Буяков А. М. Организация и деятельность русского отряда «Асано» в Маньчжурии (1938–1945 гг.) // Россияне в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Сотрудничество на рубеже веков: Материалы первой международной научно-практич. конф. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. Кн. 2.

7. Буяков А. М., Шинин О. В. Деятельность органов безопасности на Дальнем Востоке в 1922–1941 гг. – М.: Кучково поле; Беркут, 2013.

8. Горбунов Е. А. Схватка с Черным Драконом. Тайная война на Дальнем Востоке. – М.: Вече, 2002.

9. Кайгородов А. Маньчжурия: август 1945 г. // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 6.

10. Кошкин А. А. Японский фронт маршала Сталина. Россия и Япония: тень Цусимы длиною в век. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004.

11. Мелихов Г. В. Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке (1925–1932). – М., 2007.

12. Огневский А. Русский патриот Яков Смирнов // Ежедневные новости. – Владивосток, 2002. 20 дек.

13. Окороков А. В. Русские добровольцы. Неизвестные войны XIX–XX вв. – М.: ООО «Авуар консалтинг», 2004.

14. Перминов В. В. Пешковский отряд: создание и гибель // Русская Атлантида. – Челябинск, 2011. № 40.

15. Петрушин А. А. «Мы не знаем пощады…»: Известные, малоизвестные и неизвестные события из истории Тюменского края по материалам ВЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. – Тюмень, 1999.

16. Смирнов С. В. Отряд Асано: русские воинские формирования в Маньчжоу-го, 1938–1945 гг. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012.

17. Смирнов С. В. Русские эмигрантские военизированные и армейские подразделения в Маньчжоу-го (1930-е – 1945 гг.) // Запад, Восток и Россия: проблемы войны и мира. Вопросы всеобщей истории. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2004. Вып. 6.

18. Стефан Дж. Русские фашисты: трагедия и фарс в эмиграции. 1925–1945 / Пер. с англ. Л. Ю. Мотылева. – М.: СП «Слово», 1992.

19. Тарасов А. П. Противостояние красных и белых в китайском Дамысово (28 сентября 1929 г.) // http://mifussr.lifejournal.com/71094.html

20. Усов В. Н. Советская разведка в Китае: 30-е годы XX века. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2007.

21. Хабаровские чекисты. История в документах и судьбах / Автор-сост. А. С. Колесников. – Хабаровск, 2011.

22. Широкорад А. Б. Россия и Китай. Конфликты и сотрудничество. – М.: Вече, 2004.

23. Яковкин Е. В. Русские солдаты Квантунской армии. – М.: Вече, 2014.

24. Stephan J. J. Russian Soldiers in Japanese service: The Asano brigade // Shikan. The Historical Review. – Tokyo, 1977. № 95.

Фотографии

Офицеры 1-го Забайкальского казачьего полка. Хайлар, 1922 г. В нижнем ряду второй справа – сотник И. А. Пешков; в верхнем ряду второй справа – хорунжий А. И. Саватеев. (Фото из коллекции архива Музея русской культуры, Сан-Франциско)

Курсы военной подготовки Киовакай на станции Хакэ. Сидят в третьем ряду слева направо: третий – капитан Сайто, офицер отряда Асано, шестой – генерал А. П. Бакшеев, седьмой – полковник Таки, восьмой – генерал У. Гармаев. Лето 1941 г. (Фото из коллекций ГААОСО)

Командиры и бойцы отряда Асано во время 1-го Амурского похода, местечко Чигодян. В первой ряду сидят слева направо: первый – вахмистр Г. В. Ефимов, второй – корнет В. Н. Мустафин, четвертый – капитан Идзима, командир походного отряда, пятый – капитан Вада, военврач, шестой – корнет В. В. Тырсин. Весна 1942 г. (Фото из коллекций ГААОСО)

Современный вид станции Сунгари-2. (Фотографии А. М. Буяков)

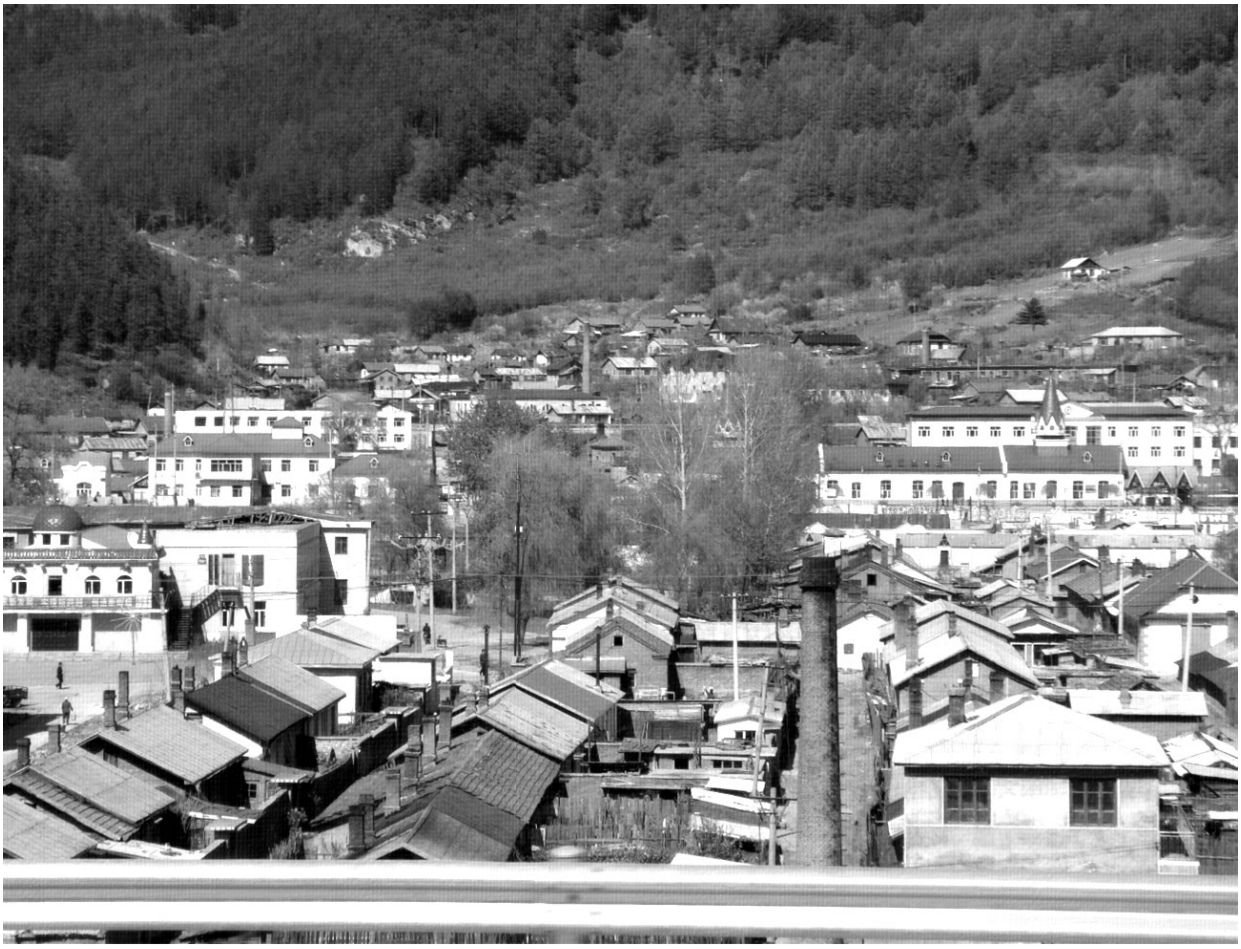

Современный вид станции Сунгари-2. (Фотографии А. М. Буяков)

Современный вид станции Сунгари-2. (Фотографии А. М. Буяков)

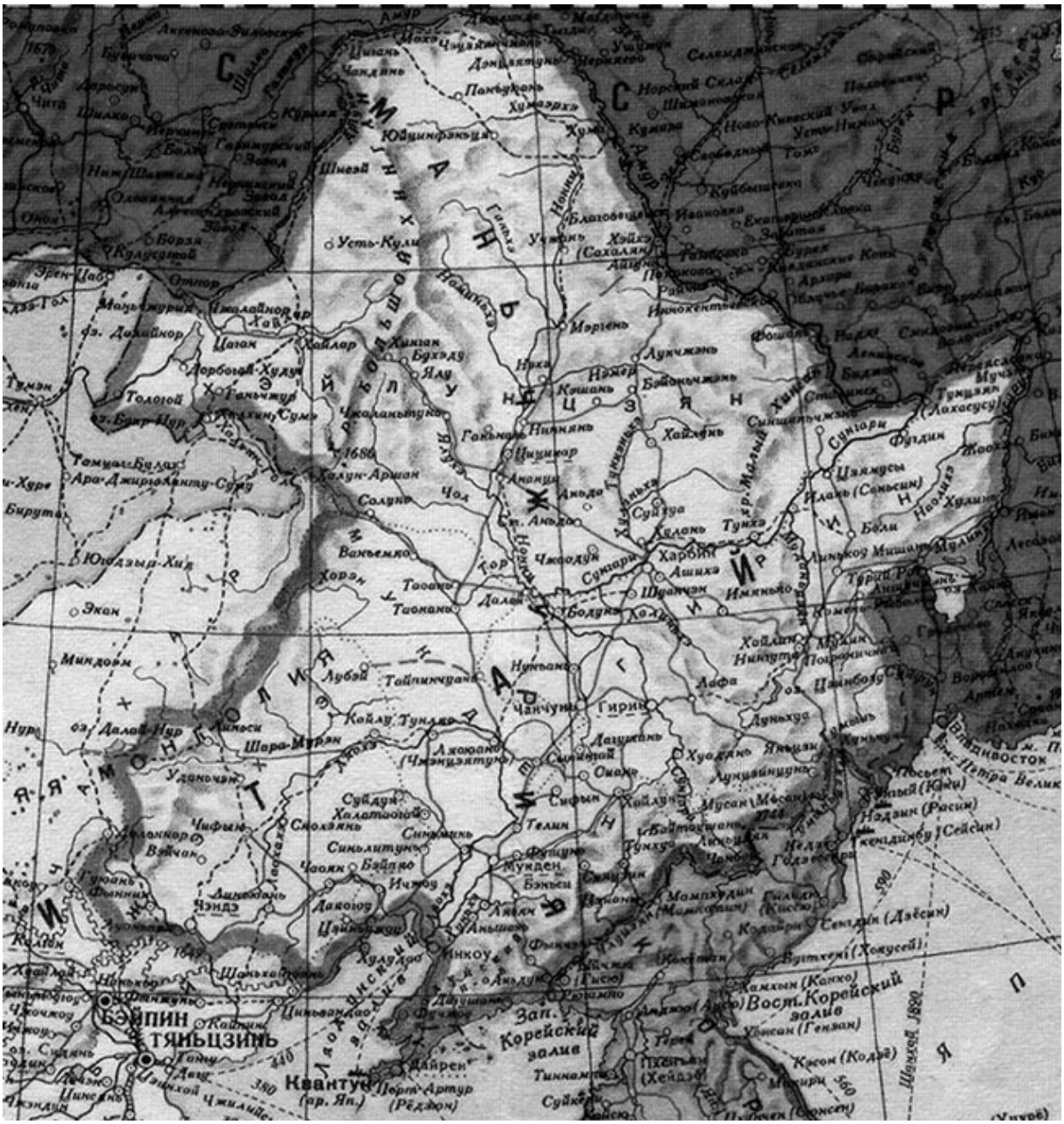

Современный вид ст. Ханьдаохэцзы. (Фотографии Н. Разжигаевой)

Дом Гукаева на ст. Ханьдаохэцзы. (Фотография Н. Разжигаевой)

Карта Маньчжурии

(Послать нижеуказанному лицу)

УДОСТОВЕРЕНИЕ № 5

Имя, отчество, фамилия Харламов Василий Викторович, 19 л.

Проживающий Семиполка 2 ст. Гаврилов-Ямской, 331.

Признан годным для несенія службы в отряде Асано и должен прибыть на сборный пункт (Указан ниже) в нижеуказанное время.

Кан-Дэ 8 года 8 мес 8 чис

Начальник военной миссий в Харбине

1. Время явки	Кан-Дэ 8 года 8 мес 31 чис.
2. Место сбора	3 шк Отд. Бюро Эмигрантов

Удостоверение призывника русского воинского отряда. (Из коллекций ГААОСО)

СВИДѢТЕЛЬСТВО

Сим удостоверяется, что Казак Шумилов Константин Федорович

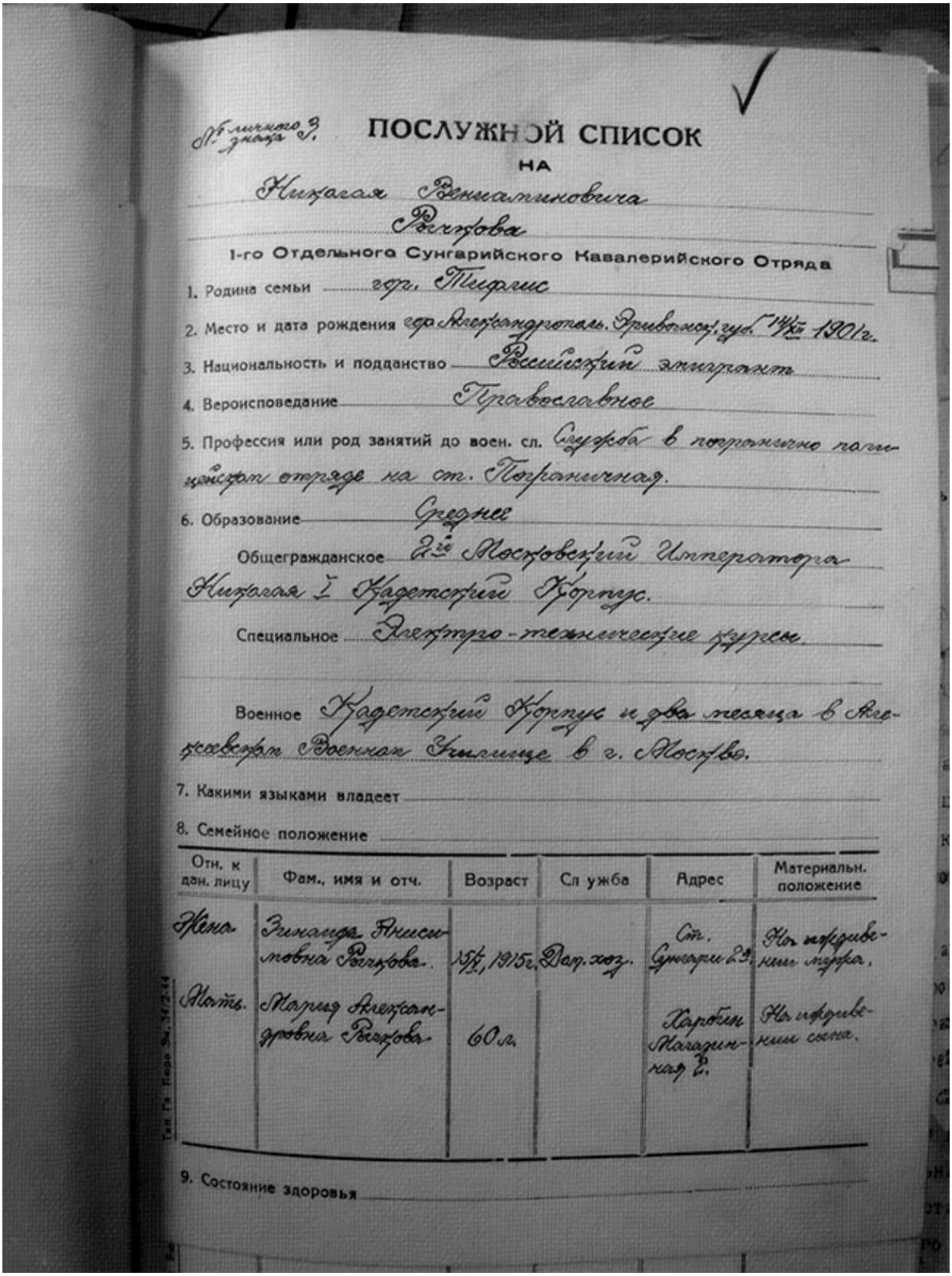
(имя, отчество, фамилия)

окончил курс Военной подготовки по 2-му разряду

при ХАЙЛАРСКОМ ПОЛИЦЕЙСКОМ КАЗАЧЬЕМ ОТРЯДѢ.

Мая 30 1943 г. Начальник Отряда

Свидетельство об окончании курса военной подготовки в Хайларском полицейском казачьем отряде. (Из коллекций ГААОСО)

№ личного знака 3.

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК

НА

Николая Вениаминовича

Рыкова

1-го Отдельного Сунгарийского Кавалерийского Отряда

1. Родина семьи гор. Тифлис

2. Место и дата рождения гор. Александрополь, Эриванск. губ. 17/XI 1901 г.

3. Национальность и подданство Российский эмигрант

4. Вероисповедание Православное

5. Профессия или род занятий до воен. сл. Служба в пограничной пятисотенной отряде на ст. Пограничная.

6. Образование Среднее

Общегражданское 2-го Московский Императора Николая I Кадетский Корпус.

Специальное Электро-технические курсы.

Военное Кадетский Корпус и два месяца в Алексеевском Военном Училище в г. Москве.

7. Какими языками владеет

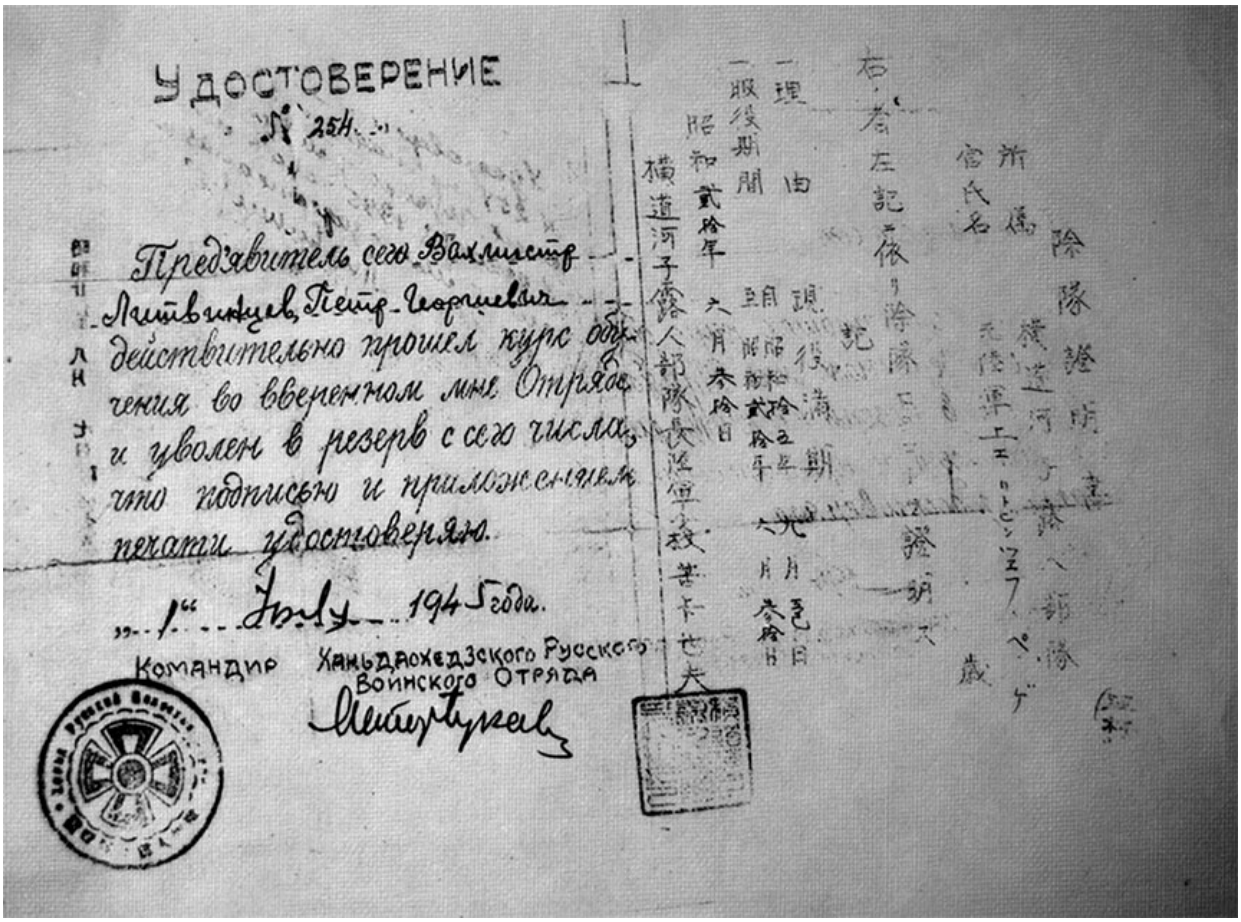
8. Семейное положение

Отн. к дан. лицу	Фам., имя и отч.	Возраст	Служба	Адрес	Материальн. положение
Жена	Зинаида Яковлевна Рыкова.	25/I, 1915 г.	Дом. хоз.	Ст. Сунгари 2-я.	На иждивении мужа.
Мать.	Мария Александровна Рыкова.	60 л.		Харбин Магазинная 2.	На иждивении сына.

9. Состояние здоровья

Тип. Гл. Упр. Ген. Шт. 34.2.44

Послужной список военнослужащего отряда Асано.

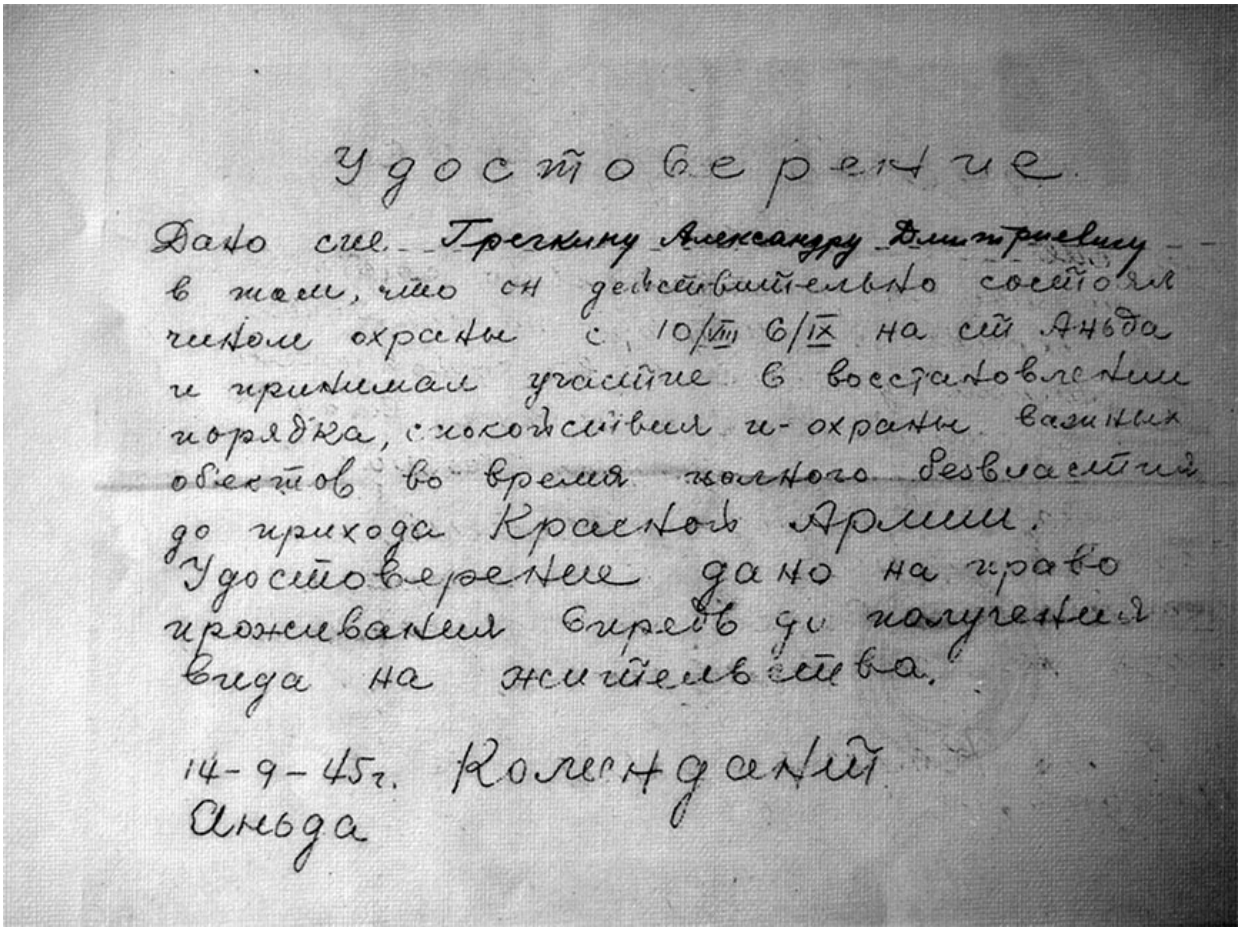

УДОСТОВЕРЕНИЕ
№ 254.

Предъявитель сего Вахмистр
Литвинцев Петр Георгиевич
действительно прошел курс обу-
чения во вверенном мне Отряде
и уволен в резерв с сего числа,
что подписью и приложением
печати удостоверяю.

„1" July 1945 года.

Командир Хайларского Русского
Воинского Отряда

Удостоверение о прохождении срока военной службы в Хайларском РВО. (Из коллекций ГААОСО)

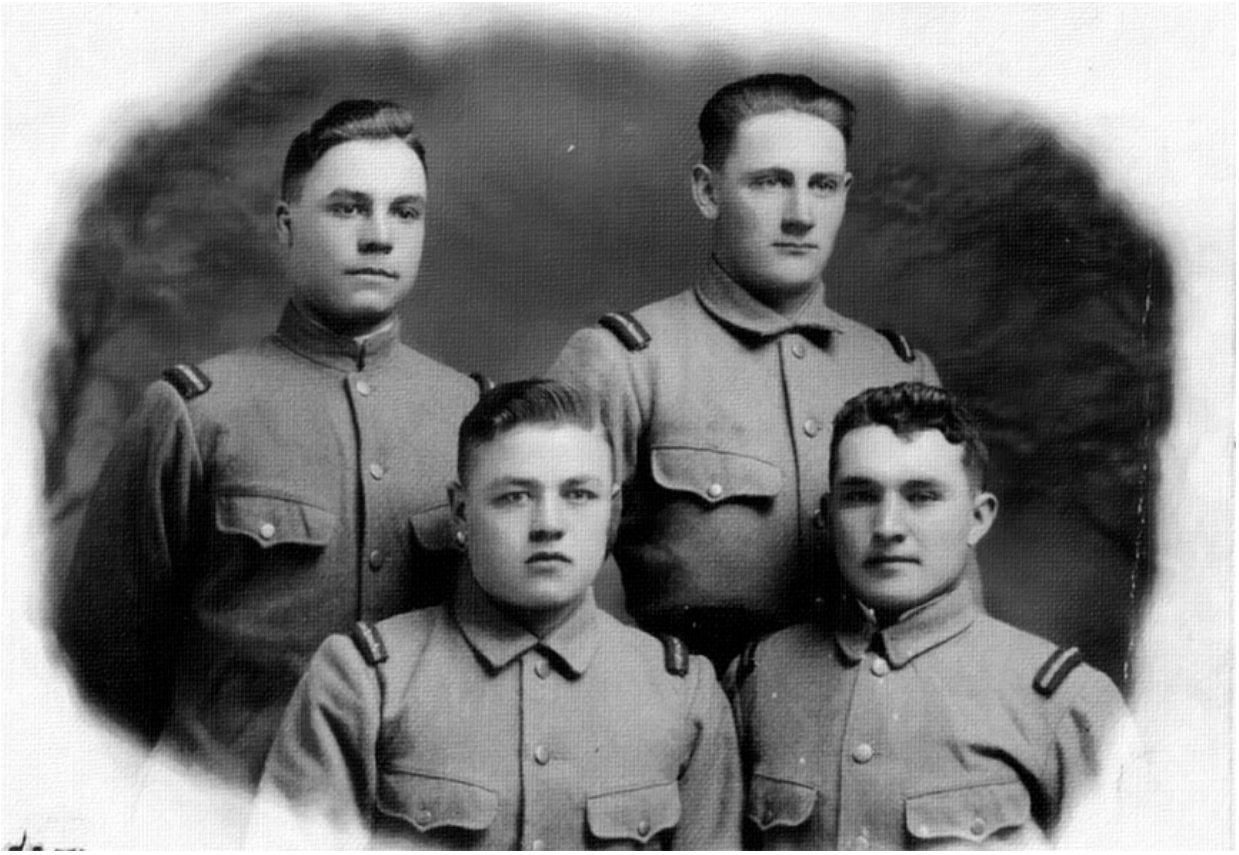
Удостоверение

Дано сие Гречкину Александру Дмитриевичу в том, что он действительно состоял членом охраны с 10/VIII 6/IX на ст Аньда и принимал участие в восстановлении порядка, охраняемых им-охраны важных объектов во время полного безвластия до прихода Красной Армии.

Удостоверение дано на право проживания впредь до получения вида на жительство.

14-9-45г. Комендант
Аньда

Удостоверение советской комендатуры станции Аньда, выданное бойцу охранного отряда станции. (Из коллекций ГААОСО)

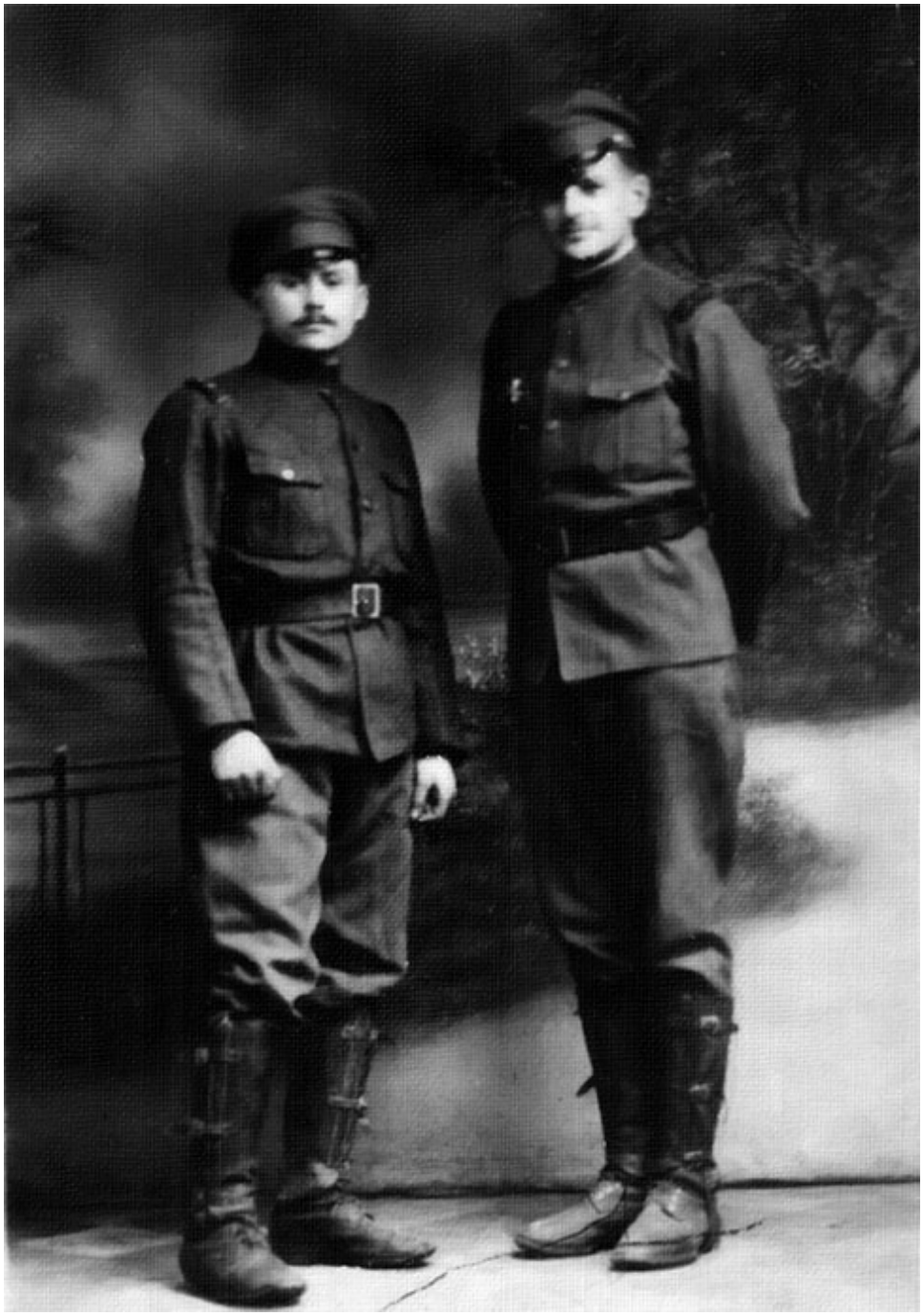
Военнослужащие отряда Асано. Пос. Шанчай, начало 1943 г. (Фото из коллекций ГААОСО)

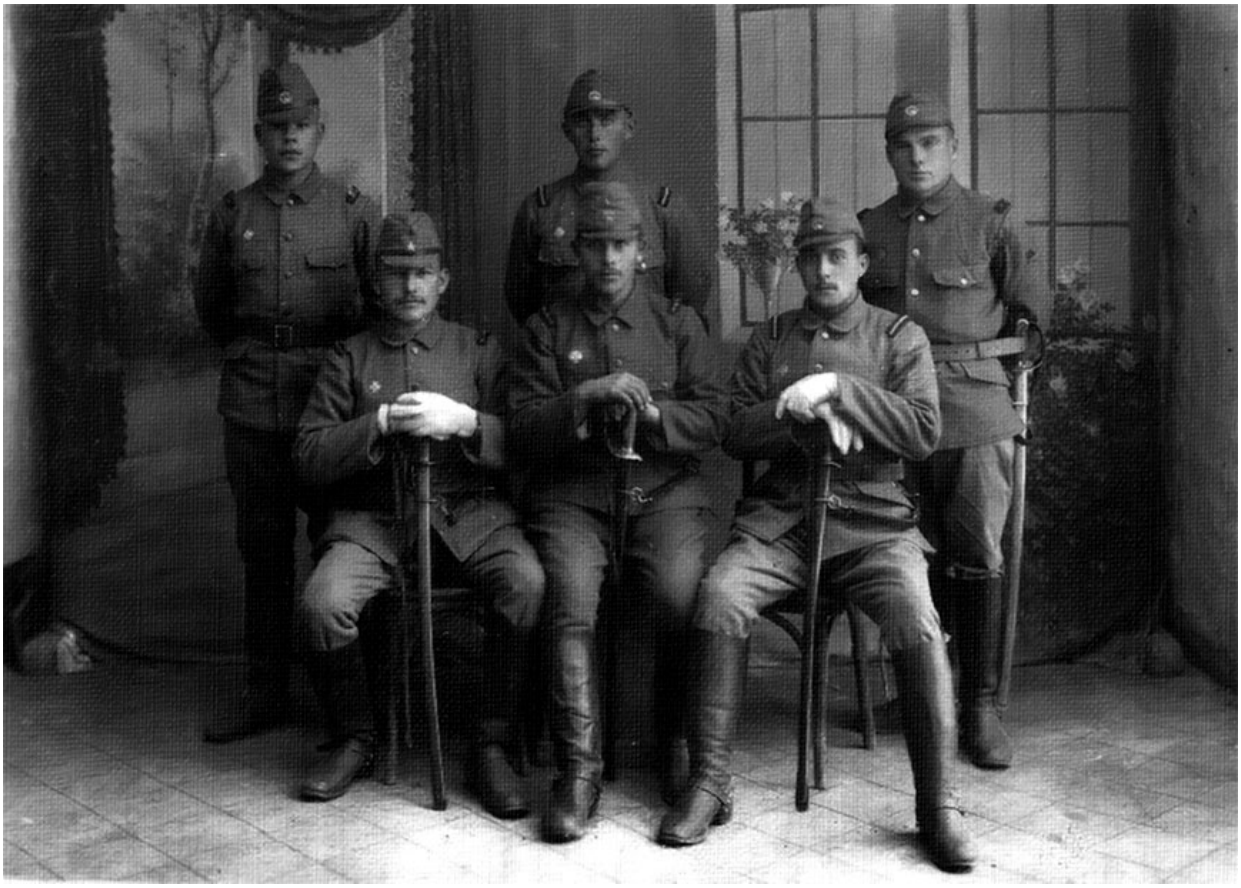
Военнослужащие отряда Асано у казармы. Ст. Сунгари–2. (Фото из коллекций ГААОСО)

Военнослужащие отряда Асано Г. Я. Коваленко и Галай. Надпись на обороте: «1-го Декабря 1941 год. Ст. Сунгари—Вторая. Отряд Асано. На память о мне, моей службе и моей тоске. Ваш Г. Коваленко». (Фото из коллекций ГААОСО)

Дежурный по эскадрону младший унтер-офицер Б. Н. Плотников. 1944 г. (Фото из коллекций ГААОСО)

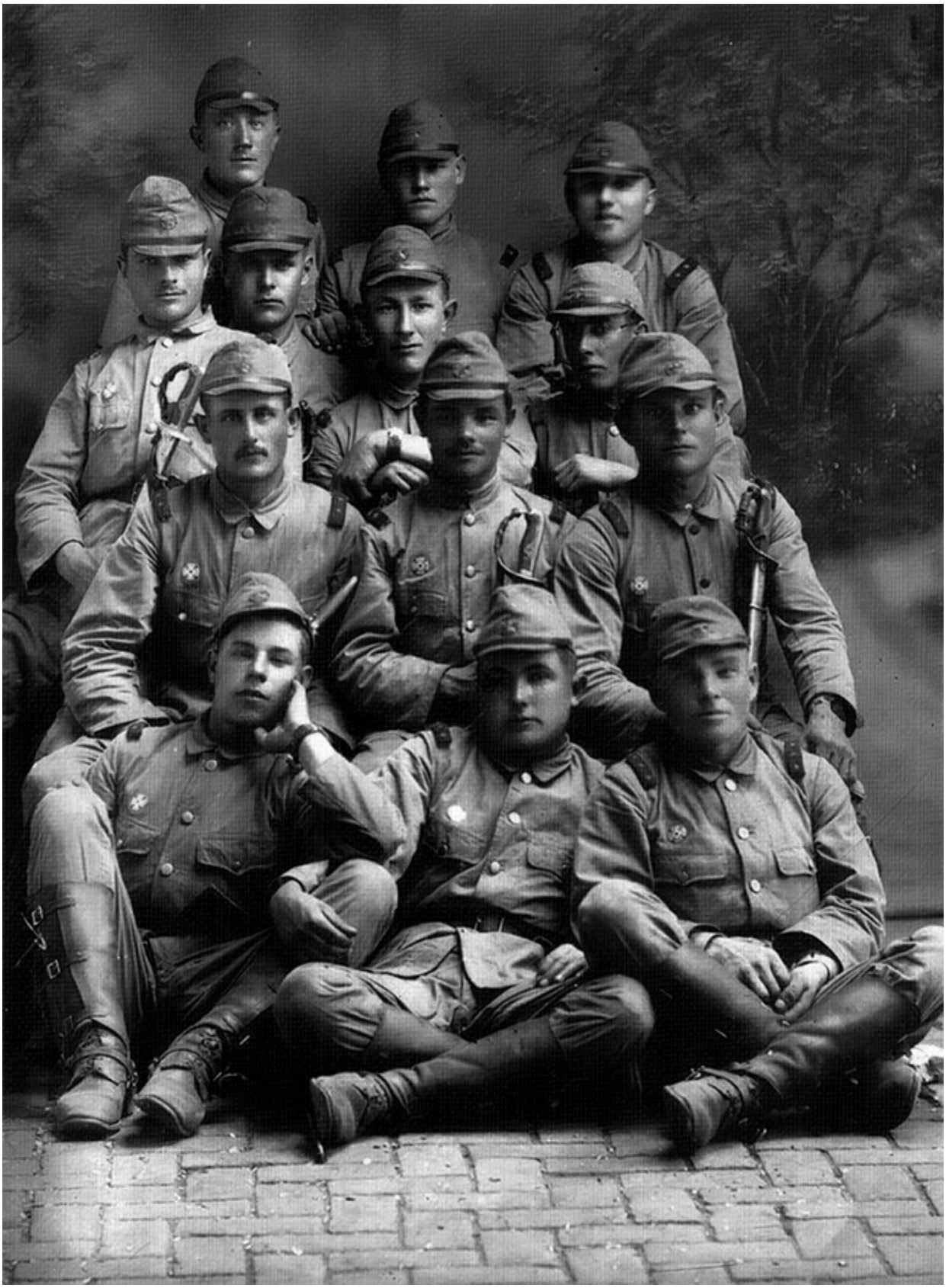
Группа военнослужащих отряда Асано. 1944 г. (Фото из коллекций ГААОСО)

Военнослужащие отряда Асано в увольнении в пос. Шанчай. 1944 г. (Фото из коллекций ГААОСО)

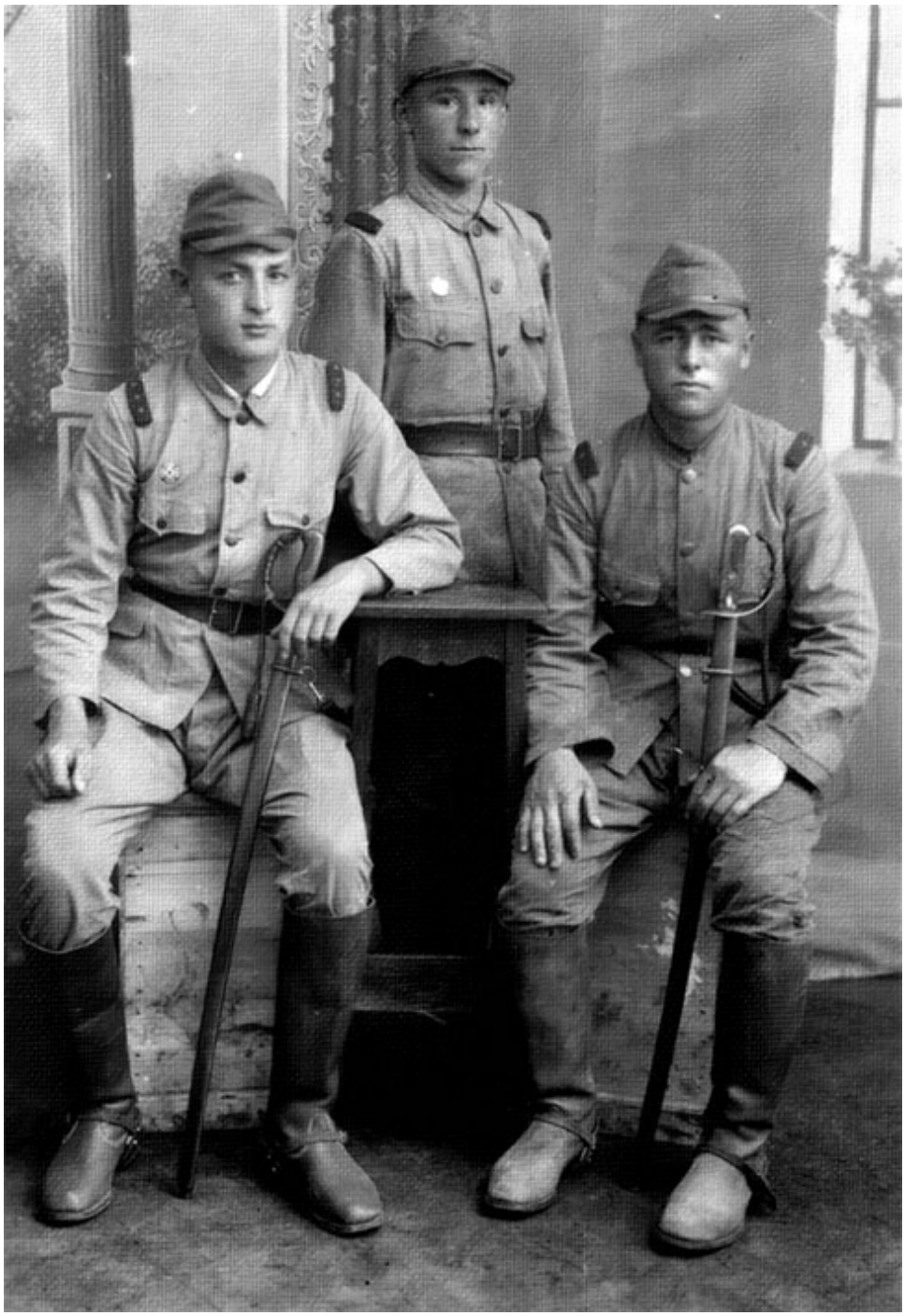
Военнослужащие отряда Асано в увольнении

Группа военнослужащих отряда Асано. 1944 г. (Фото из коллекций ГААОСО)

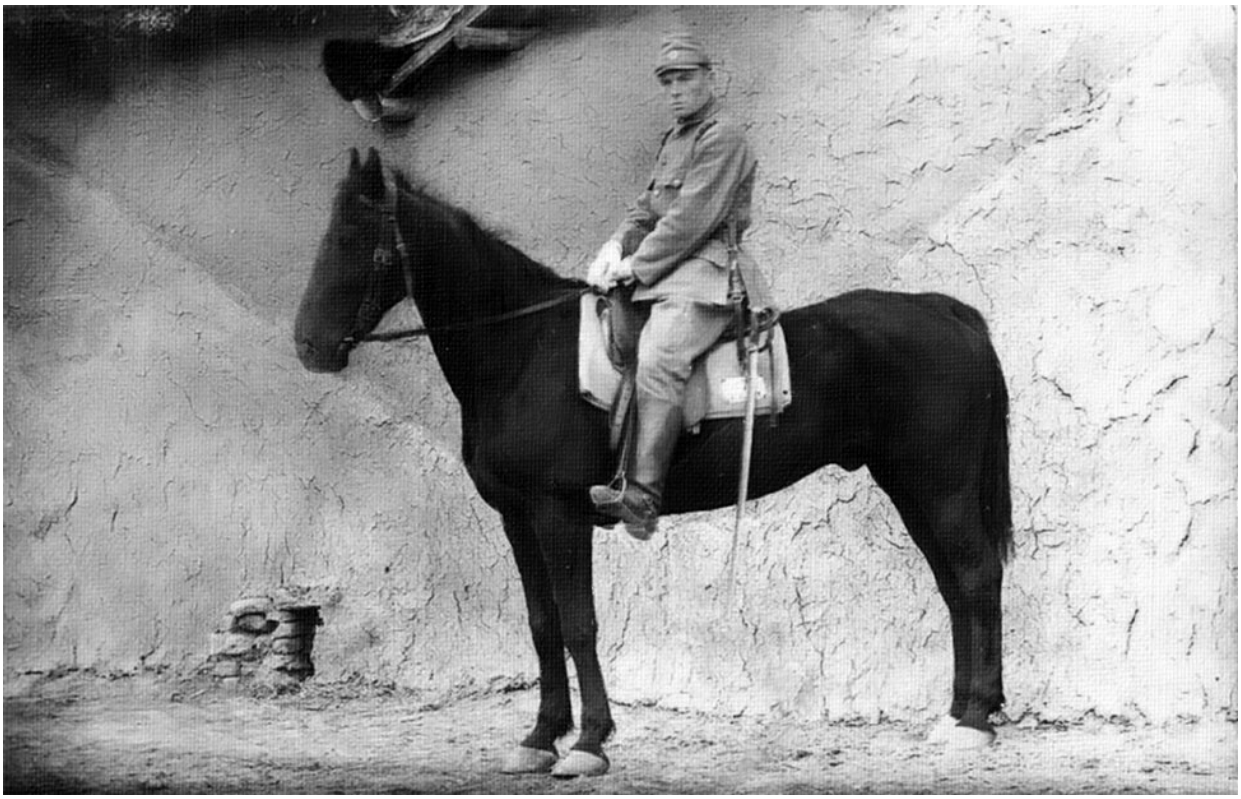
Группа военнослужащих отряда Асано, команда связи. Октябрь 1944 г.

Группа военнослужащих отряда Асано. 1944 г. Сидит справа Н. А. Касатов.

Курсанты юнкерского училища отряда Асано. Слева направо: стоят – А. Д. Гречкин, Г. Я. Коваленко, сидят – Б. А. Зимин. Надпись на обороте: «Ст. Сунгари—Вторая. Отряд Асано. 14 августа 1943 года. На память о школе и друзьях». (Фото из коллекций ГААОСО)

Старший ефрейтор И. Н. Дурновцев. Надпись на обороте: «Посмотрите на своего защитники Родины и его боевого друга Ворона за № 477. Снимался 12 октября 1944 г.». (Фото из коллекций ГААОСО)

Курсант Г. Я. Коваленко. (Из коллекций ГААОСО)

Майор Эдмиза (Идзима) Такеси после ареста в 1945 г.

Старший ефрейтор М. З. Микулович. (Из коллекций ГААОСО)

Фельдфебель Баба Цунео после ареста в 1945 г.

Бойцы эскадрона ротмистра Мустафина в охранном отряде станции Аньда в советской форме и с советским оружием. Август 1945 г. (Фото из коллекций ГААОСО)

---

notes

Примечания

1

См. приложение.

2

См. приложение.

3

Буяков А. М., Шинин О. В. Деятельность органов безопасности на Дальнем Востоке в 1922–1941 гг. – М.: Кучково поле; Беркут, 2013. С. 167, 168.

4

Hoover Institution Archives. Aleksandr Lukomskii. Box 1. F. 1-35. P. 144–146.

5

См. приложение.

6

Уваров Б. Шаньдунский офицерский инструкторский отряд (1925–1928 гг.) // Белая эмиграция в Китае и Монголии. Сост., науч. ред., предисл. и коммент. С. В. Волкова. – М., 2005. С. 145, 146.

7

Подробнее об истории Русской группы войск Шаньдунской армии см.: *Балмасов С. С.* Белоэмигранты на военной службе в Китае. – М., 2007.

8

Тарасов А. П. Противостояние красных и белых в китайском Дамысово (28 сентября 1929 г.) // http://mifussr.lifejournal.com/71094.html (дата обращения: 28.01.2014).

9

Мелихов Г. В. Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке (1925–1932). – М., 2007. С. 165.

10

Трехречье – приграничный с советским Забайкальем район в бассейне рек Дербул, Хаул и Ган, населенный преимущественно казаками Забайкальского казачьего войска.

11

Подробнее см.: Геноцид русских людей в Трехречье. 1929 год [Электронный ресурс] // Историко-культурное наследие Кубани: [сайт]. URL: http://www.rus-sky.org/history/library/trexrechie.htm (дата обращения 15.04.2010); *Мелихов Г. В.* Указ. соч. С. 169.

12

См. приложение.

13

Кислицин В. А. В огне Гражданской войны // Русская Атлантида. – Челябинск, 2010. № 36.

14

Буяков А. М., Шинин О. В. Указ. соч. С. 258.

15

Буяков А. М., Шинин О. В. Указ. соч. С. 180.

16

Там же.

17

Заря. – Харбин, 1932. 16 июля.

18

См. приложение.

19

См. приложение.

20

Истоки *Русской фашистской партии* лежали в фашистском движении, оформившемся в стенах Харбинского юридического факультета в середине 1920-х гг. под руководством бывшего офицера Белой армии А. Н. Покровского. Русские приверженцы итальянского фашизма пытались создать новую, национально-корпоративную основу антибольшевистского движения, полагая, что монархизм утратил свой политический потенциал, а западно-демократическая идея чужда России. На рубеже 1920–1930-х гг. в Русской фашистской организации, созданной в 1925 г., разгорелись идейные разногласия, и часть более молодых соратников Покровского покинули его, образовав в 1931 г. Русскую фашистскую партию. Первым формальным председателем партии стал генерал-майор В. Д. Косьмин, а реальное руководство принадлежало К. В. Родзаевскому. С 1933 г. руководство РФП полностью перешло в руки Родзаевского. В 1934 г. РФП объединилась с Всероссийской фашистской организацией А. А. Вонсяцкого, имевшей штаб-квартиру в США. Результатом объединения стало создание Всероссийской фашистской партии (ВФП). Через некоторое время между Родзаевским и Вонсяцким произошел раскол. В 1938 г. ВФП была переименована в Российский фашистский союз (РФС), просуществовавший до 1943 г.

21

Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО). Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 41597. Хаджин. Л. 38, 47, 48; д. 36404. Москаленко. Л. 18, 19.

22

Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. 1588. Оп. 1. Д. ПУ-6602. Т. 1. Л. 80, 81.

23

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 36456. Омельченко. Л. 14, 15; д. 31517. Л. 30; д. 42047. Л. 10.

24

Союз мушкетеров возник в Харбине в 1924 г. как организация «улично-ударного» типа, противодействовавшая разгулу советского Отмола (Отряды молодежи), созданного после прихода на КВЖД большевиков. Название объединения было навеяно романтическими идеалами молодых создателей Союза во главе с князем В. И. Гантимуровым и шедшим в то время в городе американским фильмом «Три мушкетера». В 1925 г. часть «мушкетеров» во главе с Гантимуровым выехали в Северный Китай и поступили на службу в Русскую группу войск армии генерала Чжан Цзунчана. Часть «мушкетеров» прошли в дальнейшем обучение в Юнкерской роте и Шаньдунской военно-инструкторской школе, получив офицерские звания. Во второй половине 1920-х гг. Союз мушкетеров в Харбине вел полуподпольное существование, дискутируя «кулачными методами» с отмольцами, что приводило к жертвам и с той и с другой стороны. В 1929 г. Союз мушкетеров провозгласил себя организацией монархического толка, шефом Союза стал Великий Князь Никита Александрович. В связи с чем организация стала официально именоваться «Союз мушкетеров Его Высочества Великого князя Никиты Александровича». Руководителем Союза с конца 1920-х гг. являлся В. С. Барышников. В первой половине 30-х гг. Союз мушкетеров достигает пика своего развития. Помимо Маньчжурского отдела, самого многочисленного и сильного, существовал 2-й Северо-Американский отдел с центром в Сан-Франциско и 3-й Шанхайский отдел. Общее количество отрядов «мушкетеров» доходило до 15. В 1937 г. из-за внутренних противоречий и стремления со стороны прояпонских кругов эмиграции

поставить Союз под жесткий контроль в организации произошел раскол. Большая часть «мушкетеров» отошла от дел. Сохранившаяся часть Союза под руководством С. Егупова вошла в состав Монархического объединения и прекратила свое существование вместе с ним в 1942 г.

25

См. приложение.

26

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 32506. Потапов. Л. 45.

27

См. приложение.

28

См. приложение.

29

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 36447. Л. 49, 50.

30

Там же. Д. 20310. Л. 57.

31

Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 830. Оп. 3. Смирнов Я. Я.

32

См. приложение.

33

Алексеев М. Советская военная разведка в Китае и хроника «китайской смуты» (1922–1929). – М.: Кучково поле, 2010. С. 358.

34

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5. Л. 9–12.

35

Архив Музея русской культуры. Ф. А-43-1. Русские эмигранты на Дальнем Востоке. Кор. 1. Папка. Доклады, сводки о положении русских эмигрантов на Дальнем Востоке.

36

Вероятно, в 1933 г. произошла реорганизация Дальневосточного отдела РОВС. В частности, Харбинское отделение стало самостоятельным отделом, представлявшим Обще-Воинский Союз в «независимом» государстве Маньчжоу-го.

37

См. приложение.

38

Часовой. – Париж, 1934. № 131–132. С. 38.

39

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33582. Шмейсер. Н/д. Л. 20; Грядущая Россия. – Харбин, 1934. № 9–10. С. 44.

40

Мушкетер. – Харбин, 1932. № 7. С. 4, 5, 19; № 8. С. 19.

41

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 37484. Л. 30.

42

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 35943. Л. 22.

43

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 46300. Л. 274.

44

Там же.

45

Архив Музея русской культуры. Ф. А-43-1. Русские эмигранты на Дальнем Востоке. Кор. 3. Папка. Дитерихс – Миллер.

46

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 49059. Л. 16.

47

Часовой. – 1936. № 163. С. 32.

48

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 36446. Л. 33.

49

Зов казака. – Харбин, 1938. С. 54, 55.

50

Луч Азии. – Харбин, 1937. № 4 (32). С. 18–22.

51

Нация. – Шанхай, 1937. № 10. С. 3, 4.

52

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 39580. Гукаев А. Н. Л. 15; ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 11800. Гукаев А. Н.

53

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33286. Горюков. Л. 87, 88.

54

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сб. документов. Т. 1. Накануне. Кн. 1 (ноябрь 1938 – декабрь 1939 г.). – М.: АО «Книга и бизнес», 1995. С. 36, 37.

55

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33286. Горюков. Л. 89.

56

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 37244. Майоров. Л. 33.

57

Там же. Д. 36899. Матов. Н/д. Л. 17.

58

Заамурский округ Отдельного корпуса пограничной стражи – территориально-организационная структура военной охраны Китайской Восточной железной дороги и ее служебного и технического персонала. Округ был создан в 1901 г. на базе Охранной стражи КВЖД. На момент формирования он состоял из 55 рот, 55 сотен, 6 батарей и 25 учебных команд, с общей численностью личного состава в 25 тысяч человек. В годы русско-японской войны части корпуса принимали участие в боевых действиях. После окончания русско-японской войны в связи с сокращением протяженности КВЖД численность войск Заамурского округа была сокращена. В 1910 г. округ был вновь реорганизован и получил военную организацию. Он включил в себя 6 пеших и 6 конных полков, 4 батареи, саперную роту и другие части. В период Первой мировой войны основная часть войск округа была направлена на юго-западный фронт. Недостаток сил для охраны КВЖД восполнялся организацией ополченческих дружин. Официально охранная стража КВЖД прекратила свое существование в июле 1920 г.

59

ГАРФ. Ф. Р-7044. Оп. 1. Д. 3. Л. 194, 284; ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Ядыкин Н. А.

60

Шанхайский Русский волонтерский полк – первоначально как Русский отряд Шанхайского волонтерского корпуса был сформирован при непосредственном участии генерал-лейтенанта Ф. Л. Глебова в январе 1927 г. Целью его создания являлась необходимость привлечения русских эмигрантов для охраны объектов иностранных концессий в период борьбы прокоммунистически настроенных китайцев против иностранного влияния и войны между Северным и Южным Китаем. Основу отряда составили чины Дальневосточной казачьей группы в количестве 40 человек. Весной 1927 г. численность отряда выросла до 300 человек, позднее была несколько сокращена. С июля 1928 г. отряд был переименован в Отдельный русский отряд Шанхайского волонтерского корпуса. В начале 30-х годов в условиях разрастающегося японо-китайского конфликта численность охранных структур иностранных концессий Шанхая заметно выросла. В феврале 1932 г. русский отряд был переформирован в Шанхайский русский волонтерский полк 4-ротного состава численностью до 400 человек. Командирами Русского отряда последовательно являлись капитан 1-го ранга Н. Г. Фомин, полковник Г. Г. Тиме, полковник С. Д. Иванов. В декабре 1943 г. Русский волонтерский полк был преобразован в 4-й отряд обще-полицейского корпуса Шанхая. Подразделение прекратило свое существование в 1945 г.

61

ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 339. Агеев К. П.

62

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 36664. Л. 15, 45; д. 33527. Л. 16.

63

Буяков А. М., Шинин О. В. Указ. соч. С. 60, 61.

64

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 36570. Л. 10–12; д. 39939. Л. 24–26.

65

Стоит отметить, что параллельно с деятельностью ЯВМ разведывательную работу вели японская жандармерия и армейская разведка, а также разведка Маньчжоу-го.

66

См. приложение.

67

Цит. по: *Буяков А. М., Шинин О. В.* Указ. соч. С. 68.

68

Подробнее см.: Хабаровские чекисты. История в документах и судьбах / Автор-сост. А. С. Колесников. – Хабаровск, 2011.

69

Буяков А. М., Шинин О. В. Указ. соч. С. 158.

70

Нация. 1937. № 10. С. 44.

71

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33401. Бердник. Л. 11–13, 49.

72

Там же. Д. 39452. Л. 8 об, 9.

73

Там же. Д. 35943. Л. 171–174.

74

По версии Дж. Стефана, имя майора Асано было Такэси. Есть еще одна версия имени Асано – Сэтцу.

75

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33169. Хундадзе. Л. 27.

76

В ноябре 1937 г. премьер-министр Маньчжоу-го маршал Чжан Цзинкуй подписал с командующим Квантунской армии генералом Уэда договор, согласно которому оборона границ Маньчжурской империи переходила под контроль японской армии. Это привело к установлению окончательного контроля японцев над маньчжурской армией, в рядах которой заметно увеличилось количество японских офицеров, формально являвшихся офицерами армии Маньчжоу-го.

77

Stephan J. J. Russian Soldiers in Japanese service: The Asano brigade // Shikan. The Historical Review. – Tokyo, 1977. № 95. P. 61.

78

Вся территория Маньчжоу-го в 1934 г. была разделена на 10 военных округов, в дальнейшем количество округов увеличилось и в 1941 г. составило 19. Штаб 4-го военного округа располагался в Харбине.

79

ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 23191. Коссов Н. Б.

80

Архив УФСБ РФ по Хабаровскому краю. Д. П-97686; воспоминания К. Г. Асриянца // Личный архив С. В. Смирнова.

81

Луч Азии. – Харбин, 1935. № 13. С. 10.

82

Архив УФСБ РФ по Хабаровскому краю. Д. П-97686.

83

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33401. Бердник. Л. 10.

84

Наумов С. В. Наш старейший читатель (К 95-летию В. Е. Гольцова) // Донские казаки в борьбе с большевиками. – Подольск, 2011. № 6. С. 52.

85

См. приложение.

86

См. приложение.

87

См. приложение.

88

Лешко О. Русские в Маньчжуго. – Шанхай, 1937. С. 125.

89

Там же. С. 126.

90

Национальная организация русских разведчиков (НОРР) выделилась из организации русских скаутов в 1928 г. под руководством полковника П. Н. Богдановича. Центром НОРР являлся Париж. Первый отряд русских разведчиков в Харбине возник в 1929 г., первоначально его возглавлял подпоручик Б. А. Березовский, позднее Ю. Н. Лукин. По-настоящему активная деятельность НОРР, позиционировавшей свою принадлежность к монархическому движению, развернулась после создания Маньчжоу-го. С 1933 г. во главе Маньчжурского отдела НОРР встал подполковник А. П. Зеленой. Были сформированы три районных отделения – восточный, западный и южный, соответствовавшие линиям КВЖД. Штаб отдела располагался в Харбине. В общей сложности Маньчжурский отдел НОРР состоял из 12 бригад, разделенных на отряды и звенья. По некоторым сведениям, численность разведчиков доходила до 1,5 тысяч человек. В 1938 г. НОРР наряду с другими монархическими организациями был включен в состав Монархического объединения.

91

См. приложение.

92

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 39939. Тимофеев. Л. 57, 60.

93

Архив УФСБ по Хабаровскому краю. Д. П-93433; ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 41212. Рычков Н. В.; Луч Азии. – 1937. № 8 (36). С. 38.

94

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 37624. Мустафин В. Л. 10, 16.

95

Архив УФСБ по Хабаровскому краю. Д. П-93433.

96

ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 32296. Мустафин Л. Н.; *Лукин Ю. Н.* Краткий очерк истории, состоящей под покровительством Е. И. В. Великой Княгини Ксении Александровны, Национальной Организации Русских Разведчиков. – Харбин, 1936. С. 14.

97

Архив УФСБ по Хабаровскому краю. Д. П-160183; ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 48319. Тырсин В. В.

98

ГАРФ. Ф. Р-5963. Оп. 1. Д. 24. Л. 114.

99

Архив УФСБ по Хабаровскому краю. Д. П-160183.

100

Цит. по: *Балмасов С. С.* Указ. соч. С. 467.

101

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 39452. Л. 11; ГАПК. Д. ПУ-5094. Т. 1. Л. 17.

102

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33756. Лукеш. Л. 9, 10.

103

Там же. Д. 35936. Федореев. Л. 10; Архив УФСБ по Хабаровскому краю. Д. П-85622.

104

Архив УФСБ по Хабаровскому краю. Д. П-93433.

105

ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 8892. Враштиль А. В.

106

И. И. Якуш служил в отряде Асано до конца 1940 г., затем был переведен на службу во 2-й отдел Харбинской Военной миссии. В 1944–1945 гг. возглавлял Харбинский отдел Союза резервистов. Был арестован контрразведкой СМЕРШ в августе 1945 г.

107

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 40291. Л. 34.

108

В июне 1938 г. ДВСВ вошел в состав Монархического объединения, включившего в себя также Союз казаков Восточной Азии, НОРР, Союз мушкетеров и литературно-художественный кружок им. Августейшего поэта К. Р.

109

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33744. Л. 12; д. 36696. Л. 15.

110

Там же. Д. 33744. Литвинцев. Л. 10–12.

111

Там же. Д. 31501. Алтабасов. Л. 20.

112

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 36992. Л. 7 об.

113

Там же. Д. 40291. Богатырь. Л. 11.

114

Там же. Л. 22.

115

Широкорад А. Б. Россия и Китай. Конфликты и сотрудничество. – М.: Вече, 2004.

116

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 18079. Л. 12.

117

Там же. Д. 33744. Л. 15, 16.

118

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33200. Чупров. Л. 27, 28.

119

Там же. Д. 33169. Л. 24.

120

Там же. Д.33200. Чупров. Л. 54.

121

ГАПК. Ф. 1588. Оп. 1. Д. ПУ-6602. Т. 2. Л. 27.

122

Широкорад А. Б. Указ. соч. С. 283, 284.

123

Пехота Японской Императорской армии // http://www.renascentia.ru/w2_japon.htm (дата обращения: 25.01.2014).

124

Бусидо (Путь воина) – своеобразный кодекс самурайского сословия периода сегуната Токугава (XVII–XIX вв.), регламентировавший все стороны его жизни.

125

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 39452. Л. 28.

126

Нация. – 1937. № 9. С. 29–34.

127

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33252. Л. 51.

128

См. приложение.

129

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33415. Л. 16.

130

ГАПК. Ф. 1588. Оп. 1. Д. ПУ-6602. Т. 3. Л. 46, 47.

131

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33998. Л. 20.

132

Там же. Д. 33415. Л. 15.

133

В дальнейшем капитан Оомура преподавал радиодело в разведшколе ЯВМ в Харбине.

134

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33580. Л. 43; Д. 36938. Л. 28; ГАПК. Ф. 1588. Оп. 1. Д. ПУ-6602. Л. 302.

135

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33415. Л. 20.

136

Там же. Д. 37428. Л. 18; д. 33572. Л. 23.

137

Там же. Д. 33297. Л. 18.

138

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 18079. Л. 12.

139

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33580. Л. 10; ГАПК. Ф. 1588. Оп. 1. Д. ПУ-6602. Т. 2. Л. 43.

140

Винокуров В. Кавалерийский отряд Асано // Русская Атлантида. – 2008. № 29. С. 40, 41.

141

Винокуров В. Указ. соч. С. 41.

142

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 45945. Л. 31.

143

Винокуров В. Указ. соч. С. 42.

144

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 41035. Л. 49.

145

Там же. Д. 33755. Л. 12; д. 33744. Л. 102 об.

146

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33580. Л. 11.

147

Там же. Д. 36986. Л. 18.

148

Там же. Д. 33169. Л. 13; д. 40291. Л. 26; ГАПК. Ф. 1588. Оп. 1. Д. ПУ-6602. Т. 3. Л. 48.

149

См. приложение.

150

См. приложение.

151

ГАПК. Ф. 1588. Оп. 1. Д. ПУ-6602. Т. 5. Л. 69–71.

152

ГАПК. Ф. 1588. Оп. 1. Д. ПУ-6602. Т. 4. Л. 125–127.

153

Луч Азии. – 1939. № 8 (60). С. 1.

154

Памятник борцам с Коминтерном в Харбине был взорван по приказу советских военных властей в августе 1945 г.

155

ГАХК. Ф.830. Оп.3. Д. 32795. Натаров М. А.

156

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 20479. Л. 13.

157

ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 23191. Коссов Б. Н.

158

Балмасов С. С. Указ. соч. С. 466, 467; *Окороков А. В.* Русские добровольцы. Неизвестные войны XIX–XX вв. – М.: ООО «Авуар консалтинг», 2004. С. 196, 197; *Стефан Дж.* Указ. соч. С. 235; *Усов В. Н.* Советская разведка в Китае: 30-е годы XX века. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2007. С. 335, 336; *Яковкин Е. В.* Русские солдаты Квантунской армии. – М.: Вече, 2014. С. 135–137.

159

Впервые на активное участие отряда Асано в боях на Хахин-Голе указывает Дж. Стефан. В отечественной историографии основоположником мифа об асановцах на Халхин-Голе нужно считать А. Кайгородова.

160

Друг полиции: Ежемесячное издание «Союза полиции Маньчжу-Ди-Го». – Харбин, 1939. № 9. С. 14, 15.

161

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 40262. Л. 22.

162

Там же. Д. 33492. Л. 5–26.

163

Зарубежный казак. – Харбин, 1940. Сент. С. 26, 27.

164

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 36992. Л. 10, 10 об.

165

Там же. Д. 35507. Л. 40.

166

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 36938. Кутц. Л. 54.

167

Великая Маньчжурская империя. К десятилетнему юбилею. – Харбин: Издание государственной организации Киовакай и Главного Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи, 1942. С. 85.

168

Из письма начальника Муданьцзянской ЯВМ подведомственным подразделениям от октября 1942 г.

169

Павлов М. И. Воспоминания // Озерлаг: как это было. Сост. и авт. предисл. Л. С. Мухин. – Иркутск: Вост. – Сиб. кн. изд-во, 1992. С. 205, 206.

170

Берзин Г. П. Мой СМУ // Русская Атлантида. – 2000. № 4. С. 52.

171

Санников В. Под знаком Восходящего Солнца в Маньчжурии. Воспоминания. – Сидней, 1990. С. 85

172

Там же. С. 98, 99.

173

Публикации в газете «Русские в Китае» (Екатеринбург) и журнале «Русская Атлантида» (Челябинск).

174

Краткие сведения из уставов для обучения молодых казаков. – [Б.м.][Б.г.]. С. 1.

175

Зарубежный казак. – Харбин, 1940. Сент. С. 27.

176

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 18472. Л. 42; д. 41035. Л. 21 об.

177

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 41035. Л. 21; ГАПК. Ф. 1588. Д. ПУ-6602. Т. 2. Л. 38.

178

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 37624. Л. 17.

179

Там же. Д. 37624. Мустафин. Л. 11, 13 об.

180

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33415. Л. 33; д. 33444. Л. 25.

181

Там же. Д. 40291. Л. 26; д. 33444. Л. 25; д. 35880. Л. 38.

182

Воспоминания К. Г. Асриянца // Личный архив С. В. Смирнова.

183

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33519. Л. 8, 9, 16, 17.

184

Горбунов Е. А. Схватка с Черным Драконом. Тайная война на Дальнем Востоке. – М.: Вече, 2002. С. 446.

185

Еще в 1920-е гг. японский Генштаб разработал стратегический план войны против СССР, известный под названием «Оцу». План этот постоянно корректировался в связи с изменением военно-политической обстановки на Дальнем Востоке.

186

Кошкин А. А. Японский фронт маршала Сталина. Россия и Япония: тень Цусимы длиною в век. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. С. 144.

187

Там же. С. 147.

188

См. приложение.

189

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 29450. Л. 122.

190

Там же. Д. 36813. Л. 3 об.

191

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33169. Л. 27.

192

Там же. Д. 35507. Л. 40.

193

Там же. Д. 35937. Л. 26.

194

См. приложение.

195

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 36938. Л. 28.

196

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 36938. Л. 19; д. 33490. Л. 22.

197

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 2. Кн. 1. «Начало» (22 июня – 31 августа 1941 г.). – М., 2000. С. 347.

198

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 18472. Л. 16; ГАПК. Ф. 1588. Оп. 1. Д. ПУ-6602. Т. 3. Л. 163.

199

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 18472. Л. 16.

200

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 40291. Л. 27.

201

Там же. Д. 36938. Л. 20 об.

202

Там же. Л. 12, 21.

203

Орден Столпов Государства был учрежден в сентябре 1936 г. и соответствовал ордену Священного Сокровища Японской Империи.

204

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 36074. Л. 40.

205

ГАПК. Ф. 1588. Оп. 1. Д. ПУ-6602. Т. 2. Л. 36.

206

ГАПК. Ф. 1588. Оп. 1. Д. ПУ-6602. Т. 2. Л. 26.

207

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 35880. Л. 41.

208

ГАПК. Ф. 1588. Оп. 1. Д. ПУ-6602. Т. 2. Л. 35.

209

ГАПК. Ф. 1588. Оп. 1. Д. ПУ-6602. Т. 2. Л. 46.

210

Там же.

211

Там же. Л. 45.

212

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 35880. Л. 45; ГАПК. Ф. 1588. Оп. 1. Д. ПУ-6602. Т. 2. Л. 46.

213

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 35880. Л. 41–43, 49; ГАПК. Ф. 1588. Оп. 1. Д. ПУ-6602. Т. 3. Л. 167.

214

ГАПК. Ф. 1588. Оп. 1. Д. ПУ-6602. Т. 2. Л. 46.

215

Там же. Л. 26.

216

Там же. Т. 2. Л. 27; Т. 3. Л. 21, 47–48.

217

Официально полковник А. М. Заалов был приговорен решением военного суда 10-го военного округа Маньчжоу-го от 31 марта 1944 г. к 10 годам каторжной тюрьмы и на следующий день, 1 апреля, скончался в тюрьме.

218

Балмасов С. С. Указ. соч. С. 451.

219

Архив УФСБ РФ по Хабаровскому краю. Д. П-85622; д. П-93433.

220

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33756. Лукеш. Л. 30.

221

Архив УФСБ РФ по Хабаровскому краю. Д. П-85622; д. П-97860.

222

ГАХК. Ф. 831. Оп. 2. Д. 11.

223

Согласно приведенным в Положении о Военном Училище при отряде Асано сведениям, основной годовой оклад подпоручика армии Маньчжоу-го составлял 1140 гоби, поручика – 1620, капитана – 2160, майора – 2760, подполковника – 3480, полковника – 4580. Кроме основного оклада в период с октября по март выплачивалось зимнее пособие в зависимости от места расквартирования части. Для Харбина это пособие составляло 15 %.

224

ГАХК. Ф. 831. Оп. 2. Д. 11.

225

Оправившись после контузии на Халхин-Голе, Коссов продолжал служить в штабе 4-го военного округа Маньчжоу-го. Имел чин подполковника. С 1942 г. являлся советником молодежно-воспитательного отдела Главного БРЭМ, руководил военной подготовкой русской молодежи на курсах Киовакай, в школах и добровольческих дружинах Харбина. С ноября 1943 г. – и. о. начальника, позднее – начальник 2-го (военного) отдела Главного БРЭМ. Полковник Императорской армии Маньчжоу-го.

226

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 34780. Л. 9.

227

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 39955. Л. 10.

228

Там же. Л. 20 об.

229

Там же. Д. 33249. Щетинин. Л. 12.

230

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 36813. Л. 4 об.

231

В том же 1942 г. корнет Джакелли в связи с болезнью был уволен в резерв и жил в дальнейшем на станции Яблоня восточной линии СМЖД.

232

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33572. Л. 21.

233

Там же. Д. 33572. Гальвин. Л. 22, 23.

234

Там же. Д. 33196. Л. 30.

235

Там же. Д.33526. Шубин. Н/д. Л. 11.

236

См. приложение.

237

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 18472. Л. 14, 15.

238

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 36813. Л. 5.

239

Там же. Д. 34780. Буйнов. Л. 10

240

Там же. Д. 33196. Л. 45.

241

Там же. Д. 36813. Голубенко. Л. 85.

242

Там же.

243

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 39955. Л. 51.

244

Звание полковника Асано Макото получил в том же 1943 г.

245

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33415. Л. 27; д. 39955. Л. 51, 52.

246

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 36962. Л. 17; д. 33582. Л. 11, 12.

247

Там же. Д. 33169. Л. 14; Архив УФСБ РФ по Хабаровскому краю. Д. П-97686. Т. 2. Приложение 1. Л. 1, 2.

248

Там же. Д. 36930. Л. 52.

249

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33527. Мальцев. Н/д. Л. 12.

250

Там же. Д. 34942. Плотников. Л. 12.

251

Вызывают удивление приводимые некоторыми авторами (С. С. Балмасов, Е. В. Яковкин) сведения о численности личного состава русских воинских отрядов в 1941–1945 гг. в 3,5–4 тысячи человек. При этом авторы нигде не указывают, что, возможно, они отнесли к числу военнослужащих не только бойцов трех русских воинских отрядов (не более 700 человек), но и полицейских из отрядов горно-лесной полиции, резервистов и даже казаков, входивших в состав Захинганского волонтерского корпуса.

252

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 35937. Л. 27.

253

Там же. Д. 39936. Л. 14, 59.

254

На границе. Пограничная, 1937. 28 февр. С. 3.

255

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 39936. Ильинский. Л. 12, 13, 24, 25; *Ильинский А. А.* По ту сторону. Записки белогвардейского офицера // Русская Атлантида. – 2009. № 32. С. 18–24.

256

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 39816. Александров. Л. 67.

257

Там же. Д. 39936. Л. 29.

258

Там же. Д. 35091. Яшков. Л. 9, 12.

259

Там же. Д.37484. Горлов. Л. 58–61.

260

Там же. Д.33278. Шашлов. Л. 112.

261

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 37484. Л. 66.

262

Там же. Д. 29125. Кипиани. Л. 60–63.

263

Там же. Д. 33278. Шашлов. Л. 116.

264

Там же.

265

Там же. Д. 29125. Л. 93.

266

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33278. Л. 117; д. 29125. Л. 17 об.

267

Ильинский А. А. Указ. соч. С. 24.

268

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 29125. Л. 174.

269

Там же. Д. 35368. Л. 12–15.

270

Там же. Д. 33765. Л. 21.

271

См. приложение.

272

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 35937. Гусев. Л. 27.

273

Там же. Д. 36698. Спирин. Л. 79.

274

См. приложение.

275

См. приложение.

276

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33744. Литвинцев. Л. 18.

277

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33392. Л. 9.

278

Там же. Д. 33744. Л. 118.

279

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33744. Л. 118, 119.

280

См. приложение.

281

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 32506. Л. 19, 20–24.

282

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 36556. Л. 20–24; д. 33436. Л. 18–20; д. 35908. Л. 18, 19.

283

Он жил среди нас // Русские в Китае. – Екатеринбург, 1999. № 18. С. 14–17.

284

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 36697. Л. 19–25.

285

Там же. Д. 40150. Л. 134; д. 32836. Л. 23, 24.

286

Там же. Д. 36910. Л. 35; д. 37097. Л. 20, 21.

287

Там же. Д. 33730. Л. 15.

288

ГАПК. Ф. 1588. Оп. 1. Д. ПУ-6602. Т. 3. Л. 254–256.

289

Перминов В. В. Пешковский отряд: создание и гибель // Русская Атлантида. – 2011. № 40. С. 20.

290

Санников В. Указ. соч. С. 88.

291

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 37056. Л. 15.

292

Казачья эмиграция в Маньчжурии 1920–1945 гг. Обзор источников и литературы [Электронный ресурс] // Предыстория – общенациональный историко-культурный сервер [сайт]. URL: http://www.predistoria.org/index.php?name=Forums&file=viewtopic&p=37084 (дата обращения 23.10.2009).

293

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 39939. Тимофеев. Л. 57.

294

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 40406. Л. 15–19.

295

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 32506. Л. 14–16; ГАРФ. Ф. Р-7047. Оп. 1. Д. 1. Л. 37.

296

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 31920. Л. 79; Архив УФСБ РФ по Хабаровскому краю. Д. П-99944.

297

Перминов В. В. Пешковский отряд... С. 19.

298

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 40406. Л. 15–22; д. 32506. Л. 14–39.

299

Там же. Д. 32506. Л. 18; д. 36546. Л. 9.

300

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 32506. Л. 18; д. 10079. Л. 16.

301

Там же. Д. 32506. Л. 18.

302

Там же. Д. 32721. Л. 20; д. 35753. Л. 27; д. 33391. Л. 37.

303

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33391. Л. 50, 51.

304

Там же. Д. 35753. Л. 22.

305

Там же.

306

Там же. Д. 33090. Л. 19.

307

Там же. Д. 18079. Л. 14.

308

Согласно сведениям, приводимым В. В. Перминовым, И. И. Зыков после увольнения из отряда держал постоялый двор в местечке Шаратала недалеко от Хайлара, в котором жила его семья. Осенью 1945 г. он был арестован СМЕРШем и расстрелян.

309

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33391. Переводчиков. Л. 11.

310

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 32506. Л. 27.

311

Мельников П. И. В Маньчжурском походе [Электронный ресурс] // Военная литература [сайт]. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/melnikov_pi/index.html (дата обращения 18.09.2011).

312

Подполковник Синода являлся преподавателем Синьцзинской офицерской школы до августа 1945 г. В августе 1945 г. был арестован, вывезен на территорию СССР, осужден в августе 1946 г. на 15 лет ИТЛ. Умер в лагере.

313

По имеющимся данным, летом 1945 г. Идэра, уже в звании майора, был направлен японским Генеральным штабом по фиктивным документам в качестве дипкурьера МИД Японии в СССР (Москва – Чита – Владивосток). На начало советско-японской войны состоял в 1-м отделе Харбинской ЯВМ. Арестован органами СМЕРШ, содержался во внутренней тюрьме № 2 УНКВД в г. Ворошилов. Приговорен судом к высшей мере наказания. Расстрелян 16 октября 1946 г. во Владивостоке.

314

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 30945. Л. 17.

315

Балмасов С. С. Указ. соч. С. 478.

316

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 18005. Раменский. Л. 24.

317

См. приложение.

318

Время. – Харбин, 1943. 1 дек. С. 3.

319

Луч Азии. – 1943. № 11 (110). С. 56.

320

Рубеж. – Харбин, 1944. № 2. С. 1.

321

Луч Азии. – 1944. № 2 (113). С. 27, 28; Рубеж. – 1944. № 5. С. 3.

322

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33701. Баранов. Л. 87 об, 88; *Иванова О.* Сказ о кукольнике // Эхо из небытия. Сост. Л. П. Рычков. – Новгород, 1992. С. 214–221.

323

Наиболее ярким примером внедрения японским руководством чуждых элементов в христианскую культовую практику стало введение в 1944 г. обязательного для всех ритуала поклонения японской богине Солнца Аматэрасу-Оомиками. Этот шаг вызвал волну протеста со стороны иерархов русской православной церкви в Маньчжоу-го и русской эмигрантской общественности. Японцы были вынуждены в данном вопросе уступить верующим.

324

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 39580. Гукаев. Н/д. Л. 49.

325

Винокуров В. Указ. соч. С. 42.

326

День Николая Чудотворца (22 мая) являлся отрядным праздником Ханьдаохэцзийского РВО.

327

Катенин В. В. Воспоминания [Электронный ресурс] // Красноярское общество Мемориал [сайт]. URL: http://memorial.krsk.ru/index1.htm (дата обращения 04.06.2007).

328

ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Смирнов Я. Я. Л. 6.

329

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33701. Л. 9.

330

ГАПК. Ф. 1588. Оп. 1. Д. ПУ-4666. Т. 1. Л. 28.

331

См. приложение.

332

См. приложение.

333

См. приложение.

334

См. приложение.

335

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33701. Л. 119.

336

ГАПК. Д. ПУ-5094. Т. 3. Л. 13.

337

Там же. Т. 1. Л. 55–58.

338

Архив УФСБ РФ по Хабаровскому краю. Д. П-97860.

339

ГАПК. Д. ПУ-5094. Т. 1. Л. 55.

340

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33252. Л. 11.

341

ГАПК. Д. ПУ-5094. Т. 1. Л. 58.

342

Там же. Т. 3. Л. 54.

343

Там же. Л. 17.

344

Там же. Л. 94.

345

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 38261. Безродных. Л. 20 об.

346

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33778. Л. 21 об; д. 35753. Л. 33–35, 38, 41–45; д. 31920. Л. 79.

347

Перминов В. В. Наказание без преступления. – Чита, 2010. С. 54–58.

348

Перминов В. В. Наказание без преступления... С. 61, 62.

349

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33695. Л. 119, 120.

350

См. приложение.

351

См. приложение.

352

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 36016. Л. 12 об, 13; д. 35091. Л. 82.

353

ГААОСО Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 39936. Л. 14, 30, 31; *Ильинский А. А.* Указ. соч. // Русская Атлантида. – 2009. № 32. С. 26.

354

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 32860. Л. 13.

355

Там же. Д. 36668. Л. 51, 54.

356

Там же. Д. 36930. Л. 53.

357

Архив УФСБ РФ по Хабаровскому краю. Д. П-93433.

358

ГАПК. Ф. 1588. Оп. 1. Д. ПУ-6602. Т. 5. Л. 239.

359

Окороков А. В. Указ. соч. С. 201.

360

Буяков А. М. Знаки и награды российских эмигрантских организаций в Китае (Дайрен, Тяньцзинь, Харбин, Хуньчунь, Цинаньфу, Шанхай), 1921–1949 гг.: материалы к справочнику. – Владивосток: Русский остров, 2005. С. 80.

361

Неизвестно, имели ли такие же знаки Ханьдаохэцзийский и Хайларский отряды. Но есть сведения, что пешковцы в 1945 г. носили на рукаве особую отличительную повязку (ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 37190. Л. 8).

362

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33492. Л. 71.

363

Там же. Д. 33580. Л. 10, 11.

364

ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Смирнов. Л. 6.

365

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 18472. Михайлов. Л. 20.

366

См. приложение.

367

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 28108. Гречкин. Л. 70.

368

Там же. Д. 37428. Л. 20.

369

См. приложение.

370

ГАПК. Ф. 1588. Оп. 1. Д. ПУ-6602. Т. 2. Л. 36.

371

Там же. Т. 3. Л. 257.

372

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 28108. Л. 70.

373

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 48428. Л. 35, 36.

374

Голос эмигранта. Харбин, 1945. 24 янв. С. 3.

375

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 36564. Приходько. Л. 8–11.

376

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33392. Павлов. Л. 10.

377

ГАПК. Ф. 1588. Оп. 1. Д. ПУ-4666. Т. 2. Л. 9, 32.

378

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33605. Л. 22.

379

Там же. Д. 34780. Л. 12 об; д. 18472. Л. 11.

380

ГААОСО. Ф Р-1. Оп. 2. Д. 35880. Чипизубов. Л. 52.

381

Там же. Д. 32721. Л. 18.

382

ГАПК. Ф. 1588. Оп. 1. Д. ПУ-6602. Т. 3. Л. 49.

383

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33703. Л. 12.

384

ГАПК. Ф. 1588. Оп. 1. Д. ПУ-6602. Т. 3. Л. 48–49.

385

ГАПК. Ф. 1588. Оп. 1. Д. ПУ-6602. Т. 3. Л. 48–49.

386

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 32721. Л. 15; д. 37190. Л. 12 об.

387

Там же. Д. 33391. Л. 42.

388

ГАПК. Д. ПУ-5094. Т. 1. Л. 18.

389

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д.35920. Евфорицкий. Л. 8, 9.

390

Там же. Д. 33200. Чупров. Л. 9–12, 49.

391

ГАПК. Д. ПУ-5094. Т. 3. Л. 14.

392

Там же. Т. 3. Л. 19; ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 38261. Л. 20 об.

393

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 40291. Богатырь. Л. 13.

394

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33252. Шабалин. Л. 12.

395

Козлов Ю. Г. «Черная кошка» из Благовещенска // Русская Атлантида. – 2007. № 26. С. 77.

396

Огневский А. Русский патриот Яков Смирнов // Ежедневные новости. – Владивосток, 2002. 20 дек.; *Петрушин А. А.* «Мы не знаем пощады...»: Известные, малоизвестные и неизвестные события из истории Тюменского края по материалам ВЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. – Тюмень, 1999. С. 102; Архив УФСБ РФ по Хабаровскому краю. Д. П-93433.

397

Воспоминания К. Г. Асриянца // Личный архив С. В. Смирнова.

398

Перминов В. В. Наказание без преступления… С. 62.

399

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 31517. Л. 84; д. 31876. Л. 47.

400

Там же. Д. 35753. Л. 45, 46.

401

Балакшин П. П. Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке: в 2 т. – М., 2013. Т. 2. С. 25.

402

Согласно воспоминаниям некоторых русских эмигрантов, полковник Н. Б. Коссов встретил свою старость и скончался в Австралии.

403

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33169. Л. 58.

404

Винокуров В. Указ. соч. С. 43.

405

ГАПК. Ф. 1588. Оп. 1. Д. ПУ-6602. Т. 3. Л. 49.

406

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33169. Хундадзе. Л. 59.

407

Там же. Д. 33572. Гальвин. Л. 19, 20.

408

Там же. Д. 35936. Л. 79 об.

409

Там же. Д. 33528. Л. 19 об.

410

Там же. Д. 33490. Л. 79.

411

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 28108. Л. 71.

412

Зайнитдинов Е. Станция Аньда // На сопках Маньчжурии. – Новосибирск, 1994. № 9. С. 2.

413

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д.33703. Л. 12 об; д. 34942. Л. 14.

414

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д.35920. Евфорицкий. Л. 9, 12.

415

ГАПК. Ф. 1588. Оп. 1. Д. ПУ-5094. Т. 1. Л. 55.

416

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33200. Чупров. Л. 12, 16, 43–46.

417

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 40291. Богатырь. Л. 13.

418

Там же. Л. 112.

419

Там же. Д. 39580. Гукаев. Л. 148.

420

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 36790. Иванов. Л. 12, 13, 18; ГАПК. Ф. 1588. Оп. 1. Д. ПУ-4666. Т. 1. Л. 35.

421

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 35091. Яшков. Л. 9 об.

422

Там же. Д. 36790. Иванов. Л. 13 об; ГАПК. Ф. 1588. Оп. 1. Д. ПУ-4666. Т. 2. Л. 184.

423

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 35091. Яшков. Л. 10.

424

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 35937. Гусев. Л. 106.

425

Козлов Ю. Г. Указ. соч. С. 77.

426

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 40291. Богатырь. Л. 16.

427

Там же. Д. 36016. Трофимов. Л. 14, 15.

428

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 39936. Ильинский. Л. 15, 33, 34; *Ильинский А. А.* Указ. соч. // Русская Атлантида. – 2009. № 32. С. 27–29.

429

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 35091. Яшков. Л. 10, 198.

430

Там же. Д. 33278. Л. 9 об.

431

Пыхалов П. А. Уголок среди сопок Хингана // Русская Атлантида. – 2006. № 21. С. 22.

432

Там же. С. 23.

433

Читатель «Первопоходника». Заметки к статье А. Ф. Долгополова «Трагедия Трехречья» // Вестник первопоходника. Летопись Белой борьбы. – 1976. № 33.

434

Аблажей Н. Н. С востока на восток. Российская эмиграция в Китае. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. Вкладка; Русские в Китае. – Екатеринбург, 1995. № 2. С. 4.

435

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 32506. Л. 20.

436

Там же. Д. 36930. Л. 54; д. 35625. Л. 55.

437

По одной из версий, полковник П. М. Портнягин принимал участие в боевых действиях против частей Красной армии в Маньчжурии, позднее был арестован СМЕРШем и расстрелян.

438

Белокрылов И. В. Трагедия отряда // Русские в Китае. – 1995. № 2. С. 5; *Перминов В. В.* Пешковский отряд... С. 21.

439

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 3242. Л. 14.

440

Белокрылов И. Указ. соч. С. 5; *Перминов В. В.* Пешковский отряд... С. 21–23.

441

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д.35937. Л. 106.

442

Сибиряков Н. С. Конец Забайкальского Казачьего Войска // Минувшее. Исторический альманах. – М., 1990. № 1. С. 227.

443

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33572. Л. 20; д. 33615. Л. 40.

444

Воспоминания К. Г. Асриянца // Личный архив С. В. Смирнова.

445

Казачья эмиграция в Маньчжурии 1920–1945 гг. Обзор источников и литературы [Электронный ресурс] // Предыстория – общенациональный историко-культурный сервер [сайт]. URL: http://www.predistoria.org/index.php?name=Forums&file=viewtopic&p=37084 (дата обращения 23.10.2009).

446

Подробнее см.: *Перминов В. В.* Наказание без преступления. – Чита, 2010.

447

В отношении деятельности Г. Х. Асерьянца в августе 1945 г. в Харбине сложилась легенда, неоднократно воспроизведенная позднее в воспоминаниях некоторых репатриантов и околонаучных публикациях, в которой говорилось, что Асерьянц ходил или ездил в автомобиле по улицам Харбина в погонах советского подполковника, указывая сотрудникам СМЕРШ на эмигрантов, которых необходимо арестовать. Впрочем, сам факт сотрудничества Асерьянца с советской контрразведкой и то, что он оставался на свободе до 1950 г., едва не стоили ему жизни в советском лагере со стороны его бывших сослуживцев по отряду Асано.

448

Архив УФСБ РФ по Хабаровскому краю. Д. П-97686; воспоминания К. Г. Асриянца // Личный архив С. В. Смирнова.